

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ
КИТАЯ.
ПАЛЕОЛИТ, НЕОЛИТ
И ЭПОХА МЕТАЛЛА

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Статьи сборника посвящены актуальным проблемам современной китайской археологии. Хронологически они охватывают период от эпохи палеолита до железного века. В статьях излагаются и детально анализируются наиболее значительные результаты археологического исследования каменной индустрии древнейших культур Китая, керамических комплексов эпохи неолита, материальной культуры периода Западного Чжоу и Хань. Обширный по объему фактический материал, впервые публикуемый на русском языке, знакомит читателя с целым рядом ключевых моментов древнейшей и древней истории Китая, даст возможность по-новому взглянуть на уже сложившиеся научные концепции и представления. Значительное число новых данных, вводимых в оборот отечественной науки, позволяет глубже и полнее исследовать проблемы исторического прошлого не только собственно Китая, но и сопредельных территорий центрально-азиатского региона.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ
КИТАЯ.
ПАЛЕОЛИТ, НЕОЛИТ
И ЭПОХА МЕТАЛЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
С И Б И Р С К О Е О Т Д Е Л Е Н И Е
К О М И С С И Я П О В О С Т О К О В Е Д Е Н И Ю
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И, Ф И Л О Л О Г И И И Ф И Л О С О Ф И И

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF HISTORY, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY

CHINA'S ANCIENT CULTURES.

THE STONE AND METAL AGES

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST OF ASIA

Ed. *V. E. Larichev*

NOVOSIBIRSK
PUBLISHING HOUSE „NAUKA“
SIBERIAN BRANCH
1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ. ПАЛЕОЛИТ, НЕОЛИТ И ЭПОХА МЕТАЛЛА

Ответственный редактор
д-р ист. наук В. Е. ЛАРИЧЕВ

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла.— Новосибирск: Наука, 1985.

В сборнике публикуются материалы исследований по археологии Восточной Азии, полученных главным образом в 70-е гг. В статьях рассматриваются результаты изучения нижнепалеолитических памятников Китая, неолита Восточного Китая, а также ряд памятников и находок, датированных эпохами Инь, Чжоу и Хань.

Книга рассчитана на историков культуры, востоковедов, археологов, этнографов.

Рецензенты: *П. М. Кожин, Ю. С. Худяков*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Расширение масштабов археологических исследований в Китае и объема вводимых в научный оборот материалов, полученных в ходе раскопок поселений, могильников, а также других памятников древности, стало в особенности заметным в начале 70-х гг. Специалисты по древним культурам востока Азии получили теперь возможность ознакомиться с результатами полевых экспедиционных работ китайских археологов и использовать их в соответствии с интересами в своих исследованиях. Способствовать в какой-то мере решению задачи введения в научный оборот на русском языке отдельных материалов по восточноазиатской археологии, изданных относительно недавно, призван очередной том трудов Комиссии по востоковедению СО АН СССР «История и культура востока Азии» — «Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла». Статьи сборника содержат сведения по культурам начиная с нижнего палеолита и кончая временем Западного Чжоу. По характеру публикации также отличаются друг от друга. В одних отражено стремление представить как можно детальнее фактический материал, полученный при раскопках памятников, относящихся к отдельным периодам значительной по временной протяженности культурно-исторической эпохи или к локальным подразделениям единой культурной общности (речь идет о материалах по палеолиту и неолиту). В других, посвященных на первый взгляд частным вопросам, анализируются и оцениваются отдельные находки и комплексы вещей, вызывающих особый интерес археологов вследствие важности их для раскрытия духовного мира древних или для выяснения происхождения, а также производственного назначения примечательных предметов материальной культуры. Такой отбор и включение в одно издание статей, обзорных по характеру, представляющих факты для последующего их использования в соответствующих исследованиях и детализирующих отдельные аспекты материальной и духовной культуры в мире первобытных, кажется оправданным и плодотворным.

Значительное по объему место в сборнике отведено описанию материалов по палеолиту Китая. После победы революции в стране уже в 50-е гг. сформировался основной костяк национальной школы палеолитоведения. Представителями ее под руководством археологов старшего поколения Пэй Вэньчжуна, Ян Чжунцзяня и Цзя Ланьпо, которые приобрели превосходный практический опыт

полевых исследований при сотрудничестве с такими известными специалистами, как И. Г. Андерсон, Д. Блэк, П. Тейяр де Шарден, Г. Барбур и Ф. Вейденрейх, сделан ряд замечательных открытий, позволивших во многом по-новому представить характер культур древнекаменного века Китая. К подобным особо значительным достижениям следует в первую очередь отнести результаты исследований Динцуня, где удалось обнаружить первые на территории Восточной Азии типологически чрезвычайно выразительные двусторонне обработанные рубила, а также успех в поисках и раскопках стойбищ архантропов, предшествующих по времени местонахождению № 1 Чжоукоудяня синантропа пекинского (ряд пунктов, расположенных в районе Ланьтянь и Кэхэ). Если материалы Динцуня вызвали сомнения в оправданности известной концепции Х. Мовиуса о двух обширных зонах нижнепалеолитических культур Старого Света — западной, прогрессивной, с рубилами и двусторонней техникой обработки изделий, и восточной, изолированной, «периферийной», отставшей в развитии, с примитивными инструментами типа чопперов и чоппингов, то исследования в Ланьтяне и Кэхэ со всей очевидностью показали, что заселение Восточной Азии ранними гоминидами началось много ранее появления синантропа в районе Чжоукоудяня — на этапе ранней поры среднего плейстоцена (палеомагнитные даты Ланьтяня: Ченьцзяво, где найдена челюсть ланьтяньского синантропа — 650 000 лет; Гунванлин, где обнаружены череп и зубы — 750—800 000 лет)¹. Палеоантропологические материалы из Ланьтяня, а позже и палеомагнитные даты окончательно подтвердили такую точку зрения. Не менее важно и то, что некоторые показатели прогрессивности, просматривающиеся в культуре динцунь, как выяснилось, проявляются уже в инструментарии Ланьтяня и Кэхэ, и, следовательно, их истоки необходимо искать на местной почве, а не прибегать к всеспасающим миграционным гипотезам.

В статье «Новые материалы по нижнему палеолиту Китая» представлены результаты исследований стоянок древнекаменного века, проведенных за последнее время и большей частью не известных по изданиям на русском языке. Ланьтянь продолжал привлекать особое внимание китайских археологов, геологов и палеонтологов как самый, пожалуй, яркий памятник ранней поры среднего плейстоцена. Здесь уточнялась стратиграфия от-

дельных пунктов, а также проводилось изучение как новых, так и собранных ранее коллекций каменных изделий, уточнялась классификация инструментария. В этой связи следует подчеркнуть, что теперь можно считать бесспорно установленным факт использования ланьтяньским синантропом техники двусторонней оббивки. В комплекс инструментов его входили классические по выразительности рубила. Наличие в инструментарии памятников начальной поры среднего плейстоцена бифасов позволяет иначе рассматривать проблему локальности нижнепалеолитических культур Евразии и Африки и соответственно ставить вопрос о корнях традиции двусторонней обработки в более поздних культурах востока Азии.

Исключительный интерес вызывают результаты последних исследований, проведенных в местонахождении № 1 Чжоукоудяня. Коллекция каменных изделий, обнаруженных в ходе раскопок, позволяет представить особенности каменной индустрии синантропа на поздних этапах эволюции его культуры. Становится бесспорным, в частности, факт освоения синантропом в период отложения верхних горизонтов пещеры новых технических приемов обработки камня. Отщепы с подтепанной ударной площадкой, подпрямоугольный двуплощадочный нуклеус с целенаправленно оформленными ударными площадками, тонкость ретуширования, типологическая определенность и серийность инструментария подтверждают оправданность такого вывода. Варьирование разной по стилю ретушью позволяло синантропу изготавливать многофункциональные инструменты, совмещающие разнохарактерные скребловидные лезвия и проколковидные острия. Высокая степень овладения отбивкой, а также, по всей видимости, и отжимной ретушью позволяла синантропу на финальных стадиях развития его культуры достигнуть значительной тонкости в оформлении проколковидных острий, в том числе на удивление миниатюрных резцов. Среди разновидностей ретуши особое впечатление производит зубчато-пильчатый вариант, придающий ярко выраженное своеобразие культуре верхней зоны Чжоукоудяня. Новые палеоантропологические материалы, открытые в верхних отложениях Чжоукоудяня, опровергают заключение Ф. Вейденрейха о неизменных морфологических особенностях синантропа. Они постепенно изменялись в ходе эволюции гоминида из Чжоукоудяня. Примечательные черты трансформации в культуре, которые нашли отражение в новых приемах обработки камня и в типологии инструментария, раскрывают тот же по характеру процесс. Ни о каком эволюционном тупике синантропа не может быть более речи. Под таким же углом зрения следует рассматривать его культуру, базовую для последующих этапов развития нижнего палеолита Китая. Новые открытия свидетельствуют о широком освоении синантропом территории Китая. Памятники, синхронные местонахождению № 1 Чжоукоудяня, обнаружены теперь как на севере, в пределах границ Дунбэя (Цзиньюшань, нижний горизонт), так и в средней зоне страны, в бассейне Янцзы (Шилунтоу, пров. Хубэй). Материалы, полученные при раскопках этих памятников, в полном объеме представлены в статье.

Как известно, о последующей судьбе культуры синантропа ранее можно было судить лишь на основании материалов местонахождения № 15 Чжоукоудяня, которое датировалось поздней порой среднего плейстоцена. Теперь с открытием и исследованием двух новых памятников того же времени, Гацзыдун в Дунбэе и Сюйцзяо на севере Шаньси², положение изменилось. В особенности важное значение приобрели результаты работ, проведенных в Сюйцзяо, где помимо большой коллекции каменных изделий удалось обнаружить костные остатки гоминида — современника обитателя местонахождения № 15 Чжоукоудяня. Китайские палеоантропологи, анализируя наиболее броские особенности черепной крышки, верхней челюсти и зубов человека из Сюйцзяо, пришли к выводу о смешанности архаических, сходных с синантропом, и более развитых, близких неандертальцам, черт. Все это позволило прийти к исключительно важному выводу о том, что человек из Сюйцзяо представляет собой сапиентную по характеру переходную от синантропа к неандертальцу форму, объединившую в себе некоторые примечательные особенности архантропа и палеантропа. Важно подчеркнуть и такую деталь: человек из Сюйцзяо датируется более ранним временем, чем гоминид из Динцуня, а между тем индустрия первого памятника представляется значительно более развитой, чем второго. Так возникла проблема разных путей эволюции нижнепалеолитических гоминид Китая — прогрессивной и «консервативной». Теперь значительно более перспективной представляется также разработка вопроса о локальных вариантах культур нижнего палеолита Китая.

Проблемы культур отдельных неолитических провинций Китая будут рассмотрены в подробностях в последующих выпусках «Истории и культуры востока Азии». Сейчас же по этой тематике публикуются две статьи. Чжан Яцин рассматривает некоторые результаты археологических исследований 1950—1970 гг. на территории Восточного Китая — своеобразной пограничной зоны между неолитическими культурами Центральной равнины и южных приморских провинций Китая. Изучение неолитических памятников этого района весьма важно для понимания неолита Китая в целом. Как выясняется, здесь за сравнительно короткий промежуток времени в ходе интенсивных раскопок удалось выявить несколько местных неолитических культур. Но пока, несмотря на относительное обилие собранных материалов, китайские археологи высказывают противоречивые, а в ряде случаев и взаимоисключающие взгляды на кардинальные по значимости проблемы генезиса этих культур и взаимосвязи их с культурой крашеной керамики бассейна Хуанхэ. В этой связи значительный интерес вызывает достаточно весомый, обоснованный тщательным анализом керамики поселений неолита бассейна Янцзы вывод Чжан Яцина о самобытности и автохтонности культур Восточного Китая, их тесной взаимосвязи друг с другом. Ему определены также элементы влияния на этот район на разных этапах развития местного неолита культур яншао и лунпань. Ясным становится и то, что многие важные вопросы эволюции неолита Восточного Китая, как и определение его

характера и особенностей, требуют более углубленных исследований и анализа.

Вторая в рамках исследований неолита Китая статья В. В. Евсюкова «Проблема семантики росписей керамики культуры яншао» посвящена рассмотрению ряда особо важных, актуальных, но пока не разработанных в современной археологии Восточной Азии вопросов. В настоящее время интерес к духовному миру древних, в особенности к мировоззрению людей каменного века, необычайно велик. Один из основных путей их постижения — тщательное изучение образцов древнего искусства, выявление заключенного в них сокровенного смысла. Применительно к неолиту это означает обращение к анализу семантики некоторых разновидностей орнаментов и росписей крашеной керамики — основному в данном случае источнику для реконструкции духовной культуры новокаменного века. Исследователи много сделали в этой чрезвычайно сложной области научного творчества, требующего не только обширных познаний, но и достаточно развитого воображения, творческой фантазии. Ими в ходе тончайшей работы по реконструкциям накоплен большой и многообразный опыт. Тем не менее число проблем, ожидающих решения, все еще остается значительным. В. В. Евсюков предпринял попытку выявить наиболее важные из них и предложить возможные пути их изучения.

Сейчас нет недостатка в слишком общих, а потому поверхностных интерпретациях, мало что дающих для познания смысла образов древнего искусства. Но такого рода попытки проникновения в духовный мир древних основываются на неглубоком понимании основных категорий духовной культуры эпохи первобытности, на слишком произвольном обращении с образами древнего искусства. Вместе с тем нельзя принять и пессимистическую в своей основе концепцию А. Леруа-Гурана о невозможности истолкования первобытного искусства с помощью мифологии и этнографии. Такая точка зрения основана на странной недооценке значений той и другой науки. Более того, она исходит из бесспорно ошибочного тезиса о том, что смысл древних изображений можно познать лишь при анализе структуры самого образа или композиции. Такой подход трудно охарактеризовать иначе, как позитивистский и метафизический. В своей статье В. В. Евсюков проводит мысль о необходимости тщательного анализа не только самого изображения, но и мифологического, а также иного материала, с помощью которого истолковывается древний сюжет. Такое направление в исследовании, в свою очередь, порождает вопрос, каким образом осуществлять подобный анализ? В. В. Евсюков выбирает те аспекты мифологии, которые непосредственно связаны с проблемами интерпретации образов и сюжетов. Здесь важным представляется то обстоятельство, что древние мифы строятся по строгому канону, который должен также находить отражение в соответствующих рисунках. Выявив суть мифа, его наиболее важные и характерные черты, можно с достаточной степенью точности объяснить содержание изображения. Другая проблема состоит в том, какие мифы следует привлекать для интерпретации? Как показывает практика, недостаточно

ориентироваться на одно только внешнее сходство сюжета изобразительного творчества древних с определенным преданием. Предварительно следует показать, почему именно конкретный миф избран для истолкования. С тем же аспектом исследования тесно связан вопрос, насколько правомерно обращение к аналогиям и как широко можно их использовать? По мнению В. В. Евсюкова, критерием при отборе интерпретируемого материала должна служить не столько его этническая принадлежность, сколько внутреннее содержание. Типология мифов и фольклора предполагает существование сходных мифов и воззрений у разных народов, что объясняется близостью исторических и социально-экономических условий, которые их породили. Едва ли правомерно желание соотносить интерпретируемый сюжет древнего художественного творчества с конкретными мифологическими текстами. Такого рода сопоставления должны осуществляться в рамках не одного только мифа или некоторого числа его вариантов, но в пределах цикла или типа мифов. В. В. Евсюков справедливо призывает соблюдать известную осторожность при оценке конкретных сюжетов как непременно заимствованных. Действительно, чисто внешнее сходство может оказаться обманчивым. Теоретические построения приобретают доказательную силу лишь в том случае, когда они опираются на результаты конкретного исследования. Для подтверждения своих главных исходных положений как целенаправленных приемов в исследовании В. В. Евсюков избрал, пожалуй, один из самых интересных, но в то же время сложных для понимания и истолкования сюжетов росписи керамики яншао, относящейся к финальной стадии китайского неолита — этапам баньшань и мачан. Изучением семантики избранной для анализа композиции, связанной, как выясняется, с многоликими поистине величественными образами «первопредка», занимались как зарубежные, так и советские исследователи. Китайские археологи также уделяли внимание таким росписям, хотя следует отметить, что интерес их к семантике неолитических узоров нельзя назвать значительным. Они ведут работу в традиционном для археологов ключе, анализируя типологию орнамента, его формальную трансформацию и прослеживая преемственность разновидностей росписей при переходе от одной культуры к другой. В тех случаях, когда китайские исследователи все же предпринимают попытки объяснить внутреннее содержание орнамента, они нередко допускают досадные промахи, а также ошибки теоретического плана, впадая в вульгарное социологизирование. Не приходится поэтому удивляться, что до сих пор едва ли не лучшим исследованием в этой области остается известная статья Ши Синбана, написанная еще в 60-е гг.³

Своеобразная «препарация» интерпретирующих росписи неолита мифов, произведенная В. В. Евсюковым, показывает, что за ними стоят сложные сдвиги в социальных структурах древних обществ. В известной степени итоговые выводы проведенного исследования могут быть спроецированы на баньшаньско-мачанский сюжет. Сложность отраженных в избранном для анализа мотиве росписи мифологических представлений заставили автора

привлечь в ходе поиска ключа к интерпретации большое число древнекитайских мифов, а также аналогий из иных культурных традиций. Использование богатого мифологического материала сделало статью еще интереснее. В целом проведенное В. В. Евсюковым исследование можно охарактеризовать как нетрадиционное, по существу направленное на поиски новых путей и возможностей интерпретации неолитических росписей. Возможно, ряд высказанных им положений может показаться спорным. Как бы то ни было, учитывая актуальность проблемы разработки достижений древних в области духовной культуры, продолжение поисков в намеченном направлении представляется желательным и, что особенно важно, оправданным — по ожидаемым положительным результатам.

Статья С. А. Комиссарова «Археология Западного Чжоу — 1027—770 гг. до н. э.» относится к разновидностям, быть может, не всегда эффективных, но безусловно полезных и необходимых работ. В ней представлен обзор основных археологических материалов по археологии Западного Чжоу, опубликованных в периодике, а также в тематических сборниках КНР в 70-е гг. Это десятилетие для китайских исследователей было отмечено особыми успехами. Самыми сенсационными стали результаты раскопок храмового комплекса в Фэнчунь, а в пределах его территории — открытие ямы с 17 тыс. гадательных панцирей и костей, на 190 которых удалось обнаружить надписи. Такая находка исключительно важна для изучения Западного Чжоу в интереснейший период истории, когда происходило его становление. Вообще, наличие письменности открывает для археолога счастливую возможность для довольно детальных построений и сопоставлений с целью более точных датировок и извлечения порой уникальной информации о культурной и социальной жизни чжоуского общества. Так, выясняется, что на целом ряде бронзовых сосудов («Цювэй-дин» (А и Б), «Цювэй-хэ», «Юн-юй», большой *дин* из Янцзяцунь) сохранились довольно пространственные надписи, касающиеся ключевых проблем экономики и социального строя, в частности вопросов землевладения и землепользования, а надпись на бронзовом сосуде «Чжэнь-и» позволяет даже заглянуть в ведение судопроизводства в Западном Чжоу.

Помимо этих особо ярких находок за период 70-х гг. китайские археологи опубликовали обширный массовый материал, полученный при раскопках западночжоуских погребений, кладов и отчасти поселений. Даже частичное и выборочное воспроизведение фактов в статье С. А. Комиссарова представляется весьма важным. Особый интерес вызывают находки в районах Северного и Северо-Восточного Китая, поскольку многие из них имеют самые прямые аналогии в археологических материалах Монголии, Забайкалья, Минусинской котловины и более западных областей. Последнее обстоятельство не только позволяет точнее датировать вещи, найденные на территории Центральной и Северной Азии, по восточноазиатской хронологической шкале, но и открывает возможность к выяснению тесных связей между народами, которые населяли в древности все это обширное пространство. В «контактных зонах», охваты-

вающих территории Внутренней Монголии, северной Шаньси, Ляонина и Хэбэя, различные культуры сталкивались и взаимодействовали друг с другом, в результате чего возникали новые, «смешанные» по характеру культурные общности.

Беспристрастный разбор С. А. Комиссаровым значительного массива соответствующих археологических фактов позволяет утверждать, что в чжоуское время китайская культура представляла собой своеобразную «открытую систему». Она не только выступала в роли «культурного донора», но и активно усваивала различные элементы, привнесенные извне.

Ценным источником для изучения типов и разновидностей военного снаряжения и одежды древних китайцев является погребальная пластика. С этой точки зрения интерес представляет статья С. Т. Кожанова, посвященная описанию ханьских глиняных фигурок воинов и всадников в Янцзявань. В ходе раскопок здесь были обнаружены фигурки 580 всадников и свыше 2000 пеших воинов, а также несколько моделей повозок, изображенных с поразительной тщательностью и детальностью. Одежда, прически и вооружение позволяют с большой точностью восстановить конструкцию боевых доспехов, покрой костюмов и вид головных уборов ханьских воинов. Привлекает внимание то обстоятельство, что поверхность фигурок раскрашивалась в различные цвета. В связи с этим представляется примечательным упоминание в письменных источниках так называемых *сянь цзя* (черные доспехи), которые изготавливались из железных пластин и имели почти черный цвет, в отличие от золотистых, отсвечивающих на солнце бронзовых доспехов. Очевидно, раскрашивая поверхность фигурок подобным образом, художники пытались передать цвет подлинного материала. По мнению С. Т. Кожанова, ханьское время примечательно значительным прогрессом в области железного производства, что объясняется политической государством, которое объявило добычу и выплавку железа своей монополией. Широкое распространение доспехов из железных пластин объясняется тем, что они по своим защитным свойствам превосходили бронзовые и потому ценились значительно выше.

Основываясь на материалах из Янцзявань, С. Т. Кожанов выделил три группы панцирей — пластинчатые, чешуйчатые и комбинированные. В зависимости от типа доспеха различаются и виды пластин, из которых они составлялись. Он обратил внимание и на то, что в Янцзявань не найдены изображения шлемов. Головные уборы фигурок из Янцзявань явно не выполняли защитной функции. Интересны приведенные С. Т. Кожановым сведения об особенностях комплекса Янцзявань. Фигурки располагались в 11 ямах. Вполне возможно, что принцип размещения конных подразделений и отрядов пехотинцев отражал реальные, использовавшиеся в военных действиях боевые порядки ханьского времени. Пешие находились отдельно от всадников. Обращает на себя внимание весьма значительное количество конных воинов, что свидетельствует о существенных переменах в структуре китайской армии в эпоху Хань. Под влиянием кочевых племен лесостепной зоны Евразии китайцы, постепенно отказавшись от

использования в качестве основной ударной силы колесничных подразделений, сделали опору на более подвижные и маневренные кавалерийские отряды. Недаром в сочинении одного из крупнейших военных стратегов древнего Китая У-цзы «Об искусстве ведения войны» по этому случаю говорится: «Боевая колесница служит для прикрытия обороны лагеря... Если посмотреть на нее со стороны, то она некрасива, если выехать в ней в поле, то езда на ней трудна»⁴. Утратив свое ведущее положение, колесные экипажи однако еще достаточно длительное время продолжали использоваться при ведении боевых действий. Находки моделей колесниц в Янцзявань подтверждают такое

заклучение. О возросшем значении конницы свидетельствуют многочисленные письменные источники. Конные формирования позволяли не только эффективно противостоять стремительным набегам кочевников, но и вести при благоприятно сложившихся обстоятельствах активную завоевательную политику.

В заключение следует выразить надежду, что материалы, опубликованные в сборнике, посвященном разным сюжетам по археологии Китая, окажутся полезными для исследователей древних культур не только востока, но также центра и севера Азии.

В. Ларичев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларичев В. Е. Открытие рубил на территории Восточной Азии и проблема локальных культур нижнего палеолита.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977; Он же. Нижнепалеолитические памятники Китая, датированные палеомагнитным методом.— Изв. СО АН СССР, 1982, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2.

² Краткий обзор итогов работ в Сюйцзяю см.: Лари-

чев В. Е. Новые археологические и палеоантропологические материалы поздней поры среднего плейстоцена Китая.— Изв. СО АН СССР, 1983, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2.

³ Ши Синбан. Некоторые вопросы, касающиеся культуры мацзяю.— КГ, 1962, № 6 (на кит. яз.).

⁴ У-цзы. Об искусстве ведения войны/Пер. и примеч. подполковника Е. И. Сидоренко. М., 1957, с. 11.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НИЖНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ КИТАЯ

Со времени открытия первых палеолитических памятников Китая в 20-е гг. культуры древнекаменного века Восточной Азии неизменно привлекали самое пристальное внимание не только исследователей региональной истории, которые занимались выявлением глубинных истоков древнекитайской цивилизации, но также специалистов по общим культурно-историческим проблемам. Восточноазиатский нижний палеолит позволил специалистам при использовании в анализе как достаточно обширного археологического материала, в первую очередь каменного инвентаря, так и уникальной коллекции палеоантропологических находок в Чжоукоудяне внести важные коррективы в представления о конкретном ходе процесса гоминизации, о границах зоны становления древнейших людей и возможных маршрутах их расселения в пределах Евразии, о локальных культурах среднего и начальных стадий верхнего плейстоцена¹. Изучение нижнепалеолитических памятников Китая, открытых в ходе полевых работ в 50—60-е гг., привело к изменению сложившихся ранее взглядов на характер древнейших культур Восточной Азии. В частности, раскопки в Ланьтяне и Кэхэ позволили окончательно подтвердить факт освоения севера Китая предшественником синантропа — ланьтяньским гоминидом ранней стадии среднего плейстоцена², а исследования в районе Динцуня в особенности наглядно продемонстрировали перспективность разработок, направленных на выявление локальных черт в культурах нижнего палеолита востока Азии³.

С 1972 г. китайские археологи и палеоантропологи опубликовали ряд статей, в которых содержатся описания новых материалов по нижнему палеолиту. Они вносят примечательные, а порой принципиальные по значимости коррективы в характеристику культуры известных ранее или открытых относительно недавно памятников, среди которых в первую очередь заслуживают внимания Ланьтянь и местонахождение № 1 Чжоукоудяня. Издано также несколько предварительных сообщений о неизвестных прежде стоянках, в том числе из районов, где до последнего времени нижний палеолит не был известен, что, естественно, вызывает по отношению к ним особо пристальный интерес. Назрела поэтому настоятельная необходимость ввести в оборот на русском языке отдельные сведения о наиболее примечательных результатах исследований китайскими археологами ниж-

непалеолитических памятников. Из обзора исключены материалы о нижнеплейстоценовых палеолитических местонахождениях, анализу которых посвящена специальная статья⁴.

Средний плейстоцен. Ранняя стадия. Среди очень многочисленных памятников, представляющих один из древнейших отделов нижнего палеолита Китая, помимо местонахождений № 13 Чжоукоудяня и Кэхэ, наибольшей известностью пользуется Ланьтянь, где были обнаружены костные остатки архантропа, более древнего, чем синантроп пекинский⁵. Особое внимание к этому памятнику объясняется также характером каменной индустрии: среди изделий оказались инструменты типа рубил, в технике обработки камня достаточно отчетливо прослеживалась тенденция к двусторонней оббивке заготовок, что, как и отдельные орудия Кэхэ, разрушало впечатление об уникальности, а следовательно, и подозрение в случайности применения техники двусторонней обработки знаменитого кливера из местонахождения № 13 Чжоукоудяня. Публикация в 1973 г. результатов раскопок, проведенных в районе Ланьтянь в марте — июне 1966 г. экспедицией Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии АН КНР, позволяет детализировать отдельные вопросы, связанные со стратиграфией памятника и особенностями каменной индустрии⁶.

Исследования на одном из участков западного склона горы Гунванлинь, расположенного восточнее места, где в 1965 г. были обнаружены остатки ланьтяньского синантропа, вели Дай Эрцзянь, Сюй Чуньхуа, Цзяо Ци и Чжао Цзюй. Заложенный раскоп представлял собою разбитую на квадраты площадку, протянувшуюся с юга на север на 62 м и с востока на запад на 17 м. Разборка отложений велась строго послойно с точной фиксацией места находок и уровня залегания фаунистических остатков и камней со следами обработки. Четко выраженного слоя с культурными комплексами или жилыми площадками выявить не удалось. Каменные изделия встречались чрезвычайно редко, всего по несколько в отдельных слоях порошкообразной песчанистой глины, без каких-либо обрабатывающих на себя внимание концентраций. Кости животных обычно находили тоже поодиночке в местах объемистых известковистых стяжений. Угольки, очевидно перенесенные при смыве временными потоками, фиксировались не в скоплениях, а разрозненно. По мнению Дай Эрцзяня и

Сюй Чуньхуа, раскоп захватил, вероятно, периферийную часть стойбища, где не велась первичная обработка камня.

Отложения в районе работ образовывали пласты порошкообразной песчанистой глины, в которых залежали культурные остатки, а также глинистые или песчанистые красноцветные горизонты. Разрез датируется рапней стадией среднего плейстоцена. Красноцветный глинистый лёсс средней поры среднего плейстоцена здесь отсутствовал. Стратиграфическая колонка раскопа характеризуется следующей последовательностью расположения слоев по направлению сверху вниз: 1 — разный по толщине горизонт порошкообразной, песчанистой по структуре глины; 2 — плотный красноватого и светло-коричневого цвета суглинок, перекрытый в верхней части железисто-марганцевой прослойкой черно-коричневого цвета, толщина 0,3—0,5 м; 3 — тонкопесчанистая, пористая по структуре глина буро-желтого цвета, толщина 0,5—0,6 м; 4 — плотный, менее пористый, чем вышележащий, слой суглинка красноватого и светло-коричневого цвета, перекрыт прослойкой буро-черного цвета, в слое обнаружены обработанные камни, толщина 0,4 м; 5 — тонкая песчанистая глина буровато-желтого цвета, найдены обработанные камни, толщина 0,4—0,5 м; 6 — коричневатого-красный суглинок, толщина 0,4 м; 7 — буро-желтая тонкоструктурная, песчанистая по составу глина, найдены каменные орудия, толщина 0,3—0,6 м; 8 — коричневатого-красный суглинок, толщина 0,3—0,6 м; 9 — тонкоструктурная песчанистая глина, найдены каменные изделия, толщина 0,6—1,6 м; 10 — плотный коричневатого-красный и темно-красный суглинок с кальцитовыми стяжениями, расположенными вертикально, толщина 0,2—0,5 м; 11 — порошкообразная песчанистая по структуре глина буро-желтого цвета с кальцитовыми стяжениями, найдены каменные орудия, толщина 0,6—1,2 м; 12 — пористый, с редкими кальцитовыми стяжениями суглинок темно-красного и буро-желтого цвета, толщина 0,2—0,6 м; 13 — порошкообразная пористая, песчанистая по структуре глина красновато-желтого цвета, цилиндрической формы кальцитовые стяжения достигают длины 0,5 м, найдены каменные орудия, а в основании слоя — обломки костей, толщина 1,4—2 м; 14 — плотный и твердый с кальцитовыми стяжениями линзовидной или цилиндрической формы суглинок темно-красного и коричневатого-красного цвета, найдены обломки костей, толщина 0,5—1,3 м; 15 — слабо пористая порошкообразная песчанистая по структуре коричневатого-желтая глина с кальцитовыми стяжениями линзовидной формы, найдены каменные орудия и зуб быка, толщина 1,7—2 м, в нижней части этого слоя прослежен топкий горизонт черного порошкообразного вещества, переслаивающегося с коричневатого-желтой глиной; пятна этого вещества занимали площадки размером от 55 × 35 × 25 см до 10 × 10 × 5 см. Анализ черного вещества в лаборатории показал, что оно представляет собой мелкие частицы древесного угля. Отдельные угольки имели сравнительно большой размер и могли быть различимы невооруженным глазом. Китайские археологи считают, что углистые прослойки можно принять за свидетельство знакомства лаптянского синантропа с огнем;

16 — суглинок темно-красного и коричневатого-красного цвета с редко встречающимися кальцитовыми стяжениями, толщина 0,4—0,9 м; 17 — порошкообразная песчанистая по структуре с кальцитовыми стяжениями глина коричневатого-желтого и буро-желтого цвета, найдены каменные орудия, толщина 0,2—0,7 м; 18 — порошкообразная песчанистая по структуре глина желтого цвета, обильно насыщенная кальцитовыми стяжениями (волнообразными слоистыми толщиной от 0,2 до 1,2 м или комковатыми, залегающими ниже). Этот слой располагается на уровне открытия костных остатков лаптянского синантропа. Кости животных хорошей сохранности хаотично залежали на уровне комковатых стяжений. На нижнем и среднем уровнях песчанистой глины обнаружено множество остатков грызунов, толщина слоя 1,6—2,5 м; 19 — суглинок темно-красного цвета.

Среди коллекций обработанных камней разных местонахождений Лаптяня особый интерес вызывают изделия, обнаруженные при раскопках западного пункта Гунванлиня, где в одном горизонте залежали изделия и костные остатки лаптянского синантропа. В качестве сырья здесь использовался главным образом кварцит и, в единичных случаях, жильный кварц и кварцевый песчаник. Наибольшую типологическую группу изделий составляют нуклеусы (7 экз.), затем следуют отщепы без следов обработки и использования (4 экз.), отщеп со следами использования (1 экз.) и скребло с прямым лезвием (1 экз.). Всего обнаружено 13 изделий. Все нуклеусы, за исключением одного, из кварцитового мелкозернистого песчаника, изготовлены из кварцита; скребло и отщепы, кроме одного, — тоже из кварцита.

Китайские археологи при описании нуклеусов подразделили их на пять типологических групп. Что объединяет их, так это сравнительно крупные размеры. К первому типу нуклеусов отнесены два образца (рис. 1, 1, 2). Они изготовлены из уплощенных с двух сторон, не очень массивных галек, от которых по краям вертикально направленными ударами отделялись отщепы и пластинчатые сколы. Ударная площадка дополнительной подправке не подвергалась. Судя по негативам сколов, удар по краю гальки наносился сильный. Сколы имели «полуконическую форму». С первого нуклеуса сняли всего два отщепа (угол расщепления 66°), а с другого — три (угол расщепления 63, 70 и 75°). Вторым типом нуклеуса тоже представлен двумя образцами — одним крупным, а другим меньшего размера (рис. 1, 3, 4). Для поверхности скалывания выбиралась относительно ровная грань, и по краю ее серией вертикально направленных ударов снимались отщепы и пластинчатые сколы. У первого нуклеуса, размер которого составлял 2,5 см, отщепы отделялись на двух гранях — длинной и короткой. Часть сколов была, судя по негативам, сравнительно правильной по очертаниям. Один отщеп имел подтреугольное очертание. Подтеска ударной площадки не производилась. Угол раскалывания 69, 80 и 90°. У меньшего нуклеуса отщепы отделялись только с одного края, причем негативы более поздних сколов перекрывали ранние. Отсюда следует, что нуклеус этот использовался более интенсивно, чем другие. Угол раскалывания 87 и 99°. Нуклеусы третьего — пятого типов пред-

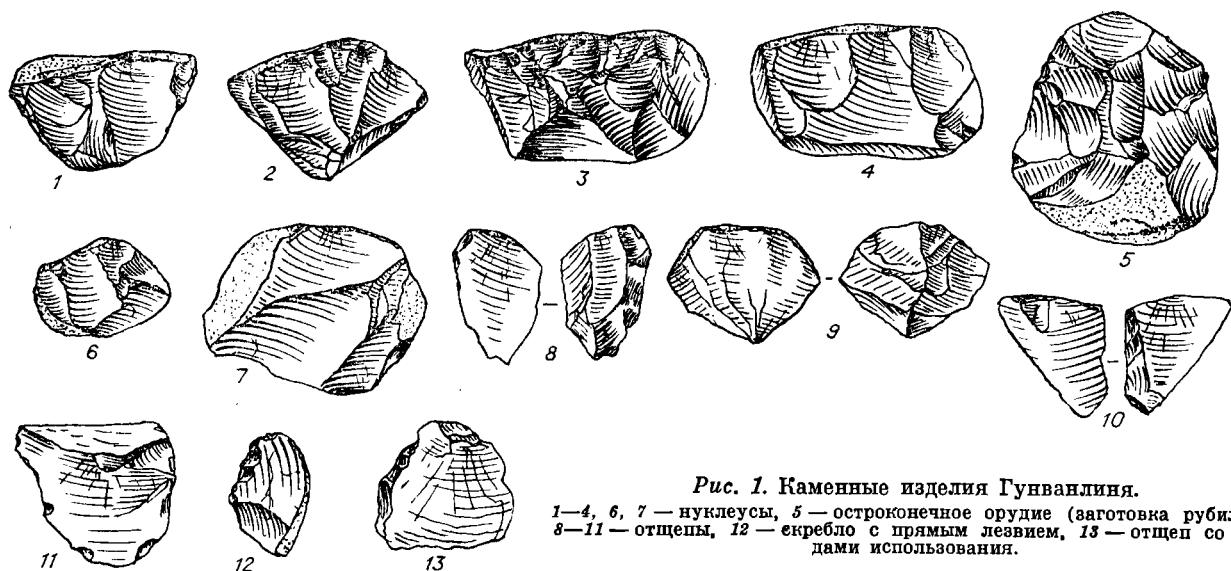

Рис. 1. Каменные изделия Гунванлиня.

1—4, 6, 7 — нуклеусы, 5 — остроконечное орудие (заготовка рубила?), 8—11 — отщепы, 12 — скребло с прямым лезвием, 13 — отщеп со следами использования.

ставлены единичными образцами. Нуклеус третьего типа был изготовлен из плоской гальки. В некоторых местах отмечается перекрытие одних негативов другими. Угол расщепления 80, 83 и 84°. Нуклеус четвертого типа изготовлен из плоской удлиненной гальки (рис. 1, 6). Отщепы скалывались на конце ее. В качестве ударных площадок использовались плоская сторона и боковая грань, причем скалывание велось в разных направлениях под прямым углом. Отщепы, сколотые с боковой грани, не отличались правильностью очертаний. Угол расщепления 74, 78, 83°. Нуклеус пятого типа изготовлен из многогранной гальки (рис. 1, 7). Скалывание отщепов велось с двух концов гальки вдоль короткой оси в противоположном направлении («встречные удары»). Угол расщепления 87°.

Среди четырех кварцитовых отщепов, лишенных обработки и следов использования, без подправленных ударных площадок (они сохраняют галечную корку нуклеуса) в особенности примечателен тонкий треугольный скол (рис. 1, 8). На спинке его располагаются фасетки, в том числе одна продольная, форма которых послужила китайским археологам основанием для предположения о предварительной преднамеренной подработке нуклеуса с целью получения на определенном этапе скалывания нужной формы отщепа. Угол раскалывания составляет 90°. Два других отщепа характерны тем, что на их спинках располагаются негативы снятых ранее с нуклеусов отщепов (рис. 1, 9, 10). Угол раскалывания одного из них 113°. Еще больший угол раскалывания у последней пластины — короткой, массивной и очень широкой у проксимального конца — 115° (рис. 1, 11). Отщеп со следами использования — трапецевидный по форме (рис. 1, 13). У него, напротив, узкий проксимальный конец, а дистальный — широкий. Вдоль кромки последнего видны выщерблины, которые, по мнению Дай Эрцзяня и Сюй Чуньхуа, представляют собой результат использования отщепа в работе. Им, возможно, производили операции типа скобления. Единственный инструмент в коллекции — скребло с прямым лезвием — изготовлено из небольшого массивного отщепа жильного кварца (рис. 1, 12). Рабочий край подправлен фасетками ретуши. Противоположный лезвию край округлый, более массивный, сохранивший галечную корку.

В 1966 г. в ходе обследования окрестностей Гунванлиня было обнаружено еще пять отдельных местонахождений, в которых обработанные камни залежали в горизонтах красноватых глинистых отложений, по времени соответствующих слою с костными остатками ланьтяньского синантропа. Первый пункт — Фаньцзякоу — открыт севернее р. Бэйбахэ. Здесь обнаружено два изделия — нуклеус и инструмент, а возможно заготовка орудия типа крупного остроконечника. Нуклеус оказался обычного для Гунванлиня типа (рис. 2, 2). Он изготовлен из довольно крупной и округлой гальки. Более плоская грань ее использовалась в качестве ударной площадки. Отщепы скалывались вертикально направленными ударами. Негативы сколов прослеживаются почти на всех узких гранях гальки. Судя по отчетливым кавернам у краев фасеток, примыкающих к площадке, ударные бугорки у отщепов должны были выделяться достаточно ясно. Угол расщепления 77, 90 и 93°. Значительный интерес вызывает инструмент, изготовленный из подтреугольной по очертаниям кварцовой гальки (рис. 2, 1). Сколы на ее поверхности располагаются с одной стороны. Поскольку они четко различаются по характеру, то можно выделить две стадии оформления изделия. Сначала были сделаны обширные грубые сколы, фасетки которых заняли большую часть одной из широких плоскостей гальки. Галечная корка сохранилась лишь на небольшом участке. Затем прямой (правый) край гальки был обработан дополнительно, в результате чего оказалось оформленным скребловидное по характеру лезвие. Поэтому это изделие можно воспринимать как галечное скребло с прямым боковым лезвием. Однако Дай Эрцзянь и Сюй Чуньхуа обратили внимание на то обстоятельство, что в ходе предварительной обработки инструмента, из-за трещины в гальке, на противоположном лезвию крае произошел слом. По их мнению, это нарушило планы мастера, который, возможно, намеревался левый край гальки подработать затем столь же тщательно, как и правый. Если бы так и произошло, то изделие превратилось бы в массивный и тяжелый остроконечник, близкий по типу односторонним остроконечникам Динцуня. Во всяком случае предварительная оббивка и последующая подправка напоминают динцунь-

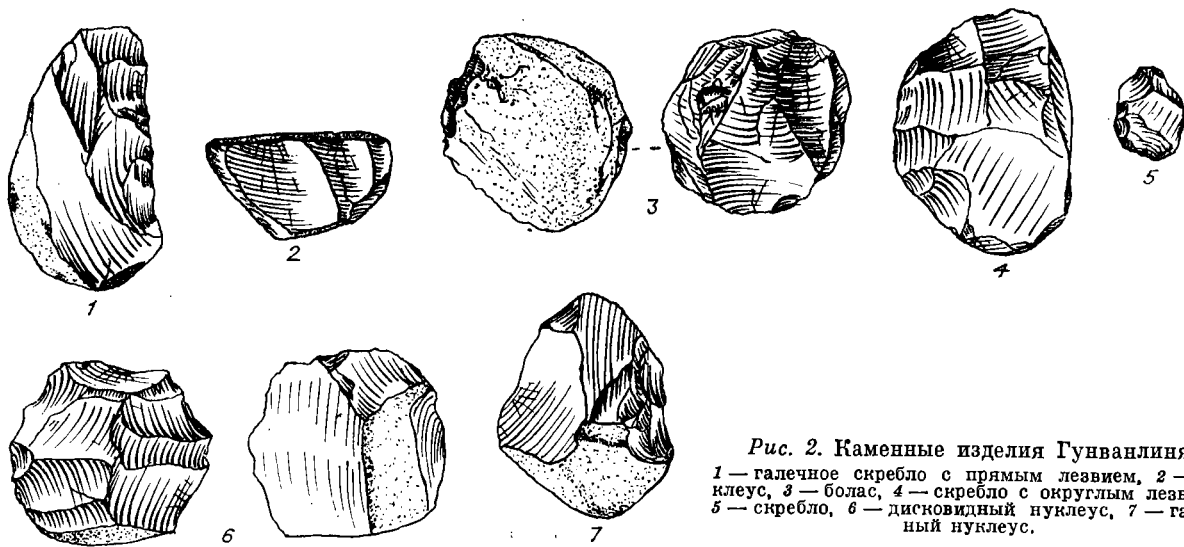

Рис. 2. Каменные изделия Гунванлиня.

1 — галечное скребло с прямым лезвием, 2 — нуклеус, 3 — болас, 4 — скребло с округлым лезвием, 5 — скребло, 6 — дисковидный нуклеус, 7 — галечный нуклеус.

ский стиль изготовления остроконечных орудий. Дай Эрцзянь и Сюй Чуньхуа указали также, что сходные по типу остроконечники находили и ранее — в 1963 г. в местонахождении Лаочихэкоу, а в 1965 г. в районе Пинлинь вблизи от Гунванлиня. Эти остроконечные орудия тоже залегали в красноватой глине. Их датировали ранней стадией среднего плейстоцена. Изделие из Фаньцзякоу позволяет представить последовательный ход изготовления крупных галечных инструментов — скребел и остроконечных орудий.

Местонахождение Чоушуйхэкоу тоже располагается к северу от р. Бэйбахэ. Здесь обнаружено изготовленное из кварцевой гальки «сфероидное» по форме изделие типа боласа (рис. 2, 3). Вес его 490 г. Качество сырья плохое: на поверхности, сохранившей нетронутой галечную корку, видны многочисленные трещины. Большая часть поверхности гальки покрыта многочисленными сколами, которые напосились с разных сторон. Фасетки мелкие, и поэтому снятые с гальки отщепы вряд ли использовались для изготовления орудий. Угол отщепления велик, такая манера обработки связана, очевидно, со стремлением оформить сферическую поверхность. Боласы подобного типа обнаружены в ходе работ в районе Динцуня.

Третье местонахождение — Хуцзяцуньсику, — располагается к западу от Гунванлиня и к северу от р. Бэйбахэ. Два изделия, обнаруженные здесь, залегали в красноватом лёссе ранней поры среднего плейстоцена. Обе находки оказались покрытыми пятнами желтовато-красной кальцитовый корки. Цвет и состав ее близки кальцитовым стяжениям из красноватой глины среднего плейстоцена окрестностей Гунванлиня. Первый инструмент, представляющий собой или боковое скребло с округлым лезвием, или, как это изделие предпочитают определять китайские археологи, рубящее орудие, изготовлен из сравнительно крупного полуовальной формы обломка кварцита (рис. 2, 4). Крупные сколы покрывают обломок с одной стороны. Более массивный почти прямой край обработан частично и небрежно, а тонкий подправлен так, что он представляется круто округлым скребловидным лезвием. Типологически инструмент весьма выразителен и определен. Второе изде-

лие, значительно меньшее по размеру, описано китайскими археологами как скребло (рис. 2, 5). Инструмент изготовлен из массивного отщепа жильного кварца. Верхний конец его короткий, приостренный. Вдоль края произведен косой, близкий резцовому типу скол, оформивший «острое, короткое лезвие». Нижний конец прямой, более широкий, приостренный одним ударом. Как скребло это изделие не отличается четкой выразительностью.

К северозападу от Гунванлиня на западном берегу Бэйваньцзинькоу открыто четвертое местонахождение. Здесь обнаружено всего одно изделие. Однако пункт заслуживает большого внимания, поскольку паходка оказалась весьма типологически выразительной, залегала она в горизонте красноватой глины, стратиграфически располагающемся ниже пласта с костными остатками ланьтяньского синантропа. Изделие из кварцита, высокого качества, представляет собой классический по типу дисковидный нуклеус (рис. 2, 6). На тыльной стороне нуклеуса частично сохранилась галечная корка, а остальные участки покрыты сколами, плоскости которых использовались как ударные площадки. Рабочая поверхность нуклеуса выпуклая, покрытая фасетками радиально направленных сколов. Угол скалывания всего 66° . Дай Эрцзянь и Сюй Чуньхуа особо подчеркнули, что в районе Гунванлиня не найдено более ни одного нуклеуса с таким небольшим углом отделения отщепов. Края нуклеуса вследствие этого оказались очень острыми. Учитывая, что в трех местах прослеживаются небольшие сколы, которые оцениваются как следы ретуширования, китайские археологи высказали предположение об использовании нуклеуса в качестве рубящего инструмента. Поэтому они называют его «многосторонним рубящим орудием».

Значительно менее выразительный нуклеус, изготовленный из подтреугольной кварцевой гальки, обнаружен на пятом местонахождении — в Теванькоу на северном берегу р. Бэйбахэ (рис. 2, 7). Изделие это найдено не в слое, но поскольку на его поверхности сохранилась желтовато-красная кальцитовая корочка, можно не сомневаться, что оно располагалось первоначально в слое краснова-

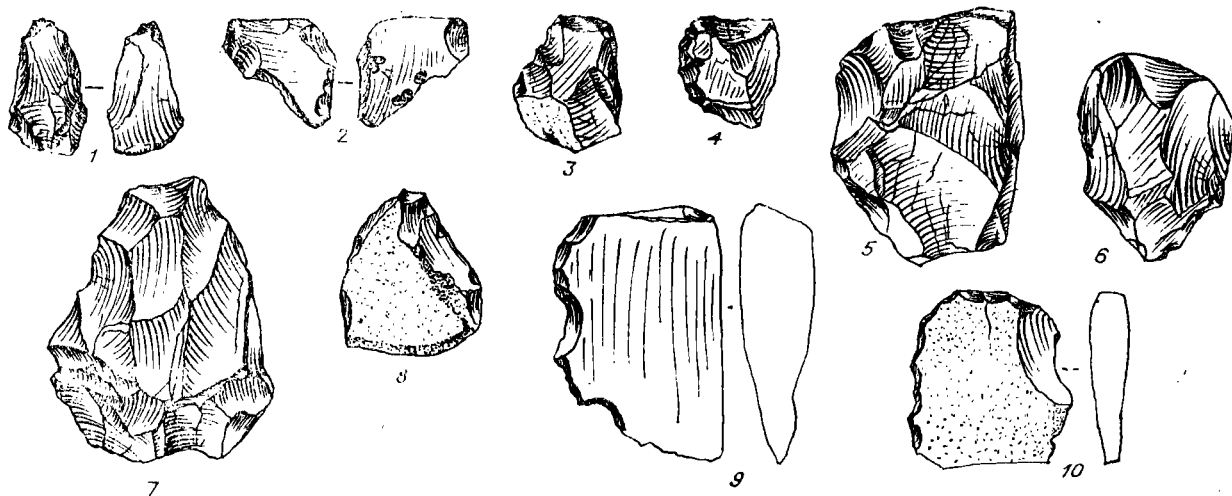

Рис. 3. Каменные изделия Гунванлия.

1 — отщеп подтреугольной формы, 2—4 — скребловидные инструменты, 5—10 — рубящие изделия.

того лёсса с кальцитовыми стяжениями, возраст которого установлен достаточно определенно. По форме оббитая с одной стороны галька напоминает массивный трехгранный остроконечник, основание которого сохраняет на значительной части галечную поверхность. Однако грубость сколов и отсутствие следов вторичной обработки свидетельствуют о том, что изделие представляет собою галечный нуклеус. С левого края гальки был снят один крупный отщеп, а с правого — несколько, не отличающихся особой правильностью сколов. В последнем случае фасетки меньшего размера перекрывают крупные. В заключение следует отметить, что изделие может представлять собою заготовку массивного остроконечника типа упомянутых выше.

Часть найденных в окрестностях Гунванлия изделий невозможно с точностью связывать со слоями ранней поры среднего плейстоцена, поскольку они относятся к подъемным сборам. Правда, на отдельных камнях со следами обработки сохранились частицы красноватого лёсса, и их среднеплейстоценовый возраст менее проблематичен по сравнению с другими, которые, как считают китайские археологи, относятся к более поздним стадиям палеолита Ланьтянь. Все эти находки района Гунванлия, обнаруженные в 17 отдельных пунктах*. Подавляющее большинство нуклеусов характеризуется небольшими размерами. Четыре из шести изделий изготовлены из

кварцита, жильного кварца и кремневой гальки. Отщепы с них снимались ударами, нанесенными с одной стороны. Нуклеусы из жильного кварца оббивались с разных сторон. Два нуклеуса отличаются крупными размерами. Они изготовлены из кварцитовых галек. С них скалывали пластинчатые отщепы. Один из них, темно-серого цвета, сходный с нуклеусами второго типа Гунванлия, покрыт коркой серо-желтого кальцита, его глубокая древность вряд ли может вызвать сомнение. Отщепы с этого нуклеуса скалывались почти вертикально направленными ударами. Отщепы со второго нуклеуса скалывались с нескольких граней. Из отщепов, изготовленных из жильного кварца и кварцита, четыре получены методом оббивки, а два — методом отжима. Отщепы подтреугольной формы наиболее типичны (рис. 3, 1). Проксимальный конец их узок, дистальный широк. Наиболее массивна центральная часть, широкий конец отличается тонкостью и уплощенностью. Следует, однако, иметь в виду, что такие отщепы, полученные отжимным способом, в плейстоценовых отложениях Ланьтяня не были обнаружены.

Наибольшую группу скребел составляют орудия с прямым рабочим краем (6 экз.). Все они изготавливались или из массивных отщепов, или из обломков галек. В особенности выразительно скребло из массивного трапецевидного отщепа кремня. Короткое прямое лезвие инструмента покрыто ровными фасетками тонкой ретуши. Скребел с двумя рабочими лезвиями обнаружено два. У более выразительного образца, изготовленного из массивного отщепа жильного кварца, ретушью подправлены два соседних края (рис. 3, 3). Скребло с округлым выпуклым лезвием обнаружено одно (рис. 3, 4). Инструмент изготовлен из массивного обломка жильного кварца. Ретушь не отличается систематичностью. Всего лишь у одного скребла рабочий край оказался вогнутым (рис. 3, 2). Инструмент изготовлен из подтреугольного скола черного мелкозернистого кремня. Лезвие орудия оформлено ретушью со спинки. По тому же краю с брюшка тоже имеется несколько мелких фасеток, расположенных рядом. Обращает на себя внимание невыразительность отделки рабочего края.

Некоторые изделия оценены китайскими археологами как рубящие инструменты (6 экз.). Трудно

* Пункты находок: к юго-востоку от Ванлия (3 нуклеуса, 4 скребла с прямым лезвием, рубящее орудие малого размера и отщеп со следами работы); Пинлянь (нуклеус, рубящий инструмент среднего размера); Масыкоу (нуклеус, крупный рубящий инструмент); Теванкоу (нуклеус); Гуаньцуньдунькоу (нуклеус); Бэйванкоу (нуклеус); Хуцзяцуньсюкоу (3 отщепа, скребло с прямым лезвием, отщеп со следами использования); Ванцзинькоу (отщеп, скребло с прямым лезвием); Лякоу (отщеп, скребло, с выпуклым лезвием, отщеп со следами использования); Сецзяхэдунькоу (отщеп); у шоссе к северо-востоку от Гунванлия (скребло с вогнутым лезвием); к юго-востоку от Гунванлия (скребло с двумя лезвиями, отщеп со следами использования); Бэйцаоита (скребло с двойным лезвием); в отвалах раскопа у Гунванлия (небольшое рубящее орудие); Сяньюкоу, Шэцзянцунь (рубящее орудие среднего размера); между деревнями Лицзяцунь и Фаньцзяцунь (крупное рубящее орудие); Фаньцзякоу (отщеп со следами использования).

на основании иллюстраций судить, насколько оправданно выделение типологической группы изделий, связанных с рубкой. Можно вместе с тем предполагать, что подобные изделия применялись как скребловидные орудия или при достаточно остром крае как ножи. Два изделия из категории рубящих инструментов включены в группу небольших по размерам орудий. Одно из них изготовлено из подпрямоугольного скола кварца (рис. 3, 5). Удар, нанесенный вдоль длинной оси заготовки, оформил прямое короткое лезвие. Это изделие обнаружено в осыпи около участка раскопа на Гунванлине, и оно, очевидно, относится к горизонту ланьтяньского синантропа. Второе небольшое орудие, изготовленное из кварцита, покрыто сколами с одной стороны (рис. 3, 6). Спинка изделия сохраняет галечную корку. Рубящих орудий среднего размера тоже найдено два. Оба они подтреугольные по форме. Одно изготовлено из жильного кварца (рис. 3, 7). Следы оббивки, оформляющей лезвие, прослеживаются вдоль основания и по краю. Второе орудие изготовлено из плоской кварцитовой гальки (рис. 3, 8). Подправке подвергнуты края ее. Вдоль одного — сколы крутые, почти вертикальные, а вдоль другого — пологие. Галечная корка сохранилась на значительных по протяженности участках. Самые крупные изделия изготовлены из кварцитовых отщепов (рис. 3, 9, 10). Первое из них — с одним закругленным по контуру лезвием, а второе — с двумя, относительно прямыми. Обращает на себя внимание четко выраженная зубчатость рабочих краев, их пильчато-извилистый контур.

У пяти отщепов и сколов выявлены следы использования их в работе. У наибольшего из них по размерам на дугообразном крае заметны выщерблинки, которые могли появиться в ходе использования. Противоположный край намеренно притуплен вертикально направленными ударами. Вдоль кромки прямых краев остальных отщепов тоже отмечаются выщерблинки. Дай Эрцзянь и Сюй Чуньхуа предполагают, что такие отщепы и сколы использовались для скребения.

Параллельно с подготовкой к публикации результатов последнего года раскопок в Гунванлине продолжалось интенсивное изучение материалов Ланьтяня, полученных в ходе полевых работ в предшествующие годы (1963—1965). Китайские археологи, учитывая исключительную значимость находок из этого района для решения проблем эволюции нижнего палеолита Восточной Азии на последующих стадиях среднего плейстоцена, когда формировалась культура синантропа, систематизировали стратиграфические наблюдения, уточняли расположение отдельных пунктов находок, анализировали особенности и характер индустрии ланьтяньского синантропа. Итогом этой обобщающей работы стала специальная публикация, посвященная отдельным аспектам открытий в Ланьтяне⁷. Авторы ее Най Пэй и Ю Юйчжу расклассифицировали каменные изделия, проверили и уточнили сопровождающие их записи, связанные с указанием мест открытия и стратиграфического положения, определили характерные особенности древнего и более позднего комплексов орудий, которые вследствие повторяемости определенных признаков могли стать своеобразными и вполне прием-

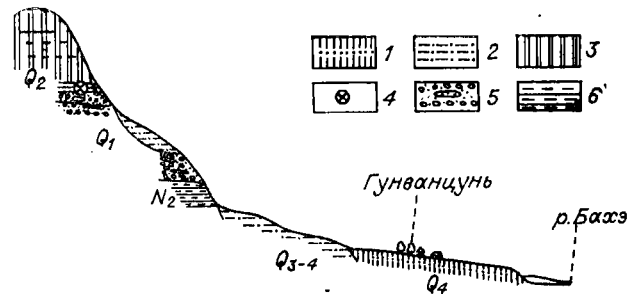

Рис. 4. Террасовые уступы и разрез отложений в районе Ланьтяня, Гунванлинь.

1 — песчаные слои, 2 — супесь, 3 — красноватые глины, 4 — уровень залегания обработанных камней, 5 — прослойки гравия, 6 — красные глины.

лемыми эталонами при подразделении плейстоценовых отложений, что, в свою очередь, позволяло впредь более целенаправленно вести поиск нижнепалеолитических стоянок. В итоге выяснилось, что в районе Ланьтяня к середине 60-х гг. было открыто 36 пунктов с культурными остатками эпохи палеолита. Из них материалы 27 пунктов оказались связанными с горизонтами среднего плейстоцена. Из 600 палеолитических изделий более 200 следовало отнести к культуре ланьтяньского синантропа. Исследования в районе Ланьтяня вели участники совещания по кайпозойским отложениям, а также специальный исследовательский отряд из Ланьтяня (пров. Шэньси), сформированный из сотрудников 12 научно-исследовательских, учебных и производственных организаций.

В ходе аналитической работы геологи-четвертиники констатировали, что среднеплейстоценовые слои в районе Ланьтяня характеризуются двумя разновидностями — речными песчанисто-галечными пластами, образующими толщи III и IV террас р. Бахэ, и лёссовыми по характеру отложениями коричневого или красноватого цвета (рис. 4). Последние распространены в районе Ланьтяня весьма широко. Наибольшая их толщина достигает 70 м (район истоков реки), а на III и IV террасах мощность таких красноватых глин обычно составляет 10—50 м. На основании геологических наблюдений и исходя из особенностей фаунистических комплексов красноватые глинистые толщи среднего плейстоцена района Ланьтяня удалось подразделить на два отдела — нижний и верхний. В нижнем отделе четко выделяющиеся красновато-коричневые по цвету слои погребенных почв залегают горизонтально или с легким наклоном. Они отличаются светлой окраской и значительной плотностью. Погребенные почвы верхнего отдела располагаются наклонно, окрашены они в более темные тона. Всего в разрезах нижнего и верхнего отделов средней плейстоценовой толщи насчитывается до 30 горизонтов погребенных почв. Под ними залегают обычно кальцитовые стяжения, которые иногда образуют обособленные прослойки. Обработанные камни стратиграфически связаны с горизонтами погребенных почв или с красноватыми глинистыми пластами, которые располагаются между слоями погребенной почвы и кальцитовых стяжений. Зафиксированы два уровня расположения палеолитических изделий среднеплейстоценовой эпохи: 1 — над горизонтом галеч-

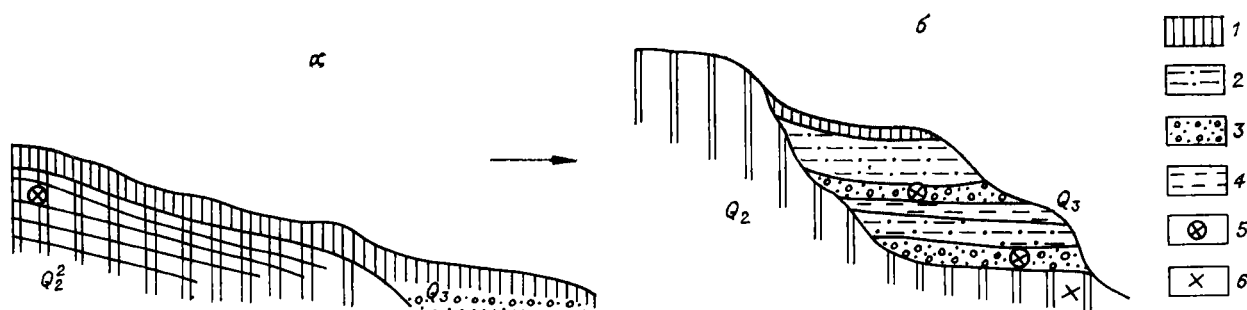

Рис. 5. Характер разреза в районе Ланьтянь (а — местонахождение Саньлихэ (Линьтун), б — местонахождение Лаочихэ).

Q_2 — песчано-галечный горизонт и светло-желтая глина, Q_3 — глина светло-красного цвета, ⊙ — место открытия обработанных камней; 1 — тонкоструктурная песчанистая почва, 2 — песчанистая почва, 3 — песчаниковый конгломерат, 4 — глина, 5 — горизонты с обработанными камнями эпохи позднего плейстоцена, 6 — горизонт с обработанными камнями эпохи среднего плейстоцена, 7 — красная глина.

ника в погребенной почве светло-красного цвета, редко разбросанные камни со следами обработки располагаются в ней на глубине 30–50 см (рис. 5, а); 2 — в верхней части красноцветных отложений, на 10–20 м ниже зоны, пограничной с желтыми лёссами верхнего плейстоцена (рис. 5, б), обработанные камни залегают хаотично или концентрируются пятнами в непосредственной близости от границы с маланским лёссом.

Анализ обработанных камней, собранных в различных пунктах окрестностей Гунванлиня и определенно относящихся к среднему плейстоцену, позволил китайским археологам выявить наиболее характерные особенности индустрии ланьтяньского синантропа. Обращено прежде всего внимание на то, что в качестве сырья для изготовления орудий использовались главным образом кварцит, жильный кварц, а также песчанистые породы. Как известно, то же сырье применял синантроп в местонахождении № 1 Чжоукоудяня. Среди серий инструментов выделяется группа обработанных уплощенных галек разной конфигурации и размеров (рис. 6). Оббивка иногда ограничивалась всего несколькими сколами, которые приостряли конец гальки, превращая ее в рубящее орудие типа чопера, остальные грани и плоскости сохраняли нетронутой галечную корку. Конец галек, противоположный обработанному, обычно более узкий и удобно помещается в ладони руки. Удары при скалывании отщепов направлены в одну сторону, фасетки глубокие. Длина приостренного лезвия, как правило, не превышает $1/3$ длины гальки. В других случаях обработка лезвий производилась более тщательно. Фасетки круто направленных сколов покрывали округлые края галек. Такие изделия могли быть галечными нуклеусами, рубящими инструментами с широким лезвием или скребковидными орудиями со сравнительно обширным рабочим краем. Учитывая исключительную значимость такой технологии изготовления инструментов в нижнем палеолите, факт использования ланьтяньским синантропом техники двусторонней оббивки можно считать установленным. Судя по находкам, сделанным в 1969 г. в 2 км к востоку от Гунванлиня, а также в 1963 г., в районе Лаочихэ, в комплекс орудий входили также классические по выразительности рубила (рис. 7, см. также рис. 1, 5). Оббивка гальки вытянутых очертаний велась от краев к центру, а на одном,

более узком, конце вдоль длинной оси производился продольный или направленный под углом скол, приостряющий подтреугольную часть инструмента. Этот конец целенаправленными сколами оформлялся особо, и он выделялся как некая обособленная часть орудия. Противоположный конец рубила широкий, округлый, массивный, частично сохраняющий галечную корку, которая, возможно, оставлялась намеренно, для удобства размещения инструмента в руке. С одной, ровной, стороны гальки рубило выстругивалось уплощающими сколами, а с другой — значительно более крутыми. В поперечном сечении орудие подтреугольное. Самые мелкие фасетки сколов прослеживаются с выпуклой стороны по краям острого треугольного конца орудия. С противоположной плоской стороны вдоль тех же участков видны выщерблины, возможно, следы забитости. Узкий приостренный конец рубила четко отделен от остальной, значительно более широкой, части своего рода плечиками-выступами. Края инструмента слегка извилистые. В общем же очертания одного из них почти прямое, а у другого в центральной части вогнутое, с выступами, как бы отделяющими от центрального отдела инструмента приостренный конец и округлую пятку.

В целом рубило, обнаруженное в районе Лаочихэ, отличается исключительной типологической выразительностью. Ни одного такого рода изделия не обнаружено в поздних плейстоценовых отложениях Северного Китая. Какие-либо сомнения в том, характерны ли для нижнего палеолита Восточной Азии двусторонне обработанные орудия типа рубил, можно было считать неоправданными

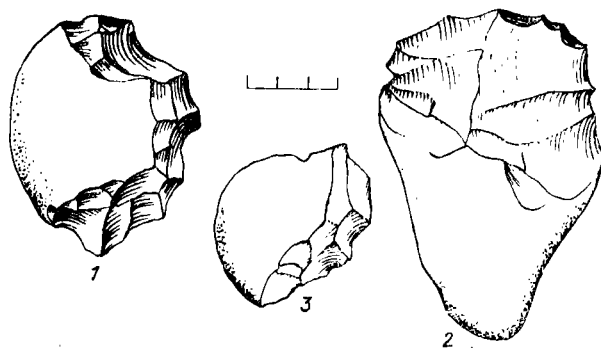

Рис. 6. Галечные орудия Ланьтяня.

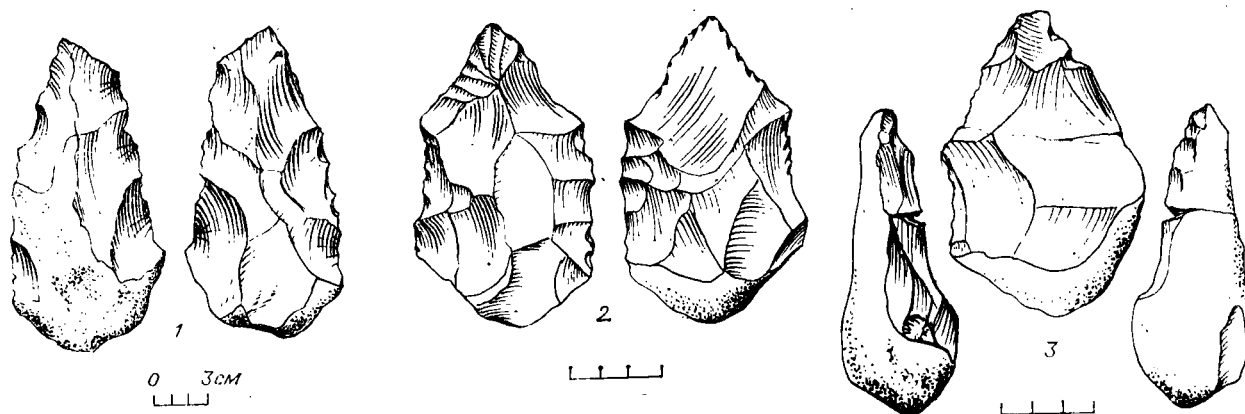

Рис. 7. Рубила, найденные в районе Ланьтяня.

уже после открытий в Динцуне. Материалы из Ланьтяня рассеивают такой скептицизм окончательно и к тому же со всей ясностью свидетельствуют о том, насколько далеко к ранним этапам нижнего палеолита восходит эта традиция, обычно считающаяся показателем прогрессивных тенденций в эволюции культуры. Гай Пэй и Ю Юйчжу бегло затронули вопрос о функциональном назначении рубил. Им представляется неверным традиционный взгляд, суть которого сводится к тому, что такие инструменты универсальны по назначению. Учитывая малочисленность находок рубил в районе Ланьтяня, они, напротив, определили рубила как орудия, с помощью которых велась строго специализированная работа, связанная в основном с рубкой деревьев и кустарников. Теплый и полусухой климат района в начале среднего плейстоцена способствовал произрастанию здесь лесов, что и подтвердили данные палинологических анализов. Странной, однако, представляется идея китайских археологов о том, что ланьтяньский синантроп мог заниматься сплавкой леса с верховьев рек к местам своих стойбищ. Что касается критики старых идей, высказанных в свое время Х. де Терра, П. Тейяр де Шарденом, а позже детально развитых Х. Мовиусом, то ее нельзя не признать обоснованной. Утверждения этих исследователей об отсталости нижнего палеолита Восточной Азии на том основании, что в этой части Азии отсутствовали рубила и не получила развития техника двусторонней оббивки, а в инструментарии архантропов безраздельно господствовали примитивные галечные орудия типа чопперов и чоппингов, которые не характерны для западного ареала культур, изначально прогрессивных, в самом деле выглядят безнадежным анахронизмом. Если такие взгляды иногда высказываются и теперь, то это объясняется или инерционностью мышления, или неосведомленностью в результатах изучения палеолита Китая за последнюю четверть века.

Рубила не единственные в коллекциях из Ланьтяня изделия, при обработке которых применялась техника двусторонней оббивки. К ним относятся также два весьма выразительных небольшого размера нуклевидных рубящих инструмента. Один из них обнаружен в Чэньцзяо, в 70 км к северу от места открытия челюсти ланьтяньского синантропа. По внешнему облику и технике обработки это нуклевидное орудие весьма напоминает кливер из

местонахождения № 13 Чжоукоудяня. Изготовлено оно, однако, не из высококачественной кремнистой породы, а из тонкозернистого кварцита. Длина изделия 8 см, ширина 5, толщина 4 см. Второе нуклевидное орудие обнаружено в районе Маодзяпин. Оно изготовлено из крупнозернистого кварцита. По очертаниям изделие сходно с нуклевидным рубящим орудием из Чэньцзяо. Что касается приемов обработки, то нечто похожее отмечалось при описании такой же по характеру находки из Синхуэйчжэнь (пров. Хэнань). Длина изделия 12 см, ширина 9, толщина 6 см. Нуклевидные рубящие инструменты из Ланьтяня, оббитые с двух сторон, отличаются сходными особенностями. Формы их правильные, по контуру они многоугольные. Оббивка производилась настолько тщательно, что на поверхностях участки с галечной коркой отсутствуют. Скалывание отщепов от краев к центру производилось так, что образовывалось острое, извилистое W-образное рабочее лезвие. Как считают Гай Пэй и Ю Юйчжу, рубила и эти нуклевидные рубящие инструменты датируются временем ланьтяньского синантропа. Однако они обратили внимание на то, что эти две разновидности двусторонне обработанных орудий обнаружены не вместе, а в разных районах и к тому же не в таком значительном количестве, как следовало бы ожидать. Они связывают это обстоятельство со специфическим назначением рубил, которые, по их мнению, использовались при обработке дерева. Лес в долине реки в тот период отсутствовал, и для заготовки его приходилось отправляться в горы, куда в среднем плейстоцене начали отступать лесные массивы. Крупные рубила как раз там и использовались. Меньшие по размерам нуклевидные рубящие орудия связаны в большей мере с открытыми травянистыми просторами степей. Ясно, что оправданность такого заключения может быть подтверждена лишь при наличии достаточно большого количества находок, а не единичных экземпляров.

Как особую разновидность галечных инструментов китайские археологи описывают крупные остроконечные орудия (см. рис. 1, 5). Их тоже обнаружено всего два образца — в 1963 г. в красноватых отложениях бассейна р. Лаочихэ, а в 1965 г. на южном склоне Гунванлиня. Для этих изделий характерна односторонняя обработка. Уплощающее по характеру скалывание производилось последовательными ударами от краев к

центру. Один конец орудия узкий, подтреугольный, приостренный, а другой — широкий, массивный, сохранивший галечную корку с обеих сторон. Более мелкими сколами оформлялся острый конец орудия. Самый кончик его приострялся продольно направленным сколом. Как и в случаях с двусторонне обработанными рубилами, подтреугольный острый конец инструмента четко отделяется от широкого центрального отдела. Отмеченные детали позволяют высказать предположение, что так называемые крупные остроконечники представляют собой в действительности заготовки рубил, которые по каким-то причинам не были оформлены до конца. О том, что такая точка зрения может быть в самом деле оправданной, свидетельствует один из опубликованных образцов (рис. 7, 3). Глубокая трещина, которая отделяет подтреугольный конец изделия от остальной его части, возможно, стала причиной, почему дальнейшая обработка гальки была прекращена, а заготовка выброшена. Ведь в случае продолжения оббивки конец рубила мог обломиться, а если бы это не произошло, то в последующей работе инструмент с таким дефектом постоянно находился бы под угрозой слома.

Характерными особенностями обладают среднеплейстоценовые нуклеусы Ланьтяня, что всегда позволяло выделять их среди нуклеусов, которые датируются более поздним временем. Нуклеусы ланьтяньского синантропа, как правило, не отличаются правильной очертаний. Скалывание отщепов велось без подготовленных ударных площадок, с нескольких граней, ударами, направленными в разные стороны. Как типичный образец подобных изделий Гай Пэй и Ю Юйчжу описали нуклеус, обнаруженный в районе Вэйнань около Янгочжэня в красноватой глине среднеплейстоценового времени. На поверхности кварцевой гальки располагались негативы около полудюйма десятков снятых отщепов. Направление ударов не подчинялось каким-либо закономерностям. Скалывание велось при использовании в качестве ударной площадки галечной поверхности граней камня, а в других случаях — поверхности фасетки отделенного с нуклеуса отщепа. Направление ударов было, как правило, вертикальным по отношению к площадке. Скалывание велось по меньшей мере в пяти-шести направлениях, из чего следует, что нуклеус в процессе использования многократно поворачивали со стороны на сторону. Судя по негативам, снятые отщепы не отличались правильностью очертаний и равномерностью массивности. Коэффициент использования нуклеуса был очень низким. Все это свидетельствует об архаичности техники обработки камня, характерной для ранних стадий палеолита.

Исключительный интерес вызывают рисунки и описания нескольких инструментов, изготовленных из отщепов. Они дают представление об инструментах, не отличающихся особенно крупными размерами. Такие изделия были, очевидно, наиболее широко распространенными орудиями в повседневной работе на территории стойбища, но сведения о них при малых масштабах раскопок стоянок, связанных по условиям залегания со значительной трудоемкостью, оставались до последнего времени предельно скудными. Отщепы не характеризуются строгостью форм, они массивны и отличаются по

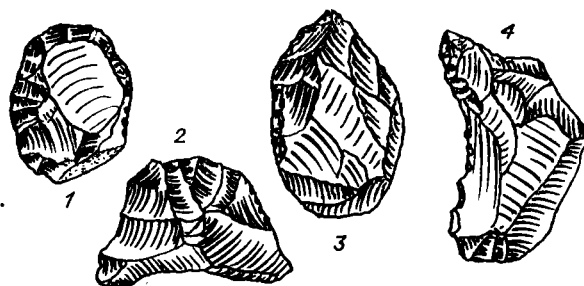

Рис. 8. Инструменты, изготовленные из отщепов (Ланьтянь).

1 — концевой скребок, 2 — скребок с округлым лезвием, 3 — остроконечник, 4 — изделие с вогнутым лезвием и загнутым на конце острием.

очертаниям весьма значительно. Сохранившаяся на ударных площадках отщепов галечная корка свидетельствует о том, что скалывание производилось без дополнительной подправки. Иногда ударная площадка представляет собою часть фасетки снятого в другом направлении скола. Из инструментов, изготовленных из таких относительно правильных по очертаниям и небольших по размерам отщепов, опубликован скребок с боковым вогнутым лезвием и сильно загнутым на конце острием (рис. 8, 4). Фасетки ретуши покрывают левый край орудия лишь со спинки. От середины до дистального конца они располагаются редко и образуют зубчато-пильчатый край. Искривленное острие обработано более тщательной ретушью. Фасетки ее более обширные, параллельные друг другу и не так круты. Инструмент этот, по всей видимости, универсальный по назначению. Он мог использоваться как скребок с вогнутым лезвием и как проколковидное острие. Второе орудие — скребок с округлым лезвием, изготовленный из небольшого трапецевидной формы отщепа (рис. 8, 2). Массивность его на разных участках неодинакова, но ретушь, оформляющая рабочий край, тщательная и тонкая, а контур его отличается плавностью очертаний. Третий инструмент — острокопечник, найденный в Данцзяцзуй (Цзяньтун, Лунсюн). Он изготовлен из отщепа жильного кварца, оба края которого ретушированы, но не равномерно: вдоль одного края более тщательно, чем вдоль другого (рис. 8, 3). На одном конце оформлено острие, другой конец округлый. Четвертый инструмент может быть определен как своего рода концевой скребок. Довольно тщательная и систематическая ретушь захватывает не только слегка закругленный конец отщепа, но и весь левый край его (рис. 8, 1). Характеризуя изделия из мелких кварцевых отщепов, которые связаны со среднеплейстоценовыми горизонтами, Гай Пэй и Ю Юйчжу отмечают неправильность их очертаний, отсутствие систематической и тщательной ретуши, «каноничности» форм. По их мнению, количество мелких изделий из кварца типа остроконечников, найденных в районе Ланьтянь уступает числу остроконечников из Данцзяцзуй, а также из 4-го и 5-го слоев местонахождения № 1 Чжоукоудяня. Однако такое сравнение при разнохарактерности памятников и неодинаковых масштабах работ вряд ли оправдано.

Дай Эрцзянь и Сюй Чуньхуа также уделили значительное внимание вопросам, связанным с об-

щей характеристикой культуры ранней поры среднего плейстоцена Китая. По их мнению, это была культура архантропа типа ланьтяньского синантропа — современника питекантропа робустуса Явы. Изделия, обнаруженные в районе Ланьтянь, вместе с коллекциями обработанных камней из Кэхэ и Чжоукоудяня представляются ими древнейшими в Азии и одними из самых ранних в Старом Свете. Для индустрии ланьтяньского синантропа считаются характерными крупные галечные нуклеусы без подправленных ударных площадок с углами $66-99^\circ$, но большей частью $74-87^\circ$. Угол скалывания отщепов $93-106^\circ$. Снятые с нуклеусов отщепы нестандартны по форме. Предполагается, что многие из них использовались в работе без обработки края ретушью. Вообще вторичная обработка фиксировалась на инструментах довольно редко. Оббивка производилась преимущественно с одной стороны, ретушь отличается грубостью и примитивизмом, формы многих орудий тоже нестандартны. Отсутствие четкой типологии у ряда изделий Дай Эрцзянь и Сюй Чуньхуа считают показателем того, что каждое из них могло использоваться для выполнения различных трудовых операций. В конечном счете отмеченное качество определяется ими как следствие аморфности заготовок в индустрии культуры, отличающейся глубокой первобытностью. В то же время они не отрицают, что некоторые орудия из Ланьтяня по типологии весьма выразительны и дифференцированы по назначению. Что касается техники обработки, то при тщательном анализе удастся проследить последовательность оформления изделий и установить признаки применяемых способов отделки их. Дай Эрцзянь и Сюй Чуньхуа высказали убеждение, что если бы заготовки были лучше подготовленными, то достигнутый уровень умения раскалывать камень и ретушировать его мог бы привести к иным результатам. О значительности достижений ланьтяньского синантропа в развитии культуры свидетельствуют признаки освоения им огня. В целом изделия из Ланьтяня, как считают Дай Эрцзянь и Сюй Чуньхуа, характеризуются едиными особенностями и своеобразием, что позволило им выделить в нижнем палеолите Китая особую культуру «ланьтяньского человека» со значительным весом в его индустрии отщепов и преобладанием техники односторонней оббивки. Эта культура сходна по некоторым особенностям с культурой синантропа (одинаковые виды сырья, применяемые для изготовления орудий; архаичность инструментария; наибольшая доля в коллекции отщепов и изделий из них; преобладание односторонней оббивки). Однако налицо и различия — иной способ отделения отщепов, применяемый синантропом; отсутствие в Чжоукоудяне массивных и тяжелых остроконечных орудий. Китайские археологи пришли к выводу, что культура ланьтяньского синантропа в значительно большей степени родственна культурам Кэхэ (здесь тоже обнаружены нуклевидные скребла, крупные остроконечные орудия, боласы; при скалывании отщепов применялись такие же, как в Ланьтянь, технические приемы) и Динцунь (наличие массивных остроконечных инструментов, боласов, обработанных с одной стороны рубящих орудий, небольших «многосторонних» рубящих изделий). Сделана,

таким образом, попытка проследить развитие одной культурной традиции начиная с раннего этапа среднего плейстоцена и до верхнего плейстоцена включительно.

Помимо описанных выше местонахождений с находками каменных изделий ранней поры среднего плейстоцена, в список древнейших нижнепалеолитических памятников лёссовых районов Восточной Азии следует, по-видимому, включить также ряд других стоянок, где обработанные камни удалось открыть в слое галечника, подстилающего красцветные глины верхнего саньмэня, а также пункты со следами деятельности раннего человека в нижних отделах красноватых глин. Особый интерес в этой связи вызывают материалы, полученные при обследовании района Саньмэнься (западная Хэнань, район к востоку от Линбао, примыкающий к уезду Тунгуань пров. Шэньси)⁸. Эти места, расположенные между Цинлином и Чжунлошанем, характеризуются особо интенсивным развитием кайнозойских отложений, вследствие чего их неоднократно посещали геологи и палеонтологи, в том числе П. Тейяр де Шарден, Ян Чжунцзянь и Пэй Вэньчжун (1933 г.), Бянь Мэйнянь (1934 г.), Лю Дуншэнь (1956 г.) и Цзя Фухай. Открытие палеолита в бассейне р. Фэнь (Динцунь) по левому берегу Хуанхэ в пределах провинции Шаньси способствовало целенаправленным поискам палеолита и в Саньмэнься — в 1963 г. стажер Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Хуан Вэйвэнь, посланный сюда для проведения разведочных работ, обнаружил шесть палеолитических местонахождений, из которых четыре датировались временем, предшествующим верхнему палеолиту. Они оказались связанными с толщами красноватых глин, подстилающих желтый маланский лёсс.

К древнейшим из местонахождений палеолита Саньмэнься относятся Шуйгоу (пункт 63 504) и Хуэйсингоу (пункт 63 506). Обработанные камни залегали здесь в нижних пластах красноватой глинистой толщи. Эти пункты, отстоявшие друг от друга на 200 м, открыты к северо-востоку от г. Саньмэнься, в устье двух небольших притоков Хуанхэ, на берегах которых располагаются поселки Хуэйсинчжэнь и Шаньцунь. Стратиграфия плейстоценовых отложений этого района, зафиксированная в 30-е гг. Ян Чжунцзянем и Пэй Вэньчжун и в общем подтвержденная Хуан Вэйвэнем, характеризуется следующими особенностями (рис. 9). В основании разреза располагаются серовато-зеленые известковистые глины (а) саньмэньской свиты. Их перекрывает пласт конгломерата (b, 1) и слой илесто-песчанистых и известкови-

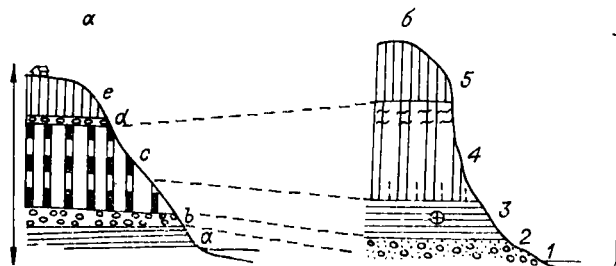

Рис. 9. Стратиграфия районов Шуйгоу и Хуэйсингоу. а — разрез по Ян Чжунцзяню и Пэй Вэньчжуну; б — разрез по Хуан Вэйвэню.

стых древних почв, переходящих выше в красноземы (в-с, 2-4). Эти слои относятся к свите Чжоукоудянь, хотя геологи допускают возможность, что конгломерат (b, 1) составляет часть свиты саньмэнь. Красноземы перекрываются конгломератом (d; в разрезе Хуан Вэйвэнь он отсутствует) или, иначе говоря, базальным гравием и желтым маланским лёссом (е, 5). Толщина отложений составляет около 80 м. Обработанные камни залегали в нижней части толщ красноземов, т. е. в слое, перекрывающем конгломерат. Ян Чжунцзянь и Пэй Вэньчжун описывали этот пласт как илисто-известковистые или песчанистые почвы. Хуан Вэйвэнь характеризует их как глинистые, переслаивающиеся с порошковидными песчанистыми слоями. Они в середине пласта обычно плотно сцементированы и связаны кальцитовыми стяжениями. По цвету глинисто-песчанистый слой, образующий нижнюю часть толщ красноземов, оранжевый и серовато-зеленый. Мощность его составляет 10—15 м. От конгломератов глинисто-песчанистый слой отделяется косослоистым песчанистым пластом коричневатого-желтого цвета толщиной около 1 м. Хуан Вэйвэнь предполагает, что глинисто-песчанистый слой, пласт косослоистых песков и конгломераты относятся к нижней половине среднего плейстоцена, а верхняя толща красноземов — к верхней. Руководитель геолого-разведочной партии Цзя Фухай, который вел специальные исследования в этом районе, считает, что слои 1—3 (b и нижняя часть c) нужно включить в свиту саньмэнь. Однако при обсуждении этой точки зрения многие геологи высказались против и предложили датировать эти горизонты временем нижней половины среднего плейстоцена. Хуан Вэйвэнь считает, что открытие обработанных камней в слое 1—3 подтверждает справедливость точки зрения противников Цзя Фухая и допускает возможность сопоставлять эти горизонты с песчанистыми конгломератами нижних пластов красноземов Кэхэ, в которых залегали оббитые камни, и со свитой шэньсянь, выделенной Лю Дуншэном. Если мнение Хуан Вэйвэня справедливо, то в таком случае местонахождение Шуйгоу и Хуэйсингоу можно было бы отнести к группе древнейших для среднего плейстоцена нижнепалеолитических стоянок (Кэхэ, Ланьтянь, местонахождение № 13 Чжоукоудянь). Во всяком случае время их не выходит за рамки средней поры среднего плейстоцена, и, следовательно, они определены не моложе местонахождения № 13 Чжоукоудяня. К сожалению, скудость фаунистических остатков не позволяет датировать Шуйгоу и Хуэйсингоу более точно. Но анализ коллекции каменных изделий, собранных при обследовании памятников, кажется, позволяет отнести их к ранней поре среднего плейстоцена.

Большая часть обработанных камней залегала *in situ* в переслаивающихся горизонтах оранжевой глины и порошковидного песка. Найденные на поверхности изделия по расположению их на строго ограниченной площади у обнажений тех же по характеру горизонтов, сходству пород и покрытию их поверхности пятнами серовато-белой кальцинированной глины не отличаются от оббитых камней, извлеченных непосредственно из слоя. Поэтому Хуан Вэйвэнь описал каменные изделия,

не выделяя среди них найденные *in situ* и на поверхности. Для изготовления каменных орудий в Шуйгоу и Хуэйсингоу использовались окатанные гальки изверженных пород типа диабаз, а также кварцит, кварц и кремнистый известняк. Хорошая сохранность фасеток сколов и отсутствие ярко выраженных следов окатанности свидетельствуют о том, что изделия залегали на месте стоянки нижнепалеолитического человека, а не принесены рекой откуда-то из другого района. Всего Хуан Вэйвэнь обнаружил 94 обработанных камня.

Более четверти находок в Шуйгоу и Хуэйсингоу составляют разной величины галечные нуклеусы (рис. 10, 10). Для скалывания отщепов и пластин подбирались обычно многогранные овальные и уплощенные гальки. В качестве ударных площадок использовались подходящие грани галек, которые до нанесения удара отбойником специально не подтесывались. Однако, судя по опубликованным Хуан Вэйвэнем отщепам и пластинам, такая подтеска все же в большинстве случаев производилась. Фасетки на нуклеусах короткие, широкие и весьма глубокие около точки нанесения удара, что свидетельствует о применении при скалывании отбойников. Из 48 сколотых отщепов и пластин большинство получено с помощью отбойников. Форма отщепов и пластинчатых сколов различна. По величине они небольшие, а ударные площадки у большинства оббиты и лишь у части сохраняют галечную поверхность (рис. 10, 1, 2, 5). У сколов с бугорка заметно выделяются ударные бугорки полуконусовидной формы. Об уровне техники отделения пластин и отщепов можно судить по углу между плоскостями расщепления и ударной площадкой: у 47% сколов (21 экз.) он 110—120°, у 25% (11 экз.) — 120° и более, у 27,2% (12 экз.) — 150° и менее. У 45,2% сколов (20 экз.) ширина больше длины, у 34,1% (15 экз.) длина больше ширины и у 20,4% (9 экз.) длина равна ширине. Часть наиболее крупных пластин с хорошо выделяющимися ударными бугорками и более ровной поверхностью расщепления изготовлялась путем удара нуклеусом по наковальне. Ширина их превосходит длину, а угол раскалывания составляет около 130°. Именно такого рода крупные и массивные сколы использовались затем в качестве заготовок для орудий разного типа (рис. 10, 4). По мнению Хуан Вэйвэня, такая техника отделения отщепов при ударе нуклеусом по наковальне характерна для Кэхэ, а также для Динцуня, но она не прослеживается на материалах местонахождения № 1 Чжоукоудяня.

Среди крупных изделий Шуйгоу и Хуэйсингоу выделяются рубящие или скребловидные инструменты типа чопперов и чоппингов, а также, что в особенности интересно, но не привлекает особого внимания Хуан Вэйвэня, рубилообразные орудия, обработанные с двух сторон. Часть последних, впрочем, возможно, представляет собой превращенные в инструменты нуклеусы, хотя судить об этом на основании рисунков, конечно же, затруднительно. Всего к рубящим инструментам Хуан Вэйвэнь относит 11 изделий, причем он включает в их число орудия, изготовленные из массивных сколов. Угол рабочего лезвия у восьми орудий составляет 70—75°, у двух — 78—80°, а у одного — 90°. Рабочие края инструментов выпук-

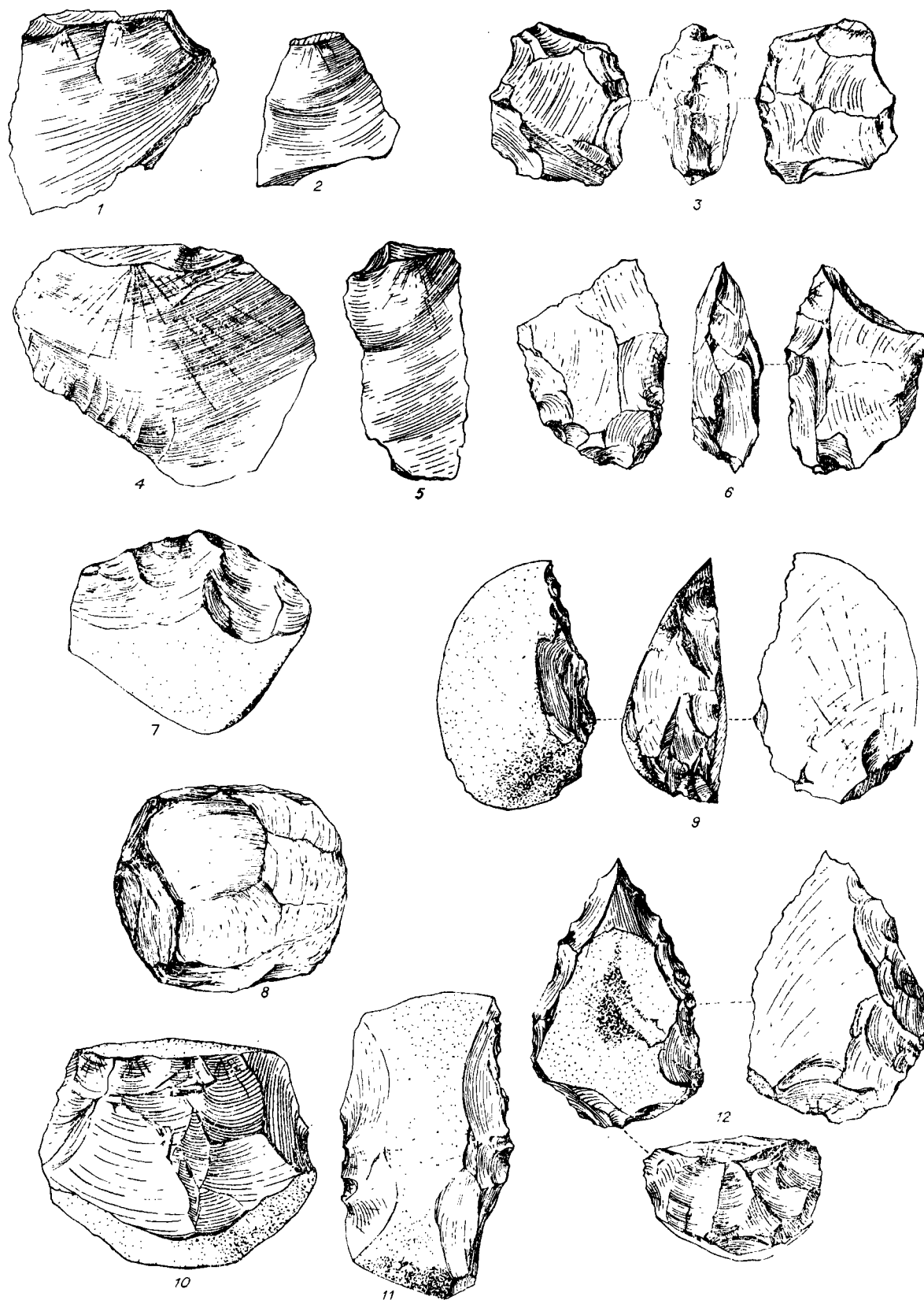

Рис. 10. Каменные изделия, обнаруженные в районах Шуйгоу и Хуэйсингоу.

1, 2, 5 — отщепы и пластинчатые сколы, 3, 6 — инструменты с двусторонней оббивкой, 4 — скребловидный инструмент из отщепа, 7 — чоппер, 8 — болас, 9, 11 — скребла, 10 — нуклеус, 12 — остроконечник.

ло-мицдалевидные, зубчатые. Четыре рубящих или скребловидных изделия относятся к категории чопперов (рис. 10, 7), а три — к чоппингам. Лезвия у последних зубчатые, а угол рабочего края составляет около 90° . Противоположный лезвию конец чоппинга тоже оббивался целенаправленно

с тем, чтобы его удобнее было поместить в ладонь. К самым совершенным рубящим инструментам относятся, однако, изделия, обработанные редкой, как считалось до недавнего времени, для нижнего палеолита бассейна Хуанхэ техникой двусторонней оббивки (рис. 10, 3, 6). Орудия эти уплощен-

ные, покрытые фасетками коротких, широких и глубоких сколов с обеих широких поверхностей и, судя по рисункам, подправленные по краям поперечно направленными сколами. Инструменты такого рода можно было бы включить в категорию рубил и кливеров. Их найдено 3 экз. Угол скалывания отщепов при оформлении орудий составляет 70—75°. Обработка их велась как с помощью отбойников, так и ударами по наковальне. Хуан Вэйвэнь включает также в категорию рубящих инструментов ряд изделий, которые, вероятно, представляют собой скребла (рис. 10, 4, 9, 11). У второго из них два параллельных друг другу крутых лезвия, причем одно подправлено по краю мелкими сколами.

Среди других орудий, найденных в Шуйгоу и Хуэйсингоу, типологически определены четыре остроконечника. Они изготовлены из крупных пластин, сходящихся под острым углом, края которых тщательно ретушированы ударами, направленными от брюшка к спинке. Самый выразительный остроконечник опубликован (рис. 10, 12). Край его обработан не только со спинки, но и вдоль одного края, а также с брюшка. Значительная часть спинки инструмента осталась покрытой галечной коркой. Судя по тщательно подтесанному основанию наконечника, треугольный отщеп был сколот с нуклеуса после предварительной подправки его ударной площадки. Остроконечники такого типа, как указывает Хуан Вэйвэнь, напоминают более всего такого же рода инструменты, обнаруженные в Кэхэ и Динцуне. Однако обращают на себя внимание их огромные размеры и массивность, в чем они несравнимы с более тонкими остроконечниками местонахождений № 1 и 15 Чжоукоудяня. К не менее интересным изделиям Шуйгоу и Хуэйсингоу относятся также четыре боласа, изготовленные из изверженных пород — кварца и туфа (рис. 10, 8). В результате тщательной многосторонней оббивки галька подходящей формы превращалась в сплошь обколотое изделие правильной округлой формы. С заготовки скалывались мелкие отщепы, которые вряд ли могли ватем использоваться в работе. Следовательно, оббивку нужно оценивать однозначно — как оформление боласа. Угол скалывания при оформлении инструмента составляет 110—130°. Такие же по типу боласы найдены в Кэхэ и Динцуне.

Оценивая в целом характер индустрии Шуйгоу и Хуэйсингоу, Хуан Вэйвэнь пришел к выводу, что эти памятники по главным особенностям наиболее сходны с Кэхэ и Динцунем. Инвентарь по техническому совершенству наиболее близок индустрии нижних культурных напластований местонахож-

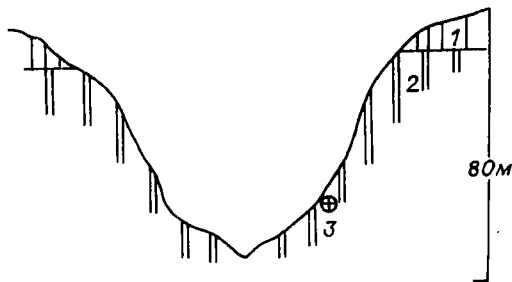

Рис. 11. Стратиграфия района Чжанцзяван. 1 — лёсс, 2 — красноватые глины, 3 — уровень залегания обработанных камней, ⊕ — место открытия обработанных камней.

дения № 1 Чжоукоудяня и Кэхэ, но выглядит определенно архаичнее индустрий верхних культурных напластований местонахождения № 1 и 15 Чжоукоудяня и Динцуя. По всей видимости, решающее значение для такого заключения сыграла стратиграфическая позиция горизонта с находками в Шуйгоу и Хуэйсингоу. В таком случае оба памятника следует датировать ранней порой среднего плейстоцена или рассматривать их как своеобразное связующее звено между ранним и средним этапами среднего плейстоцена, а следовательно, и между памятниками типа Кэхэ-Ланьтянь — местонахождения № 1 и 13 Чжоукоудяня. Пока не удастся собрать в Шуйгоу и Хуэйсингоу достаточно разнообразной палеонтологической коллекции, такая неопределенность остается в силе.

К группе ранних для среднего плейстоцена стоянок относится также Чжанцзяван, открытая в 1957 г. в уезде Тунгуань пров. Шэньси сотрудниками Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии, которые вели тогда в районе Саньмэнься раскопки местонахождений кайнозойской фауны. Стоянка Чжанцзяван обнаружена около деревни того же названия в 10 км к югу от Цзюйчэна на северном берегу р. Тунгуаньхэ. Три отщепа белого кварцита и превосходно оформленное скребло с полукруглым рабочим краем, изготовленное из серого кварцита, залегали *in situ* в нижней части красноватых глин, мощность которых достигает в тех местах 60—100 м. Сверху красноватые глины перекрываются 10-метровым пластом маланского лёсса (рис. 11). Вся верхняя плоскость скребла, за исключением небольшого участка, покрыта выстругивающими фасетками сколов. В особенности тщательно оформлен дополнительной подправкой круто изогнутый рабочий край. Типологически это скребло уникально (рис. 12, 3). Отщепы, найденные в Чжанцзяване, огромные, сохранившие галечную корку. На от-

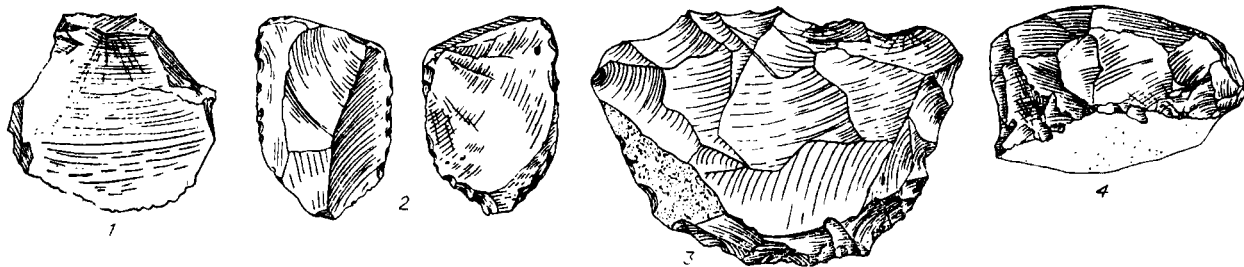

Рис. 12. Камненные изделия, обнаруженные в среднеплейстоценовых отложениях Хэнапи (1, 2, 4) и Шэньси (3). 1 — отщеп, найденный в районах Шэньцунь и Цишаньцунь, 2, 4 — отщеп и галечный нуклеус, найденные около Хоуцзябинь, 3 — скребло из Чжанцзявана.

дельных участках по краю видны не совсем четкие и определенные следы подправки. В сходных стратиграфических условиях около Волунпу, расположенном севернее Чжанцзявана, найдено еще два отщепа. Они залегали в верхней части пласта исключительно твердых красноватых глин, толщина которых достигала в районе Волунпу около 100 м. Один из отщепов, сколотый с гальки белого кварца, крупный, с незначительными следами подправки, другой, меньшего размера, — отщеп жильного кварца, тоже слегка оббит. По мнению Цзя Ланьпо, Ван Цзе и Цюй Чжунлана, Чжанцзяван и Волунпу следует датировать средним плейстоценом, что как раз вызывает значительный интерес к находкам, как бы малочисленным были обработанные камни. Они свидетельствуют о сравнительно широком распространении в этом районе среднеплейстоценовых памятников. К самым ранним памятникам среднего плейстоцена относится также, по-видимому, Дуншанчэн, открытый в долине р. Яньшуй. Здесь в красноватых глинах найдены два выразительных инструмента типа чопперов — удлиненный и короткий с закругленными рабочими краями.

В Хэнани в 1937 г. в уезде Мяньючи около деревень Шэньцунь и Цишаньцунь были найдены отщепы, которые залегали в нижних пластах красноватых глин, перекрывающих третичные известняки. Три отщепа найдены в Шэньцунь и несколько экземпляров — в Цишаньцунь, где они располагались в нижних слоях (7—10 м) толщи красноватых глин (рис. 12, 1). Еще один пункт с изделиями, залегающими в нижней части красноватых глин и в слое конгломератов, подстилающих их, обнаружен около Хоуцзябань в 5 км к юго-востоку от Чжанцзяванцунь (пров. Хэнань). В слое красноватых глин залегал галечный нуклеус, скалывание отщепов с которого производилось без подправки ударной площадки (рис. 12, 4). В галечном горизонте располагался отщеп из кремнистого сланца с отчетливыми следами окатанности и едва заметными признаками использования (рис. 12, 2). Возможно, то и другое изделие датируется ранней порой среднего плейстоцена, но из-за отсутствия фаунистических остатков окончательно этот вопрос пока не разрешен.

Последующие этапы развития культуры нижнего палеолита Китая характеризуют памятники, датируемые средней и поздней стадиями среднего плейстоцена. К кругу таких местонахождений относятся Чжоукоудянь, а также ряд других стоянок, которые исследовались в 70-е гг. Материалы, полученные в ходе изучения наиболее важных из них, заслуживают внимательного анализа.

Средний плейстоцен. Средняя стадия Чжоукоудянь, местонахождение № 1, Южная трещина, пункт Н. После освождения Китая в Чжоукоудяне неоднократно производились полевые работы небольшого масштаба. Наиболее интересные результаты были получены в ходе исследований, организованных под руководством Пэй Вэньчжун Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии АН КНР в 1966 г. В них приняли участие Цю Чжунлан, Чжай Фэнчжи, Сун Гочжэнь, Чжан Гуаньюань, Чан Цаоу и Гу Юйминь. Раскопки велись на участке, непосредственно прилегающем к району работ 1934 г., — Нань-

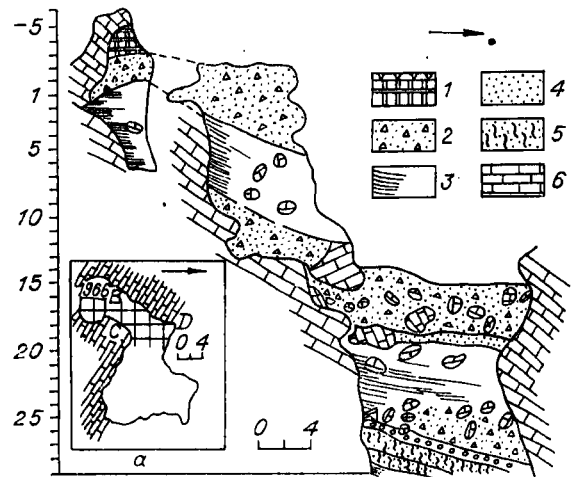

Рис. 13. Стратиграфия Чжоукоудяня (по данным раскопок 1934—1936 и 1966 гг.).

1 — красная глина с примесью обломков сталактитов, 2 — брекчия, 3 — пласт золы, 4 — песчанниковые отложения, 5 — глинистый песок, 6 — известняк; а — план раскопа 1934—1936 и 1966 гг.

леси (Южная трещина), пункт Н, где в свое время удалось обнаружить части черепа синантропа (черепок № 5, по нумерации Ф. Вейденрейха). В ходе подготовительных работ удалось сопоставить 1-й слой раскопа 1934 г., достигающего толщины 1 м, с соответствующим горизонтом нового участка и определить верхнюю и нижнюю границы этого слоя. Разборка его, как и нижезалегающих горизонтов 2, 3 и 4, производилась по квадратам (каждый из них 2×2 м) и по условным уровням толщиной 1 м. К концу исследований раскоп достиг глубины 11,2 м.

Стратиграфия на новом участке оказалась полностью соответствующей характерному чередованию слоев раскопа 1934—1936 гг. (рис. 13). Верхние 1-й и 2-й слои представляли собой отложения красноватой глины, перемешанной с обломками известняка и щебенки. В этих слоях были обнаружены обломки костей животных. Слой 3 коричневатого-желтого цвета оказался насыщенным галечником. По особенностям он легко сопоставлялся с горизонтом пункта Н, где в 1934 г. удалось найти обломки черепа № 5 синантропа. В ходе работ 1966 г. в 3-м слое, достигающем толщины 2,5 м, обнаружены обломки костей животных, каменные изделия, две лобные и одна затылочная части черепа синантропа и зубы того же гоминида. Открытие фрагментов черепа в 3-м слое позволило теперь уверенно увязать пункт Н со всеми его находками с совершенно определенным горизонтом, что не удалось сделать в 1934 г. Дело в том, что фрагменты нового черепа синантропа, как выяснилось при их изучении, представляли собой недостающие части черепа № 5, открытого в 1934 г. в пункте Н. Отсюда следовал вывод, что пункт Н и слой 3 образуют одну стратиграфическую зону. Затылочная кость новых обломков черепа № 5 залегала вблизи уровня слоев 1 и 2, первая лобная кость — в 66 см от затылочной. Таким образом, фрагменты черепа оказались отстоящими друг от друга на некотором расстоянии. Слой 4 представлял собой мощный золистый, с разноцветными прослойками обожженной земли культурный горизонт, характерный для

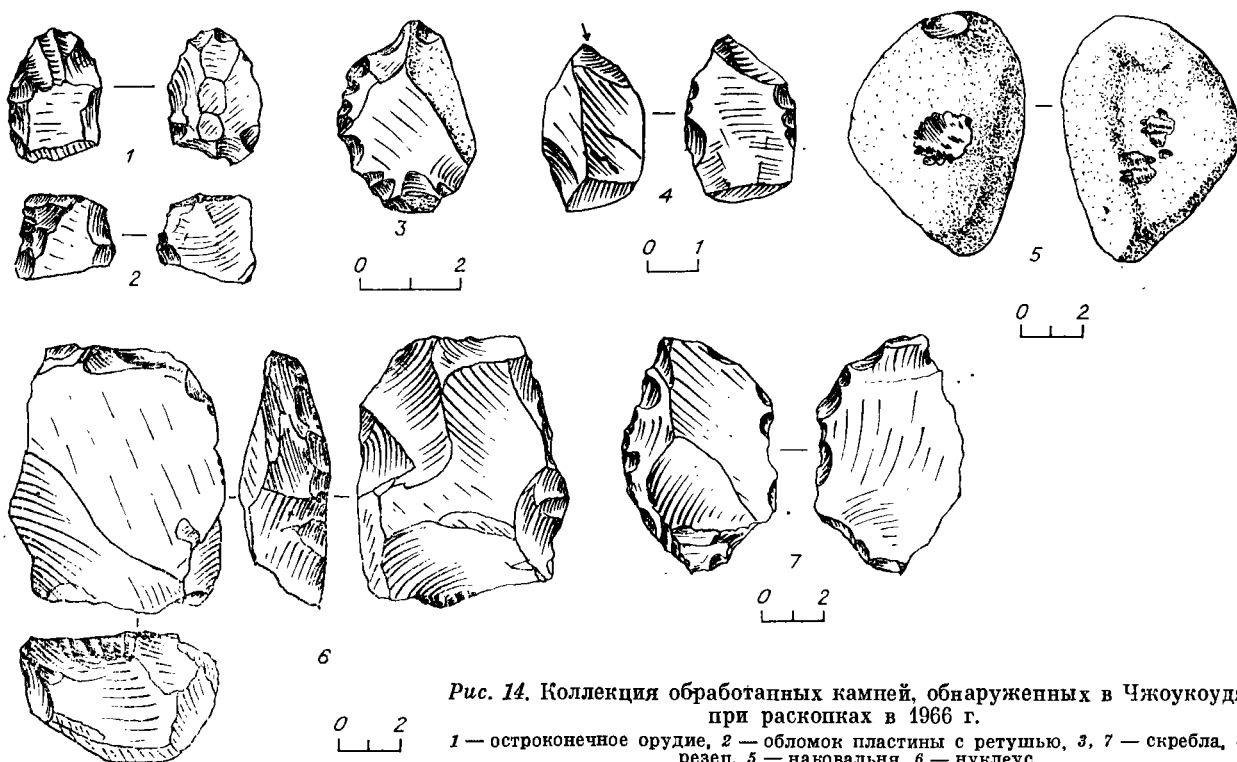

Рис. 14. Коллекция обработанных камней, обнаруженных в Чжоукоудяне при раскопках в 1966 г.

1 — остроконечное орудие, 2 — обломок пластины с ретушью, 3, 7 — скребла, 4 — резец, 5 — наковальня, 6 — нуклеус.

Чжоукоудяня. Толщина его достигала 6,5 м. В нем найдены обработанные камни и серовато-белые или серовато-черные кости, которые явно были подвергнуты сильному воздействию огня.

Для определения возраста слоев с находками решающее значение приобретает фаунистическая коллекция, обнаруженная в ходе раскопок. Ее составляют следующие животные: *Macaca robustus* Young, *Hyaena sinensis* Zdansky, *Crocota ultima* Matsumoto, *Felis cf. tigris*, *Ursus arctos* L., *Canis lupus variabilis* Pei, *Nyctereutes sinensis* Schlosser, *Cervus grayi* Zdansky, *Megaceros pachyosteus* Young, *Cervus elaphus* L., *Gazella* sp., *Bovinae*, *Sus lidekkerri* Zdansky, *Dicerorhinus merki* Jager, *Equus* sp. Этот фаунистический ансамбль характерен для местонахождения № 1 Чжоукоудяня. Исключение составляет лишь *Cervus elaphus* L. из 3-го слоя, который считается приуроченным лишь к верхним слоям местонахождения № 1 Чжоукоудяня. *Cervus elaphus* L. обнаружен также при раскопках местонахождения № 15 Чжоукоудяня и встречается в фаунистических комплексах верхнего плейстоцена Китая. Примечательным следует считать открытие *Megaceros pachyosteus* Young, ибо большая часть костей этого животного была обнаружена ранее в зонах А, В и С местонахождения № 1 Чжоукоудяня. Среднеплейстоценовый возраст его не вызывает сомнений. Что касается *Hyaena sinensis*, то костные остатки этого хищника были зафиксированы ранее в среднеплейстоценовых отложениях, а в Чжоукоудяне его кости встречались в слое 5. Однако кости *Hyaena sinensis* находили и в слоях значительно более позднего времени, в том числе финальной стадии плейстоцена, и поэтому они не могут служить надежным хронологическим показателем. По фаунистическим данным слои 1—4 Южной трещины следует датировать более ранним временем, чем отложения местонахождения № 15 Чжоукоудяня.

Исключительный интерес для оценки культуры синантропа финальной стадии заполнения пещеры отложениями вызывает коллекция обработанных камней, обнаруженных в ходе раскопок 1966 г. Всего было найдено 173 экз. изделий. В качестве сырья при изготовлении инструментов использовался главным образом жильный кварц (57,3%). Значительной оказалась также доля изделий из кремня (26,3%). Их покрывала характерная патина серого цвета. Кроме этого, обнаружены образцы, изготовленные из глинистого сланца (8,8%), песчанистой (4,1%) и изверженной породы (3,4%). Находки подразделяются по категориям следующим образом: разные по типологическому назначению инструменты — 40,7%, изделия со следами грубой оббивки — 35,8, отщепы — 10,5, отщепы со следами оббивки — 8,7, нуклеусы — 4%.

Нуклеусов найдено 7 экз. Среди них наиболее выразителен необычный для индустрии синантропа и вообще для нижнего палеолита Китая изготовленный из кремня образец прямоугольной формы (рис. 14, 6). На двух концах нуклеуса оформлены ударные площадки. Менее массивный, слегка нарушенный сломом конец подправлен тремя ударами, после которых остались длинные и ровные негативы снятых отщепов. Эта площадка образует с выпуклой поверхностью скалывания отщепов угол в 75°. Ударная площадка, расположенная на противоположном конце, значительно более обширная, поскольку эта часть нуклеуса отличается большей толщиной. Площадка выровнена серией относительно крупных сколов, а край ее примыкающий к поверхности скалывания, подправлен мелкими, пластинчатыми по характеру сколами. Вторая ударная площадка образует с поверхностью скалывания угол 70°. Обе широкие плоскости нуклеуса покрыты негативами сколов, и поэтому изделие это можно назвать своего рода бифасом. Левый край нуклеуса обработан небрежно

несколькими грубыми, довольно круто направленными сколами. Несравнимо более тщательная подправка прослеживается вдоль правого края. После того как контур его оформили рядом крупных сколов, произведенных отбойником, вдоль кромки, примыкающей к относительно плоской тыльной стороне нуклеуса, была произведена тонкая, ступенчатая по характеру подправка. Негативы сколов подправки короткие, но сравнительно широкие. Тонко обработанный край нуклеуса мог использоваться в качестве скребловидного лезвия. Рациональность оформления такого уникального для нижнего палеолита Китая типологического варианта нуклеуса не подлежит сомнению. Скопленные площадки, небольшой угол скалывания отщепов, возможность снятия их с двух концов позволяли получать значительное количество необходимых для изготовления разнообразных орудий заготовок. Никогда ранее в столь древних памятниках нижнего палеолита Восточной Азии не находили нуклеусов с такими тщательно и целенаправленно обработанными ударными площадками. Образец из верхних горизонтов местонахождения № 1 Чжоукоудяня представляет собой, таким образом, древнейший для Китая нуклеус с подправленными ударными площадками. С точки зрения анализа особенностей техники обработки камня в различных культурных зонах Чжоукоудяня обращает на себя внимание двусторонность оббивки при оформлении прямоугольного нуклеуса. Китайские археологи, анализируя его очертания, пришли к выводу, что он напоминает прямоугольные нуклеусы, которые находят на ашельских памятниках Европы. Более поздние образцы таких нуклеусов характерны для стоянок культуры юан юго-востока Азии. В Китае они обнаружены также при раскопках верхнепалеолитического поселения Шуйдунгоу, а следовательно, датируются значительно более поздним временем, возможно самой поздней стадией их использования.

Для анализа уровня и способов расщепления сырья интересна коллекция отщепов. Судя по некоторым особенностям, отщепы отделялись от нуклеусов прямым ударом отбойника. Очертания у отщепов треугольные или подпрямоугольные. У большинства из них ударные площадки ровные, но у отдельных экземпляров на них имеется ребро, возвышающееся между фасетками подправки. Часть отщепов — с фасетированными ударными площадками. Угол расщепления сколов с ровной ударной площадкой велик — 110° , а у образцов с ребром — 100° . Ударные бугорки у них выделяются весьма отчетливо. Один из крупных и массивных кремневых отщепов сколот с нуклеуса, который не имел подправленной ударной площадки. По форме он трапециевидный, широкий, но короткий. Ударный бугорок его обширный, занимающий почти половину верхней части плоскости брюшка. Заметна также метка от удара. По округлому краю отщепа, примыкающему к дистальному концу, заметна серия выщербликов, которые представляют собой следы использования скола в работе. Второй, тоже кремневый, отщеп — самый крупный образец в коллекции. Он подтреугольный, обломанный на конце, массивный. Ударная площадка его фасетированная. Ударный бугорок не отличается значительной выпуклостью, но мет-

ка от удара обширная и глубокая. Край отщепа имеют следы использования образца в работе. Особого описания заслуживает квадратный обломок кремневого отщепа, а возможно, пластинчатого скола или даже пластины (рис. 14, 2). Ударная площадка его имеет ребро, ударный бугорок обширный, выпуклый, угол расщепления составляет 98° . Отщеп трехгранный в сечении. Левый край со стороны спинки обработан сравнительно тонкой ретушью. Судя по граням на спинке, с нуклеуса скалывались мелкие заготовки. Часть отщепов, изготовленных из жильного кварца, скалывались с нуклеусов с применением в качестве подставки наковален из галек. Из 15 отщепов такого типа 6 биполярные, а 9 однополярные. Отщепы из кварца отличаются небольшими размерами и подпрямоугольными или трапециевидными очертаниями. Что касается наковален, то в качестве их использовались подтреугольные или иных форм обычные гальки с подходящими для установки нуклеусов ровными поверхностями. Каверны выщерблин прослеживаются на одной или обеих плоскостях. Забитость может образовывать сплошное округлое пятно с чашевидным углублением или рассеянные каверны, обособленные или сливающиеся друг с другом (рис. 14, 5). Следы выщерблин концентрируются обычно в центральной части плоскости наковальни. Часть подходящих по формам галек использовалась в качестве отбойников.

Среди инструментов китайские археологи выделили скребла, острия или остроконечники, резцы и рубящие орудия. Наиболее многочисленную серию изделий составляют скребла. Они, в свою очередь, подразделяются на две разновидности — скребла с одним рабочим лезвием (5 экз.) и с двумя (6 экз.). Первое скребло с одним прямым лезвием изготовлено из прямоугольного отщепа кремня. Фасетки тонкой, мелкой и ровной ретуши покрывают с брюшка один край отщепа. Второе скребло изготовлено из скола жильного кварца. Левый выпуклый край его обработан длинными и ровными фасетками ретуши. Лезвие скребла подправлено вторично мелкими сколами. Три скребла изготовлены из полукруглых массивных отщепов жильного кварца. Общая черта их — обработанные с одной стороны ретушью три края заготовок. Тщательная ретушь изменяет их очертания. Наиболее выразительно небольшое скребло, изготовленное из кремневого отщепа овальной формы (рис. 14, 3). Левый округлый край его покрыт мелкими и глубокими фасетками ретуши. Оформление скребловидного лезвия производилось при этом так, что фасетки оказались отделенными друг от друга мелкими зубчатыми выступами. Ретушь наносилась со стороны спинки, и она выглядит зубчато-пильчатой. Кромка рабочего края скребла неровная, «волнистая». Особо оформлен приостренный конец отщепа. Двумя сколами здесь выделен короткий тупой выступ. Инструмент, изготовленный из кремневого отщепа, мог быть многофункциональным.

Среди группы двулезвийных скребел в особенности выразителен инструмент из сравнительно правильного двугранного пластинчатого отщепа изверженной породы (рис. 15). Один скребловидный край оформлен со стороны брюшка грубыми ско-

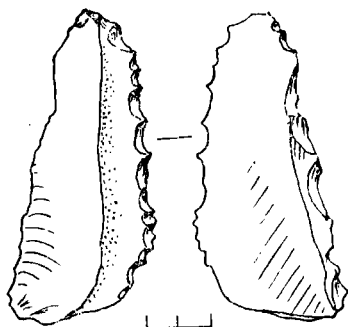

Рис. 15. Инструмент с зубчато-пильчатым рабочим краем.

лами. Фасетки здесь обширные, глубокие, не отличающиеся правильностью очертаний. На участках, прилегающих к концам, они меньшего размера. Правый край пластинчатого отщепа обработан со стороны спинки в совершенно другой манере, что позволяет предполагать использование этого лезвия для выполнения каких-то других трудовых операций. Ретушь здесь крутая, тонкая, ровная. Фасетки ее глубокие и располагаются так, что отделяются друг от друга острыми зубчатыми выступами. Как и в случае с последним из описанных скребел с одним лезвием, рабочий край этого скребла выглядит зубчато-пильчатым. На узком проксимальном конце скола мелкими сколами оформлено небольшое острие. Отсюда можно сделать вывод, что инструмент из пластинчатого скола тоже был многофункциональным. Это объясняет, кстати, почему скребковидные лезвия оформлялись разной по характеру ретушью. Они явно предназначались для специфических трудовых операций. Второе скребло изготовлено из подтреугольного по форме скола жильного кварца. У орудия одно лезвие прямое, а другое образовано двумя сходящимися под прямым углом друг к другу участками края. Третье скребло изготовлено из широкого, прямоугольного кремневого отщепа. Левый выпуклый по контуру край его обработан со стороны спинки не очень крутой зубчатой по характеру ретушью. Правый край отщепа ретуширован тоже со спинки, но более круто. Обработке подвергался также дистальный конец отщепа, но ретуширование здесь было произведено, напротив, со стороны брюшка, что позволяет сделать вывод о закономерности использования приема оформления скребел с несколькими лезвиями противоположающей ретушью, как, впрочем, и стремления получить при этом извилистый, зубчатый по характеру рабочий край. Обработка дистального конца отличается тонкостью. Фасетки здесь мелкие, ровные, располагающиеся рядом друг с другом. Лезвие на конце по контуру прямое. В сущности, это изделие можно назвать, трехлезвийным скреблом — два рабочих края у него боковые, а третий — концевой. Особого внимания заслуживает прием обработки дистального конца отщепа. Если бы отщеп представлял собой часть крупной пластины, то такое изделие можно было отнести к пластинам с усеченным ретушью концом. Учитывая глубокую древность инструмента, такой прием выравнивания ретушью дистального конца не может не заинтересовать и не навести на определенные размышления. Четвертое скребло,

изготовленное из кремневого отщепа, примечательно тем, что оба лезвия его, оформленные по краям, вогнутые по контуру. Особой тщательностью отделки отличается левый рабочий край, ретушированный со спинки. Ретушь здесь крутая и тонкая, стремление оформить выемчатое лезвие не вызывает сомнения. Рабочее лезвие по правому краю располагается чуть асимметрично относительно левого. Его выемчатость тоже подчеркнутая, но подправка более грубая. По краю здесь было нанесено всего лишь несколько ударов. Один из концов отщепа тоже обработан, но выпуклое лезвие оформлено тонкой ретушью со стороны спинки. Пятое скребло изготовлено из крупного и широкого вытянуто-овального пластинчатого отщепа кремня (рис. 14, 7). Левый край обработан тонкой ретушью со спинки. Две более крупные фасетки располагаются на участке, прилежащем к приостроенному концу. Кромка выпуклого лезвия ровная, лишенная заметно выделяющихся зубчатых выступов. В иной манере оказался оформленным правый край отщепа. Со стороны спинки здесь прослеживается всего лишь несколько фасеток от вертикально направленных ударов, с помощью которых тонкий край отщепа как бы обламывался. Значительно тщательнее обработан этот край со стороны брюшка. Фасетки ретуши тут крупные, крутые, а кромка лезвия извилистая, с несколькими шиповидными выступами. Обращает на себя внимание сравнительно широкая фасетка от продольно направленного скола, который был произведен на верхнем конце отщепа. Эта подтезка, возможно, свидетельствует о том, что приостроенный конец тоже использовался в качестве рабочего лезвия. Шестое скребло изготовлено из небольшого вытянуто-овальной формы кремневого нуклеуса. Это изделие представляет собой продукт реутилизации нуклеуса, который, вероятно, следует датировать более ранним временем. Мелкая и ровная ретушь с короткими, но широкими фасетками прослеживается вдоль неровных с глубокими выемками и широкими выступами краев изделия. Нуклеус патинирован и имеет темно-серую окраску. Фасетки же ретуши светло-серые. Остроконечных орудий обнаружено 9 экз. Два из них изготовлены из кремня, а остальные из жильного кварца. Инструменты такого типа подразделяются на две разновидности. Первую составляют остроконечные орудия, изготовленные из небольших, подтреугольной формы кварцевых отщепов. Опубликовано одно такое изделие (рис. 14, 1). Оба края его обработаны со стороны брюшка поперечно направленными, довольно крутыми сколами. Округлый конец отщепа покрыт длинными и сравнительно широкими фасетками продольно направленными сколов. Со стороны брюшка на этом участке тоже располагаются фасетки, но они значительно меньше по размерам. Стремление заострить широкий округлый конец инструмента выражено совершенно определенно. Левый, со стороны брюшка, в особенности тщательно обработанный край орудия мог использоваться в качестве скребковидного лезвия. Правый почти прямой край приостроен сколами с двух сторон. У остальных остроконечников этого типа ретуширование краев и конца производилось со спинки. Типичный остроконечник второй группы

изготовлен из двугранного пластинчатого отщепа кремня. Подтреугольный, тупой, слегка искривленный конец орудия обработан крутой ретушью вдоль одного края с брюшка, а вдоль другого, слегка вогнутого, со спинки. На остальных участках краев как со спинки, так и с брюшка тоже прослеживаются фасетки подправки. С точки зрения строгости типологии этот остроконечник не отличается особой выразительностью.

Группа резцов представлена 3 экз. Наиболее типичный образец изготовлен из трехгранного в сечении массивного отщепа жильного кварца (рис. 14, 4). Края отщепа обработаны мелкой и довольно крутой ретушью со стороны брюшка. Резцовые фасетки от наискось направленных ударов прослеживаются на подтреугольном приостренном конце как со стороны спинки, так и с брюшка. В результате этих противолежащих сколов был оформлен резец срединного типа. Его с учетом всех следов оформления, можно отнести к классическим вариантам инструментов такого типа. Как отмечают китайские археологи, подобные орудия, которые, по их мнению, вряд ли могли использоваться в качестве резцов, встречаются в культурных отложениях местонахождения № 1 Чжоукоудяня начиная с 8-го и 9-го слоев. Среди находок из слоя 4 и выше резцов становится значительно больше, а формы их усложняются. Рубящий инструмент обнаружен всего один, но он оказался примечательным тем, что представляет собой самое крупное изделие, изготовленное из гальки глинистого сланца. Мелкие и ровные фасетки ретуши оформляют изогнутое лезвие орудия, связанное с краем и концом гальки. По кромке рабочего края отчетливо прослеживаются следы использования инструмента, по всей видимости, в качестве скребла.

Публикация новых материалов, позволяющих представить особенности каменной индустрии синантропа на поздних этапах эволюции его культуры, вызывает исключительный интерес. Коллекция изделий, обнаруженных в ходе раскопок 1966 г., подтверждает мнение, что в верхних культурных горизонтах Чжоукоудяня в качестве сырья значительно более широко использовался кремень, а не кварцитовые и кварцевые породы. Возможно, техника обработки камня в нижних горизонтах тоже была сравнительно развитой, но плохое качество сырья не позволяло использовать ее в должной мере. Бесспорен, однако, факт освоения синантропом в период отложения верхних горизонтов новых технических приемов обработки камня. Отщепы с подтесанной ударной площадкой, подпрямоугольный двуплощадочный нуклеус с целенаправленно оформленными ударными площадками, тонкость ретуширования, типологическая определенность и серийность инструментария подтверждают оправданность такого вывода. Предварительная подправка ударных площадок, предшествующая скалыванию с нуклеусов заготовок для последующего изготовления из них орудий, привела к тому, что появилась возможность получать не аморфные, лишенные строгих очертаний, отщепы, а пластинчатые сколы и даже относительно правильные пластины. Высокое качество кремня, который стал впервые использоваться в столь широких масштабах, способствовало закреп-

лению новой технической традиции. Удачно сколотые с нуклеуса заготовки, отличающиеся правильностью очертаний, использовались мастерами максимально. Варьирование разной по стилю ретуши позволяло изготавливать многофункциональные инструменты, в частности совмещающие разнохарактерные скребловидные лезвия, с помощью которых могли выполняться последовательные этапы какой-либо трудовой операции, и проколковидные острия. Примечательным представляется оформление краев орудий не однообразно со спинки или, напротив, с брюшка, а противолежащей ретушью, когда один край обрабатывался со спинки, а другой в то же время непременно с брюшка. Высокая степень овладения отбивной, а также, по всей видимости, и отжимной ретушью позволяла синантропу на финальных стадиях развития его культуры достигнуть значительной тонкости в оформлении проколковидных острий, в том числе на удивление миниатюрных. Среди разнообразий ретуши особое впечатление производит зубчатого-пильчатый вариант, придающий ярко выраженное своеобразие инструментарию верхней культурной зоны Чжоукоудяня. Заслуживает внимания также стремление подвергнуть обработке не только края отщепов и пластинчатых сколов, но и один из концов. Продольно направленные сколы и фасетки позволяли оформлять здесь миниатюрные проколковидные выступы, приостренные концы остроконечников и скребловидные лезвия, выпуклые или прямые, создающие впечатление усеченности. Вариационность очертаний рабочих лезвий орудий значительна. Так, среди скребел — самого распространенного вида орудий — зафиксированы изделия с выпуклым, прямым, вогнутым, а также извилистыми с зубчатыми выступами краями. Возможно, рабочие края некоторых орудий, которые определены как скребла, использовались для резания или пиления. В целом, если учесть глубокую древность памятника, набор инструментов из верхней зоны пещерных отложений Чжоукоудяня впечатляюще широк и разнообразен. В особенности поражает неожиданностью открытие типологически весьма ярких резцов с их обработанными краями и выразительными резцовыми фасетками.

Результаты новых раскопок верхних слоев Чжоукоудяня подтверждают идею о том, что культурную толщу места обитания синантропа следует подразделять на две зоны — нижнюю, древнюю, и верхнюю, позднюю, для культуры которой характерны четко выраженные признаки заметного прогресса в технике обработки камня и расширение типологических вариантов инструментов. Переход к новой ступени начинает проявляться с 6-го слоя, а к 4-му слою результаты прогресса становятся очевидными. Возрастает и количество находок, среди них уменьшается доля отщепов, сколотых с нуклеусов с применением старых технических приемов. Заметно сокращается количество грубых рубящих орудий из галек типа чопперов и чоппингов. В противовес им увеличивается число мелких инструментов. Вообще в коллекциях из верхних слоев больше орудий и заготовок, чем отходов производства. В нижних слоях это соотношение иное. Начиная с 6-го слоя заметно увеличивается количество острий и резцов, совершен-

ствуется тонкость их отделки. В 4-м слое появляются концевые скребла или скребла с округлым рабочим краем, а также проколковидные острия с миниатюрными шиловидными выступами на конце. В свете новых находок из верхних слоев местонахождения № 1 Чжоукоудяня возникают новые аспекты решения проблемы взаимоотношения этого памятника с более поздним местонахождением № 15. Старая точка зрения о тесной их взаимосвязи в общем остается в силе. Оба памятника бесспорно представляют одну культуру, разные хронологические стадии единой в основе культурной традиции. Однако теперь с появлением новых материалов из верхних слоев местонахождения № 1 можно отчетливее представить как сходство их с коллекциями из местонахождения № 15, так и различие, свидетельствующее о том, что памятники все же разделяются определенным этапом и их не следует стыковать друг с другом непосредственно, без некоего промежуточного звена. Временной разрыв между ними — факт бесспорный. Именно это обстоятельство объясняет различия в инвентаре: в местонахождении № 1 обнаружены прямоугольный с обработанными площадками нуклеус, скребла с округлым лезвием на конце отщепов, скребла с зубчато-пильчатыми лезвиями, шиловидные проколки, которые отсутствуют в коллекциях местонахождения № 15, но здесь найдены дисковидный нуклеус и небольшие двусторонне обработанные острия (бифасы), отсутствующие в первом памятнике. Что касается сходства, то оно устанавливается при сравнении скребел и острий, по малочисленности рубящих и скребловидных орудий из галек, по некоторым одинаковым методам расщепления камня.

В связи с различиями в инструментарии и уровнях технического мастерства между верхней и нижней зонами местонахождения № 1, подтверждающими значительный прогресс в культуре второго этапа обитания архантропа в Чжоукоудяне, привлекают внимание новые находки обломков черепа синантропа в верхних слоях пещеры. Прав ли был Ф. Вейденрейх, когда утверждал, что палеоантропологические материалы из нижних и верхних горизонтов Чжоукоудяня не дают оснований отметить какие-либо изменения в структурах черепов на всем протяжении огромного периода времени, когда происходило заполнение пещеры? Как следует объяснять в таком случае стабильность архаических морфологических особенностей строения черепа среднеплейстоценового гомипида Китая, если в инструментарии его прогресс столь заметен? В какой-то мере разяснить эти вопросы позволяют два обломка черепа, обнаруженные при раскопках 1966 г. Находки представлены лобной и теменной частями черепа и правой половиной затылочной кости, частично совмещенной с теменной. Фрагменты сильно фоссилизированы. Цвет их желтовато-коричневый с черными крапинками. При реставрации выяснилось, что эти обломки относятся к черепу № 5 из пункта Н, описанного Ф. Вейденрейхом. Он принадлежит особи мужского пола средних лет. Объем мозга 1140 см³. По главным особенностям череп не отличался от других образцов, обнаруженных в Чжоукоудяне (низкая черепная крышка, «убегающий» назад лоб, низкое расположение наиболее

широкой части, развитые надглазничный и затылочный валики). В то же время для черепа № 5 оказались характерными некоторые особые морфологические черты (менее массивные валики, почти вертикальная направленность стенок мозговой части, меньшая, чем обычно, толщина их и т. п.). Поскольку множество прогрессивных морфологических черт оказалось связанным с одним черепом, то китайские палеоантропологи подчеркнули невозможность объяснения их действием случайных факторов. По их мнению, ни один из ранее обнаруженных черепов синантропа не может сравниться по степени прогрессивности морфологических признаков с черепом № 5. В связи с этим обращено также внимание на то, что найденную в том же пункте Н нижнюю челюсть женской особи Ф. Вейденрейх определял как более близкую челюсти современного человека по сравнению с другими образцами из Чжоукоудяня. Все это позволяет сделать вывод, что палеоантропологические материалы из верхних отложений Чжоукоудяня опровергают точность заключения Ф. Вейденрейха о неизменных морфологических особенностях синантропа. Как показывают новые находки, они постепенно изменялись в ходе эволюции гомипида из Чжоукоудяня. Примечательные черты трансформации в культуре, которые нашли отражение в новых приемах обработки камня и в типологии инструментария, раскрывают тот же по характеру процесс. Ни о каком эволюционном тупике синантропа более не может быть речи. Под таким же углом зрения следует рассматривать его культуру, базовую для последующих этапов развития нижнего палеолита Китая.

Как известно, ранее памятники, синхронные по времени местонахождению № 1 Чжоукоудяня открывали лишь на севере Китая, главным образом в бассейне Хуанхэ, где в особенности широко распространены мощные толщи красноватых лёссов среднего плейстоцена. Понятен поэтому тот интерес, который вызвало сообщение о результатах раскопок первого нижнепалеолитического местонахождения бассейна Янцзы, обнаруженного в 1971 г. в уезде Дае (пров. Хубэй)¹⁰. Речь идет об исследовании пещеры Шилунтоу. Памятник этот располагается в 100 км на северо-запад от г. Ухань, в 20 км от Хуанши и приблизительно в 30 км от уездного центра Дае. Пещера находится в 4 км юго-западнее Янцзы, в холмистом районе, известном своими многочисленными озерами. Озеро Дае, около которого как раз и была обнаружена пещера Шилунтоу, — одно из крупных в этом районе. Длина его около 30 км, ширина 8 км. От Янцзы к оз. Дае протянулась узкая длинная известняковая гора. Западная часть ее называется Хуанцзиншань, а восточная — Чжаншань. Шилунтоу представляет собой небольшой выступ Чжаншаня, протянувшийся в виде полуострова в воды Дае. В известняках Хуанцзиншаня располагается большое количество всевозможных пещер. Склоны горы разрезаются во многих местах руслами подземных ручьев и небольших речек, которые, вырываясь из подземелий, образуют живописные водопады. Среди них известностью пользуется водопад Фэйпу, связанный с пещерой Фэйюндун в окрестностях г. Хуанши. В районе Чжаншань также находится большое количество пещер.

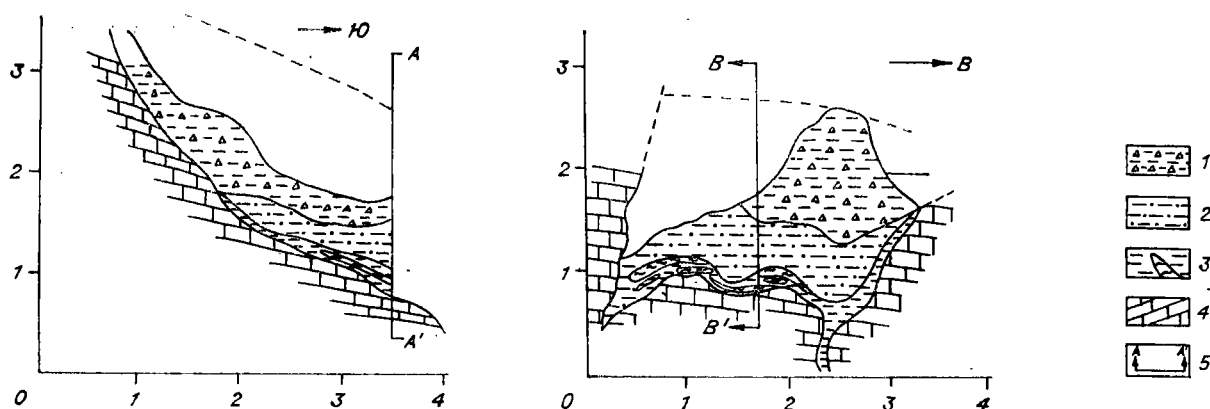

Рис. 16. Разрезы напластований пещеры Шилунтоу.

1 — глина с мелкими обломками известняка, 2 — суглинок, 3 — глина со сталактитовыми прослойками, 4 — известняк, 5 — линия разреза.

Они располагаются ярусами от вершины возвышенности до ее подножия у берега оз. Дае. Самые дальние из пещер находятся на высоте около 100 м. Средний пояс пещер приурочен к пластам известняка, залегающим на высоте 60—80 м, а самый нижний располагается на высоте 10—40 м. Процесс образования пещер продолжается и в настоящее время — их вымывают потоки, вливающиеся в озеро непосредственно у подножия Чжаншаня. Пещеры Хуанцзиншаня различаются по своим размерам. В отдельных из них сохранились отложения, главным образом красновато-желтые песчаные слои с примесью обломков известняка и галек. В пещерах фиксируются также сталактитовые прослойки. Особое внимание геологов и палеонтологов к этим пещерным отложениям обусловлено тем, что в них иногда встречались обломки костей слонов и гималайского медведя. Видовая принадлежность животных позволяла датировать пещерные слои временем от среднего до позднего плейстоцена. Это открывало благоприятные перспективы для поисков следов культуры палеолитического человека.

Открытие пещерной стоянки Шилунтоу связано со следующими обстоятельствами. Первые находки, связанные с остатками ископаемой фауны, были сделаны зимой 1971 г. строителями ирригационной системы коммуны Чжаншань, которые производили работы в районе оз. Дае. На место открытия были направлены сотрудники Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии АН КНР и музея пров. Хубэй. Исследования продолжались до весны 1972 г. В итоге стало ясно, что в Шилунтоу находятся остатки пещерного стойбища древнекаменного века. Это открытие показало перспективность поисков палеолита в бассейне среднего и нижнего течения Янцзы и позволило четко представить особенности четвертичной геологии этого района.

Шилунтоу представляет собой небольшой горный перевал, возвышающийся над уровнем озера на 50 м. Его образуют массивные пласты известняков пермской эпохи. Пещера того же названия располагается на южном склоне перевала (рис. 16). Она образовалась в месте пересечения трех групп поперечных разломов, рассекающих пласты известняка. Длина камеры с севера на юг составляет 11 м, ширина ее варьируется от 1 до 4 м (заполнение происходит по направлению на север).

Верхняя часть пещеры не сохранилась, и потому установить высоту ее не удалось. Вход в камеру находился, повидимому, на южной стороне — именно по направлению на юг прослеживался уклон ее пола. Угол наклона составлял около 30°. От уровня оз. Дае пещера располагалась на высоте 10 м. Верхнюю часть заполнения камеры составлял слой светло-коричневого суглинка и глины, смешанной с мелкими фрагментами известняка со слабыми следами выветривания. Глина характеризуется грубоватым составом. Толщина сохранившейся части глины и суглинка составляет 0,5—1,5 м. При раскопках верхнего слоя не были обнаружены ни остатки фауны, ни каменные изделия. Ниже залегал пласт желтого и коричневатого суглинка со значительной примесью мелких обломков известняка, кварцита и кремнистых галек. На поверхностях известняковых фрагментов прослеживались четкие следы выветренности. Цвет суглинка менялся от прослойки до прослойки, что позволило геологам сравнить его с вариациями в окраске отдельных горизонтов слоев красноземов, отложения которых прослеживаются на склонах возвышенностей за пределами пещеры. Но пещерные суглинки отличались меньшей степенью глинистости и более слабой степенью фильтрации. В желтом и коричневом суглинке залегало большое количество обработанных камней и обломки костей животных. Следы окатанности на них отсутствовали, следовательно, они залегали в том месте, где их оставил палеолитический обитатель пещеры. Толщина культурного горизонта составляла 0,3—1 м. Нижняя часть пещерного заполнения — коричневатый суглинок, перемешанный с обломками сталактитов. Из них формировались особые прослойки бурого и серовато-желтого цвета. Толщина таких прослоек достигала нескольких сантиметров, но в местах, где просачивались струйки воды, возрастала до 1 м. При раскопках нижнего слоя были обнаружены кости животных и изделия из камня, отличающиеся небольшими размерами. Толщина нижнего горизонта заполнения пещеры составляла 0,3—1 м. Анализ особенностей трех слоев показал, что в начале в пещере откладывались в основном водные осадки. Затем камеру начали заполнять продукты разрушения ее стен и потолка. К этому времени как раз и относится появление в пещере палеолитического человека, культурные остатки которого

стали составной частью среднего горизонта. В период формирования верхнего горизонта, когда человек не жил в пещере, в заполнении тоже преобладали продукты разрушения стен и потолка камеры. Разница, однако, как уже отмечалось, заключалась в том, что на поверхностях известняковых обломков среднего слоя пещеры прослеживались отчетливые следы выветривания. Обращало на себя внимание и различие в окрашенности верхнего и среднего горизонтов. Граница между ними неровная, волнистая. В средней и верхней частях нижнего горизонта пещеры между обломками сталактитов иногда встречались экскременты гиены. Отсюда следовало, что до появления в пещере палеолитического человека ее заселяли гиены. Они появлялись в ней и тогда, когда люди временно покидали камеру. Наиболее основательное и продолжительное освоение человеком пещеры наступило в эпоху формирования среднего горизонта, когда уровень воды в Дае понизился и полость в известняке стала сухой, а следовательно, и благоприятной для обитания в ней. Но начало этого процесса относилось к части нижнего горизонта, где также встречались кости животных и обработанные камни, сходные с найденными в среднем. В целом нижний горизонт плавно и постепенно переходил в верхний, позволяя отнести культурные остатки к одной стадии. В заключение следует отметить, что отложения в Шилунтоу позволили китайским геологам четко предположить время отложения красноземных толщ бассейна среднего течения Янцзы, а также эпохи формирования террасовых уступов, перекрытых такого же рода глинистыми пластами. Это позволит в будущем организовать здесь более целенаправленные поиски палеолитических местонахождений.

Культурный горизонт пещеры Шилунтоу сравнительно точно датируется с помощью фаунистических остатков, обнаруженных в нем. Список фауны включает костные остатки следующих животных: *Hystrix subcristata* Swinhoe, *Ailuropoda melanolenca fovealis* Matthew et Granger, *Hyaena sinensis* Zdansky, *Felis tigris* L., *Stegodon orientalis* Owen, *Rhinoceros sinensis* Owen, *Sus* sp., *Pseudaxis* sp., *Cervus* sp., *Bovinae*. Фауна эта в целом включает представителей айлюроподо-стегодоновой группы животных среднего плейстоцена юга Китая. Ведущее место среди них занимают в Шилунтоу стегодоновый слон, китайский носорог, дикобраз и гималайский медведь. В списке фауны отсутствуют такие типичные для третичной эпохи животные, как саблезубый тигр и соответствующие разновидности слонов и мелких медведей. Фаунистический комплекс Шилунтоу оказался наиболее близким фауне, открытой в Сычуани на местонахождениях Яньцзинсюн (Ваньсянь) и Хубэй (Чанъян). Вместе с тем по отдельным разновидностям животных Яньцзинсюн может датироваться более ранним временем, а Чанъян, напротив, поздним, ибо время его, судя по остаткам *Ното сарпиенс*, не может выходить за пределы среднего плейстоцена. Эти соображения позволили датировать культурные остатки Шилунтоу эпохой чуть более поздней, чем Яньцзинсюн (Ваньсянь), и определенно более ранней, чем Чанъян. Такая промежуточная позиция определяет среднеплейстоценовый возраст палеолита Шилунтоу и

его айлюроподо-стегодонового блока фауны. С этой точки зрения важно, что *Hyaena sinensis* из Шилунтоу сходна с видом гиены, обнаруженной в местонахождении № 1 Чжоукоудяня, но отличается от гиен верхнего грота Чжоукоудяня и Шароосогола; *Rhinoceros sinensis* Owen сходен с носорогом из Яньцзинсюна, *Sus* sp. с *Sus lidekkerri* из местонахождения № 1 Чжоукоудяня, *Bovinae* — с разновидностями быков из Динцуня, Шароосогола и Яньцзинсюна. По всей видимости, Шилунтоу относится, если сопоставить все факты, к средней поро среднего плейстоцена, как теперь датируется местонахождение № 1 Чжоукоудяня.

Коллекция обработанных камней, обнаруженных при раскопках пещеры Шилунтоу, невелика — 88 экз. Для изготовления инструментов использовался кварцит, кремнь, кварц и песчаник. Большей частью исходное сырье представляет собой гальки. Изделия, залежавшие в слое, покрывала кальцитовая корочка. Та же особенность оказалась характерной для фаунистических остатков. Значительную по количеству группу находок образуют нуклеусы — 34 экз. (рис. 17, 1, 2). Скалывание отщепов производилось с одного конца или вдоль одного края галек и желваков камня. Фасетки сколов не отличаются крупными размерами. Что касается угла раскалывания, то он, как правило, меньше 90°. Помимо фасеток основных сколов у кромок поверхности скалывания, примыкающей к площадке, по которой наносились удары, располагаются мелкие фасетки — следы неудачных попыток снять отщепы. Лишь у незначительной части нуклеусов ударные площадки подтесаны. У большинства площадки имеют незатронутую обработкой естественную галечную поверхность. Правда, у некоторых образцов по краю ударной площадки видны фасетки. Они появились или в результате случайного повреждения нуклеуса, или как следствие попыток сколоть отщепы в ином направлении. Нуклеусы, скалывание с которых производилось с одной поверхности, не отличаются правильностью очертаний. Иногда длина их превосходит ширину, но встречаются также экземпляры, у которых ширина превосходит длину. Концы у нуклеусов прямые и искривленные. Те же особенности характерны для нуклеусов, скалывание с которых велось в разных плоскостях и направлениях — с краев, примыкающих друг к другу или с противоположных. Скалывание могло вестись также под прямым или косым углом. Фасетки снятых отщепов тоже не отличаются крупными размерами.

Изучение отщепов, у которых сохранились ударные площадки, а края не были подправлены ретушью, показало, что они не отличаются правильностью форм (рис. 17, 5—9). У одной части их, как и в случае с нуклеусами, длина превосходит ширину, а у другой — ширина превосходит длину. Длина необработанных отщепов преимущественно составляет 4—7 см. Сколы же длиной 3 см и более в коллекции единичны. Угол раскалывания таких отщепов варьирует в пределах 90—125°. Самую большую группу необработанных сколов образуют образцы с углом раскалывания в 100—125°. Ударные площадки у отщепов, за исключением нескольких экземпляров, лишены следов подтески. Со стороны спинки поверхности

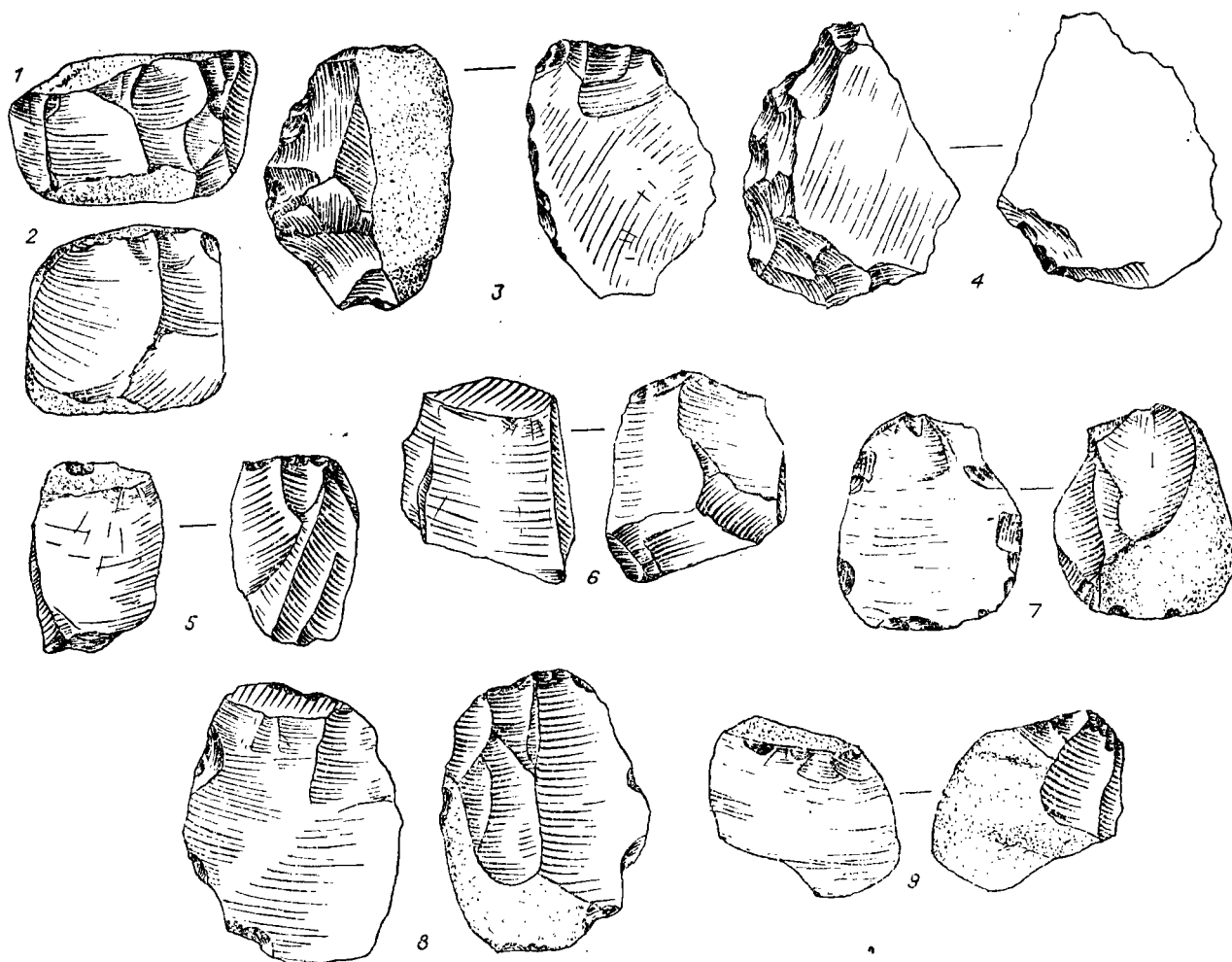

Рис. 17. Каменные изделия Шилунтоу.

1, 2 — нуклеусы, 3, 4 — скребловидные инструменты, 5—9 — отщепы.

отщепов или сплошь покрыты негативами ранее снятых сколов, или сохраняют нетронутой галечную корку. Со стороны брюшка у части отщепов отчетливо выделяется полуконический ударный буторок, но у отдельных экземпляров он выглядит сильно расплывшимся. Значительное число отщепов имеют по краям фасетки следы или преднамеренной обработки, или использования. Как правило, такие фасетки прослеживаются вдоль одного края. Однако нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что они разрознены и край смотрится сплошь обработанным. Отсюда, естественно, возникает впечатление случайности появления на краях отщепов таких фасеток, а не преднамеренности обработки.

Среди инструментов Шилунтоу наиболее многочисленную группу составляют изделия, которые китайские археологи описали как разные по типу рубящие орудия (17 экз.). Изготовленные из галек, нуклеусов или массивных сколов, они действительно могли использоваться как чопперы. Судя по изданным рисункам, часть из них, возможно даже большая, представляет собой на самом деле скребловидные инструменты (рис. 17, 3, 4; 18). Это следует иметь в виду при ознакомлении с категорией изделий, которые названы рубящими инструментами. Они отличаются сравнительно крупными размерами, массивностью и тяжестью. Длина и ширина наиболее крупных из них со-

ставляет 14—15 см, толщина 6—7 см, размеры наименьших соответственно 8 и 3,5 см. По характеру обработки рубяще-скребловидные орудия подразделяются на несколько разновидностей. У части из них скалывание велось по одному краю с двух сторон, и в итоге получалось изогнутое лезвие. Противоположный край оббивке не подвергался. У других инструментов обработка производилась более упрощенно — конец заготовки из массивного скола подправлялся с одной стороны. Противоположный конец тоже оставался необработанным. Рабочий край у таких изделий обычно выпуклый. Третью разновидность представляют инструменты, у которых один край оббивался с одной стороны так, что получалось дугообразное лезвие. Противоположная сторона или конец тоже обрабатывались, но противоположно. В четвертую группу входят изделия того же типа, но у них сторона или конец, противоположные рабочему, оббивались с двух сторон. Рубяще-скребловидные инструменты изготавливались также из галек. Среди них выделяются изделия, лезвия которых оформлены оббивкой края плоской гальки с одной стороны. У других орудий выпуклое лезвие тоже оббивалось с одной стороны, а рукоятка на противоположном крае — с двух. Обнаружены также экземпляры изделий, у которых оббитыми оказались все края. Обработка здесь иногда велась противоположно.

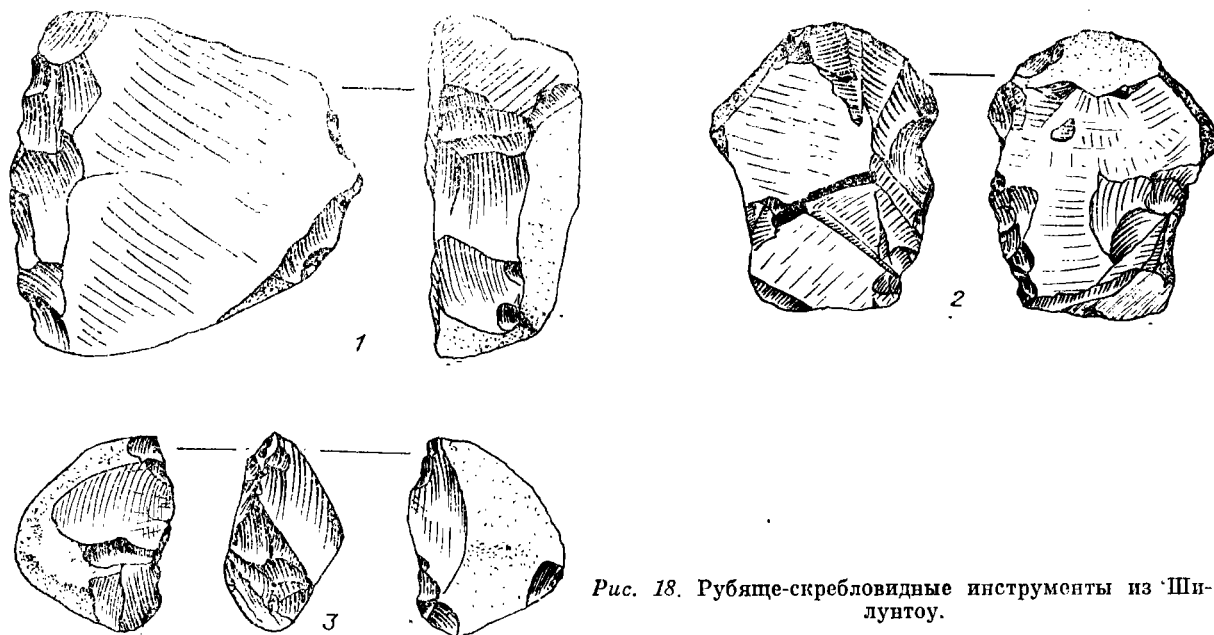

Рис. 18. Рубяще-скребловидные инструменты из Шилунтоу.

Обобщая особенности, китайские археологи выделили две большие группы скребловидно-рубящих инструментов. К первой, включающей 8 экз., они отнесли орудия, у которых обработка ограничивалась одним краем или концом. Противоположный край — рукоятка инструмента — обычно оставался необработанным. Рабочее лезвие у изделий этого типа прямое по контуру или выпуклое, отличающееся зигзагообразностью края. Первое из наиболее выразительных орудий изготовлено из массивного скола (рис 17, 3). Со спинки у него сохранился значительный участок галечной корки. Лезвие, округлое по контуру, оформлено крупными и сравнительно глубокими фасетками сколов. Несколько мелких фасеток видны по краю — возможно, это следы дополнительной подправки. Более мелкой оббивкой выделена также центральная часть лезвия. Край, противоположный рабочему, слегка подправлен со стороны брюшка. Значительно более четкие следы подтески прослеживаются также с брюшка на одном из концов скола. Второе орудие изготовлено из не очень большого, но довольно массивного скола подтреугольной формы (рис. 17, 4). Тщательной обработке подвергнуты были выпуклая сторона его, а также основание. Ретушь крутая, достигающая почти 90° . С противоположной плоскости обработка ограничивается лишь основанием скола. Третье орудие изготовлено из расколотой гальки (рис 18, 1). Крутое лезвие у него скошено по направлению к плоскости раскола. Фасетки сколов небольшие, но глубокие и широкие. Конеч, противоположный лезвию, слегка подправлен как с плоскости, где сохранилась галечная корка, так и со стороны поверхности раскола. У части изделий лезвие обрабатывалось с двух сторон, но тщательность подправки была неодинаковой. Один такой инструмент изготовлен из массивного скола, сохранившего на ударной площадке и значительной части спинки галечную корку. Массивный край скола оставлен без обработки, а более тонкий ретуширован с двух сторон, в результате чего было оформлено изогнутое лезвие (рис. 18, 2). Второй инструмент изготовлен из гальки (рис. 18, 3). По мнению

китайских археологов, вначале это был галечный нуклеус, скалывание с которого велось главным образом с одной поверхности. С другой же прослеживается всего несколько сколов, причем лишь одна фасетка их крупная. После дополнительной подправки слегка извилистого лезвия нуклеус превратился в рубящий инструмент типа чоппинга. Противоположный лезвию подтреугольный мягко округлый конец гальки, за исключением одного небольшого продольно направленного скола, оставлен без обработки. На широких плоскостях, в особенности с одной стороны, видны обширные участки, сохранившие незатронутыми обработкой галечные поверхности.

Ко второй группе относятся рубяще-скребловидные инструменты, у которых можно выделить несколько рабочих краев. Они изготовлялись из остаточных нуклеусов и из галек. Всего в коллекции девять таких изделий. Лезвия у инструментов оформлялись или на двух смежных краях заготовки, или на трех, но имеются также орудия, обработанные вкруговую. Рукоятки у таких инструментов тоже иногда специально подрабатывались, но в других случаях они сохраняли нетронутой галечную поверхность. Для изделий второй группы характерно выпуклое или плавно округлое, «дугобразное» рабочее лезвие. По краю его обычно располагается множество выщерблинок, а обработанные фасетки края отличаются неровностью, ступенчатостью. Это в особенности представляется примечательным для инструментов, у которых рабочий край подтесывался с двух сторон. У одного из наиболее выразительных «многосторонних рубящих» орудий скалывание по краям велось лишь с одной поверхности, а с другой видны лишь незначительные выщерблинки (рис. 19, 1). Сильными ударами, направленными к центру, были оформлены длинные края подтреугольной по форме гальки, а также широкий конец ее. Фасетки сколов по краям обширные, но не отличающиеся особой крутизной, а на конце меньшего размера, но более крутые. Узкий слегка закругленный конец гальки, рукоятка инструмента, оставлена без обработки. Очевидно, основное рабочее лезвие

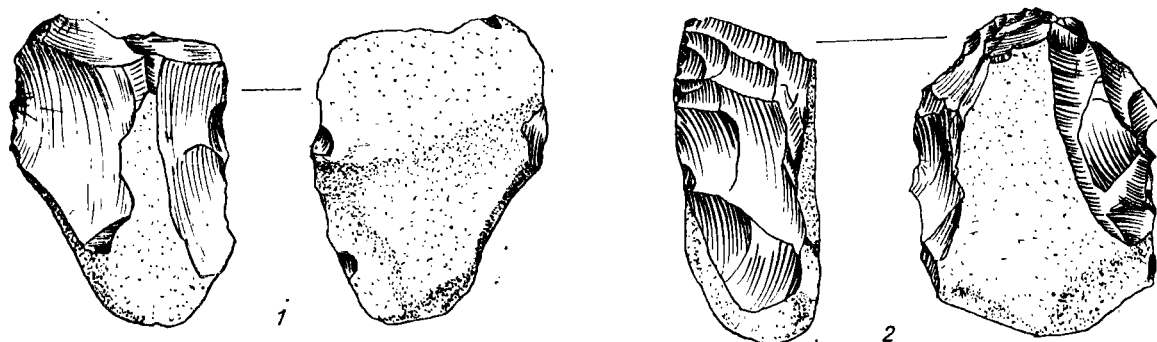

Рис. 19. «Многосторонние» рубящие инструменты из Шилунтоу.

располагалось на противоположном конце, и в таком случае это изделие можно считать односторонним рубящим орудием типа чоппера или даже кливера. Второе изделие еще более выразительное (рис. 19, 2). Оно изготовлено из плоско-выпуклой гальки. У нее круто направленными сколами обработаны обе длинные стороны и в особенности тщательно — слегка зауженный конец, где фасетки отличаются небольшими размерами и ступенчатостью расположения. Судя по всему, этот приостренный конец и был основным рабочим лезвием чоппера. Плоская сторона, противоположная обработанной, сохраняет полностью нетронутой галечную поверхность. На другой тоже сохранились значительные участки ее. Рукоятка инструмента более широкая, чем противоположный конец гальки. На ней отсутствуют следы сколов.

У семи инструментов такого же рода обработка велась не с одной стороны, а с двух. Одно из орудий этого типа изготовлено из гальки (рис. 20, 1). С одной стороны наиболее тщательно оббит конец гальки, где преобладают фасетки мелких сколов, а также правый край ее, где фасетки более крупные. Левый край ретуширован лишь отчасти. С противоположной стороны обработке были подвергнуты концы гальки — зауженный верхний и широкий нижний. Мелкие фасетки прослеживаются также по правому краю. На широких плоскостях этого рубящего инструмента типа чоппинга или кливера сохранились обширные участки галечной корки, незатронутые обработкой. Второе орудие из той же серии примечательно тем, что оно, по существу, представляет собою бифас (рис. 20, 2). Это изделие вытянуто-овальное по форме с одним несколько более зауженным концом. Один край инструмента выпуклый, а другой слегка вогнутый в средней части. Вдоль краев противоположно нанесена мелкая ретушь, перекрывающая более крупные фасетки первичных сколов. Крутизна рабочих лезвий незначительна. Правый край инструмента более массивный, чем левый. Орудие могло использоваться как рубящее,

если принять за рабочее лезвие зауженный конец его, или как скребловидное, если в работе использовался выпуклый или слегка вогнутый край. Не исключено, что этот «многосторонний инструмент» действительно использовался в разных трудовых операциях.

Следующую группу изделий Шилунтоу составляют скребла. Всего их обнаружено 10 экз. Все они, за исключением одного, были изготовлены из отщепов (рис. 21). Только для одного скребла в качестве исходной заготовки использован сработанный нуклеус. Скребла из Шилунтоу характеризуются небольшими размерами и незначительной массивностью. Длина их 5—9 см, ширина 5—7,4, толщина 1,5—3,1 см. Фасетки сколов, оформляющих инструменты, обычно мелкие, что свидетельствует о сравнительно топкой обработке инструментов. Рабочие края скребловидных орудий тонкие и не отличаются крутизной. Лезвия обычно подправлялись вторичной ретушью. Фасетки ее прослеживаются, как правило, со стороны спинки скола вдоль длинного края, хотя в коллекции есть несколько экземпляров скребел, у которых вторичная ретушь покрывает заготовку со стороны брюшка. Иногда на одном сколе оформлялось несколько скребловидных лезвий.

Типологическая классификация сколов затруднительна. Тем не менее, исходя из очертаний рабочего края скребловидных инструментов и количества лезвий у них, китайские археологи выделили три разновидности таких изделий. Первая из них представлена лишь одним орудием с прямым по контуру рабочим краем. Скребло изготовлено из подпрямоугольного пластинчатого скола, частично сохранившего на спинке галечную поверхность. В основном обработке сравнительно мелкой ретушью были подвергнуты со стороны брюшка левый край скола, а также зауженный конец его. Со стороны спинки видны лишь случайные по характеру фасетки, располагающиеся вблизи концов скола. Ретушью с брюшка был обработан наиболее массивный край (рис. 21, 1). Ко второй группе относятся скребла с выпуклым рабочим краем и характерным приостренным выступом в его средней части. Всего в коллекции пять таких скребел. Один из инструментов был изготовлен из галечного нуклеуса (рис. 21, 3). Скалывание с этого нуклеуса велось главным образом с одной поверхности, где сохранились лишь незначительные участки, покрытые галечной коркой. С противоположной стороны единичные короткие и широкие, а также узкие и длинные сколы располагаются главным образом по краям широкого конца под-

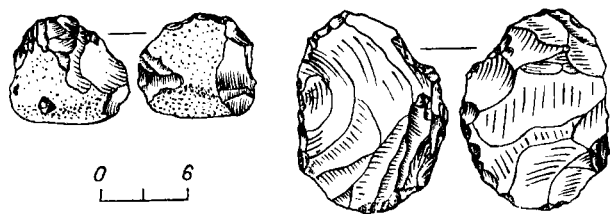

Рис. 20. «Многосторонние» рубяще-скребловидные инструменты из Шилунтоу.

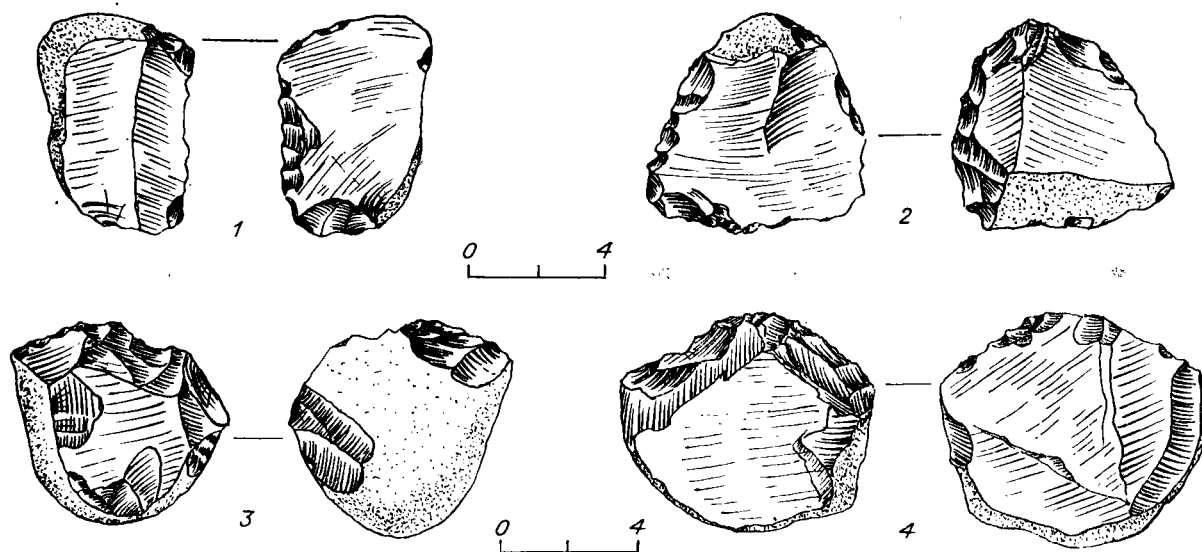

Рис. 21. Скребловидные инструменты из Шилунтоу.

треугольной по форме гальки. Скребловидное лезвие оформлено вдоль того же края с оббитой стороны гальки. Здесь видны мелкие фасетки вторичной ретуши, а также более крупные сколы, с помощью которых как раз и был выделен приостренный выступ. Можно даже считать, что на лезвии скребла имеются два таких выступа — один небольшой, узкий, ограниченный глубокой фасеткой, и второй значительно более обширный. Конец, противоположный рабочему, подтреугольный, слегка закругленный. На нижней плоскости этот конец полностью сохраняет галечную корку. Второй образец скребла изготовлен из темного кремня (рис. 21, 4). По краям желвака сохранилась исходная поверхность его, а широкие плоскости представляют собой зоны раскола. Лезвие скребла оформлено многочисленными довольно мелкими фасетками сколов. Они при этом наносились так, что в центральной части рабочего края появился обширный выступ. Слева от него лезвие вогнутое, а справа почти прямое. Последнюю группу изделий составляют скребла с несколькими рабочими краями (4 экз.). Эти инструменты китайские археологи называют «многосторонними скреблами». Одно типичное орудие такого типа изготовлено из широкого и короткого, трапециевидного по форме отщепу. Края его обработаны противоположащей ретушью. Со стороны брюшка фасетки глубокие, нанесены они неравномерно, отчего рабочий край выглядит неровным, с зубчатыми выступами. Обработка захватывает здесь также часть дистального конца скола, в результате чего на углу оказался выделенным приостренный выступ (рис. 21, 2). Со стороны спинки ретушь отличается систематичностью. Фасетки ее, почти одинаковые по размерам, равномерно приостряют рабочий край. Обработке был подвергнут также дистальный конец скола. Фасетки ретуши захватывают здесь часть правого края его. Со стороны спинки сохранился участок с галечной коркой.

Подводя итоги краткому анализу инструментария стоянки Шилунтоу, следует прежде всего отметить бросающийся в глаза архаизм изделий, что отчетливо проявляется как в типологии ору-

дий, так и в технике их обработки. Обращает на себя внимание обилие разнообразных рубящих инструментов — чопперов, чоппингов, а также наличие изделий, близких по виду рубилам, в том числе обработанным с двух сторон. По наличию в коллекции рубящих орудий Шилунтоу входит в группу ранних палеолитических памятников типа местонахождений № 1 и 15 Чжоукоудяня, Лаптяня, Кэхэ, а также Динцуня. Такого рода изделия значительно менее характерны для поздних палеолитических памятников типа Шуйдунгоу и Сюнаньхая. Рубящие орудия Шилунтоу представляют значительно более архаические образцы, если сравнивать их с такого же типа инструментами, обнаруженными при раскопках в Динцуне, а также в местонахождении № 15 Чжоукоудяня. Как отмечают китайские археологи, они смотрятся явно более грубыми и «первобытными» по виду. Рубящие инструменты Шилунтоу представляются более близкими чопперам и чоппингам местонахождения № 1 Чжоукоудяня, у которых отмечается начало процесса специального оформления «рукоятки», конца заготовки, противоположного рабочему лезвию. У рубящих изделий, обнаруженных в Кэхэ, «рукоятка» особо не выделялась, а в местонахождении № 15 Чжоукоудяня обработка ее фиксируется значительно отчетливее, чем в местонахождении № 1. Примечательно также то обстоятельство, что большая часть рубящих орудий оказалась изготовленной из галек или нуклеусов, а не из массивных сколов.

Типологическая дифференциация инструментов в Шилунтоу не отличается особой четкостью. Возможно, это обстоятельство объясняется отчасти тем, что полученная при раскопках коллекция не очень велика. Но факт остается фактом, и китайские археологи обратили на него внимание, — чопперы и скребла, в особенности изготовленные из галек, «строго не разграничиваются». В частности, в ходе классификации возникали затруднения, как отличать крупные скребла от рубящих орудий небольшого размера. Из-за значительного сходства их за критерий была принята степень массивности рабочего лезвия. Нельзя не обратить также внимания на то, что выделенные группы рубящих и

скребловидных инструментов не очень хорошо разграничены, а вариационность изделий на самом деле большая. Индивидуальных особенностей у орудий столько, что, кажется, каждое из них заслуживает специального описания. Эта типологическая неустойчивость, как и многообразие типов изделий, также считается весьма характерной для местонахождения № 1 Чжоукоудяня. В этой связи примечательно, что нуклеусы из Шилунтоу по форме тоже не отличаются определенностью. Они скорее аморфны и потому в значительной степени варьируют от одного образца к другому. Сколотые с таких нуклеусов отщепы имеют самую разнообразную форму. В то же время в коллекции из Шилунтоу отсутствуют выразительные образцы пластинчатых сколов, подтреугольные отщепы типа тех, что обнаружены в местонахождении № 15, и правильные ножевидные пластины. Возможно, такой аморфностью исходных заготовок можно в какой-то мере объяснить загадочное отсутствие среди набора орудий из Шилунтоу таких распространенных в индустрии местонахождений № 1 и 15 Чжоукоудяня изделий, какими следует считать остроконечники. Что касается скребловидных инструментов Шилунтоу, то они тоже не отличаются типологической выразительностью. По форме скребки и скребла мало чем примечательны, а обработка их отличается грубостью и примитивизмом. С этой точки зрения скребловидные изделия несравнимы не только со скреблами из Динцуня, но также с теми же по типу изделиями из местонахождения № 15 Чжоукоудяня. В итоге выясняется, что они ближе всего скребкам и скреблам местонахождения № 1 Чжоукоудяня. Как отмечают китайские археологи, по форме и особенностям техники обработки скребловидные орудия Шилунтоу трудно отличить от скребловидных инструментов синантропа, хотя среди последних имеются изделия, обработанные сравнительно тонко.

Техника раскалывания камня в Шилунтоу имеет отчетливые признаки архаизма. Ударные площадки на нуклеусах, как правило, специально не подправлялись. Во всяком случае, подавляющее большинство сколов не имеет на проксимальном конце характерной подтески. Отщепы при использовании их в работе особо тщательно не подправлялись. Фасетки ретуши обычно обнаруживаются на одном крае, но они рассеяны и не образуют сплошной зоны оббивки. Особенности технических приемов обработки, возможно, объясняются в значительной мере качеством сырья, которое предпочитали в Шилунтоу использовать при изготовлении орудий. Как и на большинстве нижнепалеолитических памятников, здесь широко применялся кварцит, требующий при обработке его совершенно определенных технических приемов. Для индустрии Шилунтоу характерно использование крупных изделий, среди которых, как уже отмечалось, преобладают рубящие инструменты. Примечательно также, что у орудий обрабатывались несколько краев и при этом использовалось противоположащее ретуширование. При обработке изделий в местонахождении № 1 Чжоукоудяня чаще обрабатывался один край, и, в отличие от Шилунтоу, здесь в наборе орудий преобладали не рубящие инструменты, а скребки и скребловидные

орудия. Чопперы и чоппинги количественно преобладают лишь над остроконечными инструментами. Техника обработки камня в местонахождении № 15 определенно выше, чем в Шилунтоу. Примечательно, что в индустрии здесь явно преобладают мелкие изделия, нашла отражение и техническая тенденция, которая получила позже развитие в культуре, представленной такими памятниками, как Шароосогол, Чжуйю и Сяонаньхай. Среди нижнепалеолитических памятников, в технике обработки каменных орудий которых прослеживаются особенности индустрии Шилунтоу, китайские археологи называют Шуйгоу и Хуэйсингоу, местонахождения района Саньмэнься (Хэнань). Однако здесь среди орудий имеются остроконечники и боласы, отсутствующие в Шилунтоу. Что касается Кэхэ, то в индустрии этого памятника преобладают изделия из отщепов, которые обрабатывались большей частью с одной стороны.

В результате проведенных китайскими археологами сравнений комплекса изделий, обнаруженных при раскопках в Шилунтоу, выявлено, что они наиболее близки инструментарию местонахождения № 1 Чжоукоудяня. Для обоих памятников характерны технический примитивизм и типологическая аморфность орудий. И хотя по отдельным особенностям изделия Шилунтоу выглядят более развитыми (выделение рукояток у инструментов), чем у синантропа, не следует вместе с тем забывать о том, насколько тонко обрабатывались последним остроконечные орудия и скребки. Если все же Шилунтоу — памятник несколько более поздний, чем местонахождение № 1, то он, несмотря на сходство в определенных моментах с местонахождением № 15 Чжоукоудяня, определенно древнее его и тем более Динцуня. Такой взгляд подтверждают высокая техника обработки камня на двух последних памятниках и типологическая определенность их индустрии. Как бы, однако, ни было, но нижнепалеолитический возраст Шилунтоу не вызывает сомнений. Вместе с пещерой Гуаньиньдун (Гуйчжоу), каменные изделия и фауна которой датируются среднеплейстоценовым временем, Шилунтоу позволяет представить детальнее характер культур юга Китая на ранних стадиях палеолита.

Ареал распространения памятников нижнего палеолита, синхронных местонахождению № 1 Чжоукоудяня, расширен теперь не только за счет южных, но и северных районов Китая. Этот факт представляется в особенности знаменательным, поскольку свидетельствует об успешном освоении среднеплейстоценовыми гоминидами суровых по природно-климатическим и географическим условиям зон северо-востока страны.

Цзяньюшань. Это пещерное местонахождение, открытое в уезде Инкоу пров. Ляонин, исследовалось в 1974—1975 гг.¹¹ Ранее на территории Ляонина были известны только верхнепалеолитические памятники (юг уезда Цзяньпин — костные остатки человека; уезд Линюань — стоянка), а также один пункт, датированный поздней стадией среднего плейстоцена (пещера Гэцзыдун, открытая в 1973 г.). В Цзяньюшань материалы, связанные с деятельностью человека средней стадии среднего плейстоцена, были обнаружены при рас-

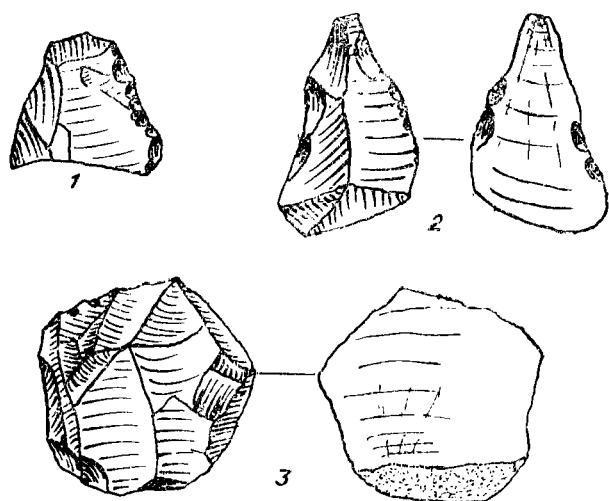

Рис. 22. Находки из пещеры Цзиньнюшань.

1 — обломок скребловидного инструмента, 2 — скребловидный инструмент с двумя лезвиями, 3 — скребло с округлым лезвием.

копках в пункте С горизонтов, располагающихся ниже 4-го слоя, и в слое отложений расщелины, открытой к востоку от пещеры. Подробное описание стратиграфии участков раскопок в публикации отсутствует. В пункте С удалось выявить настоящий культурный горизонт, насыщенный золой, кусочками древесного угля, фрагментами обожженных костей черного, серого, коричневого и темно-синего цветов и комками земли со следами воздействия на них огня.

В коллекции каменных изделий из Цзиньнюшань имеется один нуклеус, изготовленный из полупрозрачного жильного кварца. По форме он ромбический. На поверхности видны фасетки снятых отщепов. Нуклеусы такого типа, по форме напоминающие финик, характерны для индустрии синантропа. Один из отщепов, найденных в Цзиньнюшане, был сколот с нуклеуса этой разновидности. Он длинный, прямоугольный, со следами сколов на концах. Подобные отщепы найдены в местонахождении № 1 Чжоукоудяня. С применением отбивной техники сколоты с нуклеусов два других отщепов. Один из них треугольной формы. Угол расщепления составляет 105° . Ударный бугорок полуконусовидный, выпуклый, небольшого размера. На конце отщепов со стороны брюшка видны фасетки от ударов, которые были сделаны, возможно, намеренно, чтобы приострить шиловидный конец. Второй отщеп, найденный в расщелине, трапециевидный. Ширина его больше длины, ударная площадка не подтесана, угол раскалывания составляет 104° . Ударный бугорок обширный, чуть выпуклый. На поверхности сохранились участки галечной корки. Вдоль одного из краев и на конце заметны мелкие выщерблины — очевидно, результат использования отщепов в работе.

Коллекция типологически выразительных изделий представлена тремя разновидностями скребловидных инструментов и остроконечным орудием. Скребок с боковым лезвием обнаружено 3 экз. Одно скребло изготовлено из небольшого отщепов кварца. В скребловидное лезвие превращен выпуклый край его. Крутизна рабочего края составляет 84° . Ретуширование велось со стороны спинки. Обработка отличается тонкостью. Кромка лез-

вия ровная, со следами вторичной подправки. Второе скребло изготовлено из вытянуто-овального обломка жильного кварца. Рабочий край его вогнутый, подправленный вторичной ретушью. Крутизна лезвия 68° . Контур его извилистый. Заметны следы использования. Третье скребло сохранилось частично (рис. 22, 1). Правый край подтреугольного отщепов обработан тонкой ретушью. Фасетки ее короткие, но широкие. Крутизна лезвия 60° . Отмечаются следы использования. Как скребло с двумя лезвиями описан инструмент, изготовленный из треугольного кварцевого отщепов (рис. 22, 2). Ударная площадка у отщепов подправленная. Край ретушированы со спинки, но отдельные фасетки отмечаются также со стороны брюшка. Крутизна лезвий 52 и 72° . Одно из них выпуклое, а другое вогнутое. Скребок с полукруглым рабочим краем обнаружено 2 экз. Одно из них изготовлено из массивного отщепов белого полупрозрачного кварца (рис. 22, 3). Ударная площадка его не подправлена. Ударный бугорок небольшой, слегка выпуклый. Волны от ударов на поверхности раскалывания выделяются отчетливо. Обработка рабочего края производилась со стороны спинки крутыми, почти вертикально направленными сколами. Крутизна лезвия 75° . Кромка его острая со следами мелкой подправки и использования. У второго образца, найденного вне пещеры, в слое, соответствующем красно-коричневой брекчии (6-й горизонт), края и конец трапециевидного отщепов ретушированы сходным образом. Крутизна полукруглого лезвия 59° . Обработка отличается небрежностью. Такого типа скребла обнаружены в 8-м и 9-м слоях местонахождения № 1 Чжоукоудяня (китайские геологи считают, что эти слои формировались раньше культурного горизонта Цзиньнюшань), а также в Гэцзыдун, Шуйдунгоу и в Фулине. Остроконечник изготовлен из ромбического отщепов жильного кварца. Тонкой ретушью обработаны оба края его, сходящиеся на конце и образующие тупое острие. Более тщательно подправлен левый край, а вдоль правого имеется только несколько разрозненных фасеток. Остроконечники такого типа обнаружены в местонахождениях № 1 и 15 Чжоукоудяня, а также в Динцуне.

Точная датировка нижних слоев Цзиньнюшань затруднена из-за того, что среди фаунистических остатков не оказалось костей животных, которые позволили бы определить возраст отложений с большей определенностью. Пока сделан предварительный вывод о том, что слой с находками относится к более позднему времени, чем средние слои местонахождения № 1 Чжоукоудяня. Поэтому, возможно, правильнее размещать Цзиньнюшань среди стоянок поздней стадии среднего плейстоцена.

Средний плейстоцен. Поздняя стадия. О характере культуры на последующем этапе среднего плейстоцена ранее было известно лишь на основании главным образом коллекций, полученных при раскопках местонахождения № 15 Чжоукоудяня. Теперь опубликованы материалы двух новых памятников, которые ориентировочно датируются тем же временем. Они заслуживают самого тщательного изучения.

Гэцзыдун. Расширение на север района, ос-

военного нижнепалеолитическими охотниками, связано, помимо Цзиньнюшань, с открытием второй пещерной стоянки — Гэцзыдун¹². Она располагается в верховьях р. Далинхэ, на территории монгольского автономного уезда Кэцзо пров. Ляонин. Пещера Гэцзыдун была открыта на правом берегу реки, где проступают пласты ордовикских известняков, а также юрские фиолетово-красные песчанистые сланцы. Известняки обрываются здесь вертикально к берегу Далинхэ и всюду на двух уровнях их прослеживаются многочисленные пещеры и ниши. Каверны верхнего уровня (их высота над рекой достигала 60—70 м) оказались пустыми, а нижние были заполнены разного рода отложениями. К последним как раз и относились две пещеры А и Б, располагающиеся друг от друга на расстоянии 5 м, а над уровнем реки на высоте 35 м. Пещеры получили более общее название Гэцзыдун. Они исследовались с 18 мая по 11 июля 1975 г. сотрудниками музея провинции Ляонин. Камера Б была раскопана полностью, а камера А лишь частично. Изучение окрестностей Гэцзыдуна показало, что в основании ближайших возвышенностей залегают продукты выветривания и эрозии песчанистых сланцев фиолетово-красного цвета. Сверху эти пласты перекрываются слоями озерных и речных отложений, а также красноватой глиной среднеплейстоценового времени и желтым лёссом. По обоим берегам Далинхэ прослежены два уровня террас. Высота первой из них составляет около 10—11 м. В основании ее залегает небольшой по мощности слой галечника, составленный главным образом из хорошо окатанных галек кварцита и песчаника. Размеры галек небольшие — 2—4 см. Верхнюю часть террасовых отложений составляет серый по цвету и грубозернистый по структуре лёсс с вертикальными столбчатыми отдельностями. Толщина лёсса 3—5 м. Высота второй террасы над уровнем реки — 30—40 м. Основание ее образуют песчанистые сланцы юрской эпохи. Их перекрывает пласт базальных конгломератов, составленный из галек крупного размера. Разрез завершается горизонтом мелкозернистой и вязкой глины красноватого цвета с вертикальными столбчатыми отдельностями. По мнению китайских геологов, вторая терраса сформировалась в эпоху среднего плейстоцена, а нижняя — позднего плейстоцена. Сама река Далинхэ, как считают одни, входила в водную систему четвертичной эпохи, другие же предполагают, что она появилась на поздней стадии третичного времени. В данном случае, однако, важно заключение о синхронности периодов образования верхней террасы Далинхэ и нижнего яруса пещер, среди которых находится и Гэцзыдун. Не менее существенно и то, что в красноватых глинах второй террасы удалось обнаружить два образца обработанных камней. Это предопределяет широкие возможности для успешного поиска в долине Далинхэ палеолитических стоянок открытого типа.

Камеры Б пещеры Гэцзыдун, которая, как считают исследователи, представляла собой вначале естественный колодец, оказалась лишенной остатков деятельности человека. Подобно верхнему гроту Чжоукоудяня, она была непригодной для жизни и действовала как ловушка для животных,

которые при неосторожности падали в нее и не могли выбраться наверх. Заполнение камеры составляют глинистые отложения, в их верхней части отсутствовали какие-либо находки, а нижняя была густо насыщена костными остатками животных, среди которых преобладали плотоядные. Из камеры извлечено несколько целых скелетов. Найденные в ходе раскопок фаунистические остатки представляют значительную ценность, поскольку позволяют полнее представить животный мир того времени, когда камеру А заселял палеолитический охотник, и увереннее датировать эту эпоху в рамках плейстоценовой истории района.

Заполнение камеры оказалось значительно более сложным. Верхний пласт образовывала серовато-желтая рыхлая глина с мелкими известковистыми включениями диаметром от 0,1 до 1 см. Глина не отличается слоистостью. Толщина ее достигает на отдельных участках 1 м. В ней обнаружены культурные остатки средневекового времени — керамика и обломки фарфоровых изделий эпохи Ляо и Цзинь. Второй слой, насыщенный большим количеством костей млекопитающих, представляет собой твердую брекцию. Ее образует желтая глина, смешанная с обломками известняка и гальками, диаметр которых составляет 4—18 см. Глина плотная, вязкая. Помимо костей животных в ней обнаружено около 10 обработанных камней. Толщина второго слоя — 1,2 м. Залегающий ниже третий слой образует подзолистая, густо насыщенная углем глина. Она залегает в пещере в виде линзы, достигающей в средней части толщины 0,5 м. По направлению к югу углистая глина простирается до пещерной стены, а на северном участке зона ее распространения ограничивается линией А—Д. В третьем слое, представляющем собой четко выраженный культурный горизонт, обнаружено большое количество обожженных костей, куски грунта с отчетливыми следами воздействия на них огня (остатки очагов?), древесные угли, обломки костей млекопитающих и немногочисленные каменные изделия. Четвертый слой тоже выглядит линзовидным. Его образует плотная и твердая мелкозернистая по структуре глина с вертикальными столбчатыми отдельностями. Толщина ее достигает 50 см. Культурные и фаунистические остатки в слое отсутствуют. Пятый слой образован темной сверху и темно-коричневой внизу мелкозернистой и вязкой, глыбовой по структуре глиной. В нижней части слоя глина становится более рыхлой. Общая мощность слоя достигает 1,5 м. Ниже прослежен пласт красноватой породы толщиной 3,8 м. Самый нижний горизонт представляет собой брекцию из глыб размером от 20—30 до 50—80 см. Между ними залегает известковистая желто-красная глина. Толщина слоя с глыбами на раскопанных участках 1,2 м. Культурные и фаунистические остатки отсутствуют.

При раскопках камер Гэцзыдуна были обнаружены кости следующих животных: *Ochotona daurica* Pallas (сходна с *Ochotona* cf. *daurica* местонахождения № 13 и *Ochotona* sp. А местонахождения № 1 Чжоукоудяня), *Microtus epratticeps* Young, *Lepus* sp., *Marmota robustus* Milne-Edwards (близки остаткам этого же животного

из местонахождения № 1 Чжоукоудяня), *Myospalax* sp., *Rattus rattus* L., *Cricetulus*, *Canis* cf. *chihliensis* Zdansky (близок остаткам этого же животного из местонахождения № 18 Чжоукоудяня), *Vulpes* cf. *corsac* L. (близок остаткам этого же животного из местонахождения № 1 Чжоукоудяня), *Felis* sp., *Lynx* sp., *Felis* cf. *microtis* Milne-Edwards (близок остаткам этого же животного из местонахождения № 1 Чжоукоудяня), *Crocota ultima* Matsumoto (капролиты гиены, найденные в слое Гэцзыдун, оказались сходными с капролитами местонахождения № 1 Чжоукоудяня), *Equus* sp., *Equus* cf. *hemionus* Pallas, *Coeladonta antiquitatis* Blumenbach, *Bos* sp., *Gazella* sp. (обломки челюстей и множество зубов, среди которых большое количество зубов детенышей), *Pseudois* cf. *nayaur* Hagdson (впервые обнаружены остатки черного барана), *Cervus* sp. Фаунистический комплекс Гэцзыдуна любопытен потому, что он наиболее полно представляет животный мир севера Китая эпохи плейстоцена. В ней оказались представители хладобивой фауны, в которую обычно входит мамонт и шерстистый носорог. В целом, исходя из наличия среди находок костей *Canis* cf. *chihliensis* Zdansky и *Vulpes* cf. *corsac* L., фауна Гэцзыдуна представляется типичной для плейстоцена северных областей Китая. Что касается наиболее важного вопроса — определения возраста пещерных отложений, то китайские палеонтологи пришли к заключению о сходстве *Canis* cf. *chihliensis*, *Felis* cf. *microtis* Milne-Edwards и *Crocota ultima* Matsumoto таким же видам животных из местонахождений № 1, 13 и 18 Чжоукоудяня. В то же время примечательно, что фаунистический комплекс Гэцзыдуна оказался определенно более древним, чем комплекс, характерный для Динцуня, который датируется ранней стадией верхнего плейстоцена. Этот вывод подтверждается тем обстоятельством, что в пещере было обнаружено малое количество разновидностей животных, определяющих облик фауны Динцуня. В еще большей степени фаунистический комплекс Гэцзыдуна отличается от фауны, характерной для таких ранних верхнепалеолитических стоянок, как Шуйдунгоу и Шароосогол. Такого рода соображения позволили сделать вывод о том, что культурные отложения в Гэцзыдуне следует датировать переходным временем от среднего к верхнему плейстоцену. В этот период, судя по фауне, в долине Далинхэ преобладали леса, к которым примыкали степные и полустепные пространства. Климат был более суровым, чем современный.

Относительно ранний возраст отложений в Гэцзыдуне подтверждается данными анализа небольшой коллекции каменных изделий, обнаруженных при раскопках. Всего в пещере найдено 68 обработанных камней. Среди них выделены 10 нуклеусов, 29 отщепов, 19 инструментов разного типа и 10 камней со следами обработки, но не поддающихся типологической классификации. В качестве сырья обитатели Гэцзыдуна предпочитали использовать кварцитовые гальки, которые в изобилии залегают в красноцветном базальтовом конгломерате второй террасы Далинхэ. Из кварцита было изготовлено 75% всех изделий. Значительно реже использовались кремни (18,9%), извер-

женные породы (4,4%), а также известняк (1,4%). В коллекции нуклеусов лишь один экземпляр относительно сложной обработки. Он округлой формы, и скалывание отщепов производилось с нескольких сторон. Изображение этого нуклеуса не опубликовано, но, судя по описанию и указанию на «мискообразные» очертания его контуров, он, очевидно, дисковидный. Остальные нуклеусы относятся к простейшим вариациям галечных. В качестве заготовок подбирались короткие с широкими гранями гальки. Снятие отщепов производилось большей частью без предварительной подготовки ударной площадки (рис. 23, 5). Лишь у двух экземпляров на участке галечной поверхности, по которой наносились удары, имелось несколько фасеток подтески, возможно сделанной намеренно. Угол скалывания у нуклеусов составляет $92,8^\circ$. Снятие отщепов производилось методом непосредственного удара отбойником, что подтверждается отчетливыми волнами на поверхности скалывания, ясными точками приложения удара, полуконусовидными углублениями в верхней части негативов сколотых отщепов. Судя по очертаниям негативов, с нуклеусов скалывались чаще всего отщепы треугольной и трапециевидной формы и значительно реже подпрямоугольной. Это наблюдение подтверждается данными анализа коллекции отщепов. Среди них действительно преобладают треугольные и трапециевидные сколы, длина которых почти равна ширине. Угол скалывания отщепов составляет $110,3^\circ$. Ударные площадки на отщепах сравнительно обширные, слегка наклонные, подпрямоугольные по очертаниям. Грани на спинках отщепов встречаются редко, обычно они гладкие. В то же время у нескольких отщепов две грани образуют характерную с развилкой на конце фигуру (Y), что сближает такого рода сколы с известным треугольным по форме отщепом, обнаруженным при раскопках местонахождения № 15 Чжоукоудяня. В связи с этим примечательно, что отщеп из Гэцзыдуна описан как более правильный по очертаниям. Особого внимания заслуживает отщеп, на проксимальном конце которого были отмечены сколы резцового типа (рис. 23, 6). На нуклеусе сначала со стороны ударной площадки скололи небольшой отщеп. Затем, используя фасетку его как своеобразную площадку, сняли два резцовых скола. Когда отщеп был сколот, получился резцовый инструмент. Отщепы, полученные таким способом, часто отмечались среди находок местонахождения № 15 Чжоукоудяня. Синантроп также знал этот технический прием. В заключение описания техники получения отщепов следует отметить, что, судя по особенностям одного из них, в Гэцзыдуне применялся также отжимной метод. У этого отщепа прямоугольной формы на конце видны чешуйчатые выщерблики и «седлообразный» выступ. Такой способ получения отщепов отмечался в индустрии местонахождения № 1 Чжоукоудяня.

Орудия, обнаруженные в Гэцзыдуне, не отличаются типологическим разнообразием. Подавляющее большинство среди них составляют скребла (15 из 19 найденных инструментов). В качестве заготовок при изготовлении их использовались отщепы (7 экз.) или грубые сколы и облом-

Рис. 23. Каменные изделия, обнаруженные в пещере Гэцзыдун.

ки (7 экз.). Типологически они подразделяются на две группы — с одним и двумя рабочими краями. К скреблам с одним лезвием отнесены 13 изделий. По очертаниям рабочего края преобладают скребла с прямым лезвием, реже изготавливались скребла с выпуклым или вогнутым лезвием (см. рис. 23, 1—4, 7). Рабочие края обрабатывались грубой ретушью, которая наносилась как со спинки, так и с брюшка. Точки приложения ударов выделяются четко, а фасетки не отличаются определенностью формы. Они бывают, как правило, короткими и широкими. Изредка применялась вторичная подправка, и в таком случае крутизна лезвия составляет 60° (при более грубой обработке крутизна рабочего края $70-85^\circ$). У одного из скребел лезвие было обработано с двух сторон. Этот инструмент с прямым рабочим лезвием представляет собой остаток небольшого кремневого нуклеуса. Китайскими археологами опубликованы изображения и описания нескольких однолезвийных скребел, которые можно считать наиболее выразительными. Первое скребло изготовлено из обломка кремня (рис. 23, 3). Крутая ретушь по правому краю оформляет массивное лезвие. По кромке его видны выщерблины фасеток дополнительной подправки. Контур рабочего края прямой. Второе скребло тоже изготовлено из куска кремня (рис. 23, 4). Оно небольшое по размерам и отличается тонкостью обработки рабочего края. Фасетки сколов мелкие, ровные, и лезвие по контуру лишено выступов и выемок. Рабочий край относительно пологий. На обеих сторонах его отмечены следы использования. Скребел с одним выпуклым лезвием обнаружено 4 экз. Одно из них изготовлено из треугольного отщепка. Ретушь, оформляющая рабочий край, нанесена по левому краю со стороны спинки, большая часть поверхности которой покрыта галечной коркой (рис. 23, 7). Крутизна лезвия составляет $60-65^\circ$. Второе скребло, рабочий край которого располагается на дистальном конце отщепка, обработано, по всей видимости, отжимной ретушью. Фасетки сколов небольшие, но широкие. Скребел с двумя рабочими краями обнаружено 2 экз. В особенности примечательным оказалось одно из них, изготовленное из нуклевидного желвака кремня, покрытого сколами со всех сторон. Один из концов желвака обработан ретушью так, что инструмент может быть принят за концевой скребок с округлым лезвием (рис. 23, 1). Ретушь, оформляющая его,

тонкая и ровная, а фасетки мелкие и одинаковые по размерам. Крутизна рабочего края на конце составляет 75° . С противоположной стороны на том же конце сделан скол, как бы приостряющий рабочий край. С этой же плоскости желвака более глубокой ретушью обработан правый край. Крутизна его меньшая — 60° . Это редкий случай обработки инструмента противоположащей ретушью двух соприкасающихся друг с другом лезвий. Такой технический прием фиксировался иногда как на стоянках севера, так и северо-запада Китая.

Остроконечников обнаружено 3 экз. Первый из них изготовлен из кремнистого отщепка, края которого были обработаны противоположащей ретушью. По левому краю ретушь нанесена со спинки. Фасетки ее мелкие, приостряющие лезвие. Угол его составляет 55° . Контур этого края неровный. Вторичная подправка ограничена участком, примыкающим к левому верхнему углу, где как раз и располагается приостренный в виде «клюва птицы» конец инструмента. Правый край ретуширован с брюшка более пологой ретушью, и угол лезвия составляет здесь 50° . Техника изготовления остроконечника отмечалась ранее на изделиях, которые были обнаружены при раскопках местонахождений № 1 и 15 Чжоукоудяня. Второе остроконечное орудие из изверженной породы обработано грубой ретушью. Короткое притупленное острие использовалось, по мнению китайских археологов, для резания. Третий остроконечник изготовлен из отщепка. Ретушь наносилась с одной стороны. Фасетки сколов ступенчатые, с заломами. Обработанные края ровные. Рубящий инструмент найден всего лишь один. Он изготовлен из довольно крупной гальки ($6,9 \times 8,3 \times 4,4$ см). Сколы, оформляющие лезвие, как и следы вторичной подправки, располагаются главным образом по левому краю гальки, а также на одном из ее концов. По правому краю снизу тоже было сделано несколько сколов. Лезвие у инструмента притупленное. Угол его составляет 75° . Обработка в целом отличается небрежностью, и потому орудие не относится к разряду типичных. На одной из поверхностей изделия видны вмятины, возможно, следы использования инструмента в качестве отбойника или отжимника.

В целом индустрия Гэцзыдуна, несмотря на предпочтительное использование в качестве сырья кремня, представляется архаичной. Скалывание с отщепов велось большей частью с неподготовленных ударных площадок, хотя техника их подтески была известна и иногда применялась. Отщепы получали как методом непосредственного удара отбойником, так и отжима. По типологии инструментария комплекс изделий из Гэц-

зыдуна наиболее близок культуре, представленной верхними горизонтами местонахождения № 1 Чжоукоудяня, местонахождением № 15 Чжоукоудяня и Наньхайюй (пров. Шаньси). Широкое и длительное, как у синантропа, использование огня подтверждается достаточно мощным золистым горизонтом пещеры — наиболее выразительной частью культурных отложений памятника. В то же время нет сомнений в отличии индустрии Гэцзыдуна от культуры Динцуня, которая датируется ранними этапами верхнего плейстоцена Северного Китая. В культурно-хронологической шкале каменного века Восточной Азии Гэцзыдун занимает позицию, характеризующую переходный этап от нижнего к среднему палеолиту, лучше всего представленного местонахождением № 15 Чжоукоудяня. Новый пещерный памятник входит, таким образом, в круг стоянок, представляющих культуру синантропа. Особое значение открытия Гэцзыдуна определяется тем, что это местонахождение находится в южных пределах Маньчжурии, что расширяет ареал территории Восточной Азии, освоенной древнейшими гоминидами. О возможностях открытия памятников раннего палеолита к северу от Великой китайской стены свидетельствуют два отщепы, обнаруженные в красноцветных глинистых толщах второй террасы Далинхэ в 1 км к югу от Гэцзыдуна. Один из отщепов изготовлен из темно-красного кварцита. Он прямоугольный по очертаниям и не отличается по основным особенностям от такого же рода отщепов местонахождения № 1 Чжоукоудяня. У второго отщепы сохранилась часть подтесанной ударной площадки. Угол раскалывания составляет 100° . На сторонах отщепы видны разрозненные фасетки, следы небрежной подправки или использования отщепы в работе. Эти единичные находки нацелили китайских археологов на необходимость тщательного изучения террасовых обнажений, сложенных красноцветными глинистыми толщами и галечниками.

Подводя краткие итоги результатов поисков и раскопок наиболее важных памятников нижнего палеолита Китая, можно констатировать, что теперь значительно яснее вырисовываются характерные черты наиболее ранней в пределах среднего плейстоцена культуры, которая датируется его начальной стадией. Чем больше накапливается материалов и чем основательнее они изучаются, тем очевиднее сложность составляющих культуру компонентов. В ней бесспорны архаизм и примитивизм техники обработки камня, не выходящие, впрочем, за пределы рамок обычного для уровня соответствующих по времени нижнепалеолитических индустрий Запада. Однако теперь не остается сомнений в том, что нижнепалеолитические обитатели Китая уже в самом начале среднего плейстоцена умели изготавливать не только простые рубящие и скребловидные орудия типа чопперов, но также, освоив технику двусторонней оббивки, начали использовать в трудовых операциях классические по выразительности рубила. Открытие их в Ланьтяне — факт знаменательный и исключительный по значимо-

сти. Он опровергает развиваемые ранее концепции о неожиданно и необычайно раннем зарождении на востоке Азии техники двусторонней оббивки. Наличие в инструментарии памятников начальной поры среднего плейстоцена бифасов (местонахождение № 13 Чжоукоудяня, Ланьтянь и Кэхэ) позволяет иначе рассматривать проблему локальности нижнепалеолитических культур Евразии и Африки и соответственно ставить вопрос о корнях традиции двусторонней обработки в более поздних культурах востока Азии.

Из-за отсутствия капитального издания материалов раскопок местонахождения № 1 Чжоукоудяня представления о культуре синантропа сохранялись до недавнего времени на уровне того, что было известно о ней в начале 30-х гг. Поэтому так важны публикации, в которых содержатся сведения о новых находках каменных орудий как в самом Чжоукоудяне, так и в Шилунтоу — первом за пределами границ Северного Китая памятнике средней поры среднего плейстоцена, свидетельствующем, как и следовало предполагать, о широком распространении на территории Китая культуры синантропа. Раскопки в Гуаньиньдуне подтверждают, что в эту зону входил и юг страны. Коллекция инструментов, открытых при раскопках верхних горизонтов Чжоукоудяня, убедительно доказывает, насколько значительным был прогресс в технике обработки орудий и расширении типологических вариаций изделий на заключительной стадии развития культуры синантропа. Зубчато-пильчатая ретушь, появление выразительных резцовых инструментов и квадратного, напоминающего леваллуазский, нуклеуса с двумя подправленными ударными площадками, а также мелких и сравнительно тонко обработанных острий и проколов производят наиболее сильное впечатление из-за несоответствия всего этого традиционным взглядам на индустрию синантропа. Но вряд ли теперь можно сомневаться в том, что именно в его культуре начали созревать те новые элементы, которые позже, на финальной стадии среднего плейстоцена, стали определять облик поразительного для восточноазиатского нижнего палеолита явления, каким представляется среднеплейстоценовый культурный комплекс Сюйцзяю. Отличие его от культуры Динцуня, которая датируется ранней порой верхнего плейстоцена, но характеризуется несравненно более архаическими особенностями, впервые ставит на реальную почву проблему выявления разных путей эволюции нижнепалеолитических гоминид Китая. Палеоантропологические находки (архантропы из Сюйцзяю и Дали с сапиентными чертами) подтверждают такую возможность, довольно отчетливо просматривающуюся при анализе археологических материалов.

Новые открытия в археологии нижнего палеолита востока Азии свидетельствуют о том, что в этой области в ближайшем будущем предстоит значительные изменения во взглядах на основополагающие процессы в культурной истории древнейшего Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ларичев В. Е. Палеолит Северпой, Центральной и Восточной Азии. Ч. I, II. Новосибирск, 1969, 1972.

² Ларичев В. Е. Новые данные о памятниках нижнего палеолита Восточной Азии.— Изв. СО АН СССР, 1969, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1; Он же. Открытие в Ланьтяне.— Там же, 1970, № 6, вып. 2. Идея Пэй Вэньчжуна о том, что синантроп — древнейший гоминид не только в Китае, но и во всем мире, была отвергнута уже в начале 60-х гг. в специальной дискуссии. См. об этом: Пэй Вэньчжун. К вопросу об «эолитах» и культуре синантропа.— Синьцзяньшэ, 1961, № 7 (на кит. яз.); Цзя Ланьпо. Синантроп не самый первобытный человек — новая дискуссия с Пэй Вэньчжуном.— Там же, 1962, № 7 (на кит. яз.); У Жукан. Проблема «эолитов». Поговорим о том, самый ли ранний человек синантроп? Дискуссия с Пэй Вэньчжуном.— Гуанминь жибао, 1961, 6 сент. (на кит. яз.); У Ляндин. Является ли синантроп самым первобытным человеком? — Вэньхуэйбао, 1961, 9 сент. (на кит. яз.); Пэй Вэньчжун. Все-таки является ли синантроп самым первобытным человеком? Ответ У Жукану, Цзя Ланьпо и другим товарищам.— Синьцзяньшэ, 1962, № 4 (на кит. яз.); Лян Чжаотан. Научные основы спора об «эолитах» и вопрос о синантропе и особенностях его культуры.— Сюэшу Яньцзю, 1962, № 1 (на кит. яз.). Краткий обзор мнений, высказанных о дискуссии, см.: Цзе Фу. К вопросу об эолитах и о том, является ли синантроп самым первобытным человеком.— КГ, 1962, № 4 (на кит. яз.).

³ Ларичев В. Е. К вопросу о локальных культурах нижнего палеолита в Восточной и Центральной Азии.— В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964; Он же. Открытие рубил на территории

Восточной Азии и проблема локальных культур нижнего палеолита.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977; Он же. Палеолит Китая.— В кн.: Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981.

⁴ См.: Ларичев В. Е. Нижнепалеолитический палеолит Китая.— В кн.: Новое в археологии Китая. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1984.

⁵ Ларичев В. Е. Палеомангнитные даты нижнепалеолитических памятников Китая.— Изв. СО АН СССР, 1982, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 2.

⁶ Дай Эрцзянь, Сюй Чуиьхуа. Новые материалы по палеолиту района Ланьтянь и культура ланьтяньского человека.— КГСБ, 1973, № 2 (на кит. яз.).

⁷ Гай Пэй, Ю. Юйчжу. Некоторые особенности палеолитических орудий, открытых в районе Ланьтянь в провинции Шэньси.— Vertebrata Pal'Asiatica, 1976, v. 14, N 3 (на кит. яз.).

⁸ Хуан Вэйвэнь. Палеолитические каменные орудия из района Саньмэнься, Западная Хэнань.— Vertebrata Pal'Asiatica, 1964, v. 8, № 2 (на кит. яз.).

⁹ Цю Чжунлан, Гу Юйминь. Новые находки синантропа и культурных остатков в Чжоукоудяне.— Vertebrata Pal'Asiatica, 1973, v. 11, N 2 (на кит. яз.).

¹⁰ Ли Янсянь, Юань Чжэньсинь, Дун Синжень, Ли Тяньюань. Доклад о раскопках палеолитической стоянки Шилунтоу (пров. Хубэй, уезд Дачэ).— Vertebrata Pal'Asiatica, 1974, v. 12, N 2 (на кит. яз.).

¹¹ Цзиньюшаньский объединенный отряд по раскопкам. Изучение палеолита в Цзиньюшань уезд Инкоу пров. Ляонин.— Vertebrata Pal'Asiatica. 1978, v. 16, N 2 (на кит. яз.).

ЧЖАН ЯЦИН

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА БАСЕЙНА СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЯНЦЗЫ

Если неолитические культуры районов Китайской низменности детально изучаются с 20-х гг., то история открытия и исследования неолита бассейна среднего течения Янцзы начинается лишь с 50-х гг. Археологические исследования в этом регионе позволили выделить ареал развития своеобразных поздненеолитических культур цюйцзялин — даси так называемого луншаньского типа. Данная территория, согласно современному административному делению, включает пров. Хубэй и восточную часть пров. Сычуань. Отдельные находки цюйцзялинских памятников зафиксированы в юго-западной прихубэйской части Хэнани. Геоморфологически область распространения культурных стоянок включает (с запада на восток) Сычуаньскую котловину и обширную Цзянханьскую равнину. Сычуаньская котловина представляет собой обширную долину с беспорядочным расположением холмов, окаймленную на севере и северо-востоке горными барьерами — хребтами Циньлин и Дабашань; на западе — Сино-Тибетскими горами, на юге и юго-востоке — северными отрогами расчлененного плато Гуйчжоу. Основными водными артериями котловины являются Янцзы и ее наиболее крупные притоки — Сиханьтуй, Минцзян, Цинцзян и др. Все они порожисты и неудобны для водного транспорта. В целом Сычуаньская котловина является изолированной естественно-географической системой с

относительно хорошим выходом по Янцзы в пров. Хубэй и несколькими трудными горными проходами в южный и северо-западный (пров. Ганьсу) районы Китая¹. Цзянханьская равнина имеет отличные естественные проходы в районы Южного, Восточного и Северо-Восточного Китая, с районами Ганьсу ее связывает долина р. Ханьшуй. Геоморфологически этот район представляет собой обширную котловину в области, где Янцзы принимает с юга реки Юаньцзян и Сянцзян, а с севера — р. Ханьшуй. Здесь более 1600 озер. Котловина с юга окаймляется передовыми хребтами Наньлина, с севера — отрогами Хуайяньшаня, с востока хребтом Уишань, с запада — хребтами Дабашань и Ушань.

Почвы региона высокоплодородные желтоземные, подзолисто-желтоземные, подзолисто-красноземные (в Сычуаньской котловине — красноцветные «терра-росса»). Лёссовые почвы здесь практически отсутствуют. Климат теплый (среднегодовая температура +14°... +18°C), влажный (1000—1500 мм в год), максимальное количество осадков выпадает в жаркие летние месяцы.

Контуры этих двух естественно-географических систем в первом приближении являются и границами распространения неолитических культур: цюйцзялинская культура — Цзянханьская равнина, культура даси — Сычуаньская котловина.

Культура цюйцзялинь получила наименование по названию стоянки, открытой в 1954 г. в уезде Цзиншань пров. Хубэй². Последующие поиски и раскопки в этом районе позволили выявить около 40 однослойных и многослойных стоянок. Материалы, полученные при их изучении, раскрывают определенные традиции, смену этапов развития культуры, воздействие на нее внешних влияний, выявляют своеобразие особенностей позднего неолита Цзянханьской равнины.

Стоянка Цюйцзялинь занимает территорию площадью 3550×1930 м. При раскопках выявлено два культурных горизонта — нижний и верхний, что позволило китайским археологам выделить в истории памятника два этапа — ранний и поздний³. Для керамики раннего этапа характерен преимущественно ручной способ изготовления сосудов. Однако уже в то время появились маленькие сосуды, изготовленные на гончарном круге. В нижнем горизонте стоянки преобладает тонкоглинистая черная (50—60%) и серая (около 20%) твердая керамика, реже — крашеная мягкая черная и грубая мягкая песчаная. Одна из основных особенностей раннего цюйцзялиня — наличие изделий из тонкой (0,1—0,2 см), «как яичная скорлупа», черной керамики, изготовленной на гончарном круге. Формы изделий раннего этапа не отличаются разнообразием. Среди них отмечаются небольшие треножки *дин*, кувшины *ху*, чашки *вань*, кастрюли *цзэн*, горшки *гуань*, стаканы *бэй*, блюда *де*. Наиболее часто встречаются треножки *дин*, изготовленные преимущественно из твердой черной керамики ручным способом. Для *дин* раннего периода характерно суженное горлышко с отчетливо отогнутым венчиком, несколько удлиненное, резко расширяющееся к донышку глубокое тулово, круглое дно, уплощенные, очень короткие ножки и прямолинейный резной узор у основания тулова (рис. 1, 1). *Дин* накрывались крышками, по форме близкими *вань*, с полкой ручкой-налепом. Типология форм *дин* раннего цюйцзялиня напоминает некоторые позднечинляньганьские *дин* стоянки Дадуныцзы⁴. У других *дин* прямое устье с отогнутым венчиком, глубокое шарообразное тулово, круглодонная форма основания и очень маленькие пальцеобразные ножки, иногда слегка вогнутые внутрь. Такой тип треножников по соотношению размеров ножек и тулова не находит себе аналогий в других поздненеолитических культурах Китая (рис. 1, 2).

Сосуды *вань* изготавливались на гончарном круге, поверхность их черная, иногда блестящая, толщина стенок 0,1—0,2 см. У *вань* плоское дно-основание или короткая округлая подставка (рис. 1, 3). Своеобразна и весьма характерна для раннего цюйцзялиня форма кувшина *ху* (рис. 1, 4). Он делался на гончарном круге из желтой мягкой глины. У него высокая цилиндрическая шейка, прямое устье, эллипсоидное тулово и высокая изящная ножка. Снаружи и внутри сосуд покрыт темно-красным ангобом, на внешней поверхности сохранились участки росписей-полос, нанесенных черной краской. Для горшков *гуань* (рис. 1, 5) характерно глубокое тулово с овальными или почти прямыми стенками, плоское дно, несколько суженное устье и широкий

отогнутый венчик. По центральной части тулова у некоторых из горшков сохранился прочерченный линейный орнамент. В нижнем культурном горизонте стоянки Цюйцзялинь открыто большое количество фрагментов крашеной керамики. Она преимущественно мягкая черная глинистая. Толщина стенок 0,2—0,7 см. Роспись наносилась по красному или белому ангобу. Среди мотивов росписи (рис. 1, 6, 7) преобладает геометрический орнамент, напоминающий узоры янпао — сочетание прямых параллельных и дугообразных линий и полос, круглых точек и кружочков. Краска легко соскабливается, что свидетельствует о раскрашивании после обжига.

Более многочисленны и разнообразны по типам керамические изделия верхнего культурного горизонта. Здесь выделены памятники двух этапов позднего периода цюйцзялиня⁵. Для первого, более раннего, этапа позднего периода характерно использование гончарного круга, в то же время продолжает широко использоваться техника ручной лепки. Наряду с черной и серой керамикой по-прежнему в довольно значительных количествах изготавливается тонкая крашеная керамика. Широкое развитие получили сосуды *дин*, *вань*, *бо*, *бэй*, *доу*, *гуань*, *ху*, появились новые формы — котлы *хао* и корчаги *ган*. Небольшие сосуды *дин* черного цвета. У них маленькие конусовидные ножки, круглое дно, шарообразное тулово и слегка сужающееся горлышко (рис. 1, 8). Для *дин* больших размеров характерны удлиненные, несколько свернутые плоские ножки, широкий отогнутый венчик (типа тарелки *пань*), укороченное овальное тулово и круглое дно с одним-двумя выпуклыми валиками, опоясывающими нижнюю часть тулова (рис. 1, 9).

Весьма разнообразны по формам чаши *вань* серого и черного цветов, изготовленные на гончарном круге (рис. 1, 10). У них на донышке имеются короткие цилиндрические или конусообразные подставки, а на тулове — два-три валика. Венчик у *вань* или отсутствует, или нечетко выражен и отогнут. На подставках иногда вырезались круглые, разных размеров, отверстия. У отдельных чашек в нижней части тулова прикреплялись два вертикальных ушка (рис. 1, 11). Для формы тулова чаш *вань* характерен изогнутый, как бы перетянутый в средней части, профиль (рис. 1, 12). Чашки *вань* с тонкими (0,3—0,6 мм) стенками, изготовлены из мягкой глины, украшены по желтому фону красной росписью, состоящей из сочетания линейного узора, квадратных клеток и кружочков. Черные по цвету тонкостенные или толстостенные стаканы *бэй* делались на гончарном круге. Найдены также *бэй*, которые следует отнести к категории крашеной керамики. Особого упоминания заслуживают «воронкообразные» *бэй* с изогнутым двойным венчиком и с округлой подставкой типа миски *пань* (рис. 1, 13). Часто встречаются плоскодонные *бэй* с прямыми или несколько скошенными книзу стенками тулова (рис. 1, 14). Тонкостенные *бэй* такого типа украшались орнаментом из прямых линий, квадратов, треугольников и точек (рис. 1, 15).

Бытовые кувшины *гуань* в основном серого цвета. Маленькие (высотой до 6 см) *гуань* изготавливались из грубого песчаного теста. Они плос-

Рис. 1. Керамика.

1—7 — изделия раннего периода культуры цюйцзялинь, 8—20 — изделия первого этапа позднего периода культуры цюйцзялинь.

кодонные с шарообразным туловом и расширенным отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 16). У больших *гуань* узкое горлышко, высокая шейка, глубокое шарообразное тулово (рис. 1, 17) или расширенный венчик и короткий слив на плечике (рис. 1, 18). Линейный (в два-три круга) вдавленный узор нанесен на плечике сосудов или вблизи основания.

Весьма характерны для первого этапа позднего цюйцзялина черные, изготовленные ручным способом блюда *де* — изящные тарелки самобытной формы на трех-четырех плоских или конусообразных ножках (рис. 1, 19, 20). Совершенны формы *доу* (рис. 2, 1) на высоких ножках-подставках с вырезанными в них круглыми отверстиями. Однако *доу* встречаются в этот период редко. Кувшины *ху*, в отличие от ранних, при сохранении овального тулова характеризуются более высокими шейками и паличием цилиндрических ножек-подставок (рис. 2, 2). Котел *хао* — самое большое керамическое изделие (рис. 2, 3). Высота его 50,4 см, диаметр устья — 50,3 см. У него отчетливо выделяются две части: нижняя — коническое тулово с толстыми стенками и небольшим по диаметру овальным дном и верхняя — цилиндрическое тулово с тонкими стенками и прямым устьем. Поверхность тулова верхней части украшена узором типа плетенки. Единичны находки горшков *цзэн* (рис. 2, 4) с овальным туловом, плоским дном, в котором проделано множество круглых маленьких отверстий, и с низкой круглой ножкой-подставкой.

Обильны находки пряслиц, отличающихся разнообразием форм и качеством керамики. Лицевая сторона их расписана геометрическим орнаментом. Отдельные группы узоров располагаются на пряслицах симметрично (рис. 2, 5, 6).

Для более развитого второго этапа позднего периода цюйцзялин характерны большее богатство и разнообразие форм керамических изделий. По этим признакам указанный этап цюйцзялина в определенной степени отличается от позднего луншаня, но имеет сходство с культурой развитого неолита нижнего течения Янцзы. Этап этот характеризуется широким использованием керамики с росписью. Так, из 8275 черепков крашеной керамики, пайденных в верхнем культурном горизонте стоянки Цюйцзялин, около 70% относятся к позднему, второму, периоду, около 29 — к первому и лишь немногим более 1% — к раннему этапу цюйцзялин. Следовательно, второй этап позднего цюйцзялина можно назвать периодом крашеной керамики.

Из разных по размерам *дин* наиболее развитыми являются сосуды, аналогичные *дин* первого этапа позднего цюйцзялина и считающиеся типичными в целом для всей культуры (рис. 2, 7, 8). У *дин* другого типа шарообразное или овальное тулово, расширенный венчик и несколько суженное горлышко, круглое или плоское дно (рис. 2, 9—11). Ножки *дин* — пальцеобразные или плоские, несколько свернутые, за счет чего в средней части их прослеживается вертикальная бороздка. В орнаментации преобладает выпуклый ленточный узор. Еще большим разнообразием отличаются изготовленные на гончарном круге черные или серые чашки *вань*. Реже встречаются

изделия с тонкими, «как яичная скорлупа», стенками, украшенными снаружи росписью. Тулова *вань* варьируют от усеченно-конического мелкого до глубокого овального, венчики — от широкого отогнутого до едва заметного (иногда отсутствует вовсе), подставки — от чуть заметной до высокой, отчетливо выраженной, со сложной конфигурацией. Некоторые *вань* лишены ножек. Своеобразны чашки *вань* с туловом изогнутого профиля, как бы перетянутым в средней части. Орнаментировались *вань* вдавленным узором, составленным из одной — шести линий (рис. 2, 12—14). У некоторых сосудов на ножках прорезаны круглые отверстия (рис. 2, 15). Крашенные *вань* покрывались черным или черно-серым ангобом и расписывались по тулову серо-черной или черной краской. Основу узора составляют геометрические мотивы: ленты, точки, квадраты, квадратная сетка (рис. 2, 16, 17). У некоторых *вань* расписывались как внешняя, так и внутренняя поверхности.

Стаканы *бэй*, получившие исключительно широкое распространение на втором этапе позднего цюйцзялина, подразделяются на толстостенные черного или светло-серого цвета и тонкостенные черные, в том числе крашенные. Для первых характерны отсутствие орнамента, преимущественно плоское дно, круглый венчик, вогнутые или конические по очертаниям стенки тулова. Ножки-подставки встречаются редко. Они усеченно-конические или овальные по форме (рис. 3, 1—4). У некоторых *бэй* стенки отличаются характерным волнисто изогнутым профилем. Тулово сосуда как бы перетянуто в одном или двух местах. Такая особенность форм весьма характерна для *бэй* цюйцзялина (рис. 3, 5). Самобытны также трубообразные *бэй*. Как правило, это высокие сосуды малого диаметра с несколько расширенным устьем, плоским дном и нечеткой округлой ножкой-подставкой (рис. 3, 6). Тонкостенные стаканы *бэй* окрашивались большей частью черной краской. Орнамент крашеной керамики составляют сочетания прямых и дугообразных линий, овальных фигур, квадратных клеток. Мотивы узоров в целом неамного отличаются от мотивов крашеной керамики первого этапа позднего цюйцзялина. У нескольких *бэй* конусообразное тулово с прямыми или вогнутыми стенками и несколько расширяющимся устьем. Дно у них плоское или слегка вогнутое (рис. 3, 7), подставки отсутствуют. Найдены также очень маленькие, близкие по размеру современным рюмкам, *бэй* с резко сужающимся к основанию туловом и плоским дном (рис. 3, 8). Они покрыты темно-красным ангобом. Оригинальны воронкообразные *бэй* (рис. 3, 9) с острым дном и тремя сосковидными ножками или маленькой округлой подставкой. В центре тулова их вырезалось овальное отверстие. Обширна и разнообразна типология преимущественно серых по цвету *бэй* на высоких рюмкообразных подставках (рис. 3, 10—13). Для них характерен отогнутый венчик, цилиндрическое тулово, иногда со слегка вогнутыми стенками. Внешняя поверхность сосудов орнаментировалась узорами, составленными из вертикальных или косых линий, образующих комбинации из трех-десяти черточек. У основания тулова прочерчивались один-два круга ленточного узора. Некоторые изделия такого типа

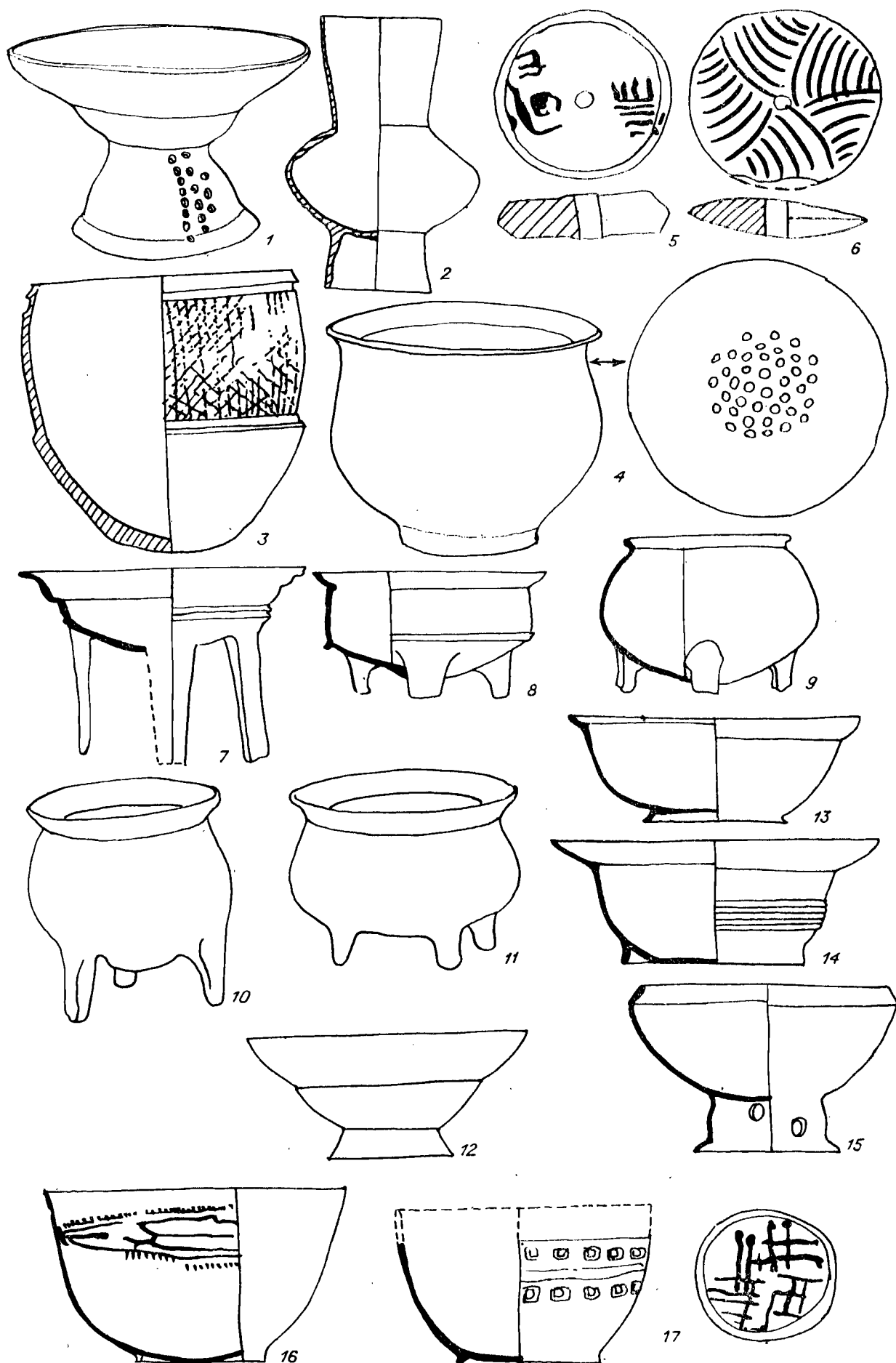

Рис. 2. Керамика.

1—6 — изделия первого этапа позднего периода культуры цюйцзялин, 7—17 — изделия второго этапа позднего периода культуры цюйцзялин.

Рис. 3. Керамические изделия второго этапа позднего периода культуры цюйцзялинь.

орнаментировались по тулову узорами типа плетенки и знаком «Λ». У одного стакана на ножке вырезаны три треугольных отверстия.

Серые по цвету кувшины *гуань* по количеству и разнообразию форм, а также вариациям размеров не уступают стаканам *бэй* и чашкам *вань*. Один из видов *гуань* характеризуется относительно широким и высоким горлышком, отогнутым венчиком или эллипсоидной формой тулова, слегка вогнутым или плоским основанием (рис. 3, 14, 15). Плечики и верхняя часть тулова *гуань* украшались выпуклым узором, составленным из трех — семи опоясывающих сосудов валиков. У основания шейки наносился вдавленный ленточный узор. Важно отметить, что у некоторых *гуань* на внутренних стенках заметны следы ленточного способа изготовления. Для другого вида *гуань* характерно крупное шарообразное тулово, короткая узкая горловина и маленькое плоское дно, иногда с короткими сходящимися друг к другу ножками (рис. 3, 16, 17). Орнамент на них выпуклый, линейный, составленный из 3—14 валиков, опоясывающих сосуд. Иногда на поверхность наносились штрихи, сходные по очертаниям с иероглифом «жэнь». Маленькие (до 10 см по высоте и диаметру) черные *гуань* отличаются разнообразием форм (рис. 3, 18, 19). Иногда они напоминают стаканы *бэй* на округлой ножке (рис. 3, 20).

В отличие от первого этапа позднего цюйцзялина на развитой стадии культуры стали широко применяться разнообразные бокалы *доу* черного цвета. При всем многообразии форм общими чертами для них являются высокие ножки-подставки с вырезанными отверстиями круглой или треугольной формы, а у отдельных разновидностей — выпуклый линейный узор. Венчики сосудов преимущественно отогнутые, редко вогнутые. Тулова чашеобразные или блюдцеобразные — типа *пань* (рис. 3, 21—25). Формы кубков *ху* второго этапа позднего периода сходны с более ранними, но они становятся более вычурными, что можно проследить на примере *ху* со сплюснутым мелким туловом, высоким прямым устьем и высокой, несколько расширяющейся к основанию ножкой. На некоторых ножках *ху* вырезались два-четыре круглых отверстия (рис. 3, 26), на шейках их наносился резной узор типа плетенки (рис. 3, 27). Кубки *ху* преимущественно толстостенные с относительно мягкой керамикой, реже — с твердой, тонкостенные желтого или серого цвета со следами узоров в виде косых клеток, сделанных черной краской. Узоры наносились поверх черного или красного ангоба. Чашки *юй* небольшого размера, черные, структура керамики твердая. Они изготавливались преимущественно ручным способом. Для них характерны тулово с выпуклыми стенками, отогнутый (рис. 4, 1) или круглый венчик, плоское дно. Отдельные разновидности *юй* по тулову орнаментировались узорами из прямых линий, пересекающихся под косым углом (рис. 4, 2). Своеобразна чаша из светло-серого керамического теста, сделанная на гончарном круге. По форме она напоминает *ху* без шейки (рис. 4, 3). Внешняя поверхность чаши покрыта черным ангобом.

Из керамических сосудов крупных размеров в культурном слое второго этапа позднего цюйцзя-

лина найдены котлы *хао*, корчаги *ган* и горшки *цзэн*. Котел *хао* изготовлен ручным способом из мягкого грубого глинистого теста (рис. 4, 4). Высота его 33 см, диаметр тулова 36 см. У него резко отогнутый венчик, выпуклый профиль тулова и небольшое острое дно. В месте перегиба тулова нанесена полоса узора в виде прямоугольных насечек. Горшки *цзэн* сходны по форме с аналогичными изделиями предшествующего этапа. Оригинал «цзэн» с высоким овальным туловом на низкой круглой ножке-подставке, расширенным устьем и круглым дном с четырьмя овальными и одним круглым отверстиями (рис. 4, 5). Крышка сосуда напоминает *вань* с широкой ручкой-кнопкой, на которой вырезаны две группы круглых отверстий. Широко представлены черные, реже серые или желтые корчаги *ган* — самые крупные изделия (диаметр и высота их около 40 см), изготовленные из глинистого или песчанистого теста. У них глубокое суживающееся к основанию тулово с широким устьем, отогнутым венчиком и плоское дно (рис. 4, 6). Тулово, а иногда и венчик украшались одной-тремя группами выпуклого линейного узора. На поверхности некоторых сосудов между полосами линейного орнамента отщипывались узоры типа «ивовой лозы» (рис. 4, 7).

В отложениях второго этапа позднего цюйцзялина выявлены такие своеобразные и уникальные по своим формам сосуды, как ваза *пин*, *пинсинци* (рис. 4, 8) и *тунсинци* (рис. 4, 9). Ваза *пинсинци* изготавливалась на гончарном круге из тонкого глинистого теста. Керамика твердая. Устье прямое, венчик отогнутый, стенки высокого тулова слабо выпуклые, дно плоское. Тулово орнаментировано тремя группами (34 круга) выпуклого линейного узора с многочисленными зубчатыми налечами, а также круглыми и треугольными отверстиями. Этот орнамент близок узору типа «коленца бамбука». Сделанный ручным способом сосуд *тунсинци* близок по форме цилиндру. Высота его 64,5 см, черепок мягкий, светло-красный. Тулово сосуда украшено 34 кругами выпуклого линейного узора с многочисленными зубчатыми налечами. *Сыэрци* представляет собой кувшин с прямым горлышком, овальным туловом и плоским дном (рис. 4, 10). В нижней части изделия симметрично расположены четыре ушка, напоминающие по форме ножки-подставки сосудов *бэй* или *доу*.

Обильны находки крышек *гай* для сосудов. Большинство из них близки по форме *вань* и аналогичны *гай* первого этапа позднего периода цюйцзялина. Вместе с тем встречаются крышки весьма сложной формы, украшенные линейным или вдавленным узором типа «зубчатки» (рис. 4, 11), а также круглыми отверстиями. Керамика крышек мягкая, глинистая. Кроме того, обнаружены крышки *гай* с росписью по желто-белому фону. Орнаментальные композиции состоят из сочетаний «креста» в центре крышки и волнистых линий по краям (рис. 4, 12) или квадратов черного цвета, выписанных по красному ангобу в шахматном порядке (рис. 4, 13).

Среди находок часто встречаются прядильные диски, по форме и росписям наследующие традиции изготовления таких изделий первого этапа позднего периода культуры стоянки Цюйцзялин. Украшения представлены керамическими кольца-

Рис. 4. Керамика.

1—15 — изделия второго этапа позднего периода культуры цюйцзялин, 16, 17 — изделия стоянки Чжунцзяцзюй, 18—24 — изделия стоянки Цинлунцзюань.

ми различного профиля, иногда покрытыми росписью (рис. 4, 14, 15).

В целом для второго этапа позднего цюйцзялина характерно преимущественное изготовление керамических изделий на гончарном круге. Обжиг сосудов велся при более высокой температуре. Отмечается также усложнение форм и орнаментации сосудов, увеличение удельного веса крашеной керамики. В этот же период более чем вдвое по сравнению с предшествующим этапом возрастает количество тонкой, «как яичная скорлупа», керамики с тщательно отполированной поверхностью.

Западнее стоянки Цюйцзялин расположена стоянка Чжуцзяцзай⁶. В нижней части ее культурного слоя найдены фрагменты глинистой красной керамики, покрытой ярко-красным ангобом, и большое количество пряслиц. Основную часть изделий (64%) составляют фрагменты тонкоглинистой твердой черной и серой керамики. Реже встречается песчанистая черная и серая керамика. Чаще всего при производстве керамических изделий использовался гончарный круг. Весьма разнообразна орнаментация сосудов: поверхность их тщательно полировалась и украшалась линейным налпнным, расписным, ленточным и текстильно-шнуровым орнаментами. Отмечены также узоры типа плетенки и квадратных клеток. Иногда прорезались отверстия. Среди форм сосудов наиболее распространены *дин*, *гуань*, *юй*, *пэнь*, *цзэн*, *бо*, *вань* и *бэй*.

Большая часть обнаруженных сосудов *дин* небольших размеров. Миниатюрные ножки таких сосудов совершенны по форме. Они черного цвета и изготовлены из тонкого глинистого теста. Поверхность *дин*, украшенная линейным узором, отполирована до блеска (рис. 4, 16). Для черных и серых чашек *вань* (рис. 4, 17) характерны низкие ножки-подставки с удлинненными или овальными отверстиями. Поверхность *вань* тщательно полировалась. Миски *пэнь* тоже черные или серые. К мелкому тулову их иногда прикреплялись низкие ножки. *Пэнь* без ножек, очевидно, использовались также, как крышки *гай*. Остальные формы сосудов представлены главным образом фрагментами. Большинство из них изготовлено на гончарном круге и принадлежит к категории тонкоглинистой блестящей черной керамики. Изделия отличаются небольшими размерами и совершенством форм. Ко дну сосудов прикреплялись три ножки или овальные подставки.

В целом стоянки района Цзиншань представляют развитую стадию поздненеолитической культуры. Уже на раннем этапе в нижнем слое цюйцзялина стал относительно широко применяться гончарный круг. Среди изделий преобладает тонкоглинистая черная и серая керамика и отмечаются находки тонкой, «как яичная скорлупа», черной посуды. Некоторые особенности крашеной керамики близки по стилю сосудам яншао. Вместе с тем отдельные ее формы имеют сходство с цинляньганскими. В целом же типология таких изделий, как кувшины *ху*, небольшие *дин*, и ряда других не находит себе аналогий среди керамических поздненеолитических культур. Такое своеобразие культуры цюйцзялин в еще большей степени проявляется на поздних этапах. Для последних примечательно преобладание среди вариаций сосудов

чашек *вань* и стаканов *бэй*, разнообразнее и вычурнее становятся кувшины *ху*, которые приобретают типично цюйцзялинский облик. Сосуды *бо* исчезают, а из треножников остаются только разнообразные *дин*. Не менее интересно и то, что типично луншаньские триподы *ли*, *куай* и *янь* в районе Цзиншань пока не выявлены. Итак, широкое изготовление *дин*, исчезновение в процессе эволюции культуры чашек *бо*, тенденция к увеличению типов сосудов и некоторое усложнение орнаментации — отличительная особенность позднего неолита района среднего течения Янцзы.

В верхних культурных горизонтах стоянки Цюйцзялин выявлено большое количество разнообразных пряслиц, жертвенных изделий и керамических украшений. Сосуды изготавливались главным образом на гончарном круге, но крупные изделия лепились преимущественно ручным способом. Не исчез окончательно, по-видимому, и ленточный способ производства сосудов. Типичным, как и для других так называемых луншаноидных культур, остается преобладающее использование топкой, в том числе твердой, черной и серой керамики и уменьшение доли песчанистой, грубой. Определенно повышается качество обработки поверхности изделий. Вместе с тем по изяществу форм, красоте и многообразию орнаментации, а также тщательности обработки поверхности керамика со стоянок района Цзиншань явно уступает как изделиям классического луншаня, так и керамике поселений района нижнего течения Янцзы. Яркой особенностью цюйцзялина можно считать все более увеличивающееся (по мере эволюции культуры) использование крашеной керамики. Таким образом, в керамике позднего неолита района Цзиншань наряду со специфическими чертами можно проследить следы влияния и наследования культурных традиций других районов Центрального и Восточного Китая, хотя достоверные факты, раскрывающие характер взаимоотношений памятников типа цюйцзялин с более древними и поздними стоянками района, отсутствуют. Тем больший интерес представляет анализ материалов по неолиту района уездов Юпьянь и Цзюпьянь, расположенных на стыке севера провинции Хубэй и юга провинции Хэнань. Здесь обнаружено несколько десятков стоянок, среди которых наиболее полно изучены Цилунцюань, Чжуцзятай, Дасы и Луаньшитай.

Стоянка Цилунцюань занимает площадь около 40 000 м². При раскопках ее выделено три культурных слоя, мощность которых достигает 3,5—6,5 м⁷. В нижнем слое найдена преимущественно песчанистая и глинистая красная керамика, реже встречалась серая керамика. Все сосуды изготовлены ручным способом. Среди них выявлены *дин*, *гуань*, *пэнь*, *бо* и *бэй*. Такие же изделия, но представленные более полно, обнаружены на соседней одностойной стоянке Чжуцзятай. Ниже приводится общая характеристика материалов этих памятников.

Красные песчанистые по структуре теста треножки *дин* отличаются глубоким туловом с широким устьем и отогнутым венчиком. Наиболее распространены на Цилунцюань и Чжуцзятай сосуды *дин* с тремя длинными пальцеобразными, реже — с короткими или овальными (рис. 4,

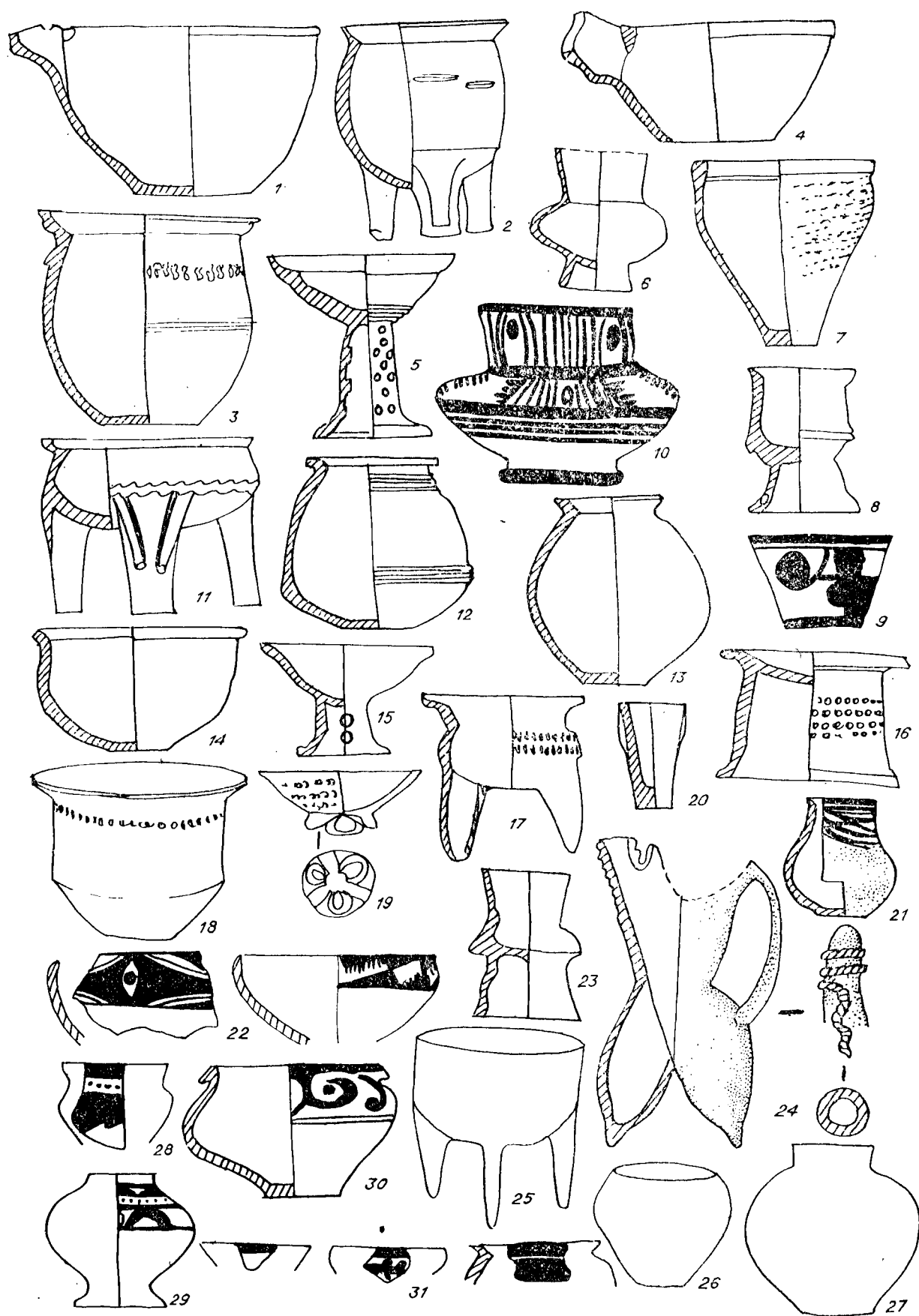

Рис. 5. Керамика.

1—21 — изделия стоянки Цинлунцюань, 22—24 — изделия стоянки Даси, 25—27 — изделия стоянки Луаньшитай, 28—31 — изделия стоянки Лосышань.

18—20) ножками. Красные глинистые или песчаные по структуре теста кувшины *гуань* плоскодонные, с глубоким овальным туловом, несколько суженным устьем или с узким горлышком. Орнамент на поверхности кувшинов выпуклый линейный, в виде точек-налепов, иногда типа плетенки (рис. 4, 21—24). Часто встречаются чашки *бо*, формы их довольно однотипны. У них вогнутый венчик, широкое, иногда несколько суженное устье, плоское дно. Обнаружены также серые чашки *бо*, имеющие слив (рис. 5, 1). Некоторые *бо* и *гуань* покрыты красным ангобом. Поверхность чаш тщательно отполирована. Отдельные *бо* тонкостенные, с красным венчиком и серым туловом, что характерно для чашек *вань* культуры яншао пров. Северная Хэнань⁸. В тех же культурных условиях найдено несколько черепков, украшенных черной или ярко-красной росписью на красном фоне. Орнаментальные композиции состоят из точек, криволинейных треугольников и параллельных линий. Сохранность росписи плохая, что свидетельствует о ее нанесении после обжига сосудов. Большинство китайских археологов, учитывая относительно простые, без ярко выраженного украшения формы сосудов, включают памятники Цинлунцюань и Чжуцзятай в ареал культуры позднего яншао. Это мнение подтверждается обилием сосудов *гуань* с высокой шейкой, типичных для яншао сосудов *бо* и не очень частым использованием росписи.

В среднем культурном слое стоянки Цинлунцюань, мощность которого достигает 1,5—2 м, выявлены серые, реже красные и тонкие черные сосуды ручной лепки. Керамика изготавливалась преимущественно из грубого песчанистого и глинистого теста. Наиболее часто среди находок встречаются *дин* с глубоким кувшинообразным туловом и высокими, плоскими, несколько свернутыми ножками (рис. 5, 2). Нижняя часть тулова украшалась обычно одной-двумя опоясывающими сосуд выпуклыми линиями, а верхняя — гребнеобразными ушками-налепами. Часто встречались также *гуань* с высоким овальным туловом, украшенным линейным и лепным орнаментом (рис. 5, 3). Венчик у *гуань* широкий, отогнутый. У чашек *бо* со сливом серое тулово и красный венчик (рис. 5, 4). Некоторые из них украшены ленточными налепами. Широко представлены *доу* с высокими ножками, на поверхности которых вырезано множество круглых отверстий (рис. 5, 5). Сосуды *доу* украшены выпуклым линейным узором. Своими характерными особенностями *доу* Цинлунцюаня сходны с *доу* второго этапа позднего периода стоянки Цюйцзялинь⁹. Сосуды *ху* (рис. 5, 6) аналогичны соответствующим изделиям культуры позднего цюйцзялиня. Корчаги *ган* интересны тем, что их поверхность украшена штампованным плетеным узором (рис. 5, 7). Такой же орнамент нанесен на стенки чаш *юй*. Весьма разнообразны стаканы *бэй*, близкие аналогичным сосудам позднего цюйцзялиня (рис. 5, 8). Однако стенки их толще и обработаны грубее. *Бэй* с тонкими, «как яичная скорлупа», стенками снаружи и внутри тулова украшены росписью в виде овальных пятен, широких неправильной формы полос и дуг (рис. 5, 9). Своеобразной и изящной росписью оформлена чаша

юй (рис. 5, 10). В средней части тулова и на ножке парисованы симметрично расположенные овальные пятна, вертикальные линии и горизонтальные штрихи, а также опоясывающие чашу ленты. Роспись на сосудах выполнялась черной и фиолетово-черной краской по красному фону или красной краской по апельсиново-желтому фону. Поверхность большей части сосудов среднего культурного слоя стоянки Цинлунцюань грубая, неполированная. Примечательно, что на стоянке не обнаружены чашки *вань*, столь характерные для памятника Цюйцзялинь.

Верхний культурный слой поселения Цинлунцюань мощностью 1,5 м содержит преимущественно обломки серой и красной керамики. Очень мало найдено черной блестящей и крашеной посуды. Большинство сосудов изготовлено ручным способом. Китайские археологи считают этот слой луншаньским¹⁰. В нем наиболее часто встречаются *дин* с мелким широким типа чаши *бо* туловом и вогнутым венчиком. Для этих сосудов характерны также плоские широкие ножки (рис. 5, 11). По тулову *дин* прочерчивался волнистый орнамент, а в верхней части ножек прикреплялись налепы-ленты и вырезались овальные отверстия. Весьма разнообразны по типологии кувшины *гуань*, отличающиеся друг от друга формой тулова, величиной устья и шейки (рис. 5, 12, 13). Орнаментированы они линейным узором. Столь же многообразны по разновидностям чаши *бо* (рис. 5, 14). Тулово у них серое, а венчик красный. Среди *доу* преобладают бокалы на низких ножках с круглыми отверстиями (рис. 5, 15). Необычен *доу* с туловом типа *пэнь* и высокой широкой ножкой со множеством отверстий в средней ее части (рис. 5, 16). Кроме того, обнаружены своеобразные трепожники *цзя*, *куай*, а также чаши *цзунь*, горшки *цзэн* и крышки *гай*. Для трепожника *цзя* характерно шарообразное тулово с резко расширенным устьем и полые, округло приостренные к низу ножки (рис. 5, 17). Поверхность тулова *цзя* украшалась вертикальными насечками и налепной лептой. Горшки *цзунь* отличаются большими размерами (рис. 5, 18). Они остродонные, с расширенным устьем и отогнутым венчиком. Поверхность их украшена узором типа плетенки или налепным пунктиром. Горшки *цзэн* украшались штампованной плетеной. Сверху крышки прикреплялись ручки, вылепленные в виде цветка (рис. 5, 19). В верхнем культурном слое были обнаружены также *бэй*, покрытые красным ангобом и черной росписью в виде беспорядочных штрихов (рис. 5, 20). Роспись из лент и полос в верхней части тулова и на шейке прослежена на отдельных сосудах типа *гуань* (рис. 5, 21). Тот же орнаментальный мотив характерен для пряслиц и небольших трепожников *куай*, точную форму которых воссоздать не удалось.

На стоянке Дасы мощность нижнего культурного слоя достигала почти 0,8 м. Наиболее распространены среди находок в этом слое трепожники *дин*, кувшины *гуань*, горшки *вэн*, остродонные бутылки *пин*, чашки *бо* и стаканы *бэй*. Для всех изделий характерна темпо-красная, редко черная или ярко-красная роспись, сходная с узорами на сосудах культуры яншао (рис. 5, 22). Некоторые китайские археологи датируют этот слой стоянки

Дасы временем раннего яншао — периода баньпо, другие считают его одновременным мяодигу¹¹. Выше нижнего залегал полуметровый культурный горизонт с обломками треножников *дин*, кувшинов *гуань*, чаш *бо* (с красным венчиком и серым туловом, иногда со сливом), стаканов *бэй* на высоких ножках, маленьких *бэй* (с тонкими, «как яичная скорлупа», стенками, покрытыми черным ангобом). Все эти сосуды во многом сходны с изделиями из среднего культурного горизонта стоянки Цинлунцюань. Своеобразной формы стаканы *бэй* (рис. 5, 23) оказались аналогичными по форме, размерам тулова и ножек *бэй* со стоянки Цюйцзялин. В самом верхнем слое (мощность 0,6 м) стоянки Дасы преобладала серая (из песчанистого и глинистого теста) керамика, меньше найдено красной и совсем мало — черной. Сосуды изготавливались преимущественно ручным способом. В орнаментации господствовал узор в виде оттисков типа плетенки, реже отмечались веревочный, линейный, расписной и лепной узоры, а также вырезанные отверстия. Среди форм сосудов выделены *дин*, *цзя*, *юй*, *ван*, *гуань*, *пэнь*, *бо*, *доу* и *гай*. Особый интерес представляет трипод *куай* серого цвета, изготовленный из тонкопесчанистого теста (рис. 5, 24). У сосуда три соскообразные ножки и ажурная ручка. Слив сделан из свернутой тонкой глиняной ленты и обвит «шнуром» из глиняной полоски. По тулову сосуда прочерчено несколько тонких линий. Предполагают, что *куай* такого типа — копия бронзовых изделий¹². В том же слое найдены чашки *бо* с красным венчиком и серым туловом. В целом типология форм сосудов и другие их особенности близки соответствующим изделиям из третьего слоя стоянки Цинлунцюань.

На стоянке Луаньшитай выявлено два культурных слоя. В нижнем слое мощностью 0,1—1,5 м находок оказалось мало. Керамика представлена черепками кувшиноподобного *дин* с тремя шиловидными ножками, *гуань*, *бо*, *пэнь* и др. Крашепая керамика отсутствует. Находки этого слоя отнесены к культуре яншао¹³. Во втором слое мощностью около 0,7 м преобладала черная глинистая по структуре и серая песчанистая керамика. Серой глинистой керамики среди находок оказалось мало, красная отсутствует. Что касается форм сосудов, то удалось обнаружить *дин*, *гуань*, *пэнь*, *доу* и блюда *пань* (рис. 5, 25—27). Наиболее часто изделия из глины украшались штампованной плетенкой, реже — веревочным, квадратно-клеточным, а также рисованным узором.

Особо необходимо отметить тот факт, что во всех верхних культурных слоях стоянок района Цзиншань отсутствуют триподы *ли*, столь характерные для классического луншаня. Как следует из описания керамики стоянок района Дасы, горизонты с находками, относящимися к культуре цюйцзялин, залегают выше слоев с культурными остатками типа яншао, но перекрываются пластами с хэнаньской керамикой луншаноидного типа. Исследователи наряду со сходством керамики из района Дасы и из Цюйцзялина отмечают и отличия. В частности, на стоянках Дасы преобладают изделия, изготовленные ручным способом, мало черной и крашеной керамики, широко представлены сосуды с песчанистым по структуре тестом. Орнаментация тоже характеризуется своеобрази-

ем. В коллекции керамики стоянок Цюйцзялин района Цзиншань отсутствуют сосуды *бо* типа хэнаньских *вань* — обычная находка на памятниках культур яншао и луншань. Так пазываемая луншаньская керамика этого района также во многом отличается от позднелолитической керамики районов Китайской низменности. Для последней характерен ручной способ изготовления сосудов, среди которых отсутствуют типичные луншаньские формы — триподы *ли*, *ян* и черные изделия со специфическим блеском. Не менее примечательно и то, что в орнаментике преобладают штампованные оттиски плетенки. Цзинь Сюешанем отмечены определенные черты сходства керамики луншаноидного типа стоянки Дасы и Хэнань, а также специфичность находок из третьего горизонта стоянки Цинлунцюань. Вероятно, керамика типа цюйцзялин района Дасы относится к одному из наиболее ранних, достаточно долго развивавшихся (если судить по мощности второго слоя стоянки Цинлунцюань) комплексов культуры цюйцзялин. Развитая культура цюйцзялин, очевидно, синхронна периоду расцвета культуры луншань Китайской низменности.

Следующий ареал распространения позднелолитических стоянок охватывает район Хуанган, расположенный вблизи границы с пров. Аньхой. Здесь выявлено более десяти стоянок, каждая из которых занимает площадь от нескольких тысяч до десятков тысяч квадратных метров. Наиболее хорошо изучены многослойные стоянки Лосышань и Ицзяшань¹⁴.

В нижнем слое (мощность 1,1 м) стоянки Лосышань среди керамических находок более 50% составляет твердая глинистая по структуре красная посуда. Поверхность ее тщательно отполирована и покрыта темно-красным ангобом или светло-коричневой и красной красками. В изломе черепки светло-желтые. Сосуды такого типа украшались преимущественно росписью. Наиболее часто изготавливались *вань*, *бо* и *гуань*. *Гуань* по типологии подразделяются на несколько вариантов: с прямым широким горлышком, слабо выпуклым туловом и плоским дном (рис. 5, 28); с узким горлышком и шарообразным туловом на низкой ножке-подставке (рис. 5, 29); с овальным туловом, сужающимся к основанию плоским дном и широким устьем с отогнутым венчиком (рис. 5, 30). Весьма разнообразна и совершенна орнаментация сосудов: роспись; резной узор в виде волнистых линий, лент и кружочков. Чаши *бо* выделяются по форме устья — прямого, расширенного, с вогнутым, а затем широко отогнутым венчиком (рис. 5, 31). Они орнаментированы темно-красными широкими лентами, нанесенными на внешнюю и внутреннюю приустьевую поверхности тулова. Чаши *вань* отличаются глубоким овальным туловом с вогнутым венчиком. У них круглое дно и низкая ножка-подставка. Поверхность красной керамики расписывалась узорами из сложных сочетаний квадратов, точек, пятен, широких и узких полос, мелкой сетки, а также украшалась текстильно-шнуровыми оттисками и штрихами.

Своеобразны формы триподы *дин*. Они изготовлялись из грубопесчаного мягкого теста. Их внешняя поверхность темно-красная, серо-черная или желтая. У триподов суженное устье, отогнутый

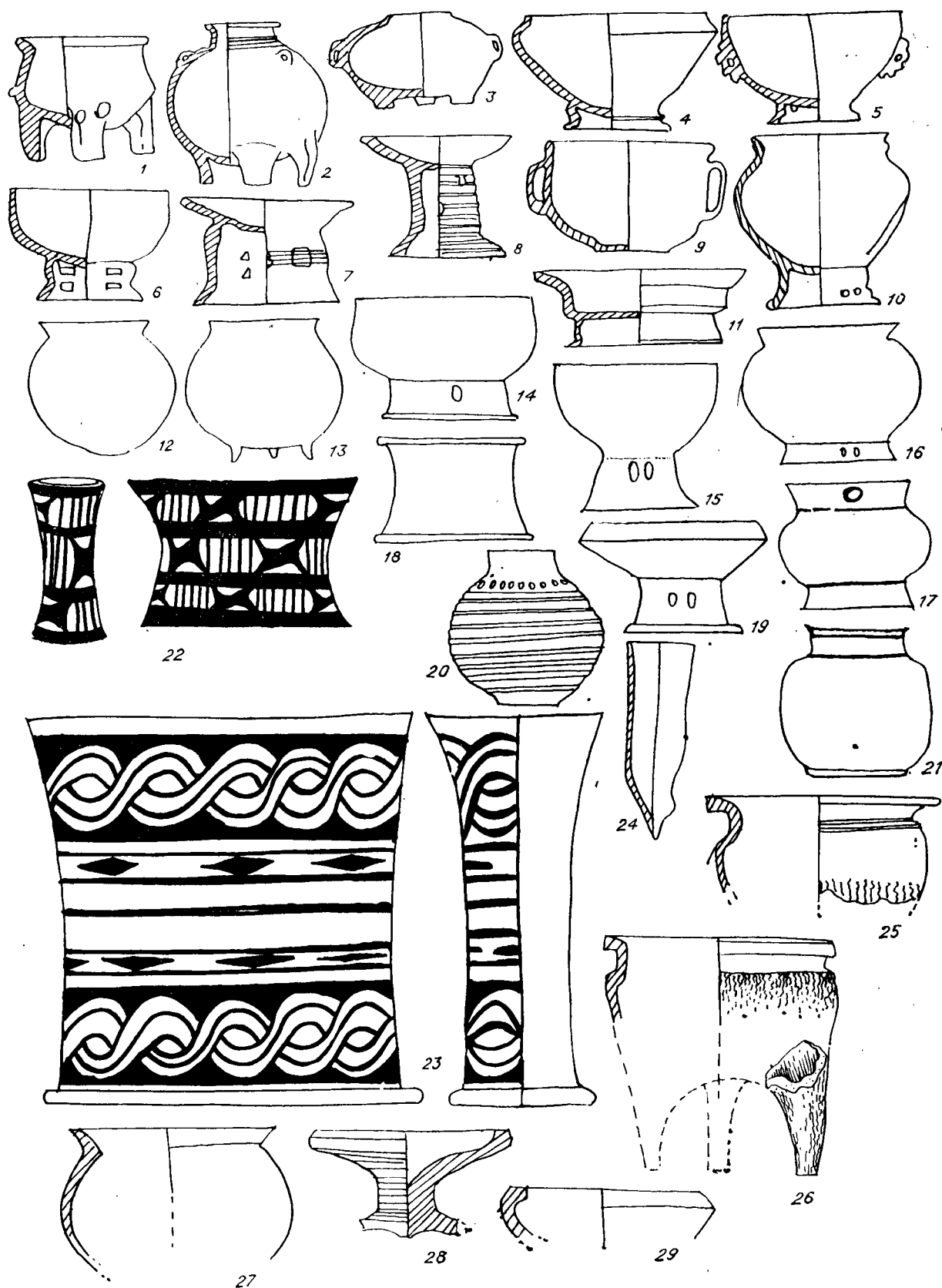

Рис. 6. Керамика.

1—11 — изделия стоянки Лосышань, 12—22 — изделия стоянки Даси, 23 — бутылка пин стоянки Хобаоси, 24—29 — изделия стоянок Ганьцинкоу, Сибо и Дачан.

венчик, выпуклое тулово, круглое дно и широкие плоские невысокие ножки, на плечиках которых вдавливались две-три овальные ямки (рис. 6, 1). Оригинальна форма своеобразных *дин* (рис. 6, 2) с узким горлышком, прямой короткой шейкой и

тремя короткими плоскими ножками. *Дин* украшались наlepным линейным орнаментом. На плечиках их прикреплялись три ушка. Найден *дин*, покрытый темно-красным ангобом. На тулове его сохранились следы отломанной ручки (рис. 6, 3).

Среди находок фрагментов обращает на себя внимание обилие твердой крашеной, топкой, «как яичная скорлупа», керамики. Роспись ее сходна с узорами на керамике Цюйцзялина.

Черные тщательно отполированные сосуды, изготовленные из глинистого теста, составляют 8,5% общего числа керамических изделий. Среди них круглодонные на низких ножках-подставках чашки *вань*. У них вогнутый венчик и глубокое тулово, к которому иногда прикреплялись ножки (рис. 6, 4). На ножках или ушках некоторых *вань* вырезались круглые отверстия (рис. 6, 5). Весьма разнообразны тонкостенные с блестящей поверхностью *доу* (рис. 6, 6, 7). На их ножках вырезаны треугольные, прямоугольные или овальные отверстия. Для ножек характерен также лепной линейный узор. Одна из форм (рис. 6, 8) таких изделий аналогична *доу* со стоянки Цинлунцюань. Интерес вызывают сосуды типа *гуань*. Один из них (рис. 6, 9) близок по форме круглодонной *вань*. К тулову его прикреплены две широкие вертикальные в виде полукольца ручки. Другой *гуань* (рис. 6, 10) по форме близок кубку для вина. На ножке его вырезаны редкие овальные отверстия. Миски *пэнь* (рис. 6, 11) примечательны расширенным устьем с отогнутым широким венчиком, мелким туловом и низкой овальной ножкой. В этом же культурном слое найдено небольшое количество разнообразных керамических пряслиц.

На стоянке Ицзяшань (уезд Цичунь), расположенной восточнее Лосышаня, получила развитие керамика типа лянчжу, изготовленная на гончарном круге¹⁵. Из изделий наиболее часто встречаются *дин*, *доу*, *ху*, *гуань*, *бо*, *вань*, керамические пряслица и песты, значительно реже треножники *куай*. Керамика с росписью, очевидно сходная по типу с керамикой стоянки Цюйцзялин, составляет менее 1% общего количества находок. Близки изделиям из Цюйцзялина тарелки *де* и блюда *пань* на трех — пяти небольших ножках из района Цзиншань.

В целом анализ особенностей керамики района Хуанган показывает, что в ней отчетливо выражены черты культур яншао, ципляньган и цюйцзялин. Однако, чем дальше на восток, тем слабее влияние культуры цюйцзялин. Здесь на поселениях начинает преобладать керамика, близкая позднему неолиту района среднего течения Янцзы. К сожалению, строгое стратиграфическое взаимоотношение памятников различных культур района Хуанган пока не установлено. Для этого требуется продолжение полевых исследований.

К западу от района Цзиншань на стыке восточных районов пров. Сычуань с пров. Хубэй за последние 20 лет обнаружено около 40 неолитических стоянок, в том числе Даси, Хобаоси, Ганьцзинкоу и Сибо, которые расположены в районе Трех Групп Порогов Янцзы¹⁶. Китайские археологи¹⁷, анализируя особенности этих памятников, выделяют здесь так называемую культуру даси. На материалах стоянок района Трех Групп Порогов устанавливаются два периода развития неолита. Для раннего характерна грубая песчанистая красная керамика, изготовленная с применением поворотного круга. В поздний период при сохранении преимущественно ручного способа формовки сосудов встречается посуда, изготовленная

с применением гончарного круга. Красные песчанистые изделия по-прежнему преобладают, но появляется тонкоглинистая красная, черная и серая керамика и немного крашеной, а также топкой, «как яичная скорлупа», красной, желтой и черной. Сохранность керамических изделий плохая. Сосуды представлены главным образом отдельными фрагментами.

На стоянке Даси культурные остатки позднего неолита залегают в двух горизонтах¹⁸. В нижнем обнаружены лишь фрагменты песчанистой грубой красной керамики ручного изготовления. Это части котла *фу* (рис. 6, 12) больших размеров с шарообразным туловом, овальным дном и широким отогнутым венчиком, а также треножника *дин* (рис. 6, 13) с короткими заостренными ножками, шарообразным туловом и небольшим отогнутым венчиком. По форме этот *дин* более всего близок аналогичным изделиям раннего цюйцзялина. Поверхности *фу* и *дин* неорнаментированы. В целом фрагменты из красной грубой посуды составляют около 90% общего числа находок керамики стоянки Даси. В верхнем культурном слое они также занимают ведущее место, в нем обнаружены, кроме того, фрагменты изделий тонкой глинистой красной (1,5%), песчанистой серой (5%), топкой глинистой серой, черной и крашеной керамики. Тонкоглинистая красная керамика, изготовленная ручным способом, покрыта красным ангобом и отполирована до блеска. Устье и внутренние стенки некоторых изделий покрыты черным ангобом и отполированы. Наиболее часто изготавливались сосуды *гуань*, *вань*, *доу*, *гуй*, *де*, *юй* и подставки для сосудов. У чашек *вань* (рис. 6, 14) глубокое овальное тулово на округлой ножке-подставке, на которой расположены единичные отверстия. Бокалы *доу* (рис. 6, 15) по форме тулова аналогичны чашкам *вань*. Конусообразные ножки имеют подобным образом расположенные отверстия. Такие же отверстия вырезаны на округлой ножке жертвенного сосуда *гуй* (рис. 6, 16). Чаши *юй* изготавливались с округлой ножкой-подставкой (рис. 6, 17). У них эллипсоидное низкое тулово, шейка и высокий отогнутый венчик с двумя отверстиями. Подставка цилиндрическая (рис. 6, 18) с отогнутым венчиком и основанием. Оригинальна форма *доу* на широкой ножке (рис. 6, 19), тулово сосуда по форме напоминает блюдо типа *пань*. Такие сосуды близки *доу* стоянок Цинлунцюань и Лосышань. Найдены также фрагменты стаканов *бэй*, чашек *бо*, горшков *цзэн* и *дин*. К некоторым изделиям, вероятно, прикреплялись ушки. Серого цвета котлы *фу*, *пэнь*, кувшины *гуань* изготавливались из тонкого глинистого теста. Они орнаментированы веревочными оттисками, выпуклыми лентами, налепами, клетчатыми рисунками. Среди целиком сохранившихся изделий — сосуды *гуань* и *доу*. Плоскодонные с шарообразным туловом и узким горлышком *гуань* примечательны липейными налепами на тулове и горлышке и точечными вырезами на плечиках (рис. 6, 20). По особенностям формы и ornamentации такие изделия близки *гуань* позднего цюйцзялина района Цзиншань.

Серая керамика изготавливалась ручным способом, а черная — на гончарном круге. Для черной посуды характерны твердый черепок, тонкие степ-

ки, тщательность полировки поверхности, а также более высокая температура обжига. В эту категорию включается как классическая черпая керамика, так и серая, покрытая черным ангобом. По типам она подразделяется на *бэй*, *доу*, *бо*, *гай*, *гуй* и *гуань*. У последних широкое плоское дно, низкая округлая ножка, тулово с почти прямыми стенками, несколько суженное горлышко и узкий отогнутый венчик (рис. 6, 21). Примечательно открытие красноцветной бутылки *пин*, изготовленной из тонкоглинистого теста (рис. 6, 22). У нее плоское дно, тулово симметрично расширяется к основанию и устью и заканчивается отчетливо отогнутым венчиком. Поверхность сосуда покрыта черпой росписью — сочетанием широких горизонтальных лент, вертикальных полос и ромбов. *Пин* привлекает внимание изящной формой и узором. Такой же сосуд найден на стоянке Хобаоси (рис. 6, 23). Верхняя и нижняя части тулова его украшены широкой полосой веревочного узора, а средняя — узкими горизонтальными лентами с ромбами между ними. Крашенная красная керамика стоянки Даси представлена фрагментами *вань*, *гуань* и *бо*. Для орнамента в основном применялся черный или, реже, красно-желтый цвет. Краска легко соскабливается с поверхности сосудов.

На стоянке Ганьцзинкоу найдена керамика, которая, по-видимому, характеризует один из наиболее ранних этапов неолита: остродонные стаканы *бэй* с неровной неполированной поверхностью (рис. 6, 24) и фрагменты больших круглодонных котлов *фу*, круглодонных *гуань* и треножников *ли*. В коллекции преобладает грубо- и тонкопесчаная красная и желтая, редкоглинистая красная и черная керамика. Способ изготовления ее ручной. Поверхность сосудов, как правило, неполированная, с отчетливыми следами ручной лепки. Орнамент преимущественно прочерченный, веревочный. Аналогичная керамика найдена на стоянке Сибо, но здесь в орнаментике наряду с веревочными отрисками отмечаются узоры типа плетенки и линейный лепной (рис. 6, 25). Весьма совершенен треножник *ли* (рис. 6, 26) с веревочным узором. У него отогнутый венчик, глубокое слегка овальное тулово с плоским дном и высокими полыми, несколько уплощенными ножками. Близкий по форме и орнаменту, но менее совершенный по отделке треножник *ли*, изготовленный из грубого песчаного теста, найден на стоянке Хобаоси. Он залегал выше культурного слоя с крашеной керамикой. Интерес представляет также открытие на стоянке Дачан и Сибо ножек с круглыми палепами на них. На стоянке Хобаоси обнаружена красная песчаная, тонкоглинистая красная и черная, а также крашенная керамика. Поверхность сосудов покрыта красным или черным ангобом и украшена отрисками веревки или, реже, росписью. Судя по фрагментам, на стоянке изготовлялись ручным способом и с применением гончарного круга круглодонные *фу*, *гуань* и шарообразным туловом, *доу* и *бо* (рис. 6, 27—29).

Особенности керамики района Трех Групп Порогов свидетельствуют о развитии здесь своеобразной культуры, которая сопоставляется в общем с культурами позднего яншао и раннего этапа луншань. Такой взгляд, в частности, высказывает

Ян Юйжунь, основываясь на результатах анализа разнообразностей орнамента сосудов, в том числе росписи¹⁹. Он обратил также внимание на отсутствие в районе Трех Групп Порогов характерных для развитого луншань сосудов типа *куай* и *ли*, а также образцов классической тонкой блестящей черной керамики. Не менее примечательны образцы, изготовленные ручным способом. Признаки культуры цюйцзялин в районе Трех Групп Порогов выражены очень слабо. Преимущественно ручной способ изготовления керамических изделий, невысокая температура обжига, низкий уровень технологии изготовления керамического теста — все свидетельствует о начальных стадиях развития неолита.

Касаясь общих проблем неолита бассейна среднего течения Янцзы, следует отметить, что при объяснении его характера выдвинуто несколько гипотез. Было высказано предположение о местных истоках культуры, которая развивалась без влияния неолита бассейна Хуанхэ. Но такому взгляду противоречат особенности керамики района Даси, среди которых присутствуют черты, характерные для хэнаньской посуды. В то же время определенное влияние культуры цюйцзялин отмечено при анализе материалов неолитических стоянок пров. Хэнань. Чжап Гуанчжи на основе анализа археологических данных, географических и климатических характеристик Северного Китая и прилегающих к нему районов попытался проследить постоянное движение культуры с севера, из области развития лёссовых отложений, на юг²⁰. Большинство китайских археологов полагают, что неолит бассейна среднего течения Янцзы развивался на базе культуры яншао. Керамика нижних слоев Цинлунцюаня, Дасы и ряда других стоянок со всей очевидностью подтверждает появление в бассейне Янцзы изделий, сходных с теми, которые характерны для культуры яншао. Вместе с тем такая керамика по своим особенностям наиболее близка сосудам поздних этапов этой культуры на севере Китая. Наиболее ранним памятником неолита бассейна среднего течения Янцзы следует считать Ганьцзинкоу, где обнаружены остродонные грубопесчаные красные сосуды, изготовленные ручным способом.

Оценка цюйцзялипа как переходного луншаньского памятника не совсем правомерна, что подтверждается анализом особенностей керамики второго и третьего слоев стоянок района Дасы. Здесь во втором слое найдены сосуды со многими характерными для керамики цюйцзялина чертами, а в третьем — рапнелуншаньские сосуды, появившиеся под влиянием хэнаньского неолита. Для памятников типа цюйцзялин района Дасы характерен ручной способ изготовления посуды, широкое использование песчаных керамических изделий и малочисленность черной и крашеной керамики, что позволяет отнести эти поселения к одному из наиболее ранних этапов становления и развития культуры цюйцзялин. Периоду раннелуншаньского этапа в Дасы, за которым здесь следует эпоха Чуньцю, в районе Цзиншань соответствует время расцвета культуры цюйцзялин, которое отчетливо подразделяется на три этапа. Таким образом, можно утверждать, что культура цюйцзялин в процессе эволюции прошла как минимум четыре ста-

дии развития: Даси II, ранний период, первый и второй периоды позднего этапа цюйцзялина. Культура цюйцзялина, испытывая влияние традиций культур луншаня и позднего неолита районов нижнего течения Янцзы, при этом отличается от них весьма существенными особенностями, подтверждающими ее своеобразие. К специфике этой культуры следует отнести все более широкое по мере ее развития изготовление крашеной керамики, использование оригинальных форм триподов *дин* и кувшинов *ху*, увеличение количества типов сосудов и со временем некоторое усложнение их ор-

наментации, преимущественное применение в быту тонкоглинистой черной и серой керамики. Примечательными для района Цзянханьской равнины остаются также факт постепенного ослабления признаков влияния культуры цюйцзялин по направлению от района Цзиншань к северу, востоку и западу и связь между естественно-географическими границами района и областью распространения поселений культуры цюйцзялин.

Неолит бассейна среднего течения Янцзы начал изучаться сравнительно недавно, в связи с чем ряд вопросов его развития требует дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зарубежная Азия. Физическая география. М., 1956, с. 309—376.

² Синь Чжунго ды каогу шоухо. (Успехи археологии нового Китая). Пекин, 1961 (на кит. яз.).

³ Цзиншань Цюйцзялин. (Неолитическая стоянка Цюйцзялин в уезде Цзиншань). Пекин, 1965, с. 1—3 (на кит. яз.).

⁴ Инь Хуаньчжан, Чжан Чжэньян, Цзи Чжунцин. Отчет о раскопках стоянки Дадуньцзы Сыхучжэнь в уезде Пэйсянь (пров. Цзянсу).— КГСБ, 1964, № 2, с. 30—31 (на кит. яз.).

⁵ Неолитическая стоянка Цюйцзялин..., с. 24.

⁶ Хубэйский провинциальный комитет по охране и изучению памятников материальной культуры. Ван Шаньдай. Первые раскопки неолитической стоянки Чжунцзяцзюй уезда Цзиншань (пров. Хубэй).— КГ, 1964, № 5, с. 215—219 (на кит. яз.).

⁷ Цзинь Сюешань. Краткое сообщение о раскопках стоянок в уездах Юньсянь и Цзюньсянь (пров. Хубэй).— КГ, 1961, № 10, с. 521—526 (на кит. яз.).

⁸ Кашина Т. И. Некоторые проблемы, связанные с керамикой культуры яншао.— Изв. СО АН СССР, 1970, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 29—30.

⁹ Неолитическая стоянка Цюйцзялин..., с. 74—75.

¹⁰ Цзинь Сюешань. Краткое сообщение..., с. 526—527.

¹¹ Там же, с. 520.

¹² Там же, с. 521.

¹³ Там же, с. 527.

¹⁴ Чжан Юньпэн. Отряд по раскопкам и пров. Хубэй при Институте археологии АН Китая. Предварительные раскопки стоянки Лосышань в уезде Хуанган (пров. Хубэй).— КГ, 1962, № 7, с. 339—344 (на кит. яз.); Ся Дунь. Провинциальная комиссия по охране памятников Хубэй. Неолитическая стоянка Ицзяшань уезда Цичунь (пров. Хубэй).— КГ, 1960, № 5, с. 2—5 (на кит. яз.).

¹⁵ Ся Дунь. Комитет по охране материальной культуры (пров. Хубэй). Неолитическая стоянка Ицзяшань уезда Цичунь (пров. Хубэй).— КГ, 1960, № 5, с. 1—4 (на кит. яз.).

¹⁶ Ян Юйжуань. Археологические исследования водохранилища Три Ущелья на р. Янцзы в пров. Сычуань.— КГ, 1961, № 10, с. 521—526 (на кит. яз.).

¹⁷ Успехи археологии..., с. 27—28; Чуан По. Археологические открытия за последние годы в пров. Сычуань.— ВУ, 1961, № 11, с. 14 (на кит. яз.).

¹⁸ Археологический отряд при комитете по охране материальной культуры на территории бассейна Янцзы в пров. Сычуань.— ВУ, 1961, № 11, с. 16 (на кит. яз.).

¹⁹ Ян Юйжуань. Археологические исследования..., с. 40.

²⁰ Чжан Гуанчжи. Чжунго синьшици шидай ваньху дуаньдай. (Датировка неолитических культур Китая). Тайвань, 1959, 309 с. (на кит. яз.).

В. В. ЕВСЮКОВ

КОСМОГОНΙΑ КИТАЙСКОГО НЕОЛИТА ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ НА КЕРАМИКЕ КУЛЬТУРЫ ЯНШАО

Космогонические мифы, как правило, составляют ядро многих архаичных мифологий. Поэтому вполне закономерно, что среди мифологичных по содержанию изображений на китайской неолитической керамике культуры яншао есть такие, которые могут быть интерпретированы как космогонические по смыслу. В расписной керамике этапов баньшань и мачан (абсолютные даты 2500—2000 гг. до н. э.) культуры яншао можно выделить группу сосудов, украшенных орнаментом с устойчиво повторяющимся сюжетом (рис. 1, 1—6, 10; 2, 1—9; 3, 1—6). Тулова изделий разрисованы таким образом, что вся композиция росписи подразделяется на три зоны. Часть сосудов, которая находится ниже двух боковых ручек, оставлена неорнаментированной, от средней части она отделена одной или двумя волнистыми линиями, обтекающими сосуд по всему периметру. Верхняя зона росписи связана с венчиком, укра-

шенным волнистыми линиями, узором решетки, косыми крестами или треугольниками. В средней зоне центральное место занимает антропоморфная фигура, изображенная в не совсем обычной позе, несколько напоминающей позу штангиста, присевшего перед толчком. Согнутые руки и ноги упираются соответственно в верхнюю и нижнюю границы средней зоны. То, что определено как руки и ноги, представлено в виде жирной ломаной линии с пальцеобразными отростками на сочленениях, как бы многосуставными. Антропоморфное изображение, видимо, трансформировалось затем в популярный на этапе мачан орнамент из широких зигзагообразных линий, часто с отростками «пальцами» на сгибах. Такой узор опоясывает весь сосуд, заполняя среднюю зону росписи (рис. 2, 3, 5, 7—9; 3, 1—3, 5, 13). В некоторых случаях у фигуры отчетливо выделен признак мужского пола. Голова в одних случаях

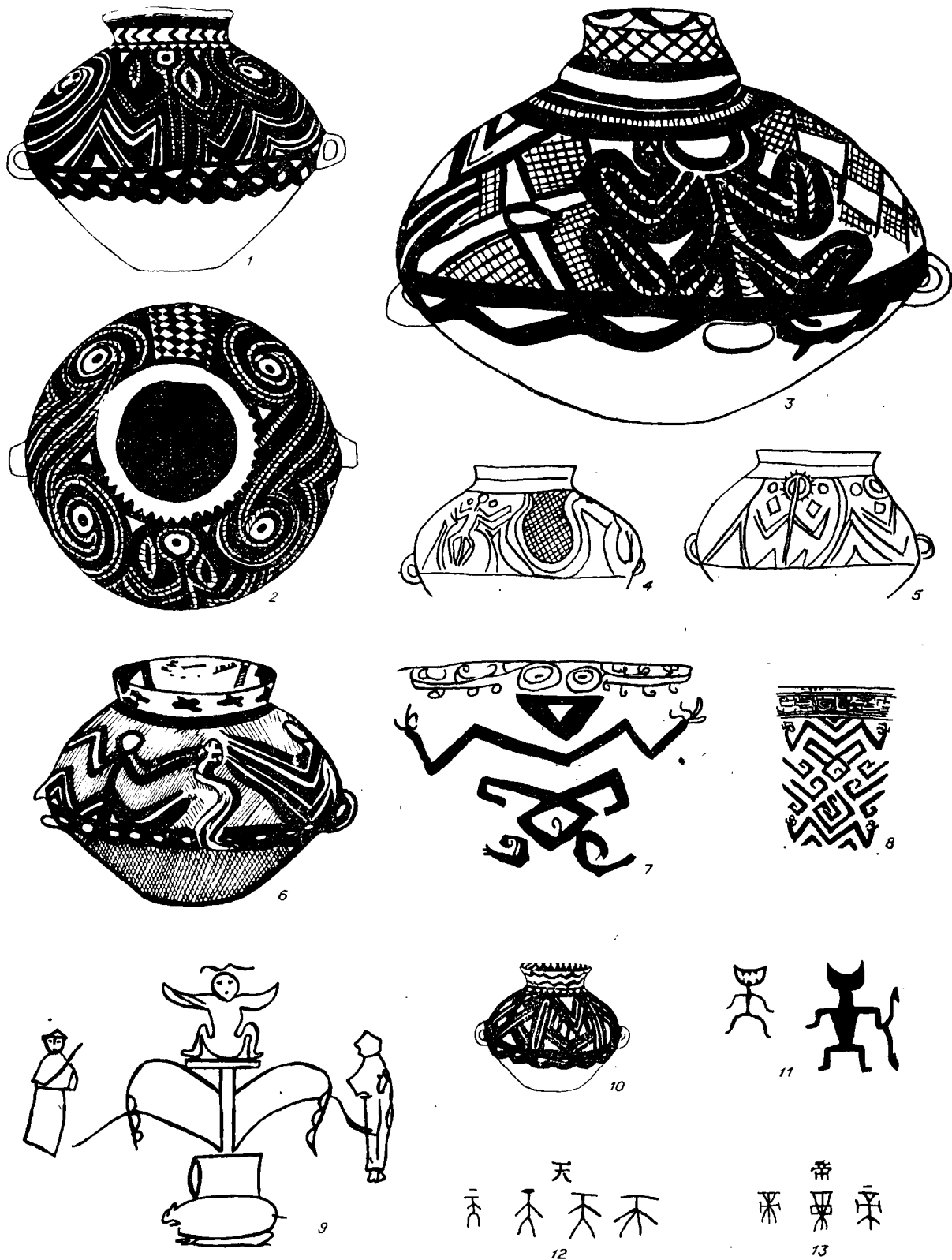

Рис. 1. Китайские изображения эпохи неолита и бронзы.

1—6, 10 — сосуды этапа баньшань, 7, 8 — изображения на керамике эпохи Шао, 9 — каменный рельеф эпохи Хань, 11 — древнекитайское изображение на бронзе, 12 — древние написания иероглифа *тянь* — небо, 13 — древние написания иероглифа *ди* — предок.

обозначена просто кругом или кругом с точкой в центре, а в других — непропорционально большой окружностью, оконтуренной широкой линией и заштрихованной внутри мелкой сеткой. Чаще, однако, голова вообще отсутствует, но в таком случае ее, видимо, замещает венчик. Насколько можно судить по изображениям сосудов (вид

сверху), таких фигур в композиции бывает две, а иногда, возможно, больше — даже четыре. Располагаются они симметрично, на противоположных сторонах изделий. Справа и слева от них изображались иногда равные им по величине окружности, заштрихованные в мелкую сетку. Они аналогичны голове фигур. Среди баньшань-

Рис. 2. Сосуды этапа мачап.

ских изображений по сторонам фигуры нарисованы спирали, в центре которых помещены круги с точками, напоминающими голову антропоморфного изображения (см. рис. 1, 1, 2). В одной из баньшаньских композиций между двумя фигурами изображена извивающаяся змея с поднятой головой (см. рис. 1, 6).

Описанный сюжет относится к числу наиболее содержательных по смыслу, и не удивительно, что он неоднократно привлекал внимание исследователей. По мнению К. Хелтце, который приложил немало усилий для дешифровки семантики росписей яншао, данную фигуру следует рассматривать как изображение антропоморфного божества.

ства с солнцем вместо головы*. Следуя за ошибочным предположением Ю. Г. Андерсона, он считает, что керамика с таким орнаментом использовалась в культовых целях, поскольку она встречается только в погребениях. К. Хентце сравнивал баньшаньское изображение с данными китайской палеографии, в частности с иероглифом «тянь» — «небо», который первоначально имел вид стоящей человеческой фигуры с раскинутыми руками¹. По мнению этого исследователя, иероглиф «тянь» с абсолютной точностью сходен с изображением на керамике баньшань (рис. 1, 1, 2, 12)². Продолжая палеографические разыскания, К. Хентце сравнил баньшаньскую фигуру с антропоморфным орнаментом на шанской белой керамике (рис. 1, 7, 8), а затем и с древним паписанием иероглифа «ди» — «божество», «предок» (рис. 1, 13). «Божество на белой керамике эпохи Шан, — отмечает он, — состоит из пагроможденных друг на друга фигур, которые, вместе взятые, ведут нас к культу предков, к представлению о генеалогической последовательности. Едва ли можно сомневаться, что фигура на белой керамике изображает обожествленного предка»³. Такая же характеристика переносится К. Хентце на баньшаньскую фигуру.

В одной из своих ранних работ, посвященной лунарным мифам и символам, К. Хентце рассматривал мачапские фигуры только в связи с символикой пальцев. По его мнению, она имеет отношение к луне. При этом К. Хентце сравнивает мачапские изображения с расписной керамикой из Суэ, с центральноамериканскими материалами и др.⁴

В другой своей работе К. Хентце вновь вернулся к тому же сюжету. Он избрал для анализа мачапское изображение, нарисованное более схематизированное, но тем не менее сохраняющее связь со своими баньшаньскими аналогами. Исходя из представлений об исключительной роли луны в мифологии и духовной культуре древности, исследователь трактует и это изображение как лунарное. В круге, разделенном надвое, он усматривает символ двух фаз луны, двух ее половин⁵. Такое построение опровергается не столько даже мифологией, сколько самими росписями баньшань и мачан. На одном из баньшаньских изображений (рис. 1, 5) точно таким же разделенным надвое кругом представлена голова антропоморфной фигуры. Отходящие от нее лучи не позволяют усомниться в том, что она символизирует солнце.

Идеи этого исследователя были повторены сравнительно недавно в статье Н. Науманн⁶, которая, разбирая семантику ряда изображений японской неолитической культуры дзёмон и привлекая обширнейший сравнительный материал, в том числе и китайский, согласилась с заключением К. Хентце о лунарном характере композиции, где змея выпивает лунную влагу жизни, похищая бессмертие у человека (рис. 1, 6)**.

* К. Хентце имеет в виду изображение на рис. 1, 1, 2, где голова фигуры представлена кругом с точкой.

** Большое число мифов этого типа собрано Дж. Фрезером в книге «Фольклор в Ветхом завете» (М.—Л., 1931). Хотя некоторые наблюдения Дж. Фрезера по этому поводу и интересны, в целом они не раскрывают сути подобных сюжетов, схема которых такова: Луна или другое

А. Буллинг в специальной монографии по семантике росписей яншао отведя баньшаньско-мачапскому сюжету главу «Дерево и антропоморфные изображения». Большую часть текста ее составляет, однако, не анализ образа и его семантики, а описание аналогий, весьма к тому же спорных, из орнаментики древнекитайских бронз (рис. 3, 12), шанской керамики и ханьских каменных рельефов (рис. 1, 7, 9), а также изложение китайских мифов о мировых космических деревьях. По мнению А. Буллинга, баньшаньско-мачапская фигура есть образ дерева, «совершенно неожиданным образом принявшего антропоморфный вид». При этом «ствол превратился в хребет безголовой человеческой фигуры, изображенной как бы присевшей, а треугольники (согласно А. Буллингу, треугольники и полуокружности символизируют ветви дерева.—В. Е.) развились в руки и ноги»⁷. А Буллинг считает, что на одной из баньшаньских урн «человеческая фигура видна только наполовину, нижняя же ее часть скрыта за стволом дерева, очевидно, полого»⁸. Далее на основании спорных наблюдений, изложенных в других частях книги, А. Буллинг приходит к заключению, что данная антропоморфная фигура связана с символикой осени и запада, а также с движением небесных тел.

Проведенное А. Буллингом сравнение антропоморфных фигур с мировым, космическим деревом интересно и, возможно, оправданно. Однако такое заключение определяется не функциональным анализом композиции, а всего лишь по внешнему подобию, что выглядит как счастливая, но не подкрепленная фактами догадка.

В предисловии к недавно изданному сотрудниками музея провинции Ганьсу богато иллюстрированному альбому «Расписная керамика Ганьсу» отмечено, что «в орнаменте керамики баньшань и мачан в основном представлены геометрические мотивы, а также имеется небольшое число узоров листьев, злаков, стручков, семян, деревьев и другого растительного орнамента; изображений же животных очень мало»⁹. Отсюда сделан вывод, что роспись керамики этапов баньшань и мачан «отражает жизнь земледельцев». Далее в этом же контексте авторы предисловия обратились к избранному нами для анализа сюжету и пришли к заключению, что в баньшань и мачан «появляется канонизированное изображение божества, имеющего облик человека, разбрасывающего семена». Проследившая его трансформацию, китайские археологи отметили, что изображение развивается и меняется «от реалистического к абстрактному» — «на раннем этапе оно представляет человека с раздвинутыми ногами и распростертыми руками, как бы разбрасывающего семена». В таком виде изображение просуществовало до середины этапа мачан, при этом «голова исчезла, а число суставов увеличилось, но он по-прежнему как будто разбрасывает семена». К позднему мачану изображение стало схематичным. От него

божество посылает человеку напиток жизни или весть о даруемом бессмертии; посланец (змея, собака, заяц или другое животное) выпивает напиток, переваривает весть; человек остается смертным, а посланец либо получает вечную жизнь, либо подвергается гонениям со стороны обманутых людей.

остались только треугольники и ломаные линии «с когтями и пальцами». По мнению авторов «Расписной керамики Ганьсу», «данное изображение божества, разбрасывающего семена, и производные от него являются отражением и продуктом сравнительно развитого земледелия». Более того, они утверждают, что «данный тип земледельческого божества злаков появляется приблизительно на этапе отцовского рода, что соответствует уровню общественного устройства эпохи баньшань — мачан»¹⁰.

Дальше других в понимании сюжета продвинулся Л. С. Васильев. Для интерпретации сюжета он избрал миф о первопредке Пань-гу, раздвинувшем небо и землю. Основанное на чисто индуктивном подходе обращение к достоверному интерпретирующему материалу позволило Л. С. Васильеву выявить структуру самого изображения. Отталкиваясь от семантики мифа, он обратил внимание на то, что весь декор баньшаньско-мачанских сосудов следует рассматривать комплексно, в единой композиции, а не по фрагментам, как обычно делалось ранее. При таком подходе явно проступает космический характер антропоморфной фигуры, упирающейся головой и руками в верхнюю границу росписи, которую Л. С. Васильев отождествил с небом, а ногами — в нижнюю, символизирующую землю. В пользу оправданности такого предположения свидетельствуют обязательные в росписи волнистые линии, в которых на основании общего контекста логично усматривать символ воды, связанной с нижним, подземным миром. В таком случае естественное объяснение получает и странная «скорченная» поза фигуры, которая должна отражать непомерность усилий первопредка при отделении им неба от земли.

Для подкрепления своих наблюдений Л. С. Васильев обратился к семантике изученных Б. А. Рыбаковым балканских росписей, среди которых встречаются близкие по смыслу трехъярусные изображения существ с двумя торсами, поставленными один на другой, и с четырьмя руками¹¹. Аналогию между изображениями с Балкан и из Ганьсу Л. С. Васильев обоснованно усмотрел не во внешнем сходстве фигур, которое само по себе может оказаться случайным, а в их композиционной близости. Фигуры в том и в другом случаях расположены «между небом и землей, рядом с солярными кругами и иными небесными явлениями, символизируемыми различными элементами орнамента»¹². Исследователь особо подчеркивает то обстоятельство, что миф о Пань-гу в письменных китайских источниках был зафиксирован лишь в позднеханьскую эпоху, отделенную от баньшань и мачан более чем двумя тысячами лет. На этом основании он допускает его пеханьское происхождение. Отстаивая свою генеральскую концепцию западных корней япшао, Л. С. Васильев подчеркивает, что данный сюжет, близкий по семантике балканским и иранским, не случайно встречается именно в Ганьсу, т. е. в западных районах распространения культуры япшао, но неизвестен в центральных. В итоге Л. С. Васильев пришел к выводу, что баньшаньско-мачанский сюжет, связанный по семантике с мифом о Пань-гу, восходит корнями к древним

представлениям и мифам, колыбель которых располагалась далеко на западе от Китая и которые, долгое время хранились в «генетическом коде» этноса, проявились на определенном этапе в искусстве баньшань и мачан¹³.

Л. С. Васильевым поставлена серьезная и сложная для решения проблема. В самом деле, приведенные им факты соответствуют истине. Действительно, миф о Пань-гу не был известен китайцам до нашей эры и генетически, вполне вероятно, связан с мифологией мяоских племен¹⁴. Справедливо и то, что неолитические изображения избранного для анализа типа встречаются лишь в баньшань и мачан. Удивительное сходство между баньшаньско-мачанскими изображениями и мифом о Пань-гу с их западными аналогами невозможно отрицать. Но очевидно и другое: мифы, аналогичные китайскому преданию о Пань-гу, характерны отнюдь не для одной только ближневосточной или индоевропейской мифологии. Они распространены по всему миру, в том числе в Египте, Тропической Африке, в Северной и Юго-Восточной Азии, в Америке и Полинезии. Гипотетически можно, конечно, предположить, что все они генетически родственны. Однако такое предположение будет противоречить всему комплексу археологических, исторических, этнографических и мифологических данных. Решение проблемы возможно лишь в случае, если исходить из того, что в целом мифы определенного цикла образуют тип, а корни их сходства видеть в одинаковых социально-экономических и иных условиях, которые и вызвали появление этих мифов к жизни.

Описав интерпретируемые изображения и приведя их существующие толкования, следует перейти к наиболее ответственной части исследования — к изложению и анализу интерпретируемого материала. В древнекитайской мифологии известны два космогонических по своей сути мифа об отделении неба от земли — о Пань-гу и о Чуне и Ли. С точки зрения письменной фиксации, древнее второй из них. В то же время миф о Пань-гу в некоторых своих деталях выглядит стадильно более архаичным. В силу его большой наглядности, а также очевидной совместимости с сюжетом росписи на сосудах баньшань и мачан имеет смысл начать изложение с него.

Миф о Пань-гу. Как и все древние мифы, предания о Пань-гу запутанны и противоречивы. Правильнее будет сказать, что миф существовал в различных вариантах и редакциях. Впервые в III в. н. э. его записал и включил в свое сочинение «Сань у ли цзи» Сюй Чжэнь. Текст гласит: «Небо и земля пребывали в хаосе, подобно содержимому куриного яйца, тогда-то и родился Пань-гу. Спустя восемнадцать тысяч лет начала создаваться Вселенная, чистое начало ян образовало небо, мутное начало инь образовало землю. Пань-гу же находился в середине и менял свой облик по девять раз в день. На небе стал он духом, на земле — святым. Небо каждый раз поднималось, на один чжан, и Пань-гу тоже вырастал на чжан в день. Так продолжалось восемнадцать тысяч лет, пока небо не поднялось очень высоко, земля же опустилась очень низко, а Пань-гу не вытянулся до огромных размеров. Потому-то земля

Рис. 3. Китайские изображения эпохи неолита и бронзы.

1—7, 13 — сосуды этапа мачан, 8—10, 11 — сосуды этапа мацзяо, 9 — фрагмент сосуда этапа мяодигу, 12 — изображение на бронзе эпохи Чжоу.

отстоит от неба на девяносто тысяч ли»¹⁵. Народные предания добавляют следующую деталь: находившийся в яйце Пань-гу расколол его огромным топором¹⁶. В гл. 1 позднего сочинения Чжоу Ю «Сказание о сотворении мира», напи-

санного в начале XVII в., сообщается: «Пань-гу вытянулся, толкая небо дальше ввысь, а землю вниз. Все же между небом и землей оставалась перемычка. Тогда он взял в левую руку долото, в правую руку — топор и принялся долбить доло-

том и рубить топором. И так как обладал он волшебной силой, в конце концов сумел отделить небо от земли»¹⁷. Поздние изображения представляют Пань-гу в облике рогатого демиурга, оформляющего Вселенную с помощью молотка и тесла¹⁸.

Что касается внешнего облика Пань-гу, то о нем известно следующее. В гл. 9 книги Дун Сычжана (1586—1628) «Гуан бо у чжи» приводится цитата из утраченного сочинения Сюй Чжэна «У юнь ли нянь цзи»: «У государя Пань-гу голова дракона и тело змеи, когда он вдыхает воздух, — рождаются ветер и дождь, когда дует, — гром и молния. Когда открывает глаза, стоит день, когда закрывает, — ночь»¹⁹. Юань Кэ проводит аналогию между драконово-змеиным обликом Пань-гу и внешним видом других мифических персонажей — Пань-ху и Фу-си²⁰. Он сравнивает Пань-гу с драконом Чжу-луном, который так описывается в гл. XVII «Шань хай цзина»: «За Северо-Западным морем, к северу от Красной реки находится гора Остроги Чжан. [Там] живет дух Прямовосседающий (Чжэнчэн) с человеческим лицом, туловищем змеи и красными (расположенными один над другим) глазами. Когда он закроет глаза, наступает тьма, откроет — появляется свет. Не ест, не спит, не дышит. Он дарует ветер и дождь. Он освещает Великую Тьму. Его зовут Дракон-Светильник»²¹. Змеиная природа Пань-гу, возможно, отражена в значении составляющих его имя иероглифов: «пань» — «сворачиваться кольцами»*, «гу» — «древность», «древний». Д. Бодде предлагает перевод «свернувшаяся кольцом древность»²², точнее, очевидно, будет — «древний; свернувшийся кольцом».

На изображениях XVIII—XIX вв. Пань-гу представлен с раздвоенной, имеющей ложбинку посередине головой. Б. Л. Рифтин убедительно доказал, что такую черту внешнего облика первопредков следует рассматривать как реликт первопачальной рогатости²³. Автор XVIII в. Юань Мэй приводит следующие, фольклорные по происхождению, сведения: при императоре Кан-си из обрушившейся горы Тяньтайшань вылетел странный гроб, изготовленный из «не тонущего в мире теней» дерева; в нем обнаружили человека без каких-либо признаков разложения, у которого «брови, глаза, нос, рот одного цвета с деревом, на руках и ногах такие же узоры, как на дереве». Необычный человек ожил и удивился тому, что небо так высоко. Он сказал, что в его времена оно было намного ниже, а затем окаменел. Со ссылкой на гадательные книги, где говорится, что «через десять тысяч лет небо можно будет подпереть палкой», Юань Мэй высказал предположение, что то был человек, живший до того, как Пань-гу раздвинул небо и землю²⁴.

На лубочных картинах Пань-гу изображался с рогами на голове, в облике карлика, одетого либо в медвежью шкуру, либо в листья или фартук из листьев. В правой руке он держит обычно молот, в левой — тесло (иногда наоборот). В качестве его помощников часто изображаются четыре волшебных животных — единорог, феникс, черепаха

и дракон. Иногда Пань-гу представлялся с солнцем в одной руке и с луной — в другой²⁵. Пань-гу в облике карлика — явная антитеза Пань-гу — великану. Листья и медвежья шкура указывают на связь с деревом (или растительностью вообще) и с медведем. Единорог, феникс, черепаха и дракон, выступающие в качестве чудесных помощников, также могут рассматриваться как ипостаси Пань-гу. Молоток и тесло, очевидно, следует понимать как символы мироустроительной деятельности Пань-гу, который создал Вселенную из хаоса подобно ремесленнику, изготавливающему при помощи инструментов предметы культуры из первичного неоформленного материала. Это, видимо, поздняя черта, поскольку ранние записи мифа дают иное описание творения мира — из самого тела Пань-гу. Луна и солнце в руках Пань-гу сближают его с другими божественными первопредками — Фу-си и Нюй-ва, которые традиционно изображались держащими солнце (Фу-си) и луну (Нюй-ва). В традиционной китайской символике эти светила означают полярные, по то же время и взаимодействующие друг с другом силы инь и ян. То, что Пань-гу держит в руках одновременно и солнце и луну, вероятно, служит указанием на его двойственность, возможно, андрогинность.

Помимо раздвижения неба и земли Пань-гу приписывается еще одно деяние — сотворение из своего тела всего сущего, «десяти тысяч вещей», что, впрочем, по космогонической сути, фактически дублирует первое. В гл. 1 «И ши» («Толкование истории») Ма Сю (1620—1673) цитируется трактат Сюй Чжэна. «У юнь ли нянь цзи»: «Перворожденный Пань-гу перед самой смертью преобразился*: его дыхание стало ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — солнцем, правый глаз — луной, его конечности и костяк — четырьмя сторонами света и пятью великими горами, кровь — реками, жилы и вены — дорогами на земле, мясо — почвой на полях, волосы — звездами, зубы и кости — золотом и камнями, семя и костный мозг — жемчугом и яшмой, пот — дождем и росой, насекомые, живущие на его теле, под воздействием ветра превратились в людей»²⁶. В «Шу и цзи» («Описание удивительного») Жэнь Фана (460—500) содержатся аналогичные сведения: «Мудрецы прежних веков говорили, что из слез Пань-гу образовались реки, из дыхания — ветер, из голоса — гром, из зрачков — молния. В древности говорили, что, когда Пань-гу радуется, стоит ясная погода, когда гневается — пасмурная»²⁷. Огромные размеры тела Пань-гу видны из сведений Жэнь Фана: «Ныне в Наньхае — Южном море есть храм Пань-гу в триста с лишним ли в окружности; в парде говорят, что на этом месте похоронен Пань-гу»²⁸.

Выше отмечалась двойственность природы Пань-гу, что проявляется главным образом в его связи с началами инь и ян. В «Сань у ли цзи» прямо говорится: «На небе стал он духом, на земле — святым». В китайском тексте стоит: «шэнь юй тянь, шэнь юй ди». Согласно комментарию Юань Кэ, «шэнь» («дух, бог, божество») —

* Другое основное значение этого иероглифа — «блюдо», «тарелка».

* В китайском тексте стоит: «чуй сы хуа шэнь» — букв.: «перед самой смертью тело превратилось».

метафора разума, разумного начала, а «шэп» («мудрец, святой») указывает на умелость, т. е. практические способности²⁹. Такое толкование основано на стадийно весьма позднем, абстрактном и отвлеченном понимании мифа. В ряде источников сообщается, что у Пань-гу была жена, которая помогала ему в сотворении мира и людей. В «Шу и цзи» Жэнь Фана говорится: «В У и Чу передают, что Пань-гу и его жена дали начало инь и ян»³⁰. Юань Кэ добавляет: жители У и Чу полагали, будто Небо породило жепу Пань-гу, и эта пара произвела на свет всех людей и положила начало бракам между мужчинами и женщинами³¹. В сочинении «Юань ши шан чжэнь чжун сянь цзы» повествуется о том, что, когда небо и земля еще не были разделены, совершенный человек (чжэнь жэнь) Пань-гу, именовавшийся Юань-ши тянь-ван — Изначальный небесный правитель, блуждал в первозданном хаосе. После отделения неба от земли Пань-гу поселился во дворце на горе Юйцзиншань (Гора яшмовой столицы). Там он вдыхал небесную росу и пил воду земных источников. Спустя несколько лет у подножия горы из камней и воды горных потоков родилась женщина Тянь-цзы цзюэ-мяо (Небесной красоты непревзойденной прелести) по имени Тай-юань юй-ньюй — Великая изначальная яшмовая дева. Гуляя, Пань-гу спустился с горы, увидел ее и, взяв в жены, забрал с собой во дворец на вершине. Затем у них родился сын по имени Тянь-хуан — Небесный владыка и дочь по имени Цзю-тянь сюань-ньюй — Темная дева девяти небес³².

Как можно видеть, двойственность Пань-гу наиболее явно выступает в поздних вариантах мифа, где акцент делается на порождении людей и установлении брачных отношений. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в мифе Пань-гу живет на вершине горы. Ее космологический характер не вызывает сомнения, так как текст приписывает ей роль некой связи неба и земли (Пань-гу «вдыхает небесную росу, пьет воду земных источников»). В связи неба и земли, как известно, и заключается главная функция мировой горы, мирового древа и их алломорф-субститутов. Следовательно, самого Пань-гу можно рассматривать как алломорф мировой горы или мирового древа.

Еще отчетливее двойственность и в то же время единичность Пань-гу проявляются в поздних философских переосмыслениях мифа. Так, в сочинении «Лу ши» сообщается: «Когда великое единое начало породило две исходные формы, а те в свою очередь произвели четыре вторичные фигуры, то последние начали превращаться и развиваться, вследствие же их взаимовлияний и возникло все множество вещей. Первым, что начал управлять миром, был Пань-гу, именуемый также Хунь-дунь»³³. Философ эпохи Сун Ху Жэньчжун писал: «Пань-гу возник в великой пустоте; его истоки неизвестны. Он постиг пути Неба и Земли, уразумел взаимодействия двух начал и стал правителем трех сокровищ (сань-цай). Вследствие этого началось развитие из хаоса»³⁴. В гл. 1 позднесредневекового сочинения «Фэнчжоу ган цзянь» Ван Шичжэня говорится о том, что отцом Пань-гу было Небо, а ма-

терью — Земля и соответственно он именовался «тянь-цзы» — Сын Неба³⁵.

Приведенные свидетельства отнюдь не плод схоластических, не связанных с древним мифом упражнений средневековых китайских философов. Напротив, связь с мифом представляется непосредственной, а идеи в этих высказываниях, в сущности, те же самые. Разница заключается лишь в том, что в мифе они передаются художественными метафорами, а у философов — в виде логических функций и соответствующих категорий. Итак, двойственность и целостность Пань-гу очевидны. Но вместе с тем важно подчеркнуть, что в силу этой своей диалектической сущности Пань-гу одновременно и тройствен. Ху Жэньчжун не случайно именует его «правителем трех сокровищ». Последние (сань-цай), по китайской традиции, — три главные составляющие космоса — небо, земля и человек, в чем нетрудно увидеть аналогию широко распространенным представлениям о трихотомии Вселенной, ее делении на три мира. Пань-гу и есть вся Вселенная — небо, земля, человек. Он — axis mundi, великий медиатор и, следовательно, шаман.

Как уже говорилось, миф о Пань-гу по происхождению не китайский и, вероятно, стал известен китайцам от южных племен группы мяо-яо. Вместе с тем важно заметить, что при заимствовании он, видимо, наложился на аналогичный древнекитайский мифологический субстрат, что позволило ему легко «китаизироваться». Подтверждением существования такого древнего субстрата как раз и можно считать изображения на сосудах баньшань и мачан, а также определенные детали сюжетов самой китайской мифологии. Сопоставление китайской версии мифа о Пань-гу с вариантом мяо позволит выявить ряд существенных моментов.

Так же как и китайцы, мяо считают одним из главных деяний Пань-гу отделение неба от земли («кай тянь пи ди» — букв. «открывание неба, открывание земли»). В «Древних песнях» («Гу гэ») мяо из Сунтао, Чжицзинь, Пудин и Цяньси пров. Гуйчжоу говорится, что «некогда не было неба, не было земли», что «это Пань-гу, создав небо и сотворив землю, установил их; это Пань-гу, перевернув небо и опрокинув землю (тянь фань ди фу), утвердил их», и поэтому «слава Пань-гу сотрясает Поднебесную». Однако миф мяо в деталях отличается от китайского: Пань-гу здесь не раздвигает небо и землю, а деревянным вальком с силой «стучит по небу, ударяет по земле». Небо и земля, созданные Пань-гу таким способом, оказались разбитыми вдребезги и далеко удаленными друг от друга. «Древние песни» помимо Пань-гу упоминают в связи с этим космогоническим актом еще одно божество, которое, «взяв медную иглу с медной нитью», скрепило воедино раздробленную на части Вселенную («шань чуань» — букв. «горы и реки»)*. На пра-

* Ср. с этим мотив сшивания неба и земли после их сотворения в мифологии аси: для неба иглой служили облака, нитями — туман и тучи; для земли иглой был камыш, нитью — лианы (Эпические сказания народов Южного Китая/Пер., вст. ст. и коммент. Б. Б. Вахтина и Р. Ф. Итса. М.—Л., 1956, с. 20—22). Это, в свою очередь, напоминает известный китайский миф о починке Нюй-ва неба после мятже Гун-гуна.

зднествах в честь «соединения воедино неба, соединения воедино земли» («лянь тянь чжуй ди») мяо первым делом возносили хвалу Пань-гу в благодарность за то, что он «создал небо, сотворил землю».

В некоторых песнях мяо говорится о крокодиле («э юй»), который установил небо и землю («ли тянь ли ди»), отталкивая их друг от друга («чэн тянь чэн ди»). Пань-гу в этом случае отводится роль мироустроителя, упорядочившего небо и землю, после чего на небе появились солнце и луна, а на земле — плодородные поля. Иногда отделение неба от земли приписывалось божеству Юй-хуан-юй-ди (Яшмовый владыка, яшмовый император)³⁶. Кроме этого в фольклоре мяо известен Абэй Кэпэн — персонаж, который, «стоя на земле, мог двумя руками подпереть небо», он — одно из главных действующих лиц в мифе мяо о потопах³⁷.

В фольклоре Южного Китая, в частности народа ветви яо — ся-минь, Пань-гу представляется не только как первопредок, раздвинувший небо и землю: «Пань-гу поставил на престол трех императоров (имеются в виду мифические правители древности. — В. Е.). Он создал небо, землю и человека, создал девять излучин Желтой реки, сотворил солнце и луну, что катятся с востока на запад. Он создал поля, чтобы люди возделывали их, создал дороги чтобы люди ходили по ним, создал правителей и императоров, чтобы они управляли миром; он установил людям имена и разные фамилии»³⁸. В этом эпическом сказании не уточняется, каким образом все перечисленное создавалось. В. Эберхард опубликовал южнокитайский фольклорный сюжет, в котором Вселенная, как и в других вариантах, создается или из тела Пань-гу, или из тела божества по имени Сюань-тянь Шан-ди (Верховный правитель Темного неба)³⁹. В фуцзяньском и шандунском вариантах сюжета из тела божества возникают черепахи и змеи, что не может не напомнить связи Пань-гу с драконом.

Если в китайском варианте из тела умершего Пань-гу появляются люди вообще, без указания на этническую принадлежность*, то мифы мяо ясно отражают этногонический момент, поскольку мотив отделения неба от земли оказывается в них тесно связанным с этногоническим преданием. В песне «Открывание неба, открывание земли» мяо из Гуйчжоу повествуется о том, что некогда мяо и ханьцы (китайцы) были одним народом, потомками одного мужского предка (ши-цзу гун-гун) и одного женского предка (ши-цзу по-по), которые составляли брачную пару. Мяо и ханьцы разделились на два народа при детях первопредков — Най-гуай и Ма-гуй. Мяо, «исполнив танцы с секирами и мечами, убили Най-гуай и Ма-гуй, ханьцы же, напротив, сохранили их традиции и заветы. Вследствие такого происшествия между двумя частями некогда единого

народа возникли различия, в последующем они стали значительнее, пока не вылились в открытую вражду»⁴⁰.

Миф о Пань-ху. В мифологии народов Южного Китая (мяо, яо, ли, ся-минь, шэ) Пань-гу оказывается не до конца понятным образом связанным с другим популярным персонажем — Пань-ху, героем многих легенд и преданий. Хотя по целому ряду моментов эти образы близки друг другу, их не следует путать. Большинство исследователей считают, что Пань-гу и Пань-ху, возможно, в основе восходят к одному образу и единой культурной традиции народов Южного Китая. Иной точки зрения придерживается Д. Бодде: «...Кроме фонетического сходства имен Пань-гу и Пань-ху и того факта, что оба культа вроде бы имели центр на юге Китая, где их нередко смешивали между собой, никакого другого видимого сходства между этими двумя мифами нет»⁴¹. Такая категоричность, однако, вряд ли оправданна. Оба мифа можно сопоставлять, чтобы некоторыми чертами Пань-ху, ценными для раскрытия семантики неологического сюжета, дополнить облик Пань-гу.

Предания о Пань-ху широко распространены на Юге Китая и известны в разных вариантах. Но основное ядро весьма устойчиво и постоянно. Суть мифа сводится к следующему. У мифического императора древности Гао-синя* была старая жена (вар.: старая женщина, жившая во дворце императора; старая служанка императрицы), у которой три года болело ухо. Затем из уха появился небольшой, напоминающий по виду шелковичный кокон, червяк (вар.: капля крови, похожая на гусеницу тутового шелкопряда, «сверкающая в ночи и впитывающая росу неба и земли»). Императрица положила червя в тыкву-горлянку (вар.: отнесла на тыквенную бахчу; положила на золотое блюдо) и накрыла сверху чашкой. Через некоторое время червь превратился в прекрасного пса чудесной расцветки и был назван Пань-ху, от «пань» — «чашка» и «ху» — «тыква» (в ряде источников он называется Драконовой собакой или Золотым драконом). В это время державе Гао-синя угрожал враг (Жун-у, Фан-ван, цюань-жуны). Император обещал тому, кто принесет его голову, отдать в жены свою дочь. Пань-ху доставил государю голову врага, женился на принцессе и дал начало трем родам народов мяо-яо — Пань, Лань и Лэй (букв. «чашка», «корзина» и «гром»). Совершив другие героические деяния, Пань-ху умер: перепрыгивая через высокое дерево, он напоролся на его верхушку. После смерти он превратился в созвездие Золотой собаки (Лоуцзиньгоу)⁴².

Легенды о Пань-ху известны не только по фольклорным записям. Они также пересказываются в китайских письменных источниках первых веков нашей эры. Наиболее ранние фиксации легенд содержатся в «Соу шэнь цзи» («Записи о поисках духов») Гань Бао (конец III—IV в. п. э.) и гл. 76 «Хоу Хань шу» («История поздней Хань»). Отличаясь в деталях, они в целом соот-

* Правда, в «Шу и цзи» Жэнь Фана говорится: «В Наньхае (в Южном море, т. е. на южных окраинах собственно Китая. — В. Е.) есть также государство Пань-гу, все жители которого и ныне носят эту фамилию» (Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 326). В данном случае очевидно, что речь идет не о самих китайцах, а об их южных соседях, т. е., вероятно, все тех же мяо.

* В древнекитайской мифологии Гао-синь известен также под именем Ди-цзюня и Ди-ку, которых исследователи считают ипостасями солнечного божества. В целом же этот персонаж изучен еще недостаточно.

ветствуют современным фольклорным текстам. В «Хоу Хань шу» сообщается: «Ныне западнее уезда Лудзи в области Чаньчжоу есть гора Ушань. В «Хуан минь у лин цзи» говорится: „Эта гора высотой в тысячу жэнь. На середине ее высоты (т. е. в центре.— В. Е.) находится пещера Пань-ху, в которой могут поместиться многие десятки тысяч людей и в которой есть каменное ложе и отпечаток ноги Пань-гу. Еще сейчас верят, что перед пещерой стоят овцы и другие животные, все из камня, и что там находятся древние руины и особенно много замечательных камней. Пещера в скале имеет размеры дома с тремя комнатами. Издалека виден камень по форме похожий на собаку. По преданиям мань, это — изображение Пань-ху“⁴³. Пещера Пань-ху упоминается и у Гань Бао⁴⁴. Сведения «Хоу Хань шу» показательны в том смысле, что многие первопрелки обычно тесно связываются с мировыми горами и мировыми деревьями. Свидетельство о горе Пань-ху как мировой или космической заключено в упоминании о том, что пещера находится в центре горы (центральное положение в космо-се — одна из главных характеристик мировой горы и мирового дерева). К косвенным подтверждениям того же можно отнести космические размеры горы и указание на то, что именно оттуда пошел род человеческий.

Основанием для сближения Пань-ху и Пань-гу служит тесное фонетическое сходство имен «первопредков», фиксация их в фольклоре одних и тех же народов Южного Китая и, наконец, их компаниация. Что касается последней, то примечательно, что в эпических песнях ся-минь сначала описывается сотворение Вселенной Пань-гу, а затем излагаются деяния Драконовой собаки. С точки зрения типологии сюжеты о Пань-гу и Пань-ху, с одной стороны, разнятся, а с другой — обнаруживают известную близость. Так, если Пань-гу — образ явно мифологический, то предания о Пань-ху во многом носят классический сказочный характер (сватовство к царской дочери, трудная задача и пр.). Вместе с тем в сказаниях о Пань-ху просматривается и мифологическая сторона, в первую очередь этногенетический аспект. К сходным моментам следует отнести следующее: Пань-гу рождается из космического яйца, Пань-ху — из тыквы: Пань-гу — дракон, Пань-ху — Драконовая собака (лун-мэн); Пань-гу творит небо, землю, солнце, луну, дороги, поля, т. е. Вселенную; Пань-ху — культурный герой (создал плуг, ткацкий станок, начал выращивать злаки)⁴⁵; Пань-гу породил все человечество, Пань-ху — предок «южных варваров» мань. Главное различие между персонажами, как можно видеть, заключается в том, что Пань-гу — первопредок-демиург, действующий в эпоху творения Вселенной, а Пань-ху фигурирует уже в «историческое» время и представляется в сказаниях лишь культурным героем — предком мань. Такое отличие отнюдь не исключает предположения о том, что Пань-гу и Пань-ху в генезисе одно и то же лицо, а связанные с каждым из них мифы представляют лишь варианты, хотя в деталях они и отличаются друг от друга. Сказание о Пань-ху можно, таким образом, рассматривать как эволюционировавший, отчасти трансформированный в сказку,

т. е. стадияльно более поздний, вариант мифа о Пань-гу.

Во всех вариантах предания о Пань-ху особый интерес вызывает его тесная связь с тыквой. Само имя Пань-ху означает «тыква»*. Мифы о происхождении от тыквы чрезвычайно популярны и широко распространены у народов Южного Китая, Индокитая и Юго-Восточной Азии (мяо, яо, ли, аси, лису, мео, зяо, мыонги, монь, ва, палауны, кхму, тхай, чины, срэ, ма, банары, лава, цзинпо, сийин, лы, лао, ламеты, тямь, корейцы и др.). Известны сотни его вариантов. Чаще других рассказывается сюжет, по которому брат и сестра зарождаются в огромной тыкве, а затем с помощью различных животных выбираются из нее, женятся и дают начало человеческому роду. Повествование нередко компанирует с мотивом потопа: брат и сестра спасаются от наводнения в тыкве-горлянке, женятся и возрождают погибшее человечество⁴⁶.

Анализируя многочисленные варианты мифа о происхождении людей от тыквы, рассмотренные в широком культурно-историческом контексте, Я. В. Чеснов пришел к следующему выводу: «Широкое распространение мифа о тыкве говорит о его глубокой древности у всех аустроазиатов. Его возникновение относится еще к эпохе единства всех этих народов, т. е. к периоду энеолита...»⁴⁷. Характерно, что заместителем тыквы часто выступает яйцо, которое можно понимать как космическое, мировое, поскольку из него появляются предки человечества. Такой мотив распространен по всему миру. Знали его также и древние китайцы. Согласно мифу, записанному в «Ши цзин» («Книга песен»), основатель династии Шан — Се был рожден из яйца, оброненного птицей сюань-няо (возможно, ласточка)⁴⁸. В «Сань у ли цзи» Сюй Чжэна говорится, что Пань-гу родился «среди хаоса, похожего на куриное яйцо» («Тянь-ди хунь-тунь, жу цзи цзы»)⁴⁹. Хаос именуется здесь «хунь-тунь». В «Шань хай цзине», «Цзо чжуани», «Чжуан-цзы» и в других древнекитайских сочинениях Хунь-тунь описывается как самостоятельный мифологический персонаж**. Отождествление Вселенной с космическим яйцом отразилось также в древнекитайских космологических системах, известных под названием «хунь-тянь» и «цюн-тянь»⁵⁰.

То обстоятельство, что в мифах южнокитайских и южновосточноазиатских народов тыква часто замещается яйцом, возможно, дает некоторое основание сближать появление на свет Пань-гу (из яйца) и Пань-ху (из тыквы). Если учесть приведенные выше аргументы, то можно считать весьма вероятным, что имя Пань-гу есть «испорченное» Пань-ху и, следовательно, также должно

* «Пань» — «тарелка», «чашка», «ху» — тыква-горлянка». Сомнительной представляется гипотеза Я. В. Чеснова, согласно которой «общее значение термина „ху“ — „запад“ и все вещи, связанные с ним» (?!). Исходя из этого неоправданного допущения, Я. В. Чеснов усматривает «северные истоки мифа о Пань-ху» (Чеснов Я. В. Историческая этнография..., с. 163), с чем, даже учитывая и другие аргументы, нельзя согласиться.

** В. Эберхард отмечает, что имя Хунь-тунь фигурирует в качестве племенного этнонима фунцзяньских ся-минь (Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen, S. 98—99).

означать «тыква»*. Отсюда можно заключить, что Пань-гу через своего аналога Пань-ху, возможно, связан с культурными растениями, и в частности с тыквой.

Помимо алломорфизма тыквы и мирового яйца особый интерес представляет тот факт, что тыква не только порождает людей, но и определенным образом участвует в космогенезе, что отражено в устойчивом подчеркивании ее космических размеров**. Та же идея формулируется и более эксплицитно. Так, вьетнамский этнограф Нгуэн Ту Чи сообщает, что «имеется легенда, согласно которой тыква и тыквочки сыграли существенную роль в создании мира, укрепившегося в процессе своего формирования благодаря гибкости (и прочности) их плетей; так сообщается в литургической поэме „Создание Неба и Земли“»⁵¹. Прямо о роли тыквы в отделении неба от земли в мифах не говорится, но следует иметь в виду значительную роль культурных растений в этом космогоническом акте, о чем речь пойдет далее.

Итак, подводя итоги, можно констатировать, что Пань-гу представляется в мифах то карликом, то великаном. Эти две ипостаси тесно связаны друг с другом и призваны отразить идею роста Пань-гу в процессе отделения неба от земли***. В карликовом и гигантском Пань-гу можно увидеть и проявление двойственности, дуальности. Полярность и двойственность Пань-гу прослеживается и в том, что он нередко выступает не один, а с женой, вместе с которой дает начало ян и инь****; у мяо отделение неба от земли связывается с происхождением людей от мужского и женского предков; на небе Пань-гу становится духом, на земле — святым; вдыхает небесную росу, пьет воду земных источников. Пань-гу можно соотносить с мировым деревом: он поддерживает небо, соединяя-разделяя его с землей, живет во дворце на вершине горы, рубит перемычку, соединяющую небо с землей; с этим можно сравнить Пань-ху, живущего в центре горы, а также смерть Пань-ху на вершине дерева. Весьма важно, что тело Пань-гу образует Вселенную, что свидетельствует о том, что он олицетворяет собой космос. При этом, согласно мифам, голова перво-

предка мыслится как небо (левый глаз — солнце, правый глаз — луна, зрачки — молнии, волосы — звезды, голос — гром, дыхание — ветер и облака), тело же соотносится с землей. Перечисленные качества Пань-гу, взятые вместе, позволяя охарактеризовать его как олицетворение Вселенной, космоса в целом, и одновременно как субститут мирового древа, главная функция которого — медиация. Пань-гу мыслится как медиатор, т. е. персонаж, объединяющий собой полярные сущности и явления — небо (мир богов) и землю (мир людей). Он связывает их между собой и в то же время выражает квинтэссенцию того и другого вместе, что позволяет в конечном счете правильно понять и оценить его двойственность.

Пань-гу обладает вместе с тем качествами, на первый взгляд второстепенными, которые тем не менее могут прояснить некоторые важные детали сюжета росписей баньшань и мачап. В этой связи важно, что Пань-гу постоянно связывается с драконом и змеей: у него «голова дракона и тело — змеи»; он, возможно, связан с Чжу-луном; из его тела рождаются черепахи и змеи; у мяо заместителем Пань-гу выступает крокодил; Пань-ху также связан с червями, змеями и драконом. Такие черты однозначно указывают на хтоничность Пань-гу, на его порожденность землей. В одном из своих основных аспектов Пань-гу есть, попросту говоря, сама земля. Хтоничность Пань-гу неизбежно предполагает его связь с растительностью — как с дикими, так и, главным образом, культурными растениями, ибо земля в качестве элемента мифологии имеет смысл и значение не сама по себе, а в первую очередь как плодородное лоно, порождающее «хлеб насущный». Растительный аспект образа Пань-гу налицо: иконографически он представлялся в одежде или в фартуке из листьев. Правда, с культурными растениями китайский Пань-гу, видимо, не соотносится. Связь же с культурными растениями, и в первую очередь с тыквой, Пань-ху бесспорна, и если между Пань-гу и Пань-ху, как мы предполагаем, существует генетическое родство, Пань-ху представляет позднейшее развитие исходного образа мифа, приобретшего явственную земледельческую окраску.

Миф о Чуне и Ли. Миф о Пань-гу, раздвинувшем небо и землю, — не единственный в своем роде в китайской мифологии. По смыслу ему близок миф о Чуне и Ли*. Самое древнее его изложение содержится в «Шу цзине» (гл. «Люй син») — сочинении, по традиции датируемом X в. до н. э., но созданном, вероятно, позднее. В нем сообщается: «Когда Чи-ю учинил смуту, он увлек, простой народ, который предался грабежам,

* Окончательно решить данную проблему может разумеется, только специальный анализ.

** Ср.: миф народности ли: «Выросла однажды на земле тыква-горлянка. Днем и ночью она пабиралась соков и стала большая-пребольшая, больше горы. Потом она стала еще больше — ее уже подпирало пять гор» (Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая. М., 1959, с. 102); миф лису: «Небесный владыка рассердился на людей и выбрал лишь одного человека и велел ему возделывать большую тыкву» (Чеснов Я. В. Историческая этнография..., с. 254); миф лао: «Кхун Бором, спустившись с неба, нашел две огромные тыквы, из которых вывел мужчин, женщин, домашних животных, семена культурных растений и все необходимое для жизни» (Чеснов Я. В. Историческая этнография..., с. 255).

*** В качестве параллели можно назвать ведийского Вишну, превращающегося из карлика в великана.

**** Здесь стоит обратить внимание еще на одну важную деталь: жена Пань-гу рождается у подножия горы, тогда как он сам обитает на ее вершине. Противопоставление двух начал передается посредством деления Пань-гу на два персонажа, один из которых — мужской, другой — женский, и соотносением одного из них (мужского) с верхом, а другого (женского) — с низом. Последнее полностью соответствует древнекитайской символике инь и ян.

* Возможно, к той же категории следует отнести и мифы о Гун-гуне и Чи-ю. О Гун-гуне в источниках сообщается, что он в гнев обрушился на гору Бучжоу и едва не сломал ее, оставив в ней излом; Чи-ю, восстав против Хуан-ди, атаковал дерево Кун-сан (Полую шелковицу). Бучжоу и Кун-сан выполняли в древнекитайской мифологии роль мировой горы и мирового древа. Поэтому попытки Гун-гуна и Чи-ю разрушить их можно расценивать как попытки прервать сообщение между небом и землей. Подробнее см.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 60—63, 100—140; Бодде Д. Мифы древнего Китая, с. 383—384; Maspero H. *Légendes mythologiques...*, p. 54—59; Granet M. *Danses et légendes de la Chine ancienne*. Paris, 1959, v. 1, p. 241, 351—363; v. 2, p. 431, 528—531.

всяческим насилиям, порокам и убийствам. Люди мяо не послушались наставлений Чи-ю, тогда он пустил в ход наказания и стал истреблять невинных. Народ начал следовать за ним, постепенно ум его затмился, в народе начался разброд, исчезло доверие в сердцах, и стали заключать договоры. Только тот объявился чистым перед правителем, кто творил зло и убивал. Верховный правитель увидел, что от народа исходит не аромат добродетели, а смрад наказаний. Жалея невинно убитых, государь ответил силой на зло, истребил людей мяо, чтобы и потомства их не осталось. И было повелено Чжуну* и Ли прервать путь между небом и землей, чтобы по нему не спускались и не поднимались⁵². О том же мифе упоминается в сочинении IV в. до н. э. «Го юй» — «Речи царств» в главе «Чу юй» («Речи царства Чу»). Чуский Чжао-ван спросил однажды своего советника Гуань Шэфу о том, как понимать утверждение «Шу цзина» об отделении неба от земли? Советник в ответ так прокомментировал миф. Некогда люди и духи были отделены друг от друга. Сообщение между ними осуществлялось посредством шаманов (си) и шаманок (у), через которых нисходившие в них духи передавали людям свою волю. В те времена царили мир и спокойствие, не случалось стихийных бедствий. Однако в правление мифического владыки Шао-хао племя Девяти Ли (цзю-ли) стало нарушать ритуал. Каждая семья сама начала обращаться к духам, не прибегая к помощи шаманов. Люди непрестанно тревожили духов, докучая им. Тогда Чжуань-сюй, преемник Шао-хао, поручил управителю Юга (нань-чжэн) Чуну заведовать Небом, а управителю Огня Ли — заведовать Землей, чтобы поставить людей на место. По словам советника, это и означало «прервать сообщение между Небом и Землей». Однако впоследствии племена мяо (в источниках они именуются также «сань-мяо» — «три мяо», или «сань-яо»), подобно Девяти Ли, вновь начали творить беспорядки, что вынудило правителя Яо отдать потомкам Чуна и Ли приказ возобновить исполнение обязанностей своих предков. С тех пор потомки Чуна и Ли следят за разделением Неба и Земли. В годы правления Сюаня (827—782 гг. до н. э.) один из потомков якобы так вспоминал о деянии своих предков: «Чун поднял вверх Небо, а Ли придавил книзу Землю». Таков был ответ Гуань Шэфу Чжао-вану⁵³.

При комментировании «Го юй» Вэй Чжао (204—273) дал аналогичное толкование: «Чун мог поднять небо, а Ли мог опустить землю»⁵⁴. В «Шань хай цзине» сообщается: «Чжуань-сюй родил Старца-младенца. Старец младенец родил Великого (Чжуна) и Черного (Ли). Бог приказал Великому поднять, небо, а Черному — опустить землю»⁵⁵.

Помощь в решении вопроса, кто же такие Чун и Ли, может оказать рассмотрение семантики их

имен*. Э. М. Яншина перевела имя Чун как Великий, а Ли — как Черный. Что касается первого, то в принципе такой вариант возможен, но требует уточнения. Можно выделить два основных значения иероглифа «чун»: 1) превосходная степень какого-либо качества (например, тяжести, высоты, глубины, важности); 2) удвоение (кстати, именно в этом значении иероглиф имеет чтение «чун»). В сущности, смысл в том и в другом случае остается одним, но если в первом он выражен абстрактно, то во втором — конкретно (превосходство в два раза). Контекст мифа заставляет выбрать второе значение — «двойной», ибо важнейшая функциональная характеристика Чуна и Ли — их парность, дуальность, двойственность. Оправданность перевода имени Ли как «Черный» подтверждается текстом Бань Гу, где Ли именуется Сюань Ли (Темный Ли)⁵⁶. С другой стороны, Чун связан в мифе с небом и богами, а Ли — с землей и людьми. В «Го юй» указывается: «Чжуань-сюй поручил управителю юга (нань-чжэн) Чуну заведовать небом, чтобы навести порядок среди богов; поручил управителю огня (хочжэн) Ли заведовать землей, чтобы навести порядок среди людей»⁵⁷. С этой точки зрения не лишено смысла другое значение иероглифа «ли» — «простой (черный) народ».

В «Го юй», «Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу» сообщается о том, что мифический император древности Чжуань-сюй поручил Чуну заведовать небом, а Ли — землей. В текстах Чун именуется «управителем юга» (нань-чжэн), а Ли — «управителем огня» (хо-чжэн). Здесь, однако, налицо явное несоответствие: огонь, по воззрениям древних китайцев, соотносится с силой ян, а из стран света — с югом, т. е. получается, что Ли не противостоит Чуну, как должно следовать по логике мифа, а дублирует его. Для соблюдения логики Ли следовало бы назвать «управителем севера» в противоположность Чуну — «управителю юга». В самом деле, он так назван в гл. 100 «Хоу хань шу», но подобное определение представляет собой исключение. Во всех других текстах Ли именуется «хо-чжэном», что вызвало разногласия между китайскими комментаторами. Чэнь Цзань считает, что знак «хо» — «огонь» — ошибочно поставлен вместо знака «бэй» — «север» древним переписчиком. Однако Янь Шигу оспаривает это мнение⁵⁸. Сыма Чжэнь (713—742) также считает точку зрения Чэнь Цзаня неправильной, он обратил внимание на то, что в «Цзо чжуань» Чун называется Гоу-маном** и носит титул «управителя дерева» (му-чжэн), а Ли называется Чжу-юном*** и имеет титул «управи-

* Китайские комментаторы оставляют их без объяснения.

** По данным «Шань хай цзина», «Ли цзи», «Ляо-ши чунь цю» и «Хуайнань-цзы», Гоу-ман — потомок Шао-хао, он помогает управителю востока Тай-хао (Фу-си); востоку соответствует дерево, деревья же находились в ведении Гоу-мана, отсюда и происходит его имя — «гоу» — «молодое кривое дерево», «ман» — «побеги». Об облике Гоу-мана сообщается, что у него квадратное лицо, «тело птицы, лицо человека, восседает на двух драконах, одет в белые одежды» (Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 55, 351).

*** По «Ли цзи», божество Чжу-юн главенствует над первым месяцем лета. Согласно комментарию к «Ли цзи», Чжу-юн — сын мифического императора Чжуань-сюя, его стихия — огонь, он именуется также Красным императо-

* У данного иероглифа два чтения — «чжун» и «чун». Б. Карлгрен, основываясь на комментариях к «Шу цзину», предлагает выбрать второе из них (Karlgrén B. Legends and Cults in Ancient China. — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, 1946, N 18, p. 234).

теля огня» (хо чжэн). Сыма Чжэнь пытается разрешить противоречие следующим образом. Порядковый номер стихии огня в системе пяти элементов — второй, а число два соответствует принципу инь, т. е. среди прочего — земле и северу. Дерево же (стихия Чупа) — символ ян, неба и юга. Натянутость такого толкования очевидна, ибо едва ли правомерно сопоставление порядкового номера стихии огня, который, кстати, может быть и ипым*, с символикой инь. К тому же даже в случае оправданности такого шага это не привело бы к решению проблемы. Можно согласиться с Э. Шаванном, который предлагает такое объяснение искусственным. Предложенный им компромиссный вариант связан с признанием наличия двух независимых и несогласованных традиций в оценке Чупа и Ли: 1) Чун — «управитель дерева», Ли — «управитель огня»; 2) Чун — «управитель юга», Ли — «управитель севера»⁵⁹. Однако гипотеза Э. Шаванна уязвима и не может быть принята, поскольку существование второй традиции подтверждается всего лишь одним единственным, очевидно ошибочным, упоминанием в «Хоу Хань шу». Вероятно, древний переписчик, ставя иероглиф «бэй» вместо «хо», руководствовался теми же соображениями, что Чань Цзань и Сыма Чжэнь. Отсюда с неизбежностью следует важный вывод: Чун и Ли в истоке своем, вероятно, тождественны друг другу.

В «Шань хай цзин» содержатся следующие сведения о некоем Е, которого, спустившись на землю, породил Ли: «В Великой пустыне лежит гора под названием Гора Солнца и Луны. Это — Небесный стержень. В небесные ворота Уцзюй заходят солнце и луна. Там живет бог с человеческим лицом, без рук; ноги у него растут на макушке. Зовется Е»⁶⁰. Е живет на крайнем западе и регулирует ход солнца, луны, планет и звезд. Перевернутые ноги, растущие на голове Е, — странная и с первого взгляда не совсем ясная деталь. Ее объясняет аналогия с мировым деревом, которое, согласно мифологии многих народов, растет корнями вверх⁶¹. Такую позицию следует понимать как указание на небесную при-

роду дерева, растущего сверху, с неба вниз. Точно так же ноги на голове Е указывают на его небесное происхождение. Значит, и его родитель Ли родом с неба, с которым связан и Чун.

Вместе с тем дуальность и противопоставленность друг другу Чупа и Ли не вызывает сомнений. Она выражена уже в том, что Чун олицетворяет небо, а Ли — землю. Если к тому же рассмотреть мифологическую генеалогию Чупа и Ли, то выяснится, что некоторые из их предков и потомков тоже двойственны. С этой точки зрения интерес представляет непосредственный родитель Чупа и Ли — сын Чжуань-сюя Лао-тун*. Э. М. Ян-пина переводит его имя «Старец-младенец» («лао» — «старец», «тун» — «ребенок, подросток»). Как можно видеть, дуальность здесь отражена уже в самом имени.

Анализировать образы Чупа и Ли значительно труднее, чем Пань-гу, поскольку относящиеся к ним данные представлены главным образом их мифологической генеалогией, запутанной и плохо изученной⁶². Отмеченная выше противопоставленность Чупа и Ли отражена также в том, что вместе они составляют половину еще одной пары. Согласно источникам, Чун-ли, понимаемый в данном случае как один персонаж, имел брата по имени Ухуэй, о котором в гл. 16 «Шань хай цзин» сообщается: «У человека по имени Ухуэй уродливая левая рука, а правой руки совсем нет»⁶³. Ухуэй примечателен также тем, что он дед шести внуков, которых мать вынашивала три года и разрешилась от бремени, лишь когда ей разрешили правый бок, откуда вышли три ребенка, а затем — левый бок, откуда вышли три других⁶⁴. Отсутствие у Ухуэй правой руки свидетельствует о том, что он — левая половина пары, а Чун-ли — правая⁶⁵. Лево в традиционной китайской символике соответствует ян, а право — инь⁶⁶. В той же связи интересен сын Ли — Е, у которого нет рук, что, возможно, служит намеком на его тройственность и соответствие центру некой триады. Следы тройственности усматриваются и у Чупа, который, согласно «Цзо чжуань» (29-й год Чжао), — один из четырех младших братьев Шао-хао**. Но фактически он составляет с братьями трио, так как два из них, символически связанные с севером (т. е. инь), образуют пару, а два других как духи востока и запада обрамляют ее слева и справа. Этому трио противостоит один Ли, который не тройствен и потому властвует над одной четвертой частью горизонта — над югом⁶⁷.

Сложная и не до конца понятная генеалогия Чупа и Ли открывает тем не менее возможность уяснить их противопоставленность и определить, при совместной оценке, дуальный характер образа. В генезисе они, возможно, действительно тождественны, но в то же время несут в себе некоторые черты тройственности. К сказанному можно добавить, что Чун и Ли считались предками многих знатных древнекитайских родов. От них, в частности, вел свое происхождение род Сыма, к которому принадлежал великий историк

ром (красный цвет соответствует огню) (*Les Mémoires historiques de Se-Ma Ts'ien. Traduits et annotés par E. Chavannes, t. 1. Leiden, 1967, p. 11*).

* С исчерпывающей полнотой различные системы чередования пяти стихий и связанные с ними определения обобщены и проанализированы в докторской диссертации В. Эберхарда. Из его материалов, в частности, следует, что стихия огня в отличие от других элементов в ханьское время ни с каким определенным числом не связывалась, ее порядковый номер также может меняться (*Eberhard W. Beiträge zur kosmologischen Spekulation der Chinesen der Han-Zeit. Berlin, 1933, S. 45—52*). Согласно «Люй-ши чунь цю», огню соответствует число семь (Го Можо. *Философы древнего Китая. Десять критических статей*. М., 1961, с. 588). Данные по этому вопросу см.: *Needham J. Science and Civilization in China. V. 2. History of Scientific Thought. Cambridge, 1956, p. 262—264*; а также: Кобзев А. И. Пять элементов и «магические» фигуры «И цзина». — В кн.: XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. (Тезисы докладов). М., 1981; Он же. Классификационная схема «пять элементов» — у син. — В кн.: XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. (Тезисы докладов). М., 1982. По данным А. И. Кобзева, огню в разных схемах могут соответствовать числа 1, 2, 3, 4, 6, 7, 11, из которых четыре числа (1, 3, 7, 11) относятся к категории ян.

* Другое его имя — Ци-тун (семантика иероглифов та же). См.: *Каталог гор и морей*, с. 45, 152.

** По «Шань хай цзин», Чун — брат Ли и внук Чжуань-сюя.

древнего Китая Сыма Цянь⁶⁸, а также правители княжества Чу* и многие другие феодальные кланы⁶⁹.

Дуальность Чуна и Ли, их противопоставленность друг другу аналогичны дуальности Пань-гу. Но если в его образе эта черта появилась сравнительно поздно (на первом плане выступает единственность), то для Чуна и Ли, напротив, такой аспект основной. Поэтому миф о прерывании Чуном и Ли связи между небом и землей следует, очевидно, рассматривать как развитие мифа о Пань-гу (ср. поздний вариант, где Пань-гу рубит перемычку между небом и землей). В пользу этого утверждения свидетельствует главным образом то, что, если миф о Пань-гу — космогонический, а в традиции о Пань-ху — этногонический, то миф о Чуне и Ли можно назвать социогоническим т. е. в нем налицо эгемеризация и историзация древнего предания. Раздвинув небо и землю, Пань-гу создает космос; прервав же связь между небом и землей, Чун и Ли создают современное (для того времени) общество.

Текст «Шу цзина» не дает основания для подобного вывода. Его можно сделать, исходя из толкования, приведенного в «Го юй», которое можно резюмировать следующим образом. Некогда духи и люди были разделены и сношения между ними осуществлялись посредством шаманов. В мире царили мир и гармония. Затем Девять Ли (за ними сань-мяо) учинили смуту, нарушили ритуалы общения с духами. Мятежники были покараны, связь между небом и землей прервана, и духи и люди вновь заняли подобающие им места. Еще более кратко и под несколько иным углом зрения суть мифа можно выразить так: некогда в природе и обществе царила гармония, затем люди нарушили ее, связь между небом и землей прервалась, порядок вновь восстановился. Смысл мифа, однако, слабо дифференцирован, ряд мотивов (например, золотого века) не настолько акцентирован, чтобы их можно было ясно вычленить. Поэтому, чтобы полнее уяснить сущность мифа, следует обратиться к аналогиям.

Древнекитайские представления о мировом древе как о связи неба и земли. Как уже отмечалось в связи с мифом о Чуне и Ли, древние китайцы полагали, что небо не отделено от земли непреодолимой границей. Можно предположить, что такое мнение бытовало главным образом в народной среде. В сочинении II в. до н. э. «Хуайнань-цзы» (гл. «Ди син») сообщается: «Кто с гор Куньлуня поднимется на вдвое большую высоту, достигнет горы Прохладного ветра и обретет бессмертие; кто поднимется еще вдвое выше, достигнет Висячей площадки и обретет чудесные способности, научившись управлять ветром и дождем; кто поднимется еще вдвое выше, достигнет неба, обители Тай-ди — верховных владык — и станет духом»⁷⁰. В «Шань хай цзин» говорится: «К востоку от горы Цветущей и реки Зеленой находится гора под названием Начальная (Чжао). Там живет человек по имени Высокий кедр (Богао). С этой горы Высокий

кедр (Богао) поднимается на небо и спускается с неба на нее»⁷¹. Нет сомнения в том, что Богао представляет собой антропоморфизированное мировое древо, связывающее небо и землю. Китайская мифология знает несколько мировых деревьев: вероятно, так следует расценивать деревья фу-сан, жо-му и некоторые другие⁷², среди которых наиболее бесспорным образом такого рода является дерево цзянь-му, растущее, согласно «Хуайнань-цзы» и «Шань хай цзину», в Дугуане — «центре Поднебесной». По цзянь-му, «боги по своему желанию поднимались и спускались» с неба на землю и обратно. Характерная деталь: близ цзянь-му пышно произрастают многие культурные растения — бобы, просо, гаолян, рис, а также множество всяких трав и деревьев, которые не сохнут ни зимой, ни летом. Кора цзянь-му по виду походит на желтую змею⁷³. Кроме того, в «Шань хай цзине» содержится упоминание о горе Дэнбао, с которой «все Прародительницы-жрицы поднимаются на небо и опускаются на нее»⁷⁴. Встречаются также упоминания о лестницах, ведущих на небо⁷⁵.

Аналогичные представления зафиксированы в китайском фольклоре. Согласно одной из сычуаньских сказок, небо некогда располагалось настолько недалеко от земли, что дети по стеблям растений забирались на него и озорничали*. В наказание за это с тех пор растения не растут так высоко. В указателе В. Эберхарда этот сюжет поименован «Растения растут до неба». В. Эберхард отметил, что здесь обнаруживаются «четкие реминисценции» с мотивом отделения неба от земли, а сам этот сюжет известен также в Корее и Японии⁷⁶.

Некитайские аналогии. Представления о том, что некогда небо и земля были неразделены или же находились близко друг от друга и тесно связывались между собой, распространены очень широко. На территории Китая они известны не только ханьцам, но и многим их соседям, в первую очередь южнокитайским племенам. По представлениям мяо, некогда «можно было свободно подниматься на небо и спускаться на землю»⁷⁷. Согласно преданию пародности аси, после того, как творение мира завершилось, боги стали взвешивать небо и землю, при этом Млечный путь служил плечом весов, туман — веревкой, луна — чашей весов, солнце — круглой гирей. Взвешивание показало, что небо в десять раз легче земли, и тогда «небо в пустоте поднялось вверх, а земля в пустоте опустилась вниз». Затем два духа, спустившись на землю, сотворили мужчину и женщину, от которых пошло человечество, и создали злаки для их пропитания⁷⁸. В легендах аборигенов Тайваня говорится, что давным-давно небо висело очень низко и едва не касалось верхушек гор. После того как герой Оадзымы выстрелил из лука в солнце, иссушавшее всю землю, небо поднялось ввысь⁷⁹.

Аналогичные мифы известны не только китайцам или их непосредственным соседям. Они рас-

* В. Эберхард считает Чу родиной мифа о Чуне и Ли (Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen, S. 96—98).

* Данный мотив популярен, например, в славянских сказках — герой забирается на небо по стеблям гороха, боба, по дереву (см.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979, с. 87, 117, 202, 299, 372, 373, 379).

пространены по всему миру. Предания этого типа особенно популярны в Индокитае, Юго-Восточной Азии и Полинезии⁸⁰. Важно отметить, что в ряде случаев в них отчетливо просматривается мотив золотого века: когда небо и земля располагались близко, в мире царили гармония и изобилие; совершив грех, люди тем самым положили конец золотому веку, а небо и земля в итоге удалились друг от друга. Так, в легенде черных таи рассказывается: в давние времена небо настолько близко прилегало к земле, что, когда обрушивали рис, оно мешало движениям пестика, когда быки и свиньи шли, то они задевали за него спинами. То было время изобилия: зерна риса достигали размеров тыквы, а чтобы перерезать стебли овощей, приходилось рубить их топором, созревший рис сам шел с поля в деревню, а если хозяин отличался ленью, то рис входил прямо в дом. Однажды рис прилетел к одной вдове и стал кружиться вокруг ее ушей и глаз; рассердившись, вдова прогнала его обратно на поле, приказав рису оставаться на поле, пока не придут его убирать; затем она взяла нож и перерезала узы неба и земли, и небо поднялось высоко-высоко⁸¹.

По филиппинскому мифу, небо вначале висело так низко, что до него доставали рукой. Низкое небо мешало первой на земле женщине по имени Мона рушить рис. Мона приказала небу подняться повыше, и оно удалилось от земли. От Моны и ее супруга Туглая, живших «посередине земли», произошло все человечество⁸². Согласно полинезийским сказаниям, в самом начале мир состоял из Ранги-нуи (Великое Небо) и Папа-ту-а-нуку (Земля) — супружеской пары, лежавшей *in coitus*. Их дети, которые находились между ними, страдали от мрака и тесноты и решили разделить своих родителей. Они предприняли три попытки (сначала это попробовал сделать Ронго-мата-не — Культурные растения, затем — Хауми-а-кетике — Дикое растение и, наконец, Тане-ма-хута — Лес), после которых небо оказалось отделенным от земли. Затем Тане создал из глины первую женщину, а бог войны — первого мужчину, от которых пошли все люди⁸³. В новогвинейских мифах небо в начале творения представляется неудобно низким. Демиург Камбел поднял его. Кроме того, новогвинейские мифы знают мотив войны небесных людей с земными из-за того, что последние срубили посланные с неба пальмы; небесные и земные люди спускаются и поднимаются с неба и на небо по лестницам⁸⁴.

Миф североамериканского племени индейцев зуни повествует о том, что первоначально «все-объемлющая мать Земля» и «всепокрывающий отец Небо» лежали тесно прижавшись. Когда появившимся от их союза людям стало тесно, Земля оттолкнула Небо и отдалась от него⁸⁵.

Согласно удмуртской легенде, небо сначала находилось очень близко от земли и люди часто ходили с просьбами к богу, а он, в свою очередь, советовался с ними (по выражению удмуртов, раньше на небо «лазали, как на полати»). Но однажды некий человек, утратив всякое почтение, обмазал кусок хлеба пометом и положил его на небо. Тогда-то оно поднялось высоко над землей и общение с ним людей стало невозможным⁸⁶.

Тарё Обаяси в книге «Происхождение японской мифологии» на основе анализа «Кодзики» выделил группу мифов, в которых рассказывается о появлении между изначальными небом и землей божества — космического гиганта. Обаяси усматривает корни этого мифологического пласта в Юго-Восточной Азии⁸⁷.

Мифы данного типа распространены не только в Восточном полушарии, но также и в Западном. Особенно часто они встречаются в Африке. В сказке масаи бог по полоске кожи спускает на землю скот, а затем, перерезав ее, разъединяет небо и землю⁸⁸. У народности эве (Дагомея и Того) существует предание о том, что главное небесное божество перестало приходить к людям потому, что люди приобрели привычку вытирать о небо свои грязные руки. Более того, совершенно утратив совесть, они стали отрезать от него кусочки и готовить из них пищу. Согласно преданию ашанти, верховный бог Ониианкопон некогда в виде облаков жил совсем близко от людей. Одна старуха каждое утро толкала в ступе ямс и больно задевала пестиком зад божества. Разгневавшись, Ониианкопон поднялся ввысь⁸⁹. У крачи аналогичное предание связано с божеством Вулбари, который олицетворял собою небо⁹⁰.

Большинство приведенных мифов зафиксировано сравнительно поздно, но некоторые из них записаны очень давно. Согласно гелиопольской версии древнеегипетского космогонического мифа, изначальное божество Атум, мыслившееся в образе первозданного холма, породило бога Шу и богиню Тефнут, которые в свою очередь родили бога Геба и богиню Нут. Геб — антропоморфный образ земли, а Нут — антропоморфная богиня неба. На изображениях Нут-небо представлялась изогнутой над Гебом-землей, упирающейся в него ногами и руками. Некогда Нут и Геб лежали прижавшись, но как-то поссорились, и бог Шу разъединил их. С тех пор небо поддерживается над землей Шу и его супругой Тефнут⁹¹. Египетский миф особо интересен тем, что в некоторых существенных деталях напоминает предание о Пань-гу. Прежде всего такое замечание касается двойственности персонажа, разделяющего небо и землю, — Шу-Тефнут, которые, в свою очередь, представляют собой раздвоившуюся ипостась Атума-холма, прообраза мировой горы. Таким образом, здесь, с одной стороны, наблюдается единственность космического героя, а с другой — его дуальность. Смысл такой дуальности понять нетрудно: Шу и его супруга олицетворяют собой опосредованным образом, через порожденных ими Нут-небо и Геба-землю, небо и землю, а неразделенные небо и земля соответствуют единому Атуму, предку Шу и Тефнут. То же самое просматривается в соотносительности Пань-гу с вершиной горы — небом, а его жены — с ее подножием — землей.

Идея о том, что некогда единые небо и земля затем разделились, широко представлена в древнеиндийской космогонии. По определению Т. Я. Елизаренковой, «наиболее общим мифом о сотворении Вселенной следует считать миф о Небе-Отце и Земле-Матери, которые первоначально были слиты воедино, а потом разъединены усилиями богов и порознь укреплены на своих

местах, что и знаменовало собой создание Вселенной в первом ее варианте. Космогонический подвиг разделения Неба и Земли приписывается разным богам (Варуне, Индре, Агни и др.). Этот миф можно рассматривать как надежное отражение соответствующей древней индоевропейской мифологии... Вместе с тем он принадлежит к числу наиболее типологически распространенных космогонических сюжетов»⁹². «Шатапатха брахмана» (VIII, 4, 3, 16) содержит следующее упоминание: «Небо и Земля отделились друг от друга при творении. Васу, Рудра и Адитя разделили их»⁹³. Здесь упоминаются три божества, совершившие этот космогонический акт, но на самом деле фигурирует одно или два. Дело в том, что имя Адитя происходит от основы женского рода «а-дिति» со значением «несвязанность», «неограниченность», «нестесненность»⁹⁴, что по смыслу тождественно понятию «нерасчлененность». В таком случае Васу и Рудру следует, видимо, рассматривать как две самостоятельные, но в то же время связанные между собой ипостаси Адити. Членение мира на небо и землю и их разделение дублирует членение Адити. Поэтому в мифе и фигурируют три божества. Таким образом дуализм космического героя, отделяющего небо от земли, налицо.

Весьма показательны и много дают для понимания мифов этого типа шумерские предания. Как и все древние мифы, они непоследовательны и разноречивы, что следует относить на счет их поливариантности. Но в целом картина складывается довольно ясная. С. Крамер следующим образом реконструировал сюжетную основу мифа: 1) некогда небо и земля были едины; 2) часть богов существовала до отделения неба от земли; 3) после отделения неба от земли бог неба Ан поднял небеса, а бог воздуха Энлиль опустил землю⁹⁵. Последующий обстоятельный анализ большого числа источников позволил С. Крамеру выявить следующую структуру: 1) вначале был первозданный океан, олицетворяющийся богиней Намму; 2) затем океан породил космическую гору, состоявшую из земли, объединенной с небом; 3) мыслившиеся в антропоморфном облике бог Ан (небо) и богиня Ки (земля) породили бога воздуха Энлиля; 4) Энлиль отделил небо от земли, Ан поднял небо, а сам Энлиль опустил землю. Брак Энлиля со своей матерью-землей положил начало устройству мира — сотворению человека, животных, растений и созданию цивилизации⁹⁶. Здесь явственно выступает образ мировой горы, порождающей небо (Ан), землю (Ки) и выполняющего роль медиатора Энлиля — воздуха, раздвигающего небо и землю.

Особый интерес шумерский миф вызывает потому, что он, возможно, связан с ярко выраженными мотивами золотого века и «вавилонского столпотворения». В эпическом сказании «Энмеркар и правитель Аратты» описывается время, когда у человека отсутствовали враги и он не боялся диких животных. Земли тогда отличались изобилием и «вся Вселенная, все народы жили в полном согласии», прославляя Энлиля «на одном языке». Продолжение текста сохранилось плохо, но, исходя из общего смысла фрагментов, С. Крамер предположил, что бог Энки (то ли из возмущения,

то ли из зависти) выступил против Энлиля и золотому веку настал конец. С. Крамер отметил: «Возможно, — если понимать строки 10 и 11 («все народы в полном согласии прославляли Энлиля на одном языке». — В. Е.) буквально, — именно Энки вызвал смешение языков. И если это так, то перед нами, быть может, первое упоминание о шумерской параллели к библейской легенде о вавилонском столпотворении»⁹⁷. С этим предположением можно согласиться. Но прежде чем остановиться на библейском предании, отметим, что миф о первоначальном единстве неба и земли и последующем их разделении антропоморфным божеством (аллахом), вероятно, отражен в Коране: «Разве не видели те, которые не веровали, что небеса и земля были соединены, а мы их разделили и сделали из воды всякую вещь живую?» (21, 31), а также: «И небо мы воздвигли руками, и ведь мы расширили» (51, 47). Коран, как известно, включает многие библейские мифы, но в данном случае заимствование предполагать не приходится, ибо в такой форме этот миф в Библии не известен. Из библейских преданий в первую очередь заслуживает внимания легенда о вавилонском столпотворении. Кратко напомним ее содержание. Некогда «на всей земле был один язык* и одно наречие». И этот «язык», т. е. народ, решил построить «город и башню, высоту до небес». Бог, вероятно, испугавшись («вот, что начали они делать, и не отстанут они от того»), смешал языки строителей, «и рассеял их оттуда Господь по всей земле; и они перестали строить город (и башню)»⁹⁸. Далее, вслед за этим мифом, подробно излагается «родословие» Сима⁹⁹.

Не вызывает сомнения, что башня сипоимичпа мировому древу, так как ее главная функция — соединить землю (людей) с небом (богом).

Заслуживают внимания вопросы, как и почему столпотворение связывается с Вавилоном. Книга Бытия сообщает: «И рассеял их оттуда Господь по всей земле; и они перестали строить город (и башню). Посему дано ему имя Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял Господь их по всей земле»¹⁰⁰. Ясность тексту придает этимология слова «вавилон», которое означает «ворота богов» (баб-илани), т. е. то место, где боги нисходят с неба на землю, — центр мира, «пуп земли»¹⁰¹. При ином истолковании логика библейского мифа непонятна. Смешение языков именно в Вавилоне дублирует семантическую сущность самого этого локуса: смешение народов синонимично смешению неба и земли.

Строительство вавилонской башни толкователями Библии однозначно понималось как проявление гордыни людей, вздумавших уравнивать себя с богом. Такое объяснение мотива интересно, поскольку совпадает с аналогичными аспектами других мифов этого типа. В то же время сравнительно позднее происхождение трактовки и ее неоригинальность очевидны. Разрушение богом башни равнозначно прерыванию связи между небом и землей. Разрыв изначальной связи неба и земли сочетается с мотивом разделения единого человечества на многие народы, что придает мифу этно-

* Церковнославянское «язык» означает «народ».

гоническую окраску. Вместе с тем разделение неба и земли, помимо синонимичности разделению человечества, также тождественно по смыслу разделению героя-демиурга надвое (Пань-гу + его жена, Шу + Тейфунт).

Мотив вавилонского столпотворения — частный случай мотива прерывание связи неба и земли и распространен чрезвычайно широко. В мифе народности лепча (Сикким) люди также строят башню до неба, но не из кирпичей, как в Библии, а из глиняных горшков. Аналогичный миф мео (Северный Вьетнам) повествует о том, что люди, решив попасть в Небесные сады, принялись строить башню. Божество Тыи Лэу в гневе приказал Духу грома разрушить ее, одновременно он смешал языки строителей, от которых и пошли разные племена¹⁰². В легенде бирманских нага люди, чтобы достигнуть неба и стать счастливыми (мотив золотого века), начали насыпать земляную гору, но владыка солнца, опасаясь, как бы люди не погибли на небе от голода (антитеза золотому веку), разрушил ее. Оставшиеся на вершине разрушенной горы люди стали горцами и перестали понимать жителей долины. Чтобы оставить потомкам память о первоначальном родстве человечества, горцы записали свою родословную на шкурах, но затем во время голода съели шкуры, и свидетельство о родстве всего человечества оказалось окончательно утраченным¹⁰³.

Особенно много преданий, близких по содержанию библейскому мифу, записано в Африке. Сказание народности ротсе повествует о том, что первый человек по имени Камону надоедал просьбами небесному богу солнца Ньямби. Избегая его, Ньямби переселился на небо, но тогда Камону вместе со своими потомками начал из бревен строить башню до неба. От собственной тяжести башня обрушилась, и цель не удалось достигнуть¹⁰⁴. В предании ашанти после того, как небесный бог Онианкопон, спасаясь от бесчинств людей, поднялся очень высоко, люди, в поисках контактов с ним и желая его покровительства, начали строить башню из ступок. В конце концов им не хватило для достижения цели только одной ступки, тогда они взяли ее из основания башни, и все сооружение рухнуло¹⁰⁵. Обширную подборку подобных мифов составил Дж. Фрэзер. Мифы этого типа отмечены им в Африке (племена а-луйи, бамбалы, мкулъве, ашанти), в Мексике, у бирманских каренов, у тибето-бирманского племени микиров (Ассам), на островах Адмиралтейства (племена лохи). Хотя семантика отраженных в них представлений Дж. Фрэзером не раскрыта, тем не менее он правильно уловил главное — тесную связь между «вавилонским столпотворением» и «смешением языков»¹⁰⁶.

Сюжеты, аналогичные вавилонскому столпотворению, прослеживаются в античной мифологии. К ним относится один из весьма популярных древнегреческих мифов о гигантах Оте и Эфиальте. Согласно этому мифу, сыновья Алоэя, именуемые поэтому Алоадами, внуки Посейдона (вар.: сыновья Посейдона) гиганты От и Эфиальт решили взобраться на небо, чтобы посвататься к Гере и Артемиде, и стали громоздить на Олимп две другие великие горы Греции — Оссу и Пелион. По одному из вариантов, еще не возмужавших Ота

и Эфиальта уничтожил Аполлон, по другому — их погубила Артемида, проскочившая между ними в облике оленя: пытаясь пронзить его копьем, От и Эфиальт попали друг в друга и погибли¹⁰⁷. Миф об Алоадах содержит много характерных деталей. От и Эфиальт — порождения Посейдона, который, как теперь доказано, прежде чем стать морским божеством, был богом суши. Некоторые исследователи видят в Алоадах персонификацию земледелия (от «алос» — «гумно»)¹⁰⁸. Таким образом, возможно, От и Эфиальт связаны не просто с землей, а с порождающей силой земли, с растениями, с земледелием. Заслуживает внимания их двойственность, хотя по своим функциям и качествам они друг другу не противопоставляются. Не случайно и то, что они громоздят одна на другую именно три горы (Олимп, Осса, Пелион), так как *axis mundi*, как известно, тройственна, трихотомична. Кроме того, важно, что Алоады связаны с золотым веком: по преданию, они на 13 месяцев заточили в кувшин бога войны Ареса, и люди все это время не знали войны и раздоров.

Исторический анализ интерпретирующих мифов. Теперь необходимо попытаться показать, что стоит за мифами этого типа, какие явления они отражают, в силу чего они столь популярны в мировой мифологии. Упомянутые мифологические тексты можно подразделить на три большие группы: 1) повествующие о создании Вселенной, т. е. космогонические; 2) рассказывающие о происхождении разных народов, т. е. этногонические; 3) мифы, в которых объясняется возникновение современного положения людей, их взаимоотношений с природой, богами, между собой, положения, образовавшегося вследствие завершения золотого века, т. е. мифы, которые условно можно обозначить как социогонические. Нетрудно заметить, что три выделенных комплекса по сути повторяют друг друга — этногония и социогония суть переименованная, взятая в специфических аспектах, космогония, т. е. возникновение этноса и общества по своему смыслу весьма близко, а в пределе — тождественно возникновению Вселенной. Для архаического сознания конкретное общество, этнос и есть Вселенная. Вся окружающая природа и все ее явления воспринимаются и постигаются через призму конкретных социальных отношений, представленных в мистифицированной, религиозно-мифологической форме.

Велик соблазн стадийно расставить три группы мотивов в том порядке, в каком они перечислены выше. Иначе говоря, возникает мысль предположить, что наиболее древний — тот пласт мифов избранного для анализа типа, который носит космогонический характер. Позже развиваются этногонические и социогонические редакции тех же мифов. Такой подход одновременно правилен и неправилен. Правильен потому, что, в самом деле, моменты социогонии в силу их специфики, усугубляющей разделенность неба (мира богов) и земли (мира людей) вплоть до полного разрыва между ними, и по соображениям общего порядка, и в соответствии со структурой мифов (1) хаос, 2) отделение неба от земли, 3) появление между ними «перемычки», мирового древа, 4) разрушение — частичное или полное — этой связи или мирового древа) следует признать позднейшими. Не-

правильным же такой подход представляется в силу того, что мифологическое мышление синкретично. В его рамках человек и общество еще не отделены от природы, не осмыслены как нечто полностью самостоятельное, противостоящее природе*. Отсюда следует вывод: стадиальную атрибуцию мифа можно давать только после сопоставительного анализа конкретных его вариантов, существующих в рамках единой культурной традиции. Не вызывает сомнений, что китайский миф о Пань-гу стадиально более древний, чем миф о Чуне и Ли, хотя в письменных источниках он зафиксирован чуть ли не на тысячу лет позже. Точно так же миф о вавилонском столпотворении стадиально моложе своего аналога — мифа о грехопадении**. От того, насколько верно удастся разрешить поставленный вопрос, зависит, насколько точно определится стадияльная принадлежность варианта мифа, зафиксированного в баньшаньско-мачанских изображениях, а в конечном счете — насколько правильно будет понят смысл древнего рисунка.

Нетрудно заметить, что основные персонажи мифов выделенного цикла, как и главные события, прямо или косвенно связаны с идеей *axis mundi*, мирового древа. Мирча Элиаде включил подобные мифы в более широкий контекст представлений о золотом веке, о рае и подразделил комплекс их на две большие категории: мифы об изначальной близости неба и земли и мифы, связанные со средствами коммуникации между небом и землей¹⁰⁹. М. Элиаде обоснованно в качестве главных аспектов мифологического комплекса выделил следующие моменты: описывая изначальную ситуацию, миф усматривает «райские качества» в том факте, что *in illo tempore* (во время оно) небо располагалось очень близко к земле или что на него можно было забраться по дереву, позже — лестнице, горе. Когда же небо внезапно отделилось от земли и стало далеким, а дерево или лоза оказались перерезанными или гора сравненной, тогда райское состояние прекратилось и человек оказался в той ситуации, в которой находится сейчас. Важна и такая характеристика «времени оно»: тогда боги спускались на землю и смешивались с людьми, а люди могли подниматься на небо к богам. После прекращения связи между небом и землей такую возможность сохранили лишь шаманы¹¹⁰. Переход от райской жизни или золотого века к современному состоянию мотивируется как следствие «грехопадения» человека, который нарушил запрет или преступил некие негласно установленные нормы поведения. М. Элиаде отметил, что «изначальное событие» (*primordial event*), прервавшее золотой век, можно трактовать двояко: как онтологическую мутацию состояния человека либо как космическую катастрофу¹¹¹. В первом случае миф, очевидно, должен

иметь более ярко выраженную содиогоническую окраску, во втором — космогоническую.

С точки зрения логической структуры избранных для анализа мифов, космогоническую редакцию можно представить следующим образом: вначале существует хаос, т. е. слитность и единство, которые в то же время каким-то образом дифференцированы, но слабо и имплицитно; хаос затем поляризуется и распадается на два противостоящих начала — небо и землю, поляризация дублируется появлением *axis mundi*, воплощенной в растении, дереве, горе или животном. Следующий этап — антропоморфизация *axis mundi*, приобретение ею облика антропоморфного космического героя, разделяющего и соединяющего небо и землю. Поскольку *axis mundi* помимо всего прочего есть еще и *imago mundi*, образ мира*, постольку ее антропоморфизация означает «очеловечивание» Вселенной, что, с одной стороны, ведет к отождествлению ее с человеческим телом (ср. миф о творении всего сущего из тела Пань-гу), а с другой — позволяет видеть в космическом герое персонификацию всего человечества, всего коллектива, который еще не дифференцирован.

В части мифов данного цикла акцент делается на этногоническом аспекте. В принципе их можно относить к космогоническим, поскольку происхождение человека и происхождение этноса в мифологическом смысле равнозначны: человек мыслится тождественным коллективу, т. е. антропогония и этногония суть одно и то же. Если же двигаться дальше к содиогонической редакции мифа, то картина существенно меняется. Изначальный хаос заменяется золотым веком (хаос = любые возможные и невозможные комбинации; золотой век = все доступно, все желания осуществимы); если поляризация (не дифференциация вообще, а именно поляризация, ибо хаос каким-то образом уже дифференцирован) хаоса ничем не мотивируется, то здесь появляется морально-этическая мотивировка — грехопадение людей; оно приводит к установлению ранее неведомого порядка и ритуала, т. е., в сущности, норм социальной жизни; наглядным воплощением конца золотого века выступает прерывание связи неба с землей.

Теперь обратимся непосредственно к *axis mundi*. Мировое дерево, возникшее из хаоса, разрушается (небо и земля удаляются друг от друга, растения не растут до неба, мировая гора сравнивается). Происходит очередной этап поляризации Вселенной, макро- и микромира. Поскольку мировое дерево есть *axis mundi*, постольку его членение следует понимать как членение всего мира и установление более сложной, чем ранее, его структуры. В то же время разрыв связи между небом и землей вовсе не означает полного уничтожения *axis mundi*. Просто ее функции несколько трансформируются, но в принципе еще долго остаются почти теми же. Особенно наглядна такая трансформация на примере антропоморфной *axis mundi*. Космический герой, раздвигающий небо и землю,

* Последнее вовсе не означает отрицания одной из главных оппозиций мифологического мышления — «природа — культура». Нужно всегда помнить об ограниченности ее у древних, неадекватности нашему, современному, ее пониманию.

** Можно показать, что оба этих библейских мифа логически и семантически однотипны, разными метафорами передают одно и то же содержание.

* Наряду с медиативностью это также одна из существеннейших характеристик «оси мира». Мир таков, какова его «ось», «сердцевина», моделирующая всю Вселенную. Собственно, мировая ось, мировое дерево — это редуцированная Вселенная, символ, ярко воплощающий основные качества мира, главнейшие его характеристики.

делится надвое. Одна его ипостась поднимает небо, другая — опускает землю. Космический герой есть медиатор, ибо в нем слиты воедино два полярных начала, олицетворяющих небо и землю, т. е. весь мир. Его деление надвое есть гипостазирование в образе двух персонажей главных его функций — небесной, божественной, и земной, человеческой. Изначальный космический герой есть по сути своей богочеловек. Касаясь головой неба (сама его голова и есть небо), а ногами — земли (ноги суть сама земля), космический герой не нуждается ни в каких дополнительных средствах для установления контактов с богами. Он сам — и человек, и бог. Поскольку тот же персонаж, как отмечено выше, персонифицирует собой все человечество, постольку его образу соответствует такое состояние коллектива, когда люди могли свободно, без чьей-либо помощи, общаться с богами и духами (золотой век). Гипостазирование же его полярных функций в образе двух персонажей соответствует эпохе после золотого века, когда связь между двумя мирами — людей и духов — не может быть установлена каждым по своему усмотрению и желанию, а только посредством специалистов-шаманов в соответствии с установленным ритуалом. Итак, космический герой типа Пань-гу, Элилия, Индры есть и мировое древо, и образ мира, и первочеловек, и первый шаман, точнее — предок первого шамана. Подчеркнуть связь мифов этого цикла с шаманистической идеологией особенно важно*, учитывая интерпретации изображений баньшань-мачан.

Космогоническая и социогоническая редакции выделены условно. На самом деле, как уже отмечалось, они тесно переплетены, космогония может содержать в себе и содержит (вопрос лишь, в какой степени?) социогонию. Тем не менее представляется важным вопрос, с какими этапами социальной истории древних обществ можно соотнести анализируемые мифы? Заманчиво, определив стадиальную принадлежность варианта мифа из баньшань-мачан, попытаться пролить дополнительный свет на социальные условия протокайского общества эпохи позднего неолита. Однако вряд ли сколько-нибудь конкретное соотнесение здесь вообще возможно, поскольку пока нет ни всех требуемых фактических данных, ни должного уровня их теоретического осмысления, необходимых для того, чтобы отважиться выдавать какие-либо конкретные заключения. Ошибку, думается, допускает Юань Кэ, когда без тени сомнения приходит к выводу, что миф о Чуне и Ли «верно отражает процесс классовой дифференциации в период зарождения классового общества. В последующие времена... духи по мере того, как возвышались рабовладельцы, поднимались все выше на небо»¹². Это слишком простое и едва ли верное решение проблемы. С какой стати дифференциация непременно классовая? Миф не дает сведений или намеков на противопоставление одной группы людей другой. Упоминание верховного владыки и его чиновников, наиболее вероятно, есть продукт эвгемеризации мифа древнекайскими мифографами.

М. Элиаде подходит к проблеме гораздо осторожнее, отмечая, что «мифы о крайней близости неба и земли распространены главным образом в Океании и Юго-Восточной Азии и определенным образом связаны с матриархальной идеологией». По его мнению, мифы этого типа «развились в основном в земледельческих и оседлых культурах, из которых затем перешли к великим урбанистическим цивилизациям восточной древности»¹³. Однако и в такой осторожной трактовке замечания выглядят весьма проблематично. Тезис о связи мифов об изначальной близости земли и неба с идеологией именно материнского рода нуждается в серьезном обосновании, хотя в принципе такое предположение возможно.

Думается, что при рассмотрении данной проблемы следует иметь в виду: если, вычленив логическую структуру мифа, можно и нужно пользоваться возможно большим числом всех доступных вариантов мифов разных культурных традиций, то для данных целей очень большую важность приобретают «внешние» аксессуары мифа, в его структуре не отраженные или же отраженные слабо и косвенно, поэтому анализ должен быть конкретным и вестись преимущественно в рамках одной (или нескольких, но весьма близких между собой) этнокультурной традиции. Пока же в самом общем плане можно сказать, что мифы об изначальной близости неба и земли, о золотом веке и последующем разрыве связи неба с землей и конца золотого века, несомненно, отражают серьезные социальные сдвиги. Маловероятно, что они фиксируют переход к классовому обществу, как думает Юань Кэ*. Скорее всего, эти сдвиги происходят в рамках еще родового общества и связаны с упрочением и усложнением его социальной структуры, с дифференциацией производственных, экономических и социальных отношений. Вероятно, в подобных мифах отразилось формирование институтов политической власти, возможно, даже зачатков государственности в форме, скажем, племенных объединений. Но это — предположения; значительно отчетливее в мифах этого типа просматриваются большие перемены в культовой практике. В самом деле, если до разрыва связи неба и земли каждый сам мог общаться с духами, то после в контакт с ними стали вступать лишь шаманы. Так отразился, видимо, переход от интимного общения с духами предков небольшой группы кровных родственников к культу официальному, надгрупповому. Для общения с богами стала уже требоваться церемония с участием специалиста-шамана, выполняющего роль медиатора, т. е. налицо специализация религиозной функции, а это говорит о многом. Связь шаманизма как особого института с рассмотренным мифологическим циклом более чем очевидна.

Проблема дуальности персонажей, фигурирующих в мифах об отделении неба от земли и о разрыве связи между ними, уже затрагивалась. В плане социологических ретроспекций нужно отметить, что сами небо и земля обычно предстают

* Наибольший вклад в разработку указанной проблемы внес М. Элиаде (*Eliade M. Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*).

* Бесспорно, что классовое общество — питательная среда для легенд о золотом веке, но там они выглядят уже иначе, по-другому расставляются акценты. Миф часто становится философской утопией.

в образах мужчины и женщины, соединенных бразным союзом. Космический герой — либо их порождение, либо сам, как, например, Пань-гу, распадается на супружескую пару, либо делится на двух близнецов или персонажей, близких к ним по своим характеристикам. Это служит еще одним указанием на доклассовую, родовую социальную основу, из которой вырастают мифы данного цикла. Социальная организация родового общества базируется, как известно, на разделении на две экзогамные половины, связанные брачными и экономическими отношениями. Видимо, исходя из такого основополагающего момента и следует объяснять дуальность космического героя, его двойственность. Противопоставление друг другу неба и земли, двух ипостасей космического героя нужно, вероятно, рассматривать как отражение дуальности родового общества. Вместе с тем легко заметить, что небо и земля противопоставляются не только как супруги или двойники, но и как мир богов и мир людей, мир идеальный и мир материальный, первый из которых упорядочивает и наполняет смыслом второй. В принципе здесь уже можно увидеть корни возникающего позже, в классовом обществе, философского идеализма, но в целом, разумеется, до философии здесь еще очень и очень далеко. Мир небесный есть обожествленный земной мир. В образе богов общество обожествляет самое себя. Трудно без специального исследования сказать, каким именно образом дихотомия богов и людей, небесного и земного, идеального и материального связана с дихотомией самого общества, но во всяком случае связь между ними имеется.

Еще одна характерная деталь: если в анализируемых мифах супруги небо и земля равноправны и их функции слабо или почти недифференцированы, то в вариантах о разрыве связывающих их уз на первый план выступает герой-мужчина. Может быть, отчасти прав М. Элиаде, относящий мифы первой категории к идеологии материнского рода. Тогда логично предположить, что вторая, более поздняя группа мифов связана уже с отцовским родом. Следует однако заметить, что, например, в африканских и юговосточноазиатских вариантах уз неба часто разрывает первая женщина или вдова, старуха. Последнее обстоятельство очень показательное, ибо акцентирует незамужность, одиночество и тем самым изначальность данного персонажа. А это уже не вяжется с соотношением этой группы мифов с отцовским родом, хотя в принципе может рассматриваться и просто как пережиток матриархальной идеологии.

Даже беглое рассмотрение некоторых вариантов мифов данного цикла показывает, что они образуют тип, состоящий из ограниченного числа мотивов и связей-мотивировок. Различия их комбинаций и внешней формы создают впечатление известного разнообразия, но в основе всех их лежат сходные или тождественные идеи. Объясняя широкую распространенность этого мифологического типа, нет необходимости прибегать к теории заимствования. Сходство между мифами следует выводить главным образом из общности условий, порождающих их, из тезиса о принципиальном единстве истории человеческих обществ.

Интерпретация баньшаньско-мачанского сюже-

та. Теперь обратимся к собственно интерпретации неолитических изображений баньшань и мачан. Судя по опубликованным образцам, описанный выше сюжет едва ли не одинаково популярен как в баньшань, так и в мачан. Вместе с тем налицо определенное его развитие и трансформация во времени. В самом общем плане можно сказать, что мачанские изображения гораздо менее реалистичны, более схематичны, чем баньшаньские. Но это внешняя, изобразительная сторона. Схематизация и упрощение росписи вообще характерны для позднего неолита, вплоть до резкого уменьшения роли орнаментации керамики в энеолите*. Имея это в виду, едва ли можно полагать, что данное обстоятельство отражает схематизацию самого мифа, утрату им прежней своей значимости. Просто то же самое или близкое содержание стало передаваться скупыми, абстрактными по характеру изобразительными средствами. В деталях мачанские изображения значительно отличаются от баньшаньских. Основные из этих различий следующие: 1) все баньшаньские фигуры, кроме одной, которая выполнена схематично и весьма напоминает этим мачанские изображения (рис. 1, 10)**, имеют голову, представляющую в двух случаях знаком, весьма напоминающим солярный (рис. 1, 1, 2); из мачанских же изображений известно только одно с головой в виде большого заштрихованного круга (рис. 2, 4), а все остальные безголовы; 2) в баньшаньской росписи в четырех случаях изображены не одна, а несколько фигур, в мачанской — все фигуры едипичны (правда, отсутствие разверток не позволяет утверждать это со всей определенностью, но общая тенденция все же налицо). Такие детали нельзя не признать существенными. Вероятно, они отражают определенные изменения в структуре и содержании самого мифа на протяжении примерно половины тысячелетия. Не исключено, однако, что различия определяются не временным, а пространственным, локальным фактором, т. е. изображения фиксируют разные варианты одного мифа, существовавшие примерно в одно и то же время.

При подходе к изучению конкретного мифа с точки зрения типологии существует опасность его «расползания», утраты им конкретных черт. Чтобы избежать этого, необходимо ввести ограничения. В противном случае, если некритически

* По мнению китайских археологов, «возможно, вследствие того, что применение бронзы в то время (имеется в виду период мацзяо — баньшань — мачан, относимый в свете последних находок к энеолиту. — В. Е.) увеличилось, большее внимание стало уделяться ей, а не керамике, поэтому ганьсуская крашенная керамика и стала постепенно приходить в упадок» (Расписная керамика Ганьсу, с. 6). С этим предположением, вероятно, можно согласиться.

** Ань Чжиинь в предисловии к альбому, из которого заимствовано это изображение, специально оговаривает, что поскольку, «к сожалению, научных раскопок проводилось очень мало (альбом издан в 1959 г. — В. Е.), то в ряде случаев местонахождение некоторых материалов неясно, по этой же причине нельзя указать и стоянки, где был найден экспонат» (Цайтао. (Расписная керамика). Пекин, 1959, с. 3 (на кит. яз.)). Не исключено поэтому, что данное изображение либо мачанское, либо переходное от баньшань к мачан. В пользу последнего говорит то, что в нем представлены не одна, а две (возможно, и больше) схематизированные антропоморфные фигуры, что относится к баньшаньским признакам.

накладывать на интерпретируемый сюжет весь тот мифологический материал, который был привлечен для типологических сопоставлений, можно неоправданно расширить его истолкование и тем самым в конечном счете исказить его смысл. Таким ограничивающим критерием должно стать само изображение. При этом следует исходить из того, что баньшанско-мачапский сюжет представляет собой законченный вариант мифа, в основном сходный, но вместе с тем и отличный от тех, что были рассмотрены ранее. В такой ситуации исключительное значение приобретают детали (в общих чертах содержание сюжета уже понятно), которые, если их правильно истолковать, существенно обогащают интерпретацию. Сами детали можно рассматривать как мифологемы-метафоры, сочетание которых образует сам миф. Но даже поняв их смысл, еще нельзя утверждать, что миф реконструирован во всей его полноте, ибо трудно и при первом приближении, скорее всего, даже невозможно определить причинно-следственные, каузальные связи, соединяющие отдельные мифологемы в целом. Дело в том, что изображение демонстрирует только синхронию. Из самого изображения нельзя вывести его диахронию — последовательность и порядок разворачивающихся в мифе действий, его пространственно-временную структуру. Здесь могут, конечно, помочь другие изображения данной серии, но тем не менее трудности при реконструкции мифа целиком, каким он мыслится его творцами, весьма значительны.

Прежде чем перейти к рассмотрению мифологем, представленных конституирующими деталями изображений, следует отметить, что приведенный выше мифологический материал дает еще одно подтверждение тому, что миф о первопредке, герое, раздвигающем небо и землю, выбран для интерпретации баньшанско-мачапского сюжета верно. Во-первых, как подметил М. Элиаде, подобные мифы присущи главным образом оседлым земледельческим культурам, а уже от них переходят к великим цивилизациям древности. Во-вторых, то обстоятельство, что избранный для анализа сюжет зафиксирован в Китае в росписи именно баньшань-мачан, видимо, отнюдь не случайно. Баньшань и мачан — финальные стадии китайского неолита а, возможно, уже и начало энеолита), охватывающие вторую половину III тыс. до н. э. Это весьма показательно, так как появление в то время данного мифа, возможно, фиксирует некоторые существенные сдвиги в протокитайском обществе. Весьма показательно также и то, что хронологически (а, вероятно, также и стадийно) баньшанско-мачапский миф примерно совпадает с аналогичными шумерским, древнеегипетским и древнеиндийским мифами. Можно поэтому предполагать, что появление мифов этого типа маркирует определенный этап в развитии древних земледельческих обществ. Кроме того, большая популярность данного сюжета в росписи баньшань-мачан, быть может, свидетельствует о том, что этот миф содержал не только космогонический, но и этногонический смысл. Если так оно и есть, то интерпретируемая антропоморфная фигура в самом деле изображает собой мифического первопредка баньшанско-мачапского этноса.

При детальном анализе в фигуре выделяются несколько значимых и имеющих свое объяснение элементов, это — голова-«солнце» в баньшань и ее антитеза, безголовость в мачап; странный вид рук и ног и необычная поза фигуры; ясно выраженный признак мужского пола. Начнем рассмотрение с наиболее простого. Скорченная, напряженная поза «первопредка» ясно указывает на титанические усилия, прилагаемые им для того, чтобы отделить небо от земли. Такое понимание опирается, с одной стороны, на мифологический контекст, а с другой — находит себе подтверждение в характерных чертах самих изображений. То, что зигзагообразные ломаные линии с отрезками на стгбах обозначают руки и ноги, не вызывает сомнений, ибо это подтверждается реалистическими баньшаньскими аналогами. Удивление может вызвать необычная изобразительная манера: руки и ноги представлены как бы многосуставными, состоящими из нескольких сочленений, что, видимо, можно считать эквивалентным многорукости и многоногости персонажа. Последнее же имеет свое вполне определенное объяснение. В. Я. Пропп следующим образом интерпретирует многоголовость змея в русской сказке: «Подобно тому, как он (змей.— В. Е.) состоит из многих животных, он имеет много голов. Чем объяснить эту многоголовость? Вопрос этот может быть разрешен по аналогии с многоногостью и многокрылостью коня. Восьминогой конь известен в фольклоре. Так, например, Слейпнир, конь Одина, имеет восемь ног, и это далеко не единственный пример. Многоногость есть не что иное, как выраженная в образе быстрота бега. Такова же многокрылость нашего коня. Он имеет 4, 6, 8 крыльев — образ быстроты его полета. Такова же многоголовость змея — многократность пасти — гипертрофированный образ пожирания. Усиление идет здесь по линии усиления числа, выражения качества через множество. Это — позднее явление, так как категория определенного множества есть вообще поздняя категория. ...Другой способ создания образа пожирания идет не через количество, а через увеличение размеров пасти: в русской сказке она простирается от земли до неба»¹⁴. Это и есть простой и естественный ответ на интересующий нас вопрос. Число примеров, иллюстрирующих мысль В. Я. Проппа, можно многократно увеличить. К сказанному В. Я. Проппом можно добавить, что отмеченный им прием характерен не только для фольклора, но и хорошо известен в изобразительном искусстве, причем с глубокой древности. Так, изображение восьминогого, устремленного в бег каба зафиксировано уже в полихромной живописи Альтамиры, датируемой эпохой верхнего палеолита¹⁵. Принимая во внимание этот и другие факты, следует отметить, что о позднем появлении этого художественного приема можно говорить весьма условно. В то же время заключение В. Я. Проппа о стадийно более позднем характере категории множественности отнюдь не безосновательно. С его помощью, думается, можно объяснить, почему в мачане «первопредок» изображен многоруким, а в баньшань — с нормальными конечностями. Примечательно, что иногда на баньшаньских изображениях (рис. 1, 3) фигура представлена массивной, а ее руки и ноги скорее напоминают толстые ла-

пы, чем человеческие копечности; качество здесь передано не через множественность, а через степень. Отсюда следует другое, еще более интересное наблюдение. На мачанских сосудах изображения многорукой и многоногой фигуры часто заменяются зигзагообразными линиями и треугольниками (особо показательны рис. 2, 1, 2, 5, 8, 9). Генетически эти символы, несомненно, восходят к изображениям многосуставных рук и ног «первопредка». Заслуживает внимания и такая деталь: на рис. 2, 8, 9 треугольники представлены как бы растущими сверху (с неба) и снизу (из земли), их «пальцы» соответственно обращены вниз и вверх. Можно утверждать, что треугольники верхнего ряда символизируют руки, а нижнего — ноги. Отсюда следует важное заключение: по мере общей схематизации росписи фигура как бы расчленяется, остаются только наиболее существенные ее части, а остальное отбрасывается. Итак, в мачанских изображениях «первопредка» функционально наиболее существенны именно руки и ноги. В них-то и заключается его основной смысл. То, что в изображении представлено паглядно, предметно, словами можно выразить так: поскольку акцент делается на руках и ногах, постольку функция данного персонажа — действовать ими, что в контексте мифа следует понимать совершенно однозначно — поднимать руками (небо) и придавливать ногами (землю), т. е. отделять небо и землю друг от друга. Особая значимость такого заключения состоит в том, что оно выведено из структуры самих изображений, из внутреннего (в пределах одного изображения) и внешнего (в рамках серии изображений) пространственно-временного контекста.

Это, с одной стороны, еще раз подтверждает, что индуктивно осуществленный выбор мифа для интерпретации сюжета сделан верно, а с другой — позволяет предложить стройную схему логической трансформации изобразительного образа. Ее можно представить так: 1) в баньшань качество (оно же функция) передано через степень, т. е. тесно слито с объектом — фигурой «первопредка»; 2) в мачан оно выражается уже через категорию множественности, что можно понимать как гипостазирование функции, приобретение ею в некоторой степени независимости, начало отчуждения качества от объекта; 3) следующий этап — полное отделение качества от объекта, превращение его в самостоятельную функцию. Процесс этот отражает некоторые сдвиги в мышлении, его движение от изначального синкретизма к абстракции. Последнее, естественно, пужно понимать с оговорками: один только этот момент еще не свидетельствует о становлении дискурсивного мышления, это — только подступы к нему.

Если в мачан особый акцент делается на руках и ногах, которые «отрываются» от связывающего их воедино торса (т. е. все тело в целостности несущественно, поскольку при схематизации оно легко отбрасывается), то в баньшань все наоборот — в изображении тело едино, целостно, а акцент на конечностях гораздо слабее и выражен качественно иначе. Прежде чем показать, что здесь мы, возможно, имеем дело с отражением идей, аналогичных идее дробления, членения

мирового древа, идее, синонимичной представлению о разрыве связи между небом и землей, попробуем рассмотреть такую важную деталь космического героя, как его голова.

Голова «первопредка» на одном баньшаньском изображении (рис. 1, 1, 2) представлена кругом с точкой в центре, а на другом (рис. 1, 5) — кругом, разделенным пополам, и с маленькими лучиками вокруг него. То и другое внешне подходит на солярные знаки. Что касается круга с точкой, то можно подобрать массу иконографических параллелей из других культурных традиций, где данный знак с той или иной степенью вероятности трактуется исследователями как солярный; круг же с лучами, казалось бы, говорит сам за себя. Тем не менее все это не дает оснований для каких-либо определений смысла таких знаков, ибо в принципе круг с точкой в центре может обозначать все что угодно, а его сходство с солярным знаком может оказаться обманчивым. Таким основанием, рассуждая строго, едва ли может считаться даже то немаловажное обстоятельство, что в древнейшей китайской письменности солнце изображалось в виде круга или квадрата со сглаженными углами и точкой или горизонтальной черточкой посередине, ибо нет абсолютной уверенности в генетическом родстве древнекитайской пиктограммы и баньшаньского знака. В последнее время китайские археологи и палеографы начали поиски истоков древнекитайской письменности в элементах и знаках неолитического орнамента¹¹⁶. Это перспективное и интересное направление исследований, однако до определенных выводов еще очень далеко. Приходится констатировать: применительно к истолкованию баньшаньского знака данные китайской палеографии, если судить строго, могут привлекаться лишь как косвенное свидетельство. Точным может считаться лишь доказательство, выведенное из внутреннего смысла самого изображения, из его контекста. Контекст же анализируемого сюжета позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что эти косвенные свидетельства в самом деле применимы к истолкованию изображения. Голова-солнце космического героя — не случайность, не каприз древнего художника. Напротив, образ этот строго закономерен и обусловлен.

Голову-солнце можно считать одним из важнейших указаний на космический характер героя. Учитывая универсальные, присущие, пожалуй, всем архаическим культурам представления о тождестве микрокосма макрокосму, не стоит этому удивляться. Распространенность этих идей сопоставима с популярностью представлений об axis mundi.

Все связанное с головой и верхом тела-микрокосма соотносится с небом, небесными телами и явлениями, в первую очередь с солнцем, луной, звездами, низ же микрокосма соответствует земле и ее олицетворениям. Принимая это во внимание, можно утверждать, что солярный характер головы «первопредка» доказан достаточно строго.

Сложнее объяснить безголовость персонажа на мачанских изображениях. Если в баньшань наличие головы у героя — правило, то в мачан —

исключение. На одном из мачанских изображений (рис. 2, 4) голова представлена большим кругом, заштрихованным в мелкую сетку; на остальных — шея упирается прямо в верхнюю границу росписи тулова сосуда, т. е. в «небо». Можно ли вслед за Л. С. Васильевым допустить, что в этих случаях «головой» является как бы вся верхняя часть — шейка сосуда?¹¹⁷ Если шейку сосуда рассматривать как символ не только неба, но и головы, то непонятно, почему в баньшань пебо и голова дублируют друг друга, а в мачан остается одно небо-заместитель, а голова исчезает. Если бы здесь имела место некая семантическая мутация, логично было бы ожидать, что «оформление» пеба, его изобразительные характеристики также изменятся. Между тем этого нет, венчики мачанских сосудов орнаментированы так же, как и у баньшаньских (шевроны, кресты, сетка). Может быть, допустить, что голова как элемент несущественный при схематизации изображения было просто опущена? В это трудно поверить, ибо особая космическая, солярная роль ее специально выделена и подчеркнута в баньшань, кроме того, исходя из мифологического контекста такой мотив ее отсутствия не находит себе объяснения. Поэтому полагать голову «первопредка» элементом несущественным нельзя.

Для того чтобы попытаться понять смысл безголовости мачанских фигур, следует рассмотреть мотив безголовости в целом. Безголовые персонажи, как антропо-, так и зооморфные, не редкость в искусстве каменного века и известны начиная с эпохи верхнего палеолита. Исследователи предлагают различные объяснения этого феномена. Еще А. Брейль, а за ним А. Ламэн-Ампрер и А. Леруа-Гуран отмечали, что в некоторых случаях фигуры животных в палеолитической живописи и скульптуре памерно представлены безголовыми. А. Леруа-Гуран по соображениям концептуального плана и исходя из анализа самого изобразительного материала отверг теорию «охотничьей магии» и оставил проблему открытой¹¹⁸. К. Зерво, анализируя символику безголовости по материалам франко-кантабрийского верхнепалеолитического искусства, привлекая при этом сведения по религиозным представлениям древнего Египта, Шумера и Крита, пришел к выводу, что изображение животного безголовым преследовало цель лишить его таким путем столь важной части тела и сделать тем самым безопасным для человека¹¹⁹, т. е. усмотрел в этом апотропеическую магию. Такое объяснение носит, однако, слишком частный характер и для нас явно не подходит. Более интересной и содержательной представляется интерпретация, предложенная З. Гидионом. По его мнению, безголовые антропоморфные фигуры изображают шаманов, которые при посвящении должны были пройти «муки инициации», куда входили «расчленение» и «обезглавливание»¹²⁰. Подробнее свою мысль З. Гидион не развивает, и в таком виде она также может показаться частной, однако это не так.

Расчленение (Вселенной, животного, человека, вещи) представляет один из наиболее универсальных мотивов мировой мифологии. В разных кон-

текстах оно, разумеется, выполняет неодинаковые функции и соответственно имеет различный смысл. Тем не менее все эти функции можно свести к одной наиболее общей и универсальной: расчленение обозначает умерщвление. Подходя к проблеме с точки зрения обыденной, можно, конечно, сказать: поскольку антропоморфная фигура представлена без головы, это однозначно говорит о том, что человек изображен мертвым, и рассуждать здесь не о чем. Но, во-первых, из морфологии и фольклора можно привести множество примеров, где действуют персонажи, лишённые головы или состоящие из одной только головы, т. е. для мифологического сознания обезглавливание отнюдь не синоним окончательного умерщвления. Во-вторых, как в таком случае понимать расчленение в процессе космогенеза тела космического гиганта (Тиамат, Пуруши, Имира и др.), можно ли видеть и здесь всего лишь убийство? Самое же главное заключается в том, что архаические представления о смерти качественно отличаются от современных¹²¹, и соответственно семантика отражающих их изображений иная.

Мотив расчленения героя на примере русской сказки подробно рассмотрен В. Я. Проппом, который убедительно показал, что если проводить сопоставление с обрядом и ритуалом, то расчленение героя можно рассматривать как отражение его расчленения (мысленного, конечно) в процессе инициации¹²². Разрезание, разрубание, разрывание на части сказочного героя или посвящаемого означает смерть, по смерти не окончательную, а с последующим воскрешением уже в новом качестве. Мнение З. Гидиона о том, что обезглавленные антропоморфные изображения обозначают шаманов, таким образом, отнюдь не беспочвенно. В. Я. Пропп, разбирая ту же проблему, использовал в числе прочего сведения по шаманским инициациям, которые свидетельствуют, что «расчленение» неофита, посвящаемого в шаманы, действительно есть непреходящая и универсальная характеристика всех обрядов подобного типа, где бы они ни встречались. В. Я. Пропп не дал объяснения причины этого явления, то ли считая его и без того понятным, то ли полагая, что истолкование отмеченного выходит в данном случае за пределы его задач. Между тем объяснение крайне необходимо, ибо возникает закономерный вопрос, почему столь универсально именно расчленение, а не удушение, утопление или заклятие посвящаемого? Суть дела заключается в том, что в рамках предельно конкретного, сугубо физического, предметно-чувственного восприятия мира, характерного для первобытного сознания, тело или предмет обладают совершенно особой целостностью и неделимостью. Они представляются неделимыми, неразрывными внутри себя, в силу чего их характеристики и качества не воспринимаются отдельно, т. е. не абстрагируются от объекта. Объект понимается как тесно слитая совокупность качеств и функций, в пределе — как одно неделимое Качество, одна неделимая Функция. С точки зрения такого мировосприятия, убить, т. е. лишить сущности, можно лишь развав чисто физически на части, клочья, куски. Примером может служить

мумия, полагаемая не мертвой, но живой, ибо внешне, пластически она продолжает оставаться человеческим телом. Исходя из таких логических посылок можно убить не только живое существо, но и вещь, разломав ее на куски, разбив вдребезги*, так и делалось при захоронениях умерших*, так как мертвый должен пользоваться «мертвыми» же вещами. С этой точки зрения, живое существо и неживая вещь принципиально одно от другого не отличаются. Думается, это объясняет один из существенных моментов универсальности мотива расчленения.

Принципиально важно отметить, что мифологически расчленение вовсе не тождественно простому умерщвлению или смерти в современном обыденном понимании. Оно есть залог последующего воскресения, ибо означает не завершение существования, а его продолжение, по в ином, качественно отличном, состоянии. Для посвящаемого инициация в буквальном смысле означает второе рождение, он становится полноправным членом коллектива, т. е. совершает ответственный переход от социального небытия к социальному бытию. Быть вне общества означает вообще не быть, не существовать, поскольку все, в том числе и природа, представленная в терминах тотемической идеологии, социализировано.

Сказанное можно подтвердить еще и следующими наблюдениями. К. Леви-Стросс обратил внимание на то обстоятельство, что в мифологиях североамериканских индейцев отрезанные члены тела мифологических персонажей неясным образом связаны с «астропомическим кодом» и часто фигурируют на небе в образе созвездий¹²³. То же прослеживается и в мифологии палеоазиатов¹²⁴, а также в других мифологических системах (например, древнеегипетской, древнеиндийской и др.)¹²⁵. Во всем этом заключен глубокий внутренний смысл: материальная, физическая гибель через расчленение на земле предполагает рождение в новом, божественном, идеальном качестве и вечную жизнь на небе. Точно так же расчленение хаоса, или синонимичного ему чудовища вроде Тиамат, или антропоморфного первопредка, олицетворяющего Вселенную, символизирует переход в новое качество, эволюцию от хаоса к космосу, т. е. составляет сущность космогенеза, перехода бренного через смерть и уничтожение к бытию идеальному, вечному. Расчленение здесь синонимично творению, упорядочиванию. В более поздних редакциях мифов демургов сменяют культурные герои, одной из почти

обязательных функций которых становится убийство различных хтонических чудовищ, что отчасти можно рассматривать как переосмысление акта творения. В самой общей форме можно сказать, что расчленение следует рассматривать более широко — как дифференциацию изначально недифференцированного хаоса.

Выяснив в общих чертах семантику мотива расчленения, можно понять отражение его в баньшаньско-мачанском космогоническом сюжете. Изображение героя расчлененным (в данном случае безголовым, а также с отделенными от торса руками и ногами) семантически означает его смерть, но смерть не просто физическую, окончательную, а смерть-переход или смерть-трансформацию в принципиально новое качество. Такая качественная трансформация органически увязана с общим контекстом мифа: из тела умершего космического героя рождается упорядоченная Вселенная, космос. По-видимому, так и следует понимать специфику мачанских изображений, которая при поверхностном рассмотрении может показаться всего лишь результатом технической схематизации росписи.

Для подтверждения этого вывода, следуя принципу взаимопроверяемости интерпретаций, принципу контекста, необходимо обратиться к другим композициям росписи яншао, в частности к орнаментам одного из горшков *ху* этапа мацзяо (рис. 3, 10, 11)*. Мацзяо генетически родственно и непосредственно связано с башьшань — мачап, что дает дополнительное основание для такого рода сопоставлений. Нижняя часть кувшина *ху* не расписана, верхняя же покрыта типично мацзяоским орнаментом; туловище опоясано пятью параллельными полосами, от верхней из которых отходят несколько напоминающих завитки линий, образующих замкнутые круги. Всего таких кругов — четыре. Они располагаются симметрично по окружности туловища и заключают каждый в себе по изображению распластанной безголовой лягушки. Других аналогов этим изображениям в росписи мацзяо нет. Безголовость мацзяоских изображений позволяет по формальному признаку сблизить их с мачанскими фигурами «первопредка», также лишенными головы, и может дать дополнительные аргументы, подтверждающие правильность предложенной выше интерпретации этого мотива. Можно с большой долей вероятности предполагать, что роспись мацзяоского кувшина *ху* заключает в себе космологический смысл. Следовательно, в том же ключе нужно рассматривать и образы безголовых лягушек. Земноводные, как известно, во многих мифологиях ассоциируются с землей и выступают в роли хтонических тварей. Мифологема безголовости, расчлененности лягушки оказывается, таким образом, связанной с членением космоса. Типологической параллелью может служить древнекитайский миф о том, как богиня Нюй-ва, по-

* Абсолютно верно интерпретировал этот обычай М. Н. Хангалов: «...Все вещи и предметы, которые нужны будут шаману после смерти, должны быть или сожжены, или убиты (лошадь), или сломаны, вообще как-либо должна быть нарушена физическая целостность и надлежащее соответствие частей, т. е. то же, что сделалось с шаманом, когда связь души с телом в акте смерти исчезла. И вот после такой перемены, видимого истребления, они, все эти вещи, начинают новую жизнь, жизнь неизменную, вечную, от земной жизни отличающуюся только тем, что они уже больше не изменяются, не изнашиваются. Из этого видно, что буряты верят не только в загробную жизнь, не только признают существование душ людей, но и признают душу вещей» (Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. — Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ, 1958, с. 390).

* Сосуд был куплен Ю. Г. Андерсоном в Цзиньсянь в пров. Ганьсу. Вывод о его принадлежности к мацзяо сделан Андерсоном на основании формы сосуда и особенностей росписи (Andersson J. G. Children of the Yellow Earth. London, 1934, pl. 28 b; Idem. Researches into the Prehistory of the Chinese. — BMFEA, Stockholm, 1943, v. 15, p. 240, pl. 185).

чиняя небо, накренившееся в одну сторону после мятежа Гун-гуна, отрубила у морской черепахи *ао** ноги и укрепила ими четыре угла Вселенной**. Расчленение черепахи однозначно соотносится с космогонической и мироустроительной деятельностью богини-демиурга. Отмеченное еще раз подтверждает правильность истолкования мотива расчлененности «первопредка» в мачанском сюжете.

Следующая характерная черта сюжета росписи баньшань заключается в том, что в ряде случаев на изображении представлены не одна, а две антропоморфные фигуры. В мачан эта особенность отсутствует. За этим, безусловно, кроется определенный смысл. Анализ мифологических текстов показал, что двойственность здесь отнюдь не случайна. Космический герой, раздвигающий небо и землю, имманентно дуален. Дифференцируя и упорядочивая Вселенную, он дифференцирует и сам. Олицетворяемые им качества первоначально поляризованы не настолько, чтобы его образ расщепился надвое, но при дальнейшем развитии мифа это расщепление все же происходит, и тогда-то в композициях вместо одного персонажа появляются двое. Крайне важно установить, есть ли различия в облике двойников-демиургов, представленных в росписи баньшань, ибо, если бы их удалось обнаружить, то стало бы ясно, что они отражают различные свойства и функции, первоначально заключенные в образе одного демиурга. Как следует из мифа о Пань-гу, один из возможных способов дифференциации образа состоит в делении на мужскую и женскую ипостаси, воплощающие в себе полярные качества мира. Однако в таком виде, в каком они изданы, китайские неолитические изображения не позволяют прийти к какому-либо определенному заключению на этот счет. Можно лишь предположить, что на баньшаньском сосуде (рис. 1, 4) у правой фигуры признак мужского пола отсутствует (его место занимает ручка горшка), тогда как у левой он выделяется отчетливо. Если это допущение оправданно, то, следовательно, композицию составляет супружеская пара, олицетворяющая полярные аспекты космоса — небо и землю. Можно предположить также, что, в соответствии с традиционными мифологическими воззрениями, мужчина воплощает небо, а женщина — землю.

Если же такая трактовка не оправдывает себя и фигуры в росписи баньшань абсолютно идентичны, то и в таком случае есть возможность объяснить их двойственность: их можно рассматривать как божественных близнецов, принимающих одипаковое участие в космогоническом акте отделения небес от земли. Такой вариант отнюдь не исключается логикой мифов, проанализированного типа. Выявленная мифологическая структура, устанавливая определенные рамки, допускает в то же время весьма широкое разнообразие

конкретных воплощений. Не должно при этом смущать то обстоятельство, что в мифе о Пань-гу фигурирует только один космический герой, раздвоение же его происходит в более поздних редакциях. Хотя первый из этих вариантов хронологически и пространственно ближе к мачанско-баньшаньскому сюжету, чем прочие, близость эта, как уже подчеркивалось, не может служить абсолютным критерием при интерпретации. Не будет поэтому ничего удивительного в том, если в результате более тщательного анализа уже изданного числа образцов или обнаружения новых окажется, что в баньшаньской росписи фигурируют не два, а несколько персонажей. В силе останется главный принцип: в мифах выделенного типа развитие совершается от единого к множественному и выражается в мифологическом делении космоса и самого героя. Расщепление его на две части — наиболее простое, начальное по характеру. Членение космоса возможно не только на небо (мир богов) и землю (мир людей), но и на три (три мира), четыре (четыре квадранта горизонтального пространства), пять (четыре страны света + центр) и более частей. Такому делению будет соответствовать и расщепление самого мирового дерева (оно же — герой, раздвигающий небо и землю) на три, четыре, пять и более частей, распадение его на несколько мировых деревьев (космических героев). Следует, правда, отметить, что, чем сложнее членение космоса и мирового дерева, тем дальше миф отдален от своего изначального варианта, повествования об отделении неба от земли, т. е. от представлений о дихотомии Вселенной. Вообще, данный мифологический цикл нужно, вероятно, рассматривать как один из наиболее древних, но в то же время частный вариант преданий об упорядочивании Вселенной. Исходя из этого следует допустить, что число персонажей в нем едва ли может быть слишком большим.

Итак, важен сам по себе факт, что в орнаменте баньшань представлены не один, а несколько героев-демиургов. Точное их число не столь существенно для понимания сути отраженного в росписи мифа. Требуется объяснения, почему в баньшань фигуры множественны, а в мачан — единичны и часто расчленены. Наличие столь важных отличительных деталей заставляет предположить существование в позднем неолите двух вариантов космогонического мифа — баньшаньского и мачанского. Поэтому весьма важно попытаться соотнести их стадияльно, т. е. выяснить, какой из них, исходя из его внутренней логики, более архаичен. Здесь следует учитывать, что, чем миф древнее, тем менее он дифференцирован и более синкретичен. С этой точки зрения, исходным будет образ одного героя-демиурга, отделяющего небо от земли и воплощающего в себе полярные качества Вселенной в слитном единстве. Один персонаж фигурирует в росписи как баньшань, так и мачан, но единичные фигуры «первопредка» преобладают в мачан, тогда как в баньшань они отмечаются спорадически. Следовательно, мачанский вариант сюжета, вероятно, более архаичен. Следующим шагом в развитии образа следует считать приобретение функциями героя известной самостоятельности, под-

* В мифологии древних китайцев, как и у других народов, черепаха часто выступает в качестве алломорфа лягушки, и наоборот.

** Интересно, что сама Нюй-ва в древности, возможно, мыслилась в образе лягушки (Schafer E. The Divine Woman. Dragon Ladies and Rain Maidens in T'ang Literature. Berkeley — Los Angeles — London, 1973, p. 31).

черкивание их и выделение, возможно, до полного отделения от него самого. Эта стадия отражена в росписи мачан, где голова, руки и ноги «первопредка» отделены от торса. Здесь налицо определенная дифференциация, но дифференциация пока еще в рамках одного персонажа. Затем, рассуждая логически, наступает тот этап в развитии мифологического образа, когда вычленившиеся функции исходного героя гипостазированы и воплощаются в облике самостоятельно действующих существ. Так, Чуна, поскольку он поднимает небо, можно рассматривать как персонажизированную деятельность рук Пань-гу, а Ли, опускающего землю — его ног. Такая стадия развития мифа зафиксирована в росписи баньшань, где фигурируют несколько персонажей. В целом можно прийти к выводу, что стадияльно баньшаньский вариант мифа, очевидно, моложе мачанского, который по отношению к нему является исходным. В то же время надо отметить, что несколько моментов предписывают соблюдать при решении этого вопроса осторожность. Дело в том, что единичные фигуры «первопредка» известны не только в мачан, но и в баньшань. Кроме того, в баньшань отсутствуют изображения расчлененного демиурга, т. е. выпадает важное звено в его трансформации. Эти обстоятельства заставляют предположить, что баньшаньский и мачанский варианты развивались, вероятно, во взаимодействии друг с другом, синхронно.

В проблеме соотношения баньшань и мачан еще не все ясно. Тем не менее есть некоторые основания, опираясь на археологические данные, предполагать, что баньшань и мачан — локальные варианты мацзяо, существовавшие синхронно, если не на всем протяжении, то, во всяком случае, на каком-то весьма длительном отрезке времени. Такая точка зрения подтверждается и данными типологического анализа баньшаньского и мачанского вариантов мифа.

Следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что на одном из баньшаньских сосудов (рис. 1, б) между двумя фигурами демиургов представлена извивающаяся змея, хвост которой касается нижней границы росписи, а голова упирается в верхнюю. Семантическую нагрузку этой композиции можно уяснить лишь в том случае, если использовать положение о синонимичности, повторяемости мифа и соответственно мифологических по характеру изображений. Расшифровав значение антропоморфных фигур баньшаньско-мачанской росписи, в соответствии с закономерностями первобытного мышления и художественного творчества можно перенести их характеристики и функции на других персонажей, изображенных в тех же композициях. Змея в таком случае выполняет роль, аналогичную роли космического героя, т. е. участвует в космогоническом акте отделения неба от земли. Крокодил, раздвигающий небо и землю, упоминается в «Древних песнях» мяо, драконо-змеиными чертами наделен Пань-гу*, что можно

рассматривать как прямую типологическую аналогию неолитическому сюжету. Змея — образ самой земли, а кроме того — популярный атрибут мирового древа. В мифологии многих народов верх мирового древа часто соотносится с птицами, а низ — с пресмыкающимися, лягушками, змеями. Весьма показательным, что в баньшаньской росписи фигурирует только змея, но нет противостоящего ей образа, скажем, птицы. Это говорит в пользу известной синкретичности данного варианта мифа. Но семантика названного баньшаньского сюжета не ограничивается только этим. Важно отметить, что его композиция имеет ярко выраженную антитетическую структуру: змея в центре и две антропоморфные фигуры по бокам. Такого рода композиции не менее популярны, чем четырехчастные крестообразные. Впервые появляясь в неолите*, они продолжают жить в изобразительном искусстве вплоть до средневековья. Они встречаются повсеместно и достаточно хорошо известны специалистам. Часто на таких изображениях можно видеть гору, древо, башню или антропоморфную фигуру в центре и двух адорантов или животных по бокам. Число иконографических аналогий баньшаньскому мотиву поистине необъятно, поэтому укажем лишь на некоторые из них. Так, на месопотамской цилиндрической печати в центре изображена антропоморфная фигура, а по бокам от нее два обращенные к ней мордами быка¹²⁶; на агатовой фигурке скарабея из Египта видны дерево жизни и два человека по бокам от него¹²⁷; дерево(?) и четыре коня по обеим его сторонам представлены в петроглифах Саймалы-Таша в Средней Азии¹²⁸; антропоморфная фигура в центре и два всадника по бокам — популярнейший мотив традиционного русского искусства¹²⁹; столб и две извивающиеся змеи представлены в культовой иконографии Антильских островов¹³⁰. Композиция, аналогичная баньшаньской, представлена также на мачанском сосуде из пров. Цинхай (рис. 3, 7), ее можно встретить также и в искусстве бронзового века Китая. Содержание и генезис подобной иконографической структуры трактуются по-разному. Можно допустить, что персонажи, фланкирующие центральный образ, в генезисе несут тот же самый смысл, что и «ось симметрии» композиции, которую можно рассматривать как синоним мирового древа. Бокковые фигуры представляют собой олицетворение двух полярных функций центрального образа, выполняющего роль медиатора между ними**. Из сказанного следует, что змею в баньшаньской композиции, с точки зрения ее функционального назначения, нужно понимать как аналог мирового древа, а располагающихся по сторонам от нее антропоморфных персонажей, — с одной сто-

Максимов Е. Н. Древнеегипетская гелиопольская космогоническая система (опыт моделирования). — В кн.: Тутанхамон и его время. М., 1976, с. 123).

* Л.-Р. Нужье усматривает прообразы подобных композиций в палеолитической живописи Руффиньяка (Nougier L. R. Art, magie, mythologie et religions. — Préhistoire Ariégeoise. Bulletin de la Société préhistorique de l'Ariège, 1981, t. XXXVI, p. 84—85).

** Это всего лишь самая общая формулировка, конкретные изображения дают более сложную картину, рассматривать которую во всей ее полноте здесь нет возможности.

* Змеиные черты присущи не только Пань-гу. Древнеегипетский Атум, породивший Шу и Тефнут, отделивший небо от земли, не только подобно китайскому персонажу андрогинен и множествен, но и творит мир в образе змея, в образе же змея он должен и разрушить его (см.:

роны, как ее субститутов, а с другой — как воплощение двух ее функций, в данном случае — земной и небесной.

На ряде баньшанско-мачанских изображений (рис. 1, 4; 2, 3—5, 8, 9) рядом с фигурой «первопредка» представлены либо большие, величественной с саму фигуру, круги, заполненные штриховкой или сложным геометрическим орнаментом, либо бутылкообразные знаки, заштрихованные в мелкую сетку. Последние, по мнению А. Буллинга, символизируют тыкву-горляпку¹³¹. Внешнее сходство с тыквой, действительно, палицо, однако, как уже подчеркивалось, доверяться одному ему — крайне ненадежный путь. Вместе с тем, согласно правилу внутренней синонимичности мифа, бутылкообразные знаки следует считать функционально тождественными антропоморфным фигурам, т. е. признать, что они равным образом участвуют в процессе космогенеза. Именно это обстоятельство и позволяет прийти к выводу, что эти знаки, возможно, и в самом деле обозначают тыкву-горляпку, ибо ее роль в космогонических мифах (например, о Папъ-ху, а также во многих других) поистине велика. Можно, правда, возразить, что эти предания — всего лишь частный случай в проанализированном мифологическом типе и в аналогичных мифах других народов тыква не фигурирует. Ответить на это можно следующим образом. Во-первых, тыква играет важнейшую роль в космогонии большого числа народов Юго-Восточной Азии. Во-вторых, важна не тыква сама по себе, а то, что функционально она выступает как воплощение плодородящей силы земли, т. е. в конечном счете как ее символ, как сама земля. Если посмотреть на проанализированные мифы с этой точки зрения, то аналогий можно найти более чем достаточно. Такой не внешний, не с точки зрения мифологических метафор, а, напротив, функциональный подход позволяет объяснить также, почему в роли *axis mundi* столь часто выступает именно дерево, популярным атрибутом которого является змея. То и другое в равной степени символизирует хтоническую, всепорождающую стихию. Таким образом, следует допустить, что интуитивное предположение А. Буллинга подтверждается результатами анализа.

Что касается больших кругов, то они часто внешне также напоминают пекие плоды с изображенными внутри них семенами. Следуя тому же правилу, что и в случае анализа образа тыквы-горляпки, можно предположить, что они равным образом представляют символы плодов земли. В ряде случаев голова первопредка обозначена близким по внешнему облику заштрихованным кругом, вероятно также символизирующим плод (тыкву?). Подтверждение такому выводу можно усмотреть в баньшанском изображении, где четыре круга с точкой в центре, располагающиеся по периметру сосуда, выглядят идентичными голове-солнцу космического героя (рис. 1, 1, 2). Если подобное предположение оправдано, то, значит, «первопредок» иногда представлялся с головой-плодом (тыквой?). При тотемической характеристике мифологических персонажей нередко особый упор делается именно на голову — наиболее важной части тела, обители души.

На двух баньшанских сосудах фигура космического героя находится в обрамлении двух дугообразных линий, в целом напоминающих очертаниями яйцо (рис. 4, 4, 5). Нельзя ли усмотреть в этом того варианта мифа, где демиург рождается из космического яйца? Функционально оно синонимично изначальной хаосу, лишь в потенции содержащему в себе «десять тысяч вещей». В этом смысле оно также семантически тождественно тыкве, символизирующей плодоносящую землю. В то же время мифологически яйцо не соотносится с землей. Оно ассоциируется с птицей и, следовательно, с небом. Мифологемы, таким образом, существенно отличаются друг от друга. Следуя методу исторического анализа фольклора, предложенному В. Я. Проппом, можно допустить, что если космическая тыква отражает земледельческий этап развития мифа, то космическое яйцо относится к более ранним стадиям, соответствующим присваивающему типу хозяйства. В таком случае баньшанское изображение, возможно, зафиксировало контаминированный вариант предания: герой-демиург рождается из космического яйца, а при раздвижении неба и земли ему помогает тыква.

Космические тыквы и плоды, фигурирующие в росписях баньшан-мачан, могут быть истолкованы и с другой точки зрения. Их огромные размеры, возможно, свидетельствуют о том, что в изображениях отражены картины золотого века, когда во всем царил изобилие, растения были так велики, что доставали до неба, а пища сама приходила в дом к человеку. Средствами первобытного художественного творчества превосходная степень могла выражаться двояко: через подчеркивание количественного и выделение качественного аспектов. В первом случае следовало бы ожидать в баньшанско-мачанском сюжете многократного повторения изображений тыквы и плодов, второй же способ предполагает непомерное увеличение из размеров*. Такой прием следует признать стадially более древним, ибо качество от объекта не отчуждается и не объективируется, а сам объект не дифференцируется.

Мотив золотого века предполагает «райское» состояние человека, что точно соответствует общему контексту мифа, согласно которому космический герой, раздвигающий небо и землю, и олицетворяющий все человечество, является одновременно богом и человеком. В то же время в мифе золотой век выступает как антитеза следующих за ним эпох страданий человечества, что предполагает разрушение, дробление мирового древа. В этом смысле показательно, что в ряде изображений баньшан антропоморфный «первопредок» множествен. Это обстоятельство однозначно указывает на дифференциацию *axis mundi*, соответствующую ее делению и в конечном счете уничтожению.

* Аналогичным образом идея изобилия выражается, например, в средневековых европейских представлениях: в стране обетованной в краю вечного цветения и плодотворения овцы величиной с быков, ягоды винограда, как яблоки, а рыбы превосходят по величине острова (см.: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, с. 216).

Таковыми представляются объяснения основных мифологем неолитического сюжета в росписи баньшань-мачан и таким образом их можно вписать в общий контекст мифов проанализированного цикла. Остается решить вопрос, каким образом свести их воедино и на основе этого реконструировать баньшаньско-мачанское предание целиком? Древнейшие изображения на крашеной керамике дают лишь синхронию мифа, диахрония же при этом отсутствует. Расположенная в одной плоскости совокупность деталей и персонажей не позволяет установить между ними временную связь и причинно-следственную зависимость. Каузальная структура мифа из самого изображения не следует. Нельзя с уверенностью сказать, что, согласно зафиксированному в росписи преданию, появляется раньше — космическая тыква-горлянка или антропоморфный герой. Оба они представлены статично, рядом друг с другом и не выделены ни с помощью перспективы, ни каким-либо иным художественным приемом. Иначе говоря, мифологемы образуют лишь некоторую последовательность, внутри которой иерархия и направленность действия неизвестны. В то же время проблему следует считать в принципе разрешимой, что обусловлено следующими обстоятельствами: общий смысл мифа ясен из «внешних» по отношению к изображению данных; поскольку же смысл основной мифологемы понят достаточно полно, значение других, аналогичных ей, также в основных чертах становится известным, благодаря чему открывается перспектива к достаточно детализированной реконструкции неолитического мифа.

Изображения баньшань и мачан дают основания для вывода о том, что миф об отделении неба от земли был известен предкам китайцев уже в неолите. До начала этого космогонического акта Вселенная, возможно, мыслилась бесформенным хаосом, космическим яйцом или тыквой, из которых и появился самозародившийся «первопредок». По прошествии некоторого времени в силу причин, установить которые исходя из изображений невозможно, его тело подверглось расчленению и он умер, возможно превратившись в «десять тысяч вещей». При отделении неба от земли «первопредку» помогали змея и тыква (допустимо и иное: «первопредок» сам был помощником змеи и тыквы либо первоначально сам мыслился тыквой). Согласно другим вариантам мифа, зафиксированным в неолитической орнаментации, космических героев было несколько (два во всяком случае), и они, вероятно, представлялись либо супружеской парой, либо братом и сестрой, либо братьями-близнецами, творящими Вселенную. Последнее, возможно, позволяет отнести эти варианты к циклу близнецных мифов и предположить, что демиурги-близнецы не только сотрудничают, но и противостоят друг другу, что, впрочем, если и зафиксировано в росписи, то весьма нечетливо. Вполне вероятно, миф носил этно- или социогонический характер, в пользу чего свидетельствуют указания на мотив золотого века. Из сказанного следует, что основой для появления баньшаньско-мачанского мифа послужила идеология развитого родового общества, а сам он отражает крупные социаль-

ные сдвиги в общественной жизни протокитайцев на финальной стадии неолита. Реконструкция показывает, что неолитические варианты мифа в ряде существенных моментов отличаются от мифа о Пань-гу, с которым они могут сопоставляться, скорее всего, лишь топологически. Оснований для того, чтобы усматривать между ними генетическое родство, пока недостаточно. Нельзя поэтому утверждать, что баньшаньско-мачанский сюжет иллюстрирует миф о Пань-гу. Он представляет собой лишь типологическую параллель к нему.

Без интерпретации остались изолированные знаки, включенные в анализируемую роспись, — шевроны, треугольники, зигзаги, кресты и спирали. Вряд ли можно сомневаться в том, что они также несут семантическую нагрузку. Об этом говорит их устойчивая повторяемость и сопоставимость с определенными частями композиций. Главным логическим средством при расшифровке их смысла должна быть дедукция. Например, если часть росписи, где помещены ноги «первопредка», соответствует земле, а верхняя часть — небу, то можно с уверенностью предполагать, что находящиеся там знаки относятся к категориям земли или неба. Такие определения должны служить отправной точкой при раскрытии семантики элементарных знаков. Дальнейшее же их изучение, направленное на уточнение их значений, предполагает статистическую обработку большого числа однородного материала с целью выявления существующих закономерностей в распределении и трансформации самих символов. Это — качественно иной уровень исследования, отличный от предложенного выше. Для него должны быть установлены особые методические принципы. Специально следует подчеркнуть, что индуктивный подход, необходимый для анализа сложных сюжетов, для изучения семантики элементарных знаков не годится, ибо применительно к ним он в конечном счете приводит к субъективизму в оценках и недостоверным интерпретациям. Вместе с тем дедуктивному анализу элементарных символов должно предшествовать комплексное исследование сюжетов и композиций.

Вычленив главные проблемы, возникающие при интерпретации семантики китайского неолитического орнамента, нужно подчеркнуть, что они связаны с двумя главными направлениями исследования — с чисто археологическим изучением материала и со сложной работой в области духовной культуры. Первый из названных комплексов вопросов исследуется археологами давно, и здесь уже выработана своя методика и установлены определенные принципы. Что касается проблем изучения мировоззрения древних, то многое здесь еще не только не решено, но подчас даже не поставлено на предварительное обсуждение. Между тем назрела настоятельная необходимость в исследовании достижений первобытного человека не только в сфере экономической, но и духовной. Первобытное искусство представляет богатый материал для изысканий в этой области, что ставит на повестку дня разработку общей теории интерпретации семантики его образцов. Главные трудности в такой

работе связаны с достаточно глубоким постижением основных категорий первобытного мировоззрения и изобразительного творчества. Достоверная интерпретация образов первобытного ис-

кусства возможна лишь в общем контексте углубленного изучения первобытной культуры, всестороннего постижения ее важнейших аспектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. анализ этого иероглифа Го Можо. Го Можо. Бронзовый век. М., 1959, с. 16.

² Hentze C. Die Wanderung der Tiere um die heiligen Berge. — Symbolon. Basel, 1964, Bd IV, S. 34.

³ Ibid., S. 44.

⁴ Hentze C. Mythes et symboles lunaires. (Chine antique, civilisations anciennes de l'Asie, peuples limitrophes du Pacifique). Anvers, 1932, p. 64, 108—112.

⁵ Hentze C. Objets rituels, croyances et dieux de la Chine antique et de l'Amerique. Anvers, 1936, p. 99.

⁶ См.: Naumann N. Zu einigen religiösen Vorstellungen der Jomon-Zeit. — Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, Wiesbaden, 1977, Bd 127, H. 2, S. 398—425.

⁷ Bulling A. The Meaning of the China's Most Ancient Art. Leiden, 1952, p. 421. В другом месте книги (р. 57) фигура рассматривается как совокупность треугольников, обозначающих горы; треугольники при этом сопоставляются с древнекитайской пиктограммой «шань» — «гора».

⁸ Bulling A. The Meaning..., p. 91. На с. 96 А. Буллинг пишет уже о том, что «баньшаньская фигура изображена сидящей в полом дереве». Предположение о полом дереве, не подтверждаемое самими изображениями, требуется ей для того, чтобы перейти к изложению мифов о «кун-сан» («полой шелковице») — мировом древе древних китайцев.

⁹ Ганьсу дайтао. (Расписная керамика Ганьсу). Пекин, 1979 (на кит. яз.).

¹⁰ Там же, с. 7.

¹¹ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 146—242.

¹² Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976, с. 200.

¹³ Там же, с. 200—201.

¹⁴ См.: Мэйфэн Синжэнь. Изначальные исторические связи между мяо и хань с точки зрения мифологии. — Миньцзянь вэньсюэ, 1981, № 8, с. 89—90 (на кит. яз.). Тань Дасянь, основываясь на чисто умозрительных допущениях, предполагает, что миф о Пань-гу был известен китайцам еще в доханьское время (Тань Дасянь. Чжунго шэньхуа яньцзю. (Изучение китайских мифов). Гонконг, 1980, с. 57 (на кит. яз.)).

¹⁵ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965, с. 326. См. также: Юань Кэ. Гу шэньхуа сюаньцзи. (Собрание древних мифов). Пекин, 1979, с. 1—2 (на кит. яз.); Он же. Шэньхуа сюаньцзи байти. (Сто избранных мифов). Шанхай, 1980, с. 1 (на кит. яз.).

¹⁶ Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 41.

¹⁷ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 40.

¹⁸ Бодде Д. Мифы древнего Китая. — В кн.: Мифология древнего мира. М., 1977, с. 380.

¹⁹ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 324.

²⁰ Юань Кэ. Сто избранных мифов, с. 5. Облик Фу-си и его женского дополнения — Нюй-ва — исчерпывающе проанализирован Б. Л. Рифтиным (Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979, с. 10—79).

²¹ Цит. по: Каталог гор и морей (Шань хай цзин)/Прел., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М., 1977, с. 125—126. Б. Л. Рифтин указывает на то, что данное место переведено Э. М. Яншиной неточно: точка должна ставиться после знака «чи» — «красный», тогда определение «красный» следует отнести к туловищу, а не к глазам (Рифтин Б. Л. От мифа к роману, с. 76).

²² Бодде Д. Мифы древнего Китая, с. 379.

²³ Рифтин Б. Л. От мифа к роману, с. 54.

²⁴ Юань Мэй. Новые записи Ци Се [Синь Ци Се], или, о чем не говорил Конфуций [Цзы бу юй]/Пер. с кит., пред. коммент. и прилож. О. Л. Фишман. М., 1977, с. 221—222.

²⁵ Werner E. T. C. A Dictionary of Chinese Mythology. Shanghai, 1932, p. 355.

²⁶ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 326. Ср.: Юань Кэ. Сто избранных мифов, с. 4.

²⁷ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 326. Целиком всю цитату см.: Юань Кэ. Собрание древних мифов, с. 11. Об этом же сообщается в гл. 9 сочинения Дуп Сячжана «Гуан бо у чжи» (см.: Mayers W. F. The Chinese Reader's Manual. A Handbook of Biographical, Historical, Mythological and General Literary Reference. Shanghai, 1924, p. 187).

²⁸ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 326.

²⁹ Юань Кэ. Собрание древних мифов, с. 2.

³⁰ Цит. по: Юань Кэ. Собрание древних мифов, с. 11.

³¹ Там же, с. 12.

³² Тань Дасянь. Чжунго шэньхуа яньцзю. (Исследование китайских мифов). Гонконг, 1980, с. 30—31 (на кит. яз.).

³³ Цит. по: Mayers W. F. The Reader's Manual, p. 186.

³⁴ Ibid., p. 186.

³⁵ Ibid., p. 187.

³⁶ Мифы мяо изложены по: Мэйфэн Синжэнь. Изначальные исторические связи..., с. 90. Подробнее см.: Миньцзянь вэньсюэ цзыляо, 1959, № 12.

³⁷ Линь Хуайцзин. Мяоцзю шэньхуа гунши. (Легенды и мифы народности мяо). Тайбэй, 1979, с. 9—23 (на кит. яз.).

³⁸ Stübel H., Li Hua-min. Die Hsia-min vom Tse-mu-schan (ein Beitrag zur Volkakunde Chekiangs). — Academia Sinica. Monographie des Institutes für Sozialwissenschaften. Nanking, 1932, N VI, S. 62.

³⁹ Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen. — FF Communications. Helsinki, 1937, v. LI, N 120, S. 96.

⁴⁰ Мэйфэн Синжэнь. Изначальные исторические связи..., с. 95. Подробнее см.: Миньцзянь вэньсюэ цзыляо, 1959, № 12.

⁴¹ Бодде Д. Мифы древнего Китая, с. 380.

⁴² Изложение и переводы текстов преданий о Паньху см.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 37—40; Он же. Собрание древних мифов, с. 219—224; Он же. Сто избранных мифов, с. 121—124; Stübel H., Li Hua-min. Die Hsia-min vom Tse-mu-schan..., S. 37—42, 61—77, 93—97; Groot J. de. The Religious System of China. V. IV. Leiden, 1901, p. 263 sq.; Бодде Д. Мифы древнего Китая, с. 379—382; Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза. I—VI веков. М., 1980, с. 165—167; Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen, S. 72—76; Liu Ch. H. The Dog-Ancestor Story of the Aboriginal Tribes of Southern China. — Journal of the Royal Asiatic Society, 1933, v. 62; Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976, с. 160—175.

⁴³ Цит. по: Stübel H., Li Hua-min. Die Hsia-min vom Tse-mu-schan..., S. 94—95.

⁴⁴ Гань Бао. Записи о духах. — В кн.: Пурпурная яшма, с. 166.

⁴⁵ См.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 325—326.

⁴⁶ Литература, посвященная этому мифологическому комплексу, обширна. Укажем лишь некоторые работы: Чеснов Я. В. Историческая этнография..., с. 247—261; Стратанович Г. Г. Этногенетические мифы об исходе из яйда или из тьквы у народов Юго-Восточной Азии. — В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 62—73; Maspero H. Légendes mythologiques dans le Chou king. — Journal Asiatique, 1924, Janvier-mars, t. CCIV, N 1, p. 60—68.

⁴⁷ Чеснов Я. В. Историческая этнография..., с. 257.

⁴⁸ Сыма Цянь. Исторические записи. (Ши цзи)/Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, т. 1. М., 1972, с. 166, 280.

⁴⁹ Юань Кэ. Собрание древних мифов, с. 1.

⁵⁰ Подробнее см.: Forke A. The World Conception of the Chinese. Their Astronomical, Cosmological and Physico-philosophical Speculations. London, 1925, p. 18—23, 27—29.

⁵¹ Стратанович Г. Г. Этногенетические мифы, с. 62.

⁵² Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 348. Исследование и анализ мифа см.: Бодде Д. Мифы древнего Китая, с. 385—390; Каталог гор и морей, с. 207—

- 208; Яншипа Э. М. Миф об отделении неба от земли (к вопросу о сюжетосложении в древнекитайской мифологии).— В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974; Maspero H. *Légendes mythologiques...*, Eberhard W. *Typen chinesischer Volksmärchen*, S. 96—98; Idem. *Lokalkulturen im alten China*, Bd 2. Leiden, 1942, S. 473. Karlgren B. *Legends and Cults...*, p. 234—239; Eliade M. *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*. Paris, 1951, p. 396—397.
- ⁵³ См.: Бодде Д. Мифы древнего Китая, с. 386—387.
- ⁵⁴ Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 348.
- ⁵⁵ Каталог гор и морей, с. 120.
- ⁵⁶ Бань Гу. Хань шу. (Книга династии Хань). Пекин: Чжунхуа шунцзюй, 1962, с. 973 (на кит. яз.).
- ⁵⁷ Цит. по: Karlgren B. *Legends and Cults...*, p. 235—236.
- ⁵⁸ См.: Бань Гу. Книга династии Хань, с. 973.
- ⁵⁹ *Les Mémoires historiques de Se-Ma Ts'ien*, t. 3, p. 324—325.
- ⁶⁰ Каталог гор и морей, с. 120.
- ⁶¹ См.: Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 124; Катха упанишада (6, 1).— В кн.: Упанишады/Пер. с санскрита, пред. и коммент. А. Я. Сыркина. М., 1967; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 54—55. Имеется специальная работа К.-М. Эдсмана, посвященная перевернутому мировому дереву: Edsman C.-M. *Arbor inversa*. Heiland, Welt und Mensch als Himmelpflanzen.— In: *Festschrift Walter Baetke*. Weimar, 1966.
- ⁶² С этой точки зрения лучше всего Чун и Ли разобраны Б. Карлгреном (Karlgrén B. *Legends and Cults...*).
- ⁶³ Каталог гор и морей, с. 122. Об этом персонаже см. также: Granet M. *Danses et légendes de la Chine ancienne*, v. 1. Paris, 1959, p. 254.
- ⁶⁴ Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 349.
- ⁶⁵ Granet M. *Das chinesische Denken*. Inhalt, Form, Charakter. München—Zürich, 1963, S. 216.
- ⁶⁶ О символике лево—право в древнем Китае см.: Granet M. *La droite et la gauche en Chine*.— In: Granet M. *Etudes sociologiques sur la Chine*. Paris, 1953, p. 261—278.
- ⁶⁷ Granet M. *Das chinesische Denken*, S. 210.
- ⁶⁸ *Les Mémoires historiques de Se-Ma Ts'ien*, t. 1, p. XII, 324; t. 2, p. 99.
- ⁶⁹ Karlgrén B. *Legends and Cults...*, p. 219, 235, 237.
- ⁷⁰ Цит. по: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 329.
- ⁷¹ Каталог гор и морей, с. 126. См. также: Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 329.
- ⁷² См.: Allan S. *Sons of Suns: Myth and Totemism in Early China*.— *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London, 1981, v. XLIV, pt. 2, p. 293—301.
- ⁷³ Каталог гор и морей, с. 127; Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 330.
- ⁷⁴ Каталог гор и морей, с. 98; Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 330.
- ⁷⁵ Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 330. Ср. также высказывание Конфуция о том, что на небо «нельзя подняться по ступеням» («Лунь юй», 19, 25).
- ⁷⁶ Eberhard W. *Typen chinesischer Volksmärchen*, S. 134.
- ⁷⁷ Линь Хуайцин. Легенды и мифы народности мяо, с. 23.
- ⁷⁸ Эпические сказания народов Южного Китая, с. 23—27, 168.
- ⁷⁹ Невский Н. А. Материалы по говорам языка цюу. М., 1981, с. 76.
- ⁸⁰ Eliade M. *The Yearning for Paradise in Primitive Tradition*.— *Daedalus*. Journal of the American Academy of Arts and Sciences, Spring 1959, p. 256.
- ⁸¹ Maspero H. *Légendes mythologiques...*, p. 65, 95. А. Масперо прямо сопоставляет эту легенду с мифом о Чуне и Ли.
- ⁸² Сказки и мифы народов Филиппин. М., 1975, с. 31.
- ⁸³ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 224—227; Луомала К. Голос ветра. Полинезийские мифы и песни. М., 1976, с. 96—97; Сказки и легенды маори. Из собрания А. Риды. М., 1981, с. 13—19; Maui überlistet den Feurgott. *Gesänge und Berichte der Maori*. Leipzig, 1978, S. 25—28, 43—44.
- ⁸⁴ Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980, с. 20, 24.
- ⁸⁵ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 164.
- ⁸⁶ Худяков М. Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества («солнце» и его разновидности).— *Проблемы истории докапиталистических обществ*, 1934, № 11—12, ноябрь—декабрь, с. 88. Возможно, к этой же категории следует отнести и один из нганасанских мифов — см.: Мифологические сказки и исторические предания нганасац. М., 1976, с. 49—50.
- ⁸⁷ Hori Ichiro. *Folk Religion in Japan. Continuity and Change*. Chicago and London, 1968, p. 4—5.
- ⁸⁸ Сказки народов Африки. М., 1976, с. 38.
- ⁸⁹ Оля Б. Боги Тропической Африки. М., 1976, с. 34—35.
- ⁹⁰ Сказки народов Африки, с. 4.
- ⁹¹ См.: Матье М. А. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956; Коростовцев М. А. Религия древнего Египта. М., 1976, с. 63, 69—70; Антес Р. Мифология в древнем Египте.— В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с. 97; Kees H. *Der Cötterglaube in alten Agypten*. Berlin, 1980, S. 219—227.
- ⁹² Ригведа. Избранные гимны/Пер., коммент. и вст. ст. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972, с. 399. Ср.: Браун У. Н. Индийская мифология.— В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977, с. 287—288; Keith A. B. *The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads*. Cambridge (Mass.), 1925, v. 1, p. 77.
- ⁹³ Цит. по: Kirfel W. *Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt*. Bonn und Leipzig, 1922, S. 9.
- ⁹⁴ Браун У. Н. Индийская мифология, с. 287.
- ⁹⁵ Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965, с. 105—107.
- ⁹⁶ Там же, с. 105—107, 205—206.
- ⁹⁷ Там же, с. 250—253.
- ⁹⁸ Бытие, 11, 1—9.
- ⁹⁹ Там же, 11, 10—32.
- ¹⁰⁰ Там же, 11, 8—9.
- ¹⁰¹ Eliade M. *The Myth of the Eternal Return*. London, 1955, p. 14.
- ¹⁰² Ткачев М. Здравствуйте... мы — мео.— В кн.: Дневная звезда. Восточный альманах. Вып. второй. М., 1974, с. 453.
- ¹⁰³ Сказки народов Бирмы. М., 1976, с. 55—56.
- ¹⁰⁴ Сказки народов Африки, с. 39—40.
- ¹⁰⁵ Оля Б. Боги Тропической Африки, с. 35.
- ¹⁰⁶ Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете, с. 136—146.
- ¹⁰⁷ Илиада, V. 385; Одиссея, XI, 305; Пиндар, фр. 162—163; Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972, с. 11, 12. Изложение мифа см. также: Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1957, с. 38—39; Тренчени-Вальдапфель И. Мифология. М., 1959, с. 129; Grant M., Hazel J. *Who's who in Classical Mythology*. New York, 1979, p. 259—260.
- ¹⁰⁸ См.: Аполлодор. Мифологическая библиотека, с. 133.
- ¹⁰⁹ Eliade M. *The Yearning for Paradise*, p. 255.
- ¹¹⁰ Ibid., p. 255—256.
- ¹¹¹ Ibid., p. 256.
- ¹¹² Юань Кэ. Мифы древнего Китая, с. 349.
- ¹¹³ Eliade M. *The Yearning for Paradise*, p. 256.
- ¹¹⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 227—228.
- ¹¹⁵ Reinach S. *Répertoire de l'art quaternaire*. Paris, 1913, p. 19, fig. I; Drössler R. *Kunst der Eiszeit. Von Spanien bis Sibirien*. Leipzig, 1980, Taf. V.
- ¹¹⁶ Го Можо. Дialectическое развитие древней письменности.— КГСБ, 1972, № 1, с. 1—13 (на кит. яз.); Юй Синью. О некоторых проблемах исследования древней письменности.— ВУ, 1973, № 2, с. 32—35 (на кит. яз.); Тан Лань. Заметки о раннепанской бронзе, найденной в Чжэнчжоу, пров. Хэнань— ВУ, 1973, № 7, с. 5—14 (на кит. яз.). См. также: Кучера С. Китайская археология. 1965—1974 гг.. Палеолит — эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977, с. 84—90; Карапетянц А. М. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах (Китай до середины I-го тысячелетия до н. э.).— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 445—467.
- ¹¹⁷ Васильев Л. С. Проблемы генезиса..., с. 199.
- ¹¹⁸ Leroi-Gourhan A. *Treasures of Prehistoric Art*. New York, s. a., p. 173.
- ¹¹⁹ Zervos Ch. *L'art de l'époque du renne en France*. Paris, 1959, p. 114.
- ¹²⁰ Giedion S. *Die Entstehung der Kunst*. Köln, 1964, S. 352.
- ¹²¹ См., например: Иорданский В. Б. Тропическая Аф-

рика: круг представлений о старости и смерти.— Народы Азии и Африки, 1982, № 1.

¹²² Пропп В. Я. Исторические корни... с. 76—83.

¹²³ Lévi-Strauss C. Mythologiques. Vols. I—IV. Paris, 1964—1971.

¹²⁴ Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979, с. 76.

¹²⁵ См., например: Allen R. H. Star Names. Their Lore and Meanings. New York, 1963 (1-st ed. New York, 1899); Kees H. Der Götterglaube im alten Ägypten. Berlin, 1980, S. 129, 321, 332. Из древнеиндийской мифологии ср. мифы о Раху, Намучи, Макха и др.: Lommel H. Kopfdämonen im alten Indien.— Symbolon. Jahrbuch für Symbolforschung, Basel, 1964, Bd IV.

¹²⁶ Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979, рис. 11, ср. также табл. XXIII а, б.

¹²⁷ Ходжаш С. И. Скарабей с изображениями древа жизни.— В кн.: Тутанхамон и его время. М., 1976, рис. на с. 157, ср. также табл. на с. 161.

¹²⁸ Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, рис. на с. 124.

¹²⁹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян, рис. па с. 391, 400, ср. также рис. на с. 479, 487, 489, 495, 497, 507, 511, 513, 521.

¹³⁰ Лаврецкий И. Р. Боги в тропиках. Религиозные культы Антильских островов. М., 1967, рис. па с. 106.

¹³¹ Bulling A. The Meaning..., p. 121.

С. А. КОМИССАРОВ

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОГО ЧЖОУ — 1027—770 ГГ. ДО Н. Э.

(по материалам исследований 70-х гг.)*

Начало правления чжоуской династии в древнем Китае было, как известно, связано со значительными политическими событиями. В 1027 г. до н. э. (по скорректированной традиционной хронологии) племенные ополчения под руководством чжоусцев в битве при Муе разгромили армию последнего иньского правителя Ди-синя. Предводитель победоносного войска У-ван основал новую династию — Чжоу, которая и дала название почти тысячелетнему периоду китайской истории. Чжоуская эпоха разделяется на два больших периода: Западный (1027—770 гг. до н. э.) и Восточный (770—221 гг. до н. э.)¹. Эта периодизация связана с тем, что в 770 г. до н. э. под давлением жунских племен Пин-ван вынужден был перенести свою столицу с запада на восток.

Принимать такую периодизацию не означает просто следовать многовековой традиции китайской историографии. Все дело в том, что в рамках указанных периодов происходят не только существенные политические, но также серьезные социально-экономические изменения. Важно подчеркнуть, что они могут быть зафиксированы в археологических материалах.

Археология, которая не без оснований считается одной из самых китайских наук², успешно развивалась в КНР с момента образования в 1949 г. и вплоть до 1966 г. включительно. Эти успехи не в последнюю очередь объяснялись большой помощью со стороны СССР. Советские археологи проводили научно-методические консультации, публиковали статьи в археологических изданиях КНР и, в свою очередь, предоставляли страницы научной литературы для выступления китайских коллег. С середины 60-х гг. достаточно мощный до этого поток археологических исследований начинает ослабевать, а с конца 1966 г. научные издания перестали выходить вообще.

С 1972 г. издание археологической литературы возобновилось. За последнее десятилетие были опубликованы как материалы проведенных ранее

полевых работ, так и новые исследования. Ожилилась издательская деятельность, появились десятки новых журналов общественно-политического и историко-культурного направлений. Китайские специалисты получили возможность следить за достижениями археологии на Западе и сотрудничать с ее представителями. Все сказанное о китайской археологии в целом полностью относится к археологии Западного Чжоу. Необходимо прежде всего отметить, что находки до 50—60 гг. отражены в обширной по охвату материалов, хотя не всегда удовлетворительной по уровню их интерпретации монографии Чжэн Дэчуня³, в многочисленных работах У. Уотсона⁴ и некоторых других авторов. Материалы первой половины 70-х гг. в рамках общих вопросов археологии Китая использовал в исправленном и расширенном переиздании своей книги Чжан Гуанчжи⁵. Однако специальной сводки по археологии Западного Чжоу на сравнительно легкодоступных европейских языках до сих пор нет. А ведь именно в эти годы были раскопаны и опубликованы на китайском языке такие интересные памятники, как Байфу, Люлихэ, Байцаопо и Хэцзяцунь, а также продолжены раскопки в Фэнси. Важные итоги работы по провинциям подведены в соответствующих разделах юбилейного сборника «Культурно-археологическая работа за 30 лет»⁶. Настоящим событием в изучении Западного Чжоу следует считать выпуск в свет в 1979 г. книги «Археология Шан и Чжоу»⁷. По ценности она явно выходит за рамки обычного учебного пособия. В ней подробно излагаются не только описания полученных в ходе раскопок бесценных материалов, но и обобщения, вызывающие значительный интерес⁸. Было издано также несколько прекрасных альбомов чжоуских бронз⁹. Из-за меньшей доступности изданий на китайском языке для большинства археологов полученные в последние годы результаты исследований различных по типу памятников Западного Чжоу сравнительно слабо вовлекались в научный оборот мировой археологии. Поэтому настоящая публикация призвана в какой-то мере заполнить досадный пробел.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно

* В начале 80-х гг. были опубликованы новые материалы по теме, однако их обобщение — задача будущего исследования.

охватить обширные материалы по археологии Западного Чжоу, изданные в сборниках, монографиях и отдельных журнальных статьях. Для составления исчерпывающего по полноте обзора потребовались бы годы кропотливого труда и сотни печатных страниц текста. Однако даже знакомство с выборочными результатами работ китайских археологов может оказаться полезным для исследователей, занимающихся изучением проблем бронзового века сопредельных с Китаем территорий. Следует иметь в виду, что при раскопках памятников эпохи Западного Чжоу найдены вещи, аналогичные древним изделиям многих степных районов Евразии. В Китае они обнаружены в составе хорошо датированных комплексов, что увеличивает их ценность. Поэтому, признавая необходимость составления полного каталога находок Западного Чжоу, пока еще в настоящей сравнительно небольшой публикации делается попытка осветить лишь некоторые итоговые моменты проблемы и представить по возможности детальное описание наиболее интересных памятников этого времени.

АРХЕОЛОГИЯ «ДОДИНАСТИЧЕСКОГО ЧЖОУ»

Проблема раннего Чжоу. Вопросы, связанные с происхождением чжоусцев, долгое время не могли решаться с использованием археологических материалов. Как справедливо отмечалось на Первом съезде археологических обществ Китая (1979 г.), специалисты по проблемам истории Чжоу использовали в своих работах в основном письменные источники, поскольку не могли с уверенностью выделить памятники, которые можно было датировать временем до образования династии¹⁰. Опираясь на сведения из древних сочинений о том, что чжоусцы жили к западу от Шан, археологи искали и ищут остатки их ранней культуры в бассейнах рек Вэйхэ и Цзиншуй. Здесь на ранее открытых многослойных памятниках между слоями культур яншао и Западного Чжоу обычно располагается слой так называемого шэньсийского луншаня. Однако по своему характеру культуры Западного Чжоу и луншаня существенно различаются. Поэтому поздний неолит с серой керамикой можно считать лишь одним из возможных компонентов при формировании цивилизации Чжоу¹¹.

Типичными памятниками чжоуской культуры до основания династии или, точнее, до того, как Си-бо принял титул вана, обычно считаются девять могил из Доуцзитай¹² и четыре могилы из Хэцзяцунь (рис. 1)¹³. Однако надежных доказательств такого отнесения (например, находок надписей с именами чжоуских правителей до Вэньвана) не приводится. Поскольку к тому же четких стратиграфических доказательств также нет, то китайские археологи прибегают к довольно искусственному построению: они подразделяют могильник «керамических сосудов *ли*» в Доуцзитай на три этапа, причем средний из них по находкам и по хронологии приравнивают к ранним погребениям западночжоуского могильника в Чжанцзяпо. Последние же, в свою очередь, дати-

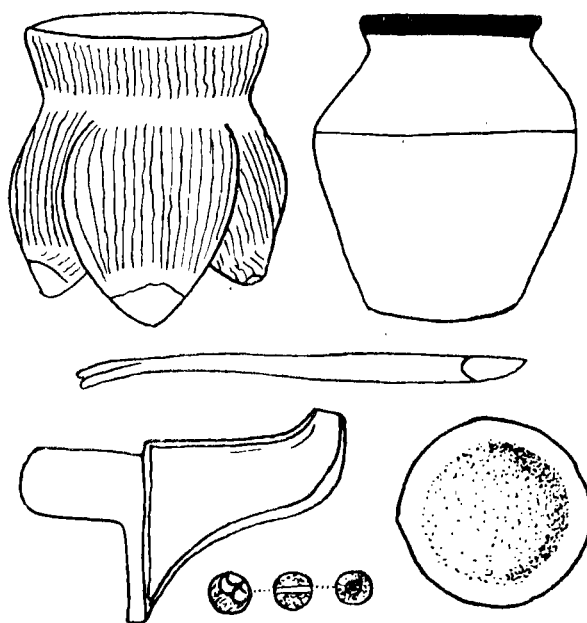

Рис. 1. Изделия, относимые к предчжоуской культуре.

руют на основании сходства бронзового сосуда в одной из могил с известным сосудом с надписью периода начала Западного Чжоу до времени Чэнвана*. Следовательно, заключают авторы соответствующего раздела «Археологии Шан и Чжоу», начальный этап могильника «керамических сосудов» древнее начала западночжоуской культуры¹⁴. Неадекватность таких сопоставлений, основанных на немногочисленном и невыразительном материале, очевидна. К тому же при датировании по надписям на бронзовых вещах необходимо делать поправку на время использования изделия. Недостаточно также ссылаться и на взаимное положение зольников № 10 и 11, открытых в Маванцунь в районе Фэнси¹⁵. Первый зольник с характерным для него раннего этапа Западного Чжоу набором вещей перекрывал второй, в котором керамика оказалась сходной с соответствующими находками начального этапа могильника «керамических сосудов *ли*». Сюй Ситай в качестве одной из основных посылок своего построения использует маванцуньскую находку. В своей статье он попытался выделить единую керамическую традицию, представленную в комплексах находок из Маванцунь (зольник № 11), а также в отдельных могилах в Хэцзяцунь, Доуцзитай, Сямэцунь, Лицунь, Чжанцзяпо и Кэсинчжуан. Эту традицию он связывает с раннечжоуской культурой,

* Даты правления западночжоуских ванов — вопрос дискуссионный (во всяком случае до периода правления Гунхэ). В статье используется наиболее принятая хронология правления западночжоуских ванов, разработанная Чэнь Мэнцзя:

У-ван	1027—1025	Сяо-ван	897—888
Чэн-ван	1024—1005	И-ван	887—858
Кан-ван	1004—967	Ли-ван	857—842
Чжао-ван	966—948	Период Гунхэ	841—828
Му-ван	947—928	Сюань-ван	827—782
Гун-ван	927—908	Ю-ван	781—771
И-ван	907—898		

Обоснование этих дат детально изложено Л. С. Васильевым См.: Аграрные отношения и община в древнем Китае (XI—VII вв. до н. э.). М., 1961, с. 221—230.

подразумевав под ней культуру чжоуских племен до основания династии. А поскольку на многослойных памятниках чжоускому культурному горизонту всегда предшествует слой шэнсийского луншаня (культура Кэсинчжуан-II) и между их керамикой прослеживается определенное сходство, то это, по мнению Сюй Ситая, означает, что раннечжоуская культура сформировалась на основе Кэсинчжуан-II, подвергнувшейся некоторому воздействию со стороны культуры цизя. В поздний же период раннего Чжоу в непосредственном контакте с Шан-Инь как раз и происходит окончательное становление западночжоуской культуры¹⁶.

Публикация Сюй Ситая интересна тем, что в ней анализируется керамический материал, имеющий особую важность для культурной и хронологической характеристики памятников, которому, однако, китайские археологи, буквально обремененные огромным числом гораздо более эффектных находок, в последнее время не уделяли должного внимания. В связи с этим стоит лишь пожалеть, что подборка керамики в иллюстрациях статьи не всегда представительна. Отсутствуют также необходимые типологические схемы и не всегда достаточно убедительны хронологические обоснования. Так, в качестве основного аргумента в пользу более поздней даты первого периода Чжанцзяпо по сравнению со вторым периодом Хэцзяцунь приводится факт о том, что в последнем пет таких форм сосудов, как *гуй*, *доу* и *юй*¹⁷. Но отсутствие какого-либо элемента только на одном памятнике (в случае невыверенности наблюдения статистически) может иметь самые разнообразные объяснения, среди которых хронологическое различие — лишь одно из возможных. Поэтому, как справедливо высказался по поводу этой теории Ван Шиминь, предполагаемое становление раннего Чжоу на основе культуры типа Кэсинчжуан-II возможно, однако четкое «выявление связей развития между ними еще требует много работы»¹⁸. Итак, постановка вопроса об археологии додинастического Чжоу весьма актуальна и заслуживает самого пристального внимания. Однако на основании, по существу, единичных находок эту проблему, конечно, разрешить нельзя. Для этого необходимы целенаправленные и крупномасштабные полевые исследования*.

Фэнчудунь. Если проблема археологии самого раннего Чжоу до появления новых данных остается открытой, то для характеристики переходного периода, т. е. времени усиления чжоуских племен

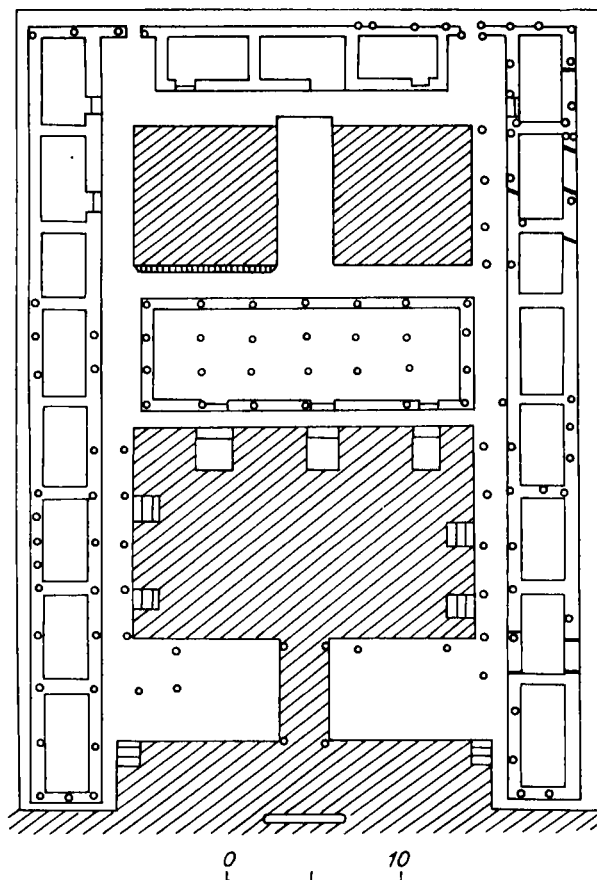

Рис. 2. План храмового комплекса в Фэнчудунь.

в годы правления Вэнь-вана и У-вана при фактически номинальном сохранении над ними иньского сюзеренитета, недавно получены важнейшие материалы. Речь идет о результатах раскопок храмового комплекса в Фэнчудунь. В 1976 г. возле д. Фэнчудунь, уезд Цишань (пров. Шэньси) были исследованы остатки сравнительно большого строения. Тщательное изучение позволило выявить его первоначальную планировку (рис. 2)¹⁹. Вся постройка располагалась на стилобате из утрамбованной земли («ханту»). Длина комплекса по линии север—юг — 46, ширина — 32,6 м. В центре южной стороны располагался коридор длиной 6, шириной 2,8 м. Судя по сохранившимся отверстиям для столбов, с обеих сторон к коридору примыкали пристройки размером 6×8 м. Коридор выходил на передний двор площадью 19×12 м, за которым находилась главная постройка — парадная зала. По сохранившимся каменным «подушкам» для опорных столбов можно предположить, что она имела в длину 6 пролетов, а в ширину — 3. За парадной залой находились два задних двора, отделенных от залы поперечным коридором. Их размеры составляют примерно 8×8 м, а ширина прохода между ними — 3 м. С трех сторон внутренних дворов и залы располагались галереи — боковые в 8 пролетов и задняя — в 3. Стены их также сооружались способом «ханту» и имели толщину 58—60 см. Внешняя поверхность «трехслойным составом» — смесью из песка, извести и глины. При раскопках найдено небольшое количество самой ранней в Китае черепицы

* Недавно к этой проблеме вновь обратился Цзоу Хан. В выступлении на Первом съезде археологических обществ Китая он попытался отнести еще ряд памятников к «предчжоуской» культуре, выделив в ней два периода и три компонента (См.: Цзоу Хан. О предчжоуской культуре). Высказанные им соображения в целом логически вполне основательны, однако они плохо документированы. Так, захоронение в Динцзягоу «первого периода» представлено только пятью бронзовыми сосудами и одним керамическим горшком *гуань* (см.: Хэ Цзычэн. В уезде Хуйсянь найдены бронзовые орудия династии Чжоу. — ВУЦЦ, 1956, № 11, с. 73 (на кит. яз.)). Могила в Гаодзябао «второго периода» несколько богаче — около 20 вещей (см.: Гэ Цзинь. Записки о раскопках раннечжоуского могильника в Гаодзябао, уезд Цзиньян. — ВУ, 1972, № 7 (на кит. яз.)) (рис. 3). Однако и здесь материала явно недостаточно для столь уверенных выводов.

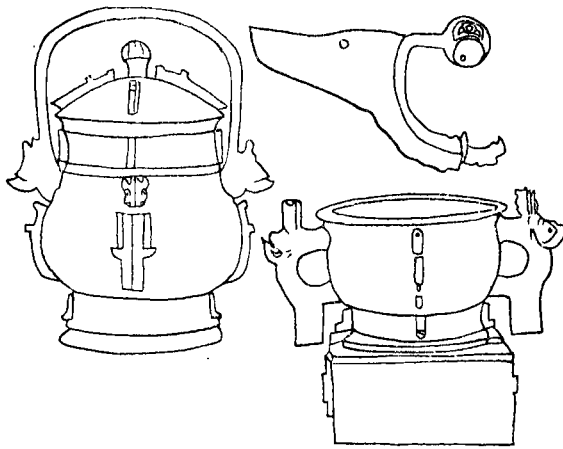

Рис. 3. Бронзовые изделия из Гаопинбао.

с веревочными оттисками на поверхности. Такой черепицей, возможно, покрывали конек крыши. Другое важное новшество — сооружение для стока воды. Для этого в фундаменте постройки проложили узкую канаву шириной 0,6 м, глубиной 0,9 м, в которую уложили керамические трубы — всего шесть колен общей длиной 5,34 м. В месте, где трубы заканчивались, водосток оказался вымощенным речной галькой. Подобные выкладки прослежены и в других частях здания.

В главном помещении, очевидно, осуществлялись какие-то особой важности политические или ритуальные действия, а в задних, сравнительно больших комнатах галерей, располагались жилые покои. Таким образом, планировка здания полностью соответствовала общепринятой в чжоуских ритуальных сочинениях формуле «вперед зал, а сзади — покои». Как справедливо отмечали китайские археологи, объединение помещений для жилья и для исполнения функций управления в едином здании отражало идеологию патриархального общества, основанную на концепции «семья — Поднебесная» как в ее политических, так и, очевидно, в религиозных аспектах²⁰.

Храмовая группа построек в Фэнчунь датируется ранним периодом Западного Чжоу*. Она является самой крупной из исследованных строений этого времени. Еще более значительное открытие сделано в 1977 г. — в одной из ям-кладовых (Н 11) на территории этого же храма китайским археологам посчастливилось найти более 17 тыс. (!) гадательных костей и панцирей (16 700 брюшных панцирей черепах и около 300 лопаток быка). На 190 экз. удалось выявить надписи. По стилю написания некоторые иероглифы отличались от иньских, но оказались близкими к чжоуским надписям на металле. Этими иероглифами записаны гадания о жертвоприношениях,

* Судя по находкам на его территории, храм был создан именно в этот период, хотя использовался очень долго — со времени Вэнь-вана и до позднего периода Западного Чжоу. Серии радиоуглеродных анализов, для которых использовались обуглившиеся деревянные части строения, дали довольно близкие результаты: 1040 ± 90 , 1080 ± 90 , 890 ± 110 лет до н. э. (период полураспада — 5730 лет) (Отчет об определении дат по радиоуглероду (продолжение). — ВУ, 1978, № 5, с. 76 (на кит. яз.)). Отличие последней даты можно отнести как за счет более позднего времени пристройки, так и за счет возраста использованного дерева. В целом, все даты соответствуют времени раннего периода Западного Чжоу.

охоте, военных действиях. Среди них особого внимания заслуживают сведения о принесении в жертву рабынь и скота, совершенном чжоуским ваном в честь основателя иньской династии Чэнь-тана и Ди-и — отца последнего иньского правителя Чжоу-синя. Запись на одном из панцирей сохранила просьбу чжоуского вана к шанскому предку Тай-цзя о защите. Обнаружен также текст гадания об удачной охоте иньского вана. Такого рода надписи подтвердили сообщения письменных источников о подчиненном положении чжоусцев по отношению к Инь. Упоминаемый в надписях чжоуский ван — скорее всего Чан (Си-бо, будущий Вэнь-ван), который первым принял этот титул. Особо интересно отметить факт жертвоприношения «вассала» предкам своего «сюзерена», о чем никогда не сообщалось в письменных источниках²¹.

Найденные в Фэнчунь гадательные кости и панцири не только способствуют решению вопроса о времени создания храмового комплекса, но и, что не менее важно, позволяют высказать его истинное назначение. Ранее гадательные принадлежности находили только при раскопках трех западночжоуских памятников, причем их количество во всей коллекции, несмотря на размах археологических работ в последнее десятилетие, не превышало десятка. Объяснить этот факт, вероятно, можно тем, что у чжоусцев, в отличие от иньцев, гадания происходили в одном или в нескольких культовых местах. В оправданности такого предложения убеждают гадательные кости и панцири, найденные в Фэнчунь в огромном количестве. Таким образом, храмовый комплекс, очевидно сооруженный в некоем важном центре, возможно в «столице» раннечжоуского племенного объединения, может быть воспринят как своеобразный древнекитайский аналог дельфийского оракула, где аристократы набирающего мощь Чжоу узнавали «волю Неба» по волнующим их вопросам.

Эти ценные находки «переходного» периода в районе Фэнчунь (пров. Шэньси) подтверждают сообщение письменных источников о том, что со времени деда Вэнь-вана Гу-гуна центр расселения чжоуских племен располагался у подножья горы Цишань²². Можно ожидать, что здесь при продолжении раскопок будут обнаружены и более ранние памятники.

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОГО ЧЖОУ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДИНАСТИИ

В течение 70-х гг. были обнаружены отдельные уникальные по ценности вещи, относящиеся ко времени правления У-вана и до Му-вана включительно, и проведены сравнительно обширные по масштабам раскопки поселений и могильников того периода в провинциях Шэньси, Хэнань, Ганьсу и Хэбэй, а также в некоторых других местах.

Бронзовый сосуд «Ли-гуй». Эта находка сделана в 1976 г. недалеко от д. Линкоуцзе в уезде Линьтун (пров. Шэньси). Сосуд (рис. 4) входил в составклада разных по времени бронзовых вещей, зарытых, по мнению авторов публикации, в начале Восточного Чжоу²³. По форме и узорам «Ли-

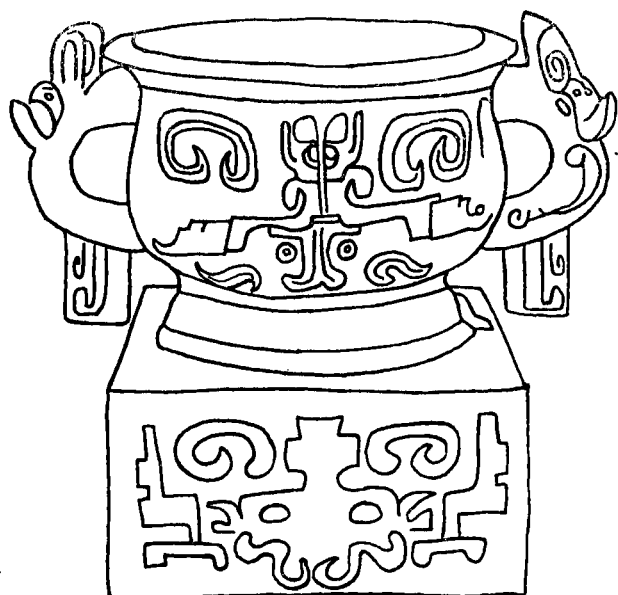

Рис. 4. Бронзовый сосуд «Ли-гуй».

гуй» мало чем отличается от других сосудов *гуй* на массивной подставке. Однако надпись на его поверхности, составленная из 32 иероглифов, ставит это изделие во главу всей серии. В надписи говорится о том, как У-ван утром в день цзя-цзы разгромил шанского правителя Ди-синя и захватил его ритуальные сосуды *дин*. А затем он одалжил «захваченным металлом» своего чиновника Ли, который и изготовил этот сосуд в честь гуна владения Тань²⁴. Таким образом, сосуд «Ли-гуй» — вторая и наиболее ранняя находка ритуальных бронз, точно датированных временем У-вана, и, следовательно, самый ранний из чжоуских сосудов с точно фиксированной датой²⁵. Сосуд изготовлен по распоряжению непосредственного участника битвы при Мие сановника («юсы») Ли²⁶, которого Тан Лань считает наследником таньского гуна. Это дало ему возможность отождествить Ли с упомянутым в «Цзочжуань» (под 11-м годом Чэн-гуна) таньским бо Да, который имел должность сыкоу и в числе других получил удел после поражения Инь. Если такое толкование верно, то, значит, система «пяти управлений» существовала уже к моменту провозглашения чжоуской династии²⁷. Захват У-ваном иньских ритуальных треножников *дин* и распределение их между приближенными символизировал переход верховной власти в Китае в новые руки. Надпись на сосудах подтверждает сообщения письменных источников («Чжоу шу» и «Шуцзина», а на их основе — и в других сочинениях) о том, что сражение между чжоусцами и иньцами произошло утром в день «цзя-цзы». Остается лишь восхитаться той тщательностью и добросовестностью, с которой безвестные китайские историографы датировали важнейшие события прошлого.

Открытие «Ли-гуй» в Линкоуцзе наглядно демонстрирует огромные преимущества археологического изучения культуры, обладающей развитой письменной традицией. Благодаря этому существует возможность очень точно (почас до года, месяца, а порой даже дня) датировать найденную вещь или раскопанный памятник, а также интер-

претировать его в русле уже известных исторических событий, взаимно корректируя данные археологии и письменных источников. И здесь, сколь ни были бы интересны отдельные яркие находки, наибольшее значение приобретает изучение крупномасштабных памятников: поселений, могильников, мастерских, культовых мест. С этой целью далее рассматриваются важнейшие находки в исторически сменявшихся друг друга центрах западночжоуской культуры, а также основные памятники на окраинах Чжоу.

Чжоуюань. Эта историческая область охватывает в основном территорию современной провинции Шэньси. Ее центр — основанная Гу-гуном «столица Ци» (Ци) — расположен на стыке уездов Цишань и Фуфэн. Площадь «столицы Ци», обильной древними памятниками, превышает площадь в 3,3 км², мощность культурного слоя периода Западного Чжоу достигает 1—3 м²⁸. Судя по многочисленным и разнообразным находкам, область Чжоуюань, даже утратив свое исключительное политическое положение, продолжала и в последующем оставаться важным экономическим и культурным центром чжоуской державы.

Одно из ранних открытий в Чжоуюане — установление местонахождения могильника в Хэцзицунь. В 1966 г. здесь обнаружили несколько бронзовых изделий. На некоторых сосудах, оказавшихся в коллекции, были надписи²⁹. Проведенное затем специальное исследование показало, что все эти находки происходили из западночжоуского могильника. В одной из могил при раскопках было обнаружено 17 ритуальных бронзовых сосудов, всевозможное оружие, снаряжение для колесниц и лошадей, а также более 100 бронзовых бляшек. В надписи на сосудах *гуй* говорилось, что изготовивший его человек был историографом Би-гуна (так называли сына Вэнь-вана Гао, который занимал высокие должности в государстве до времени правления Кан-вана включительно). На основании этого удалось определить самую позднюю дату изготовления сосуда. Могила в целом, вероятно, относится к несколько более позднему времени (очевидно, к годам правления Му-вана), так как в ней лежали сосуды с надписями историографа Су — сына первого чиновника³⁰.

В ходе дальнейших раскопок удалось обнаружить еще несколько захоронений (рис. 5)³¹. Все они были ограблены, однако четыре могилы сохранились сравнительно неплохо. Инвентарь в могиле № 1 практически мало чем отличался от иньского. Западночжоуская датировка (период У-вана и Чэн-вана) основывается на сосудах *дин* и *гуй*, внешняя поверхность которых покрыта большим числом небольших выступов. Подобный способ украшения сосудов был распространен именно в чжоуское время. Среди богатого комплекса вооружения найдены также остатки щитов. Деревянная основа их сгнила, однако сохранилось цветное лаковое покрытие, в центре которого находился бронзовый умбон. Богатый инвентарь сохранился также в могиле № 5. Среди находившихся в ней вещей выделяется треножник, названный в надписи «Цзы-дин». «Цзы» — это сравнительно редко встречающееся название ритуального сосуда для хранения зерна. О нем упомина-

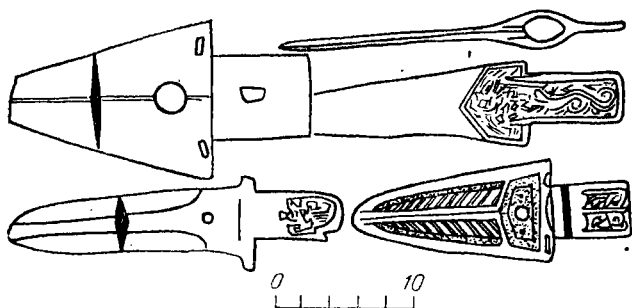
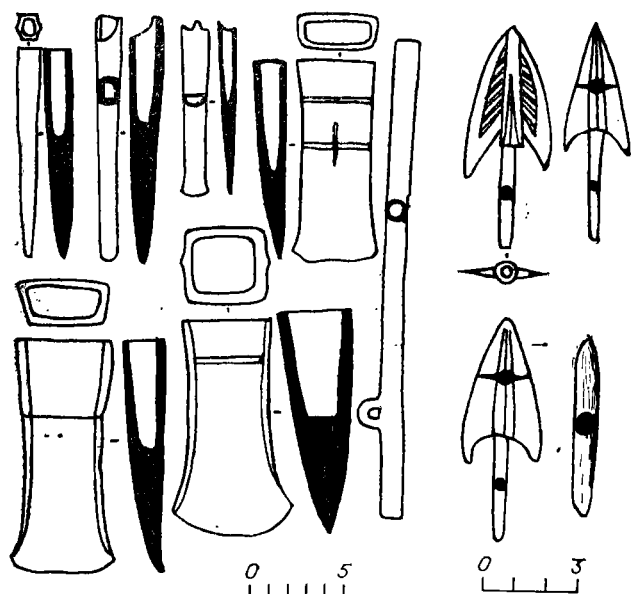

Рис. 5. Бронзовые изделия, найденные в Хэцзяцунь.

ется в «Чжоу ли» и в словаре «Шовэнь»³². На основе аналогии с уже известными чжоускими памятниками это погребение датируется временем Чэн-вана и Кан-вана. Ранние могилы в пределах Ции найдены также в Чжаолицунь (рис. 6)³³, Байлун³⁴ и Мэйян (рис. 7)³⁵. Следует также упомянуть о случайной находке двух сосудов раннего периода Чжоу в Янцзябао³⁶.

Несколько более поздним периодом (конец правления Му-вана — начало правления Гун-вана) датируется могила западночжоуского военачальника бо Чжуна в Байцзя³⁷. В надписи на сосудае «Чжун-гуй», найденном в захоронении, сказано, что бо Чжун принимал участие в походе против «варваров» жун-ху и захватил в качестве трофеев большое количество оружия³⁸. Очевидно, в числе его находилась и боевой втульчатый топор, обнаруженный в составе погребального инвентаря (рис. 8). Примерно тем же периодом датированы по аналогиям три могилы в Цичжэньцунь³⁹ и могила № 19 в Цичжэньцунь⁴⁰. В последней найдены ранние образцы керамики, копирующей ритуальные бронзовые сосуды.

Находки позднего периода Западного Чжоу в Ции представлены прежде всего остатками жилых строений. В 70-е гг. были опубликованы материалы по четырем жилищам, вокруг которых проходил оборонительный ров шириной более 10 м и глубиной 5 м⁴¹. Эти постройки расположены в Чжаочэньцунь на расстоянии 2,5 км к юго-востоку от храмового комплекса в Фэнчунь.

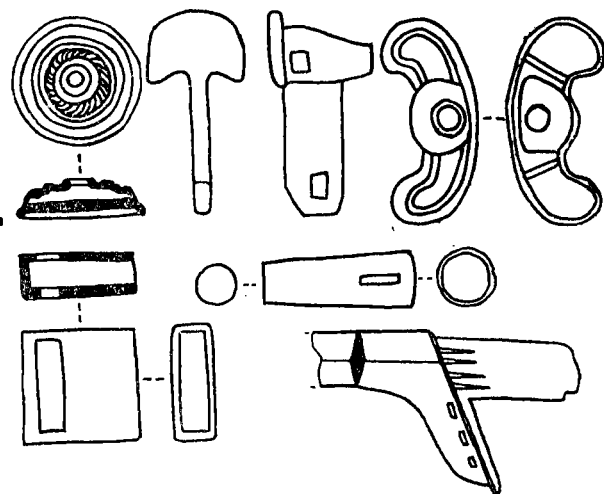

Рис. 6. Бронзовые изделия из Чжаолицунь.

Рис. 7. Бронзовые вещи из Мэйян.

Лучше всего сохранилось жилище № 3. Оно также было сооружено на стилобате из утрамбованной земли («ханту») высотой более 70 см, площадью примерно 22 × 14 м. На его поверхности выявлено четыре ряда отверстий для опорных столбов. Вдоль восточного края «обводного коридора» прослежен один ряд из пяти отверстий для опор. Диаметр каждого из них около 1 м, внутри они выложены большими кусками галечника, покрытого сверху слоем утрамбованной земли. На восточной стороне здания обнаружен вымощенный

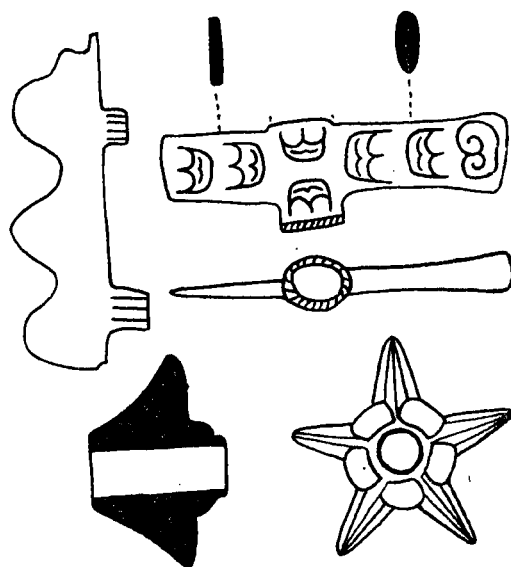

Рис. 8. Бронзовое оружие из могилы бо Чжуна.

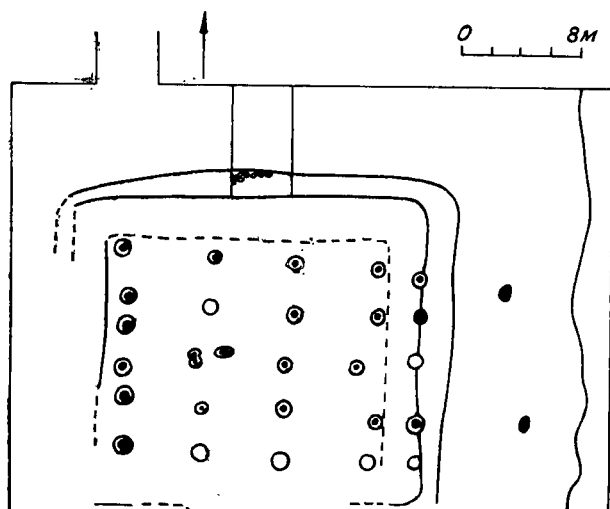

Рис. 9. План строения, раскопанного в Чжаочэнцунь.

камнями водосток. Судя по большому количеству черепицы, крыши домов уже полностью покрывали ею. Очевидно, именно с этим обстоятельством связано значительное усиление опорных конструкций (рис. 9).

Отличительная черта позднего периода в Ции — множество кладов бронзовых изделий. Только за последние годы были найдены или впервые опубликованы вещи из кладов в Чжанчэнцунь (19 бронзовых сосудов)⁴², Канцзяцунь (один сосуд)⁴³, Байцзяо (семь сосудов и два колокола)⁴⁴, Цянцзяцунь (семь бронзовых изделий, в том числе сосуд *дин* весом 105 кг и колокол весом 95 кг)⁴⁵, Дунцзяцунь (37 бронзовых изделий)⁴⁶, Байцзяцунь (103 вещи из бронзы)⁴⁷, Юньтан (девять вещей) и Чжунбай (клад № 2, состоящий из пяти бронзовых сосудов)⁴⁸, Цицунь (несколько бронзовых вещей, в том числе сосудов «Ху-гуй» весом около 60 кг)⁴⁹, Фэнчунь (пять сосудов, найденных в 200 м от храмового комплекса)⁵⁰. Время изготовления содержащихся в кладовых вещей различное — от И-вана (Цзяня) до Сюань-вана. Однако закопаны они были в один и тот же период. Китайские археологи единодушно объясняют, что усиленное «кладообразование» в Ции в конце Западного Чжоу вызвано массовым бегством аристократии на Восток под натиском со стороны западных племен жунов, которые в 771 г. до н. э. разбили чжоуские войска, убили последнего верховного правителя Ю-вана и разграбили богатства дома Чжоу⁵¹. Из перечисленных выше кладов особого внимания заслуживают находки в Байцзяцунь и Дунцзяцунь, поскольку надписи на бронзовых сосудах, обнаруженных в этих двух пунктах, содержат важную информацию о жизни чжоуского общества того времени.

Первую группу находок составляют 74 вещи с надписями. Из них на 55 бронзовых изделиях надписи оставлены представителями одного клана. Ключом к пониманию этого стал сосуд «Шицян-пань» («сосуд *пань* историографа Цяня»). В пространной надписи на этом сосуде перечислены основные деяния шести западночжоуских ванов — от Вэнь-вана до Му-вана включительно. Поэтому время изготовления «Шицян-пань» определяется этими последними годами Му-вана, или началом

правления Гун-вана⁵². Надпись интересна не только простым перечислением заслуг первых ванов, в котором Ли Чжунцао видит определенное сходство с речью Цзюнь Я, сыма-ту при Му-ване, вошедшей в состав «Шаншу». Вместе с официальной историей Цян приводит хронику своей семьи, начиная ее с прапрадеда, прибывшего к чжоускому двору из южного государства Вэй. Как показали исследования Тан Ланя и других упомянутых авторов, значительная часть изделий клада изготовлена по приказу сына Цяня, который унаследовал должность своего отца. Подобная непрерывная цепочка шести поколений впервые выявлена в надписях на западночжоуских ритуальных бронзах.

Еще важнее для изучения экономической и социальной истории Чжоу содержание надписей на сосудах «Цювэй-дин» (А и Б), «Цювэй-хэ», «Чжэнь-и», входящих в состав клада из Дунцзяцунь⁵³. Сосуды, изготовленные неким Цю Вэем, представляют собой своеобразные купчие на землю. Он приобретал или, как считает Тан Лань, брал в аренду значительные участки земли площадью в 400, 500 и 1000 му в обмен на нефритовый скипетр, колесницу с хорошими лошадьми, роскошную одежду и другое. Характерно, что мерой стоимости выступали связки раковин — основная денежная единица того времени⁵⁴. Китайские исследователи отмечают интересную особенность этих коммерческих операций: если для приобретения (аренды) земли требовалось разрешение со стороны центральной власти, то покупка леса осуществлялась без вмешательства чиновников вана. В этом усматривается начальный этап упадка государственной и зарождения частной земельной собственности. На другом заслуживающем внимания сосуде «Чжэнь-и» зафиксирован ход следствия и приговор, который вынес бо Янфу по делу «управителей стад». Последние ложно обвинили своего непосредственного начальника, за что были осуждены на порку в 1000 плетей и клеймение. Однако в конечном счете судья проявил милосердие и, сделав строгое внушение, заменил порку крупным денежным штрафом. Судебные исполнители взыскали штраф и изготовили на эти средства сосуд «Чжэнь-и» с надписью о процессе. Эти данные, несомненно, имеют большое значение для изучения древнекитайского права. В целом находки в районе «столицы Ци» позволяют реконструировать отдельные стороны образа жизни чжоусцев.

Важные открытия сделаны за последнее время и в других уездах пров. Шэньси. Здесь удалось открыть ряд памятников раннего периода, в числе которых могила Чжуняньгоу, к югу от города Баоцзи⁵⁵. Судя по пяти треножникам *дин*, одинаковым по форме, но равномерно изменяющимся в размерах от самого большого к самому маленькому, умерший при жизни входил в число «чжухоу». В чжоуском Китае существовала система «ле дин» (выставленные в ряд сосуда *дин*) согласно которой человек мог использовать при жертвоприношениях только такое количество ритуальных треножников (их количество было всегда нечетным), которое соответствовало его рангу знатности. Так, «служилый» (воин) мог использовать один и только в исключительных случаях —

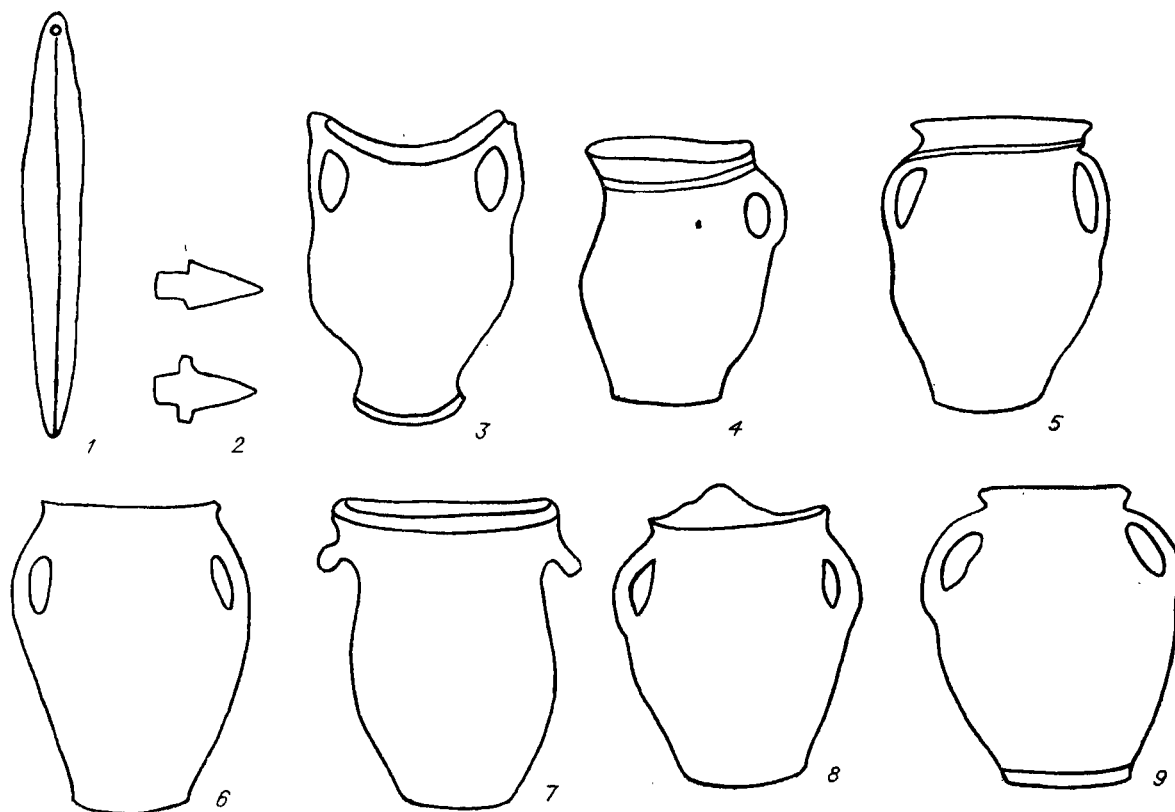

Рис. 10. Находки в окрестностях Чжюаньгоу.

1 — бронзовый кинжал, 2 — миниатюрные клевцы *куй*, 3 — глиняный сосуд с «горлом седловидной формы», 4—9 — керамика из Мэньюгоу.

три сосуда *дин*; «чжухоу» младших разрядов — пять сосудов; «чжухоу» старших разрядов — как правило, семь и лишь иногда девять сосудов. Право использовать девять сосудов *дин* для принесения жертвы «да-лао» принадлежало чжоускому вану. Чаще всего триподы *дин*, в которых помещали мясную пищу, использовались в жертвоприношениях вместе с сосудами *гуй*, предназначенными для хранения зерна. Количество последних было четным и на один сосуд меньшим, чем количество *дин*⁵⁶. Набор ритуальных сосудов олицетворял могущество и власть сановника как при жизни, так и после его смерти.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в Чжюаньгоу был захоронен человек, имевший какой-то ранг знатности. Правда, вместе с пятью *дин* найдено только три сосуда *гуй*, однако один сосуд мог быть утрачен в результате разрушений, которым подвергалась могила до раскопок. О принадлежности покойного к «высшим эшелонам» свидетельствует также богатый набор бронзового оружия (рис. 10, 1), колесничного снаряжения и сбруи. Среди изделий такого рода обращают на себя внимание девять маленьких клевцов *куй* длиной 4,1—4,3 см (рис. 10, 2). Пожалуй, это пока единственный случай миниатюризации предметов вооружения в бронзовом веке Китая. Интересная особенность этой могилы — наличие в составе керамического инвентаря сосуда с «горлом седловидной формы» (рис. 10, 3), характерным для культуры сыва (тип аньго)⁵⁷. Керамика того же типа найдена недалеко от могилы в Мэньюгоу (рис. 10, 4—9), что доказывает существование тесных связей между западными

районами Чжоуань и так называемой первобытной периферией.

Другой важной находкой раннего периода Западного Чжоу в районе Баоцзи следует считать группу бронзовых изделий из разрушенной могилы. Среди предметов особый интерес вызывает грубое, без украшений, зеркало. Его диаметр 6,5 см, толщина 0,22 см. С лицевой стороны оно отполировано, с тыльной — возвышается небольшая «оливковидная» ручка. Еще одно сходное зеркало диаметром 7,22 см найдено в 1975 г. в Синьчжуанхэ (уезд Фэнсян). Оно также сделано довольно грубо, и на его поверхности отсутствуют украшения. Лицевая сторона зеркала немного выпуклая, а с тыльной стороны прикреплена прямоугольная ручка длиной 0,8 см (рис. 11). В 1976 г. на том же месте нашли бронзовые сосуды *дин* и *гуй*, украшенные множеством небольших выступов. На основании сходства этих сосудов с находками из Хэцзяцунь возраст их вместе с зеркалом относят к рубежу Шан и Чжоу, однако допускают возможность и более ранней даты⁵⁸. Но подобный способ украшения сосудов широко известен вплоть до эпохи Чуньцю. Да и раннечжоуская («додинастическая») дата Хэцзяцунь не выглядит убедительной. Поэтому всю группу находок правильнее датировать началом Западного Чжоу. Западночжоуские зеркала особо интересны тем, что относятся ко времени, более позднему, чем зеркала из Аньяна, но более раннему, чем образцы их из Шаньцунлина⁵⁹. Прежде зеркала этого «промежуточного» периода не были известны.

К раннему периоду Чжоу относится также могила в Юйцюань, в которой найдены удила с од-

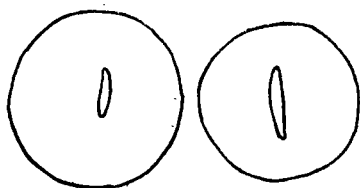

Рис. 11. Бронзовые зеркала периода Западного Чжоу.

ночастным грызлом (рис. 12)⁶⁰, а также бронзовые сосуды, обнаруженные в Чжанцзягоу⁶¹. Временем правления Чэи-вана датируется и большой сосуд *дин*, найденный в мае 1972 г. недалеко от Япцзяцунь. Его высота 71 см, диаметр устья 56,5 см, вес 78,5 кг. По краю устья нанесены иероглифы, сообщающие о том, как «супруга ва-па», предварительно отобрав у какого-то человека три участка земли вместе с несобраным еще урожаем, подарила их одному из приближенных. Го Можо предполагает даже, что под «супругой вана» подразумевалась не жена Чэи-вана, а жена У-вана, которую в древних текстах именовали Вэнь-му («Мать Просвещенная»). Китайские историки считают эту запись документом, подтверждающим существование верховной собственности на землю в руках чжоуского вана и его семейства⁶². Вопросы, связанные с землевладением в Западном Чжоу, отражены также в тексте на найденном в Сехучжэнь бронзовом сосуде «Юп-юй», который Тан Лань, остроумно построив цепочку сопоставлений, датировал 12-м годом правления Гун-вана⁶³.

Известен также целый ряд ритуальных бронз среднего и позднего периодов Чжоу, найденных как отдельно, так и в составе небольших кладов в Чэнгуань⁶⁴, Хунсин⁶⁵, Цаопин⁶⁶, Хаочжикэ и Чжицзявань⁶⁷. Но самой интересной находкой в Чжоуянь за пределами Цзи считается группа захоронений в Жудзячжуан. В течение 1974—1975 гг. здесь раскопали две могилы, чэ-ма кэн и яму с принесенными в жертву лошадьми⁶⁸. В большой могиле М1 яма была разделена на две камеры. В камере А находился скелет жен-

щины, в камере Б — скелет мужчины, сопровождаемый богатым погребальным инвентарем. Среди бронзовых сосудов выделяется набор из пяти *дин* и четырех *гуй* (рис. 13), что доказывает принадлежность погребенного к рангу сановников. С восточного края к М1 примыкает и даже частично разрушает ее могила М2. Судя по текстам на бронзовых сосудах, в М1 Б захоронен человек, при жизни, вероятно, носивший титул бо⁶⁹, а в М2 — его жена Цзин. Поскольку погребение женщины в М1 А менее богатое, чем в М2, то, как можно предположить, здесь была захоронена не полноправная жена, а наложница. В М1 на врезанном вокруг четырех стен могильной ямы уступе лежали две разобранные на части колесницы и пять принесенных в жертву людей («возницы» и «группы»). Еще один сопребенный («сторож») лежал в самом начале могильного коридора. В М2 найдено два сопребенных с Цзин.

Общее количество погребального инвентаря в могилах превышает 1500 предметов. Среди них: бронзовые ритуальные сосуды, в том числе имеющие вычурную зооморфную форму, высокохудожественные фигурки из бронзы и нефрита, оружие (рис. 13, 14). Клеветы в основном раннего неразвитого по типу облика, однако острие у одного из них по форме близко к равнобедренному треугольнику, что считается характерным в основном для клеветов периода конца Западного Чжоу — Чуньцю. Упомянуто открытие в М1 Б двух кинжалов, но ни рисунки, ни фотографии их не опубликованы. Отмечается только, что рукоять у кинжала М1 Б:68 имела деревянные накладки, обвязанные ниткой, вместе с ним найдены ножны. Длина кинжала 30 см (в том числе рукояти — 16 см). О другом кинжале М1 Б:69 сообщается, что у него также были ножны и деревянные накладки на рукоять. Длина его 35 см (в том числе рукояти — 8 см). Разумеется, типологические сопоставления на основании таких сведений делать нельзя. Приходится сожалеть, что описание материалов иногда прерывается на самом интересном месте. В 70-х гг. из памятников западночжоуского периода только могильник Байцаопо был исчерпываю-

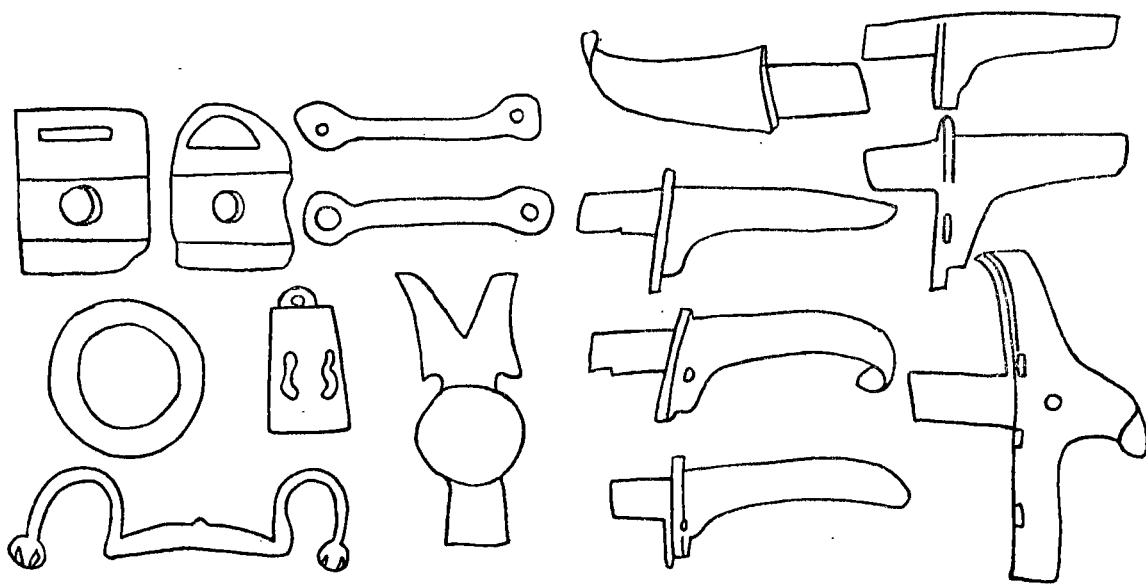

Рис. 12. Бронзовые изделия из могилы в Юйцзянь.

Рис. 13. Находки из Жудзячжуан (в верхнем ряду — изделия из бронзы, в нижнем — из нефрита).

ще издан на страницах журнала «Каогу сюэбао». По поводу других открытий публиковались лишь сравнительно небольшие сообщения, в которых находки описывались выборочно. Публикация по Жудзячжуан в какой-то мере типична. В ней описываются бронзовые сосуды, хорошо известные по другим памятникам, и в то же время отсутствуют изображения исключительно интересных кинжалов.

Как бы то ни было, но при всех отдельных недостатках исследования, проведенные в Чжоуяне, следует оценить как достижение археологической науки КНР. Необходимо иметь в виду, что многие из открытых памятников пока не раскопаны, а материалы части изученных объектов оста-

ются неопубликованными. Например, рядом с храмовым комплексом в Фэнчунь и жилищами в Чжаочэнь выявлено множество других остатков жилищ, но каковы они — не сообщается. В могильниках Хэцянцунь и Байчжуан исследована только тысячная часть занимаемой ими площади. Большая мастерская по обработке кости в Юньтан, так же как бронзолитейная и керамическая, осталась практически неизученной. Не найдены пока городские стены «столицы Ци», а также могилы ванов и их родственников, которые, как полагают, расположены в Хуантуй (уезд Фуфэн). Все это свидетельствует о том, что в будущем в области западночжоуской археологии можно ожидать новых значительных открытий⁷⁰.

Район Фэншуй. Чжоуянь сохранял свое экономическое и культурное значение на всем протяжении периода Западного Чжоу. Однако в ходе подготовки похода против Инь политический центр переместился на восток. «Основав город Фэнъи, (Си-бо ушел) от гор Цишань и перенес столицу в Фэн»⁷¹. Но вскоре, как отмечалось в «Исследовании географии Шицзина», Фэн перестала «вмещать всех людей, отовсюду приходящих ко двору». В то же время развитие столицы на прежнем месте в значительной степени ограничивалось прилегающими к ней низинами, которые заливались паводковыми водами. И тогда У-ван, оставив в Фэн храмы предков, перенес политический центр на восточный берег реки в новую столицу Хао. Взаимно дополняя друг друга, Фэн и Хао образовали, по сути дела, один город, разделенный рекой на два района⁷². Ныне общепринята точка зрения, что Фэн-Хао располагался на территории современного уезда Чанъань (пров. Шэньси), по обе стороны реки Фэншуй. Не случайно именно здесь обнаружены крупные западночжоуские памятники. На западном берегу в Фэн их площадь достигает 6 км², на востоке в Хао — 4 км². При этом часть территории Хао оказалась на дне искусственного пруда Куньминчи⁷³. В 50—60-х гг. здесь, особенно в районе Чжанцзяпо и Кэшэнчжу-

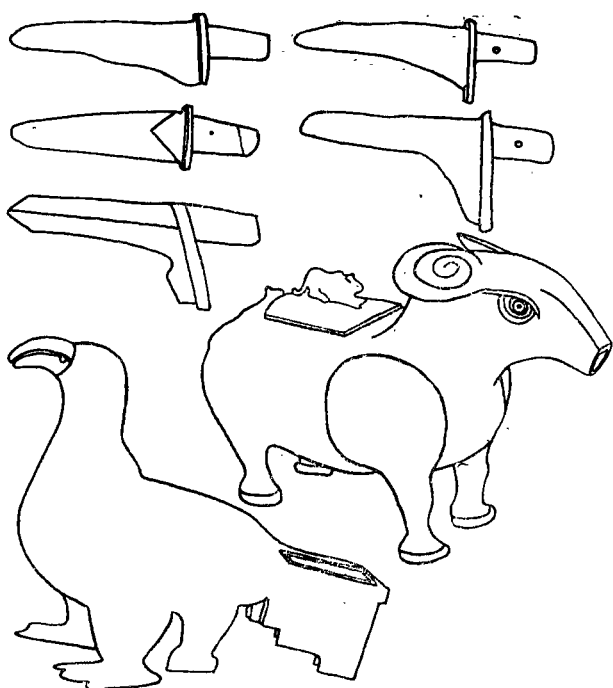

Рис. 14. Бронзовые изделия (кинжалы и зооморфные сосуды) из Жудзячжуан.

ан, неоднократно проводились археологические исследования, в результате которых были получены богатые материалы⁷⁴.

Исследования в районе Фэн-Хао продолжались и в 70-е гг. Правда, результаты их оказались намного скромнее, чем в предыдущий период работ. К наиболее интересным находкам относятся клад бронзовых вещей, датированных тем же периодом, что и большинство кладов в Чжоуянь. Появление их вызвано, очевидно, теми же причинами. Так, в коммуне Фэнси около Синьванцунь обнаружена яма с двумя бронзовыми сосудами — *дин* и (внутри его) *юй*. Более богатый клад из 25 бронзовых вещей найден в районе Маванцунь. Яма с этими находками отстояла всего на 34 м от места открытия бронзовых изделий, опубликованных в 1965 г. Клад составляли 13 ритуальных сосудов, десять колоколов и два наосника. Он датируется самым концом Западного Чжоу, когда «Ю-ван погубил государство». К тому же времени относятся, очевидно, и другие бронзовые сосуды района Фэнси, найденные за последние несколько лет и хранящиеся в фондах Чанъаньского уездного управления культуры⁷⁵, а также еще один небольшой клад (бронзовые сосуды *юй* и *и*), обнаруженный в Синьванцунь⁷⁶. Опубликованы также данные широких раскопок в Чжанцзяпо, в ходе которых выявлены и изучены 124 западночжоуские могилы, 5 чэ-ма кэнов, 3 ямы с лошадьми и 4 ямы с быками, принесенными в жертву. Интенсивное изучение района способствует превращению Фэнси в своего рода эталонный археологический памятник периода Западного Чжоу⁷⁷.

К востоку от Фэн-Хао. Разгромив Шан, чжоусцы начали активно проводить так называемую восточную политику. Для управления и эксплуата-

ции покоренных народов на территории Хэнани, южных районов Шаньси и Хэбэя, а также в Шаньдуне создавались владения во главе с чжоускими аристократами. Расширение государственных границ и задачи хозяйственного освоения захваченных территорий требовали приблизить политический центр к «восточным землям». Пин-ван, завершивший этот процесс, перенес столицу в Лои под давлением жунских племен, однако движение в этом направлении началось еще при первых чжоуских ванах. Необходимость свершения этого события недвусмысленно объяснил Чжоу-гун: «Там (в Лои) середина Поднебесной, и при доставлении дани с четырех сторон страны длина пути будет одинаковой для всех»⁷⁸.

Широкое проникновение чжоусцев в восточные районы отражено в археологических материалах. В 1971 г. вблизи Лояна (Лои) китайские археологи раскопали одну западночжоускую гробницу периода, близкого времени Кан-вана. В могиле, судя по надписям на сосудах, был погребен некто Дэн. Интересно отметить, что, хотя в могиле и найдено девять ритуальных бронзовых сосудов, в том числе один *чжи*, по горлу которого проходила полоса узора с изображениями зайцев (рис. 15, 1), и ряд других предметов, в нем не оказалось ни одного экземпляра оружия или колесничных принадлежностей⁷⁹. Отсюда можно сделать вывод, что хотя Дэн при жизни занимал достаточно высокое общественное положение, он не принадлежал к военной аристократии. Могила в Бэйяопунь, очевидно, располагалась в границах большого западночжоуского могильника Панцзягоу, который занимал площадь 2,5 га. Большинство могил в нем было ограблено в прошлом. В 1964 г. здесь раскопали около 300 погребений, однако

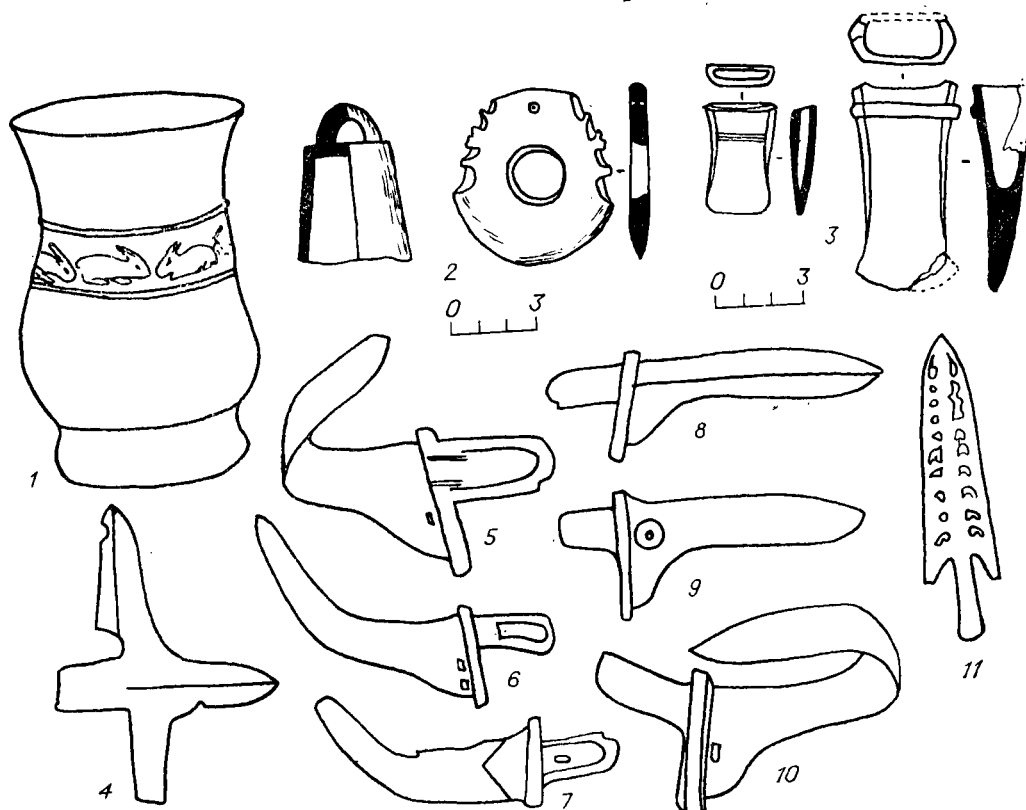

Рис. 15. Западночжоуские находки в пров. Хэнань. 1 — сосуд *чжи* из Бэйяопунь, 2, 3 — комплекс вещей из Хоучжуанцунь, 4—11 — бронзовое оружие из Панцзягоу.

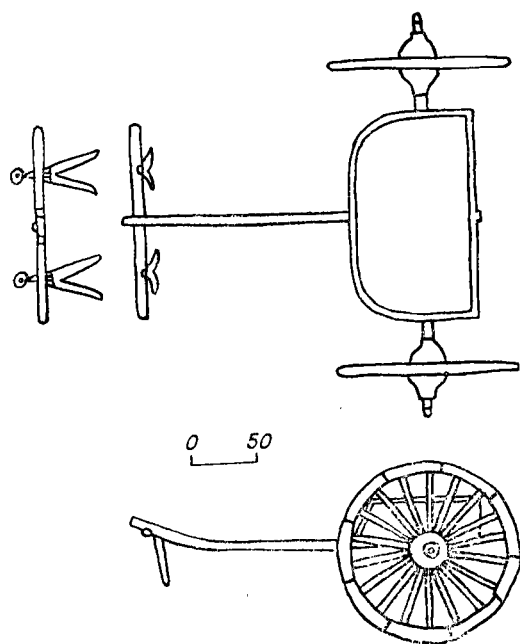

Рис. 16. Реконструкция колесницы из чэ-ма кэна в Сиань.

вещей в них найдено немного. Поэтому при публикации материалов сообщались сведения только о пяти наиболее богатых захоронениях⁸⁰.

Особенностью оружейного комплекса этого могильника можно считать то, что большинство клевцов *гэ* в нем оказались согнутыми или обломанными (рис. 15, 4—11). Этого не отмечалось при изучении западночжоуских памятников Шэньси. Другая характерная черта инвентаря могил — наличие образцов «примитивного фарфора», изготовленного из каолина. Авторы публикации считают, что фарфоровые сосуды из Панцзягоу отличаются по форме от изделий известных южных центров производства фарфора и поэтому могут считаться местной продукцией⁸¹. Как выяснилось в ходе раскопок, большую площадь рядом с могильником занимала бронзолитейная мастерская. Найденные при ее исследовании литейные формы подчас полностью соответствовали изделиям из погребений. На основании этого факта китайские археологи сделали естественный вывод об одновременности мастерской и могильника и, основываясь на данных древних географических сочинений, соотнесли эту местность с окраиной Лои («столицы Ло») ⁸².

Из памятников раннего периода Западного Чжоу на территории провинции Хэнань, центра иньской цивилизации, можно отметить остатки поселения в Сяванган⁸³ и захоронение в Хочжуанцунь⁸⁴ (рис. 15, 2, 3), для которых характерно сохранение шанских особенностей. Интересные находки, связанные с небольшими западночжоускими государствами Син и Ди, обнаружены в южной части пров. Хэбэй. Здесь в Сичжуанцунь раскопана могила с богатым набором бронзовых изделий. На сосуде «Чэньцзянь-гуй», найденном в захоронении, сообщается о нападении северных жунов на Ди и о помощи со стороны Син в отражении агрессии⁸⁵. Западночжоуские бронзовые сосуды и керамика были найдены также в Южной Шаньси⁸⁶.

Что касается пров. Шаньдун, то, как считает

Сюй Чжуншу, здесь после победы чжоусцев над Шан продолжали сохраняться независимые иньские наместничества, которые поддерживали восстание У Гэна⁸⁷. Только после подавления этого мятежа Чжоу-гуном, а также после походов Чэнвана против племен «хуайи»⁸⁸ на полуострове начался процесс образования владений под эгидой чжоусцев. Однако мнение Сюй Чжуншу не подтверждается археологическими материалами. Проникновение чжоусцев в Шаньдун началось практически сразу же после образования новой династии. Об этом свидетельствуют, в частности, открытые в уезде Цисянь три западночжоуские могилы раннего периода и чэ-ма кэн⁸⁹ (рис. 16). В чжоуское время большая часть известных чэ-ма кэнов отмечает, как правило, места погребения знатных людей. Поэтому вполне возможно, что в одной из исследованных могил был захоронен чжоуский сановник, получивший удел в Цисянь. По аналогиям с изделиями из бронзы (рис. 17) и керамики могильник Сиань датирован первым периодом Чжанцзяпо, т. е. временем не позднее Канвана, а вероятнее всего — раньше. Вывод о существовании чжоуских владений уже в годы правления Чэнвана в Шаньдуне подтверждается также находками в уезде Гэнсянь. Здесь обнаружена могила с бронзовыми изделиями раннего облика (бронзовый *ли* и *гуй* на массивной подставке). На сосуде *ли* выполнена надпись, гласящая о том, что его изготовил тэнский гун. Но удел Тэн как раз и упоминается в древнекитайских исторических сочинениях в связи с распределением захваченных земель У-ваном⁹⁰. Отмеченные выше политические события несомненно способствовали усилению чжоуской экспансии на восток, которая начиная со среднего периода превратилась в настоящий «бег к морю». Очевидно, на территорию Шаньдуна вторгались войска Чжао-вана. Во всяком случае, упоминание о его походах встречается в текстах на сосудах «Ци-ю» и «Ци-цзунь», найденных в составе клада бронзовых изделий в Сяолучжуан. Несколько более поздним временем — годами правления Му-вана — датирована группа бронзовых вещей, найденных в Цзянцзя, в районе к востоку от Циндао⁹¹. В поздний период на территории Шаньдуна возникает великое множество различных уделов, что также фиксируется археологическими материалами. Так, в Хэйятоу западночжоуский слой удалось выявить в северо-восточной части обширного циского городища, которое продолжало существовать и в более позднее время. Могила, относящаяся к Лу — другому крупному государству региона, нашли в коммуне Бэйгуань вблизи Цюйфу. По мнению китайских археологов, бронзовые вещи из Шанкуанцунь следует считать культурными остатками государства Цзи, а клад бронзовых вещей из Тяньцзиньван — государства Цзюй⁹².

Проникновение на юг. Важным объектом чжоуской экспансии стали также юго-восточные и южные области Китая. Однако здесь, очевидно из-за больших этно-культурных различий, успех в завоеваниях был гораздо меньшим, чем в Шаньдуне. Эта ярко выраженная разница сохраняется на территории государств У и Юэ по меньшей мере до конца эпохи Чжаньго. Местные народы в течение долгого времени сохраняли свою самобыт-

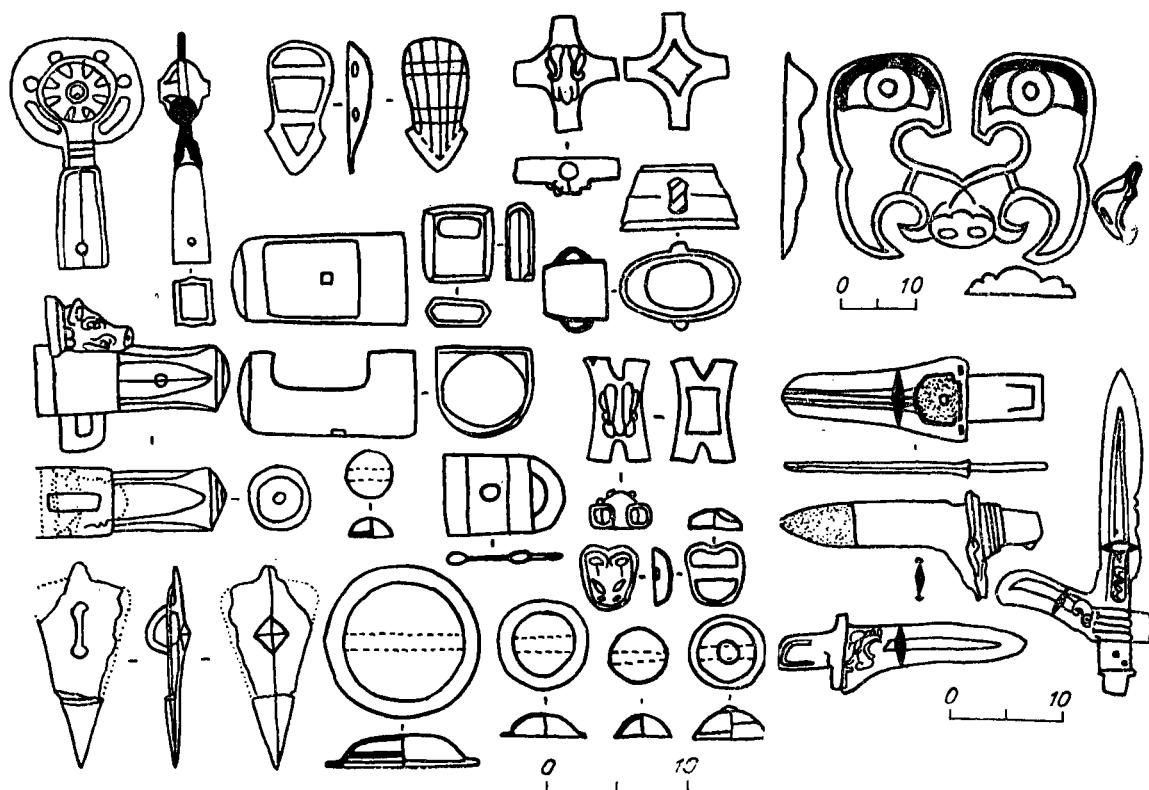

Рис. 17. Бронзовое оружие, колесничное снаряжение и сбруя из могильника Сяньпу.

пость, усваивая лишь отдельные элементы чжоуской цивилизации и образуя своеобразные «смешанные» культуры типа той, что была открыта в могильнике Тушэцзи⁹³. Так, семейный могильник в саду Фушань сохранил местную специфику как в способе погребения (под насыпью без могильной ямы), так и в инвентаре (керамика с геометрическим штампом и «примитивный» фарфор, широко распространенные на этой территории). Единственным элементом, заимствованным у чжоусцев, является сравнительно поздний по облику бронзовый клевец *гэ*⁹⁴.

В пров. Цзянсу обнаружены могильник и поселение, которые по аналогиям немногочисленным бронзовым изделиям (ножи *сяо*, наконечники стрел) и некоторым формам керамики датируются периодом Западного Чжоу. Автор публикации, основываясь на отсутствии погребального инвентаря в большинстве могил (только в М4 найдены два керамических сосуда), предположил, что умершие — из «класса рабов» и принадлежали какому-то чжоускому аристократу. Однако прямые доказательства неравноправного юридического, а не только имущественного положения умерших, равно как и подчинения их представителю знати чжоуских племен, отсутствуют. В то же время в керамике и отчасти в каменных орудиях, найденных на поселении, можно отметить значительную специфику, свойственную местным рисоводам⁹⁵.

Еще одна сравнительно большая партия вещей западночжоуского типа была обнаружена в начале 70-х гг. в пров. Аньхой. Около Сяобали были найдены семь бронзовых сосудов, а недалеко от Няогуйган — керамика и бронзовый *дин*, форма которого и стиль надписи на нем соответствуют позднему периоду Западного Чжоу. Хотя прототи-

пам найденных вещей действительно могли быть сосуды Центральной равнины, однако они явно подверглись существенной переработке в духе местных традиций⁹⁶. Вещи, импортированные из Центральной равнины или созданные на месте, но под влиянием чжоуских образцов, найдены также на территории уезда Чансин (пров. Чжэцзян)⁹⁷, Цзяннин (пров. Цзянсу)⁹⁸, Улин, Гуаньян и Хэнсянь (пров. Гуанси)⁹⁹. В основном это бронзовые колокола и только в одном случае — бронзовый сосуд *дин*. Возможно, такое преобладание бронзовых колоколов не случайно и как-то связано с ритуальной практикой южных народов.

В самом конце 70-х гг. в связи с находками бронзовых изделий в пров. Фуцзянь (рис. 18) возникла дискуссия по поводу их происхождения. По мнению некоторых археологов, мань-юэская культура бронзового века Фуцзяни испытала сильное влияние со стороны Шан и Чжоу. Не исключалось также, что даже сама технология бронзового литья появилась здесь под влиянием древнекитайской культуры¹⁰⁰. Однако при более подробном изучении выявилось полное отличие находок из Дайна от соответствующих чжоуских образцов. Поэтому близким к истине следует считать утверждение Юй Юэжэня об ограниченном влиянии культуры Центральной равнины на культуру бронзового века Фуцзяни¹⁰¹.

Из сказанного можно заключить, что расширение границ чжоуской державы отнюдь не носило характера триумфального шествия. Довольно медленное развитие политической экспансии и культурного влияния чжоусцев при настороженном и враждебном отношении к ним со стороны племен, не входивших в состав «хуася», — характерная черта событий, происходивших не только на юж-

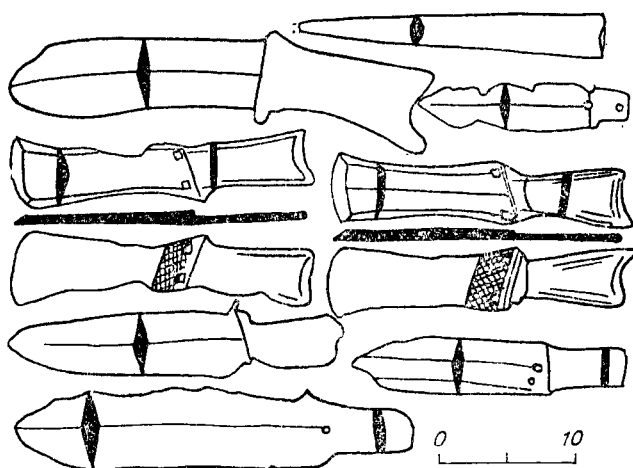

Рис. 18. Бронзовые изделия, найденные в Дай.

ных, по и на западных и северных рубежах. Рассматриваемые ниже памятники Западного Чжоу в Байцаопо, Люлихэ и Байфу следует поэтому считать передовыми форпостами чжоуской культуры, за пределами которых простирались обширные пространства, населенные неподвластными чжоуским ванам народами.

Байцаопо. Могильник Байцаопо расположен в уезде Линтай в восточной части пров. Ганьсу. Первая, наиболее богатая могила была раскопана в 1967 г.¹⁰² В 1972 г. китайские археологи обнаружили и изучили там же еще восемь западночжоуских могил и яму с колесницами и лошадьми (чэ-ма кэн)¹⁰³. Хотя могильник существенно пострадал от природных разрушений и грабительских раскопок, однако его материал оказался в целом весьма обильным. Выделяются своим богатством могилы М1 и М2, что говорит о высоком социальном положении покойных. Об этом же свидетельствует и найденный рядом с ними чэ-ма кэн, который сопровождал в древнем Китае погребения военной знати¹⁰⁴. Великолепен набор ритуальных бронз: 23 сосуда в первой могиле и 11 — во второй. Разнообразие форм и узоров бронзовых сосудов, а также керамики (рис. 19) дает широкие возможности для датировки могил по аналогиям. То, что в инвентаре можно выделить черты иньских традиций, свидетельствует о ранней дате больших могил Байцаопо. Она определяется путем сравнения с уже известными памятниками времен правления Чэн-вана или Кан-вана¹⁰⁵.

В могилах найден богатый набор вооружения, что позволяет по-новому взглянуть на некоторые проблемы чжоуской археологии. Это касается, в частности, такого специфического для древнего Китая вида оружия, как черепшковые клеветы гэ (рис. 20). В Байцаопо в едином комплексе со сравнительно архаичными типами оружия были найдены клеветы с длинной бородкой и с тремя (и даже один экземпляр — с четырьмя) отверстиями вдоль бортика, которые обычно считались более поздними. Их традиционно относили к периоду Чжаньго и даже считали датирующими вещами. Находки в Байцаопо показали, что развитые формы гэ использовались по крайней мере уже в начале Западного Чжоу. Последние находки позволяют предполагать еще более раннее появление подобного типа оружия. Так, клевет с длинной

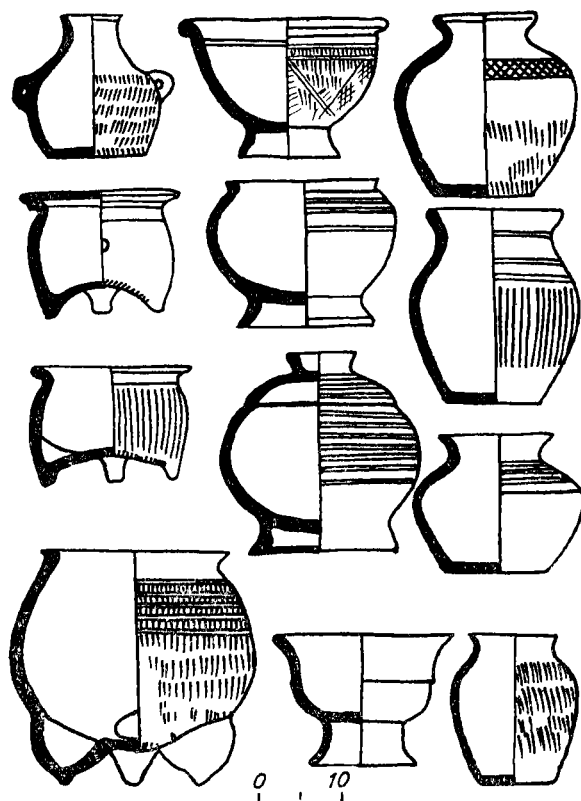

Рис. 19. Керамика из Байцаопо.

бородкой и четырьмя отверстиями, очень похожий на экземпляр из Байцаопо, обнаружен во время раскопок позднеиньского чэ-ма кэна близ Аньяна. Правда, он находился в районе нарушающего чэ-ма кэн грабительского лаза и мог относиться к более позднему времени¹⁰⁶. Однако в 1976 г. в районе Сунунь в едином комплексе с типично иньскими сосудами было найдено 14 клевет с длинной бородкой и четырьмя отверстиями вдоль бортика¹⁰⁷. Такие находки наглядно показывают, что при изготовлении гэ чжоуские оружейники во многом развивали иньские традиции.

Другая интересная особенность гэ из Байцаопо — наличие на поверхности изображения тигра. Украшенные подобным образом клеветы известны также в западночжоуских могильниках Чжанцзяпо и Синьцунь. В целом подобное украшение не характерно для древнекитайских клевет. Оно внезапно появляется в начале Западного Чжоу и вскоре исчезает. Однако в более позднее время клеветы с изображением тигра снова получают широкое распространение в древних царствах Ба и Шу¹⁰⁸. Многие исследователи отмечают особое отношение населения этих царств к тигру. О почитании предками Ба белого тигра упоминается в «Истории поздней Хань»¹⁰⁹. Предания Ба, в которых фигурирует тигр, приводятся также во многих других древних сочинениях¹¹⁰. Что касается формы, то большинство клевет Ба и Шу походят именно на западночжоуские образцы¹¹¹. Таким образом, клеветы из Байцаопо подтверждают существование контактов между предками народов Ба и Шу и чжоусцами. Упоминание о таких связях и об участии воинов Ба и Шу в разгроме иньцев содержится в древнекитайских письменных источниках.

Помимо клевет в оружейном комплексе Байца-

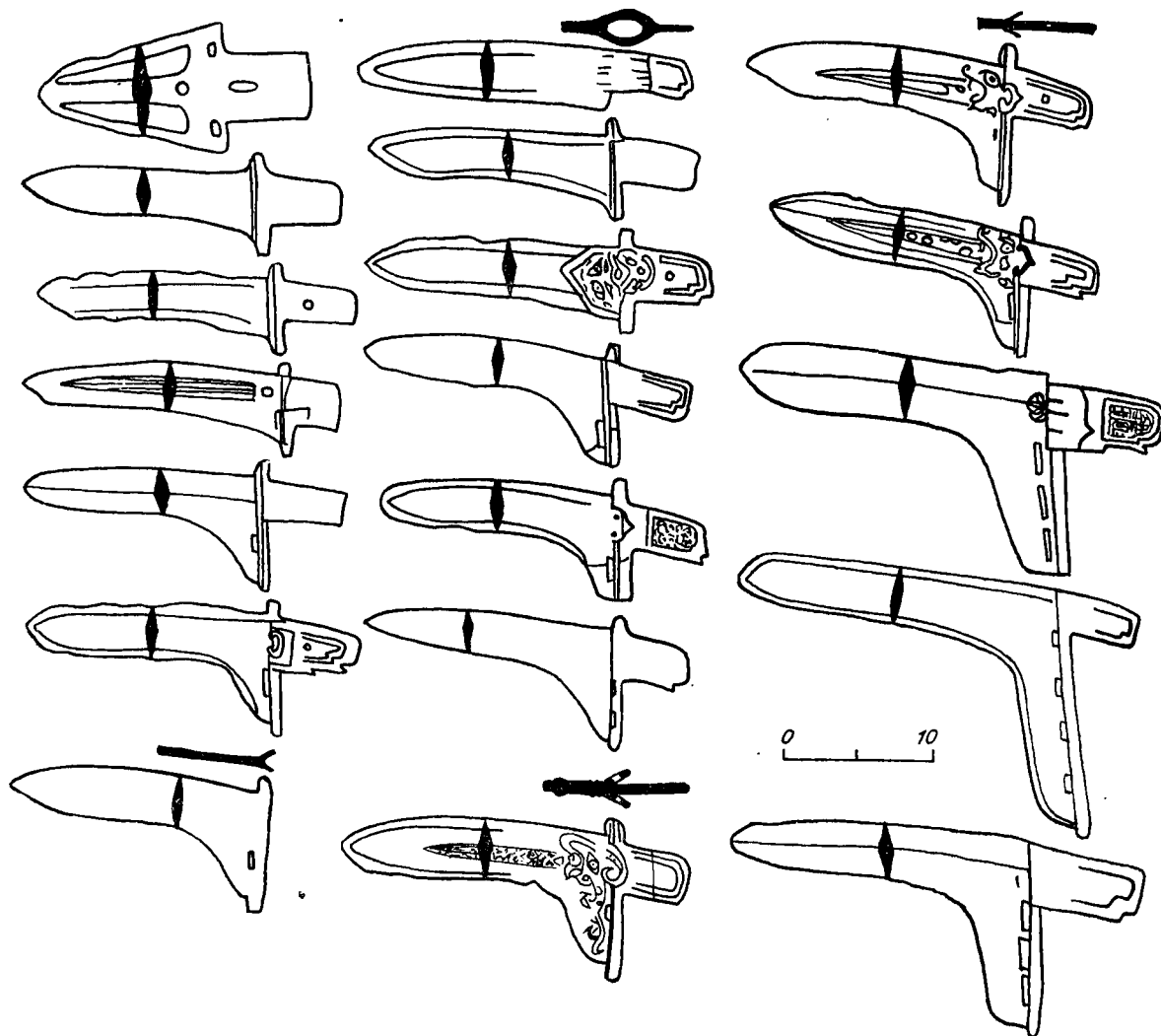

Рис. 20. Бронзовые клевцы *гэ* из Байцаопо.

опо привлекают внимание четыре кинжала, найденные в могилах № 1 и 2. Сравнительно недавно западночжоуские кинжалы представляли большую редкость. В настоящее время они обнаружены в Люлихэ, Хэцзяцунь, Чжунаньгоу и близ Лояна. Большинство из них сходны с известным экземпляром из Чжанцзяпо¹¹². Они имеют ромбический в сечении клинок листовидной формы без перекрестья и рукоять в виде плоского шипа без навершия, в которой иногда проделаны отверстия. Кинжалы из Байцаопо по форме близки подобным экземплярам, только основание клинка не плавно переходит в рукоять, а составляет с ней прямой угол. Все эти кинжалы отличаются как от мечей и кинжалов восточночжоуского типа, так и от единичных находок, которые китайские археологи датируют временем Инь. Также существенно отличаются они и от одновременных кинжалов Северо-Восточного Китая. Простейшая в изготовлении форма западночжоуских кинжалов вполне могла быть местным изобретением. Однако немногочисленность серии таких находок пока не позволяет сделать более определенные выводы. Из специфических видов оружия можно отметить секиру с изображением тигра из могилы № 1 и *цзи*, втулка которого украшена изображением головы человека, из могилы № 2 (рис. 21). Они использовались при наказании преступников и во время ритуаль-

ных жертвоприношений. Обладание ими отмечало высокое социальное положение погребенных.

Непосредственно с вооружением связана и находка *чэ-ма кэна*, так как колесницы играли важную роль в сражениях¹¹³. Колесница из Байцаопо помещалась в яму в разобранном виде. Судя по сохранившимся частям, она мало чем отличалась по своей конструкции от общего для большинства древнекитайских колесниц типа. В колесничном инвентаре отмечается сочетание иньского и нового, чжоуского, стиля (рис. 22). Так, непосредственно от Инь заимствовано так называемое изделие в форме лука — пряжка-держатель для поводьев¹¹⁴. Найденные же в *чэ-ма кэне* и в могиле № 2 наборы бубенцов-*луаней*, крепившихся к ярму-перекладине, изготовлялись лишь в чжоуское время¹¹⁵.

Появление на западных границах столь хорошо вооруженных людей именно в период, когда чжоусцы вели здесь ожесточенные сражения с могущественным племенем гуйфаней¹¹⁶, — факт знаменательный. Надписи на бронзовых сосудах дают основания предположить, что умерший из первой могилы носил при жизни титул «хэского бо», а из второй — «луаньского бо». В западночжоуское время титул бо давался, как правило, предводителям военных отрядов, которые за службу получали земли в удел. Хэ и Луань были имен-

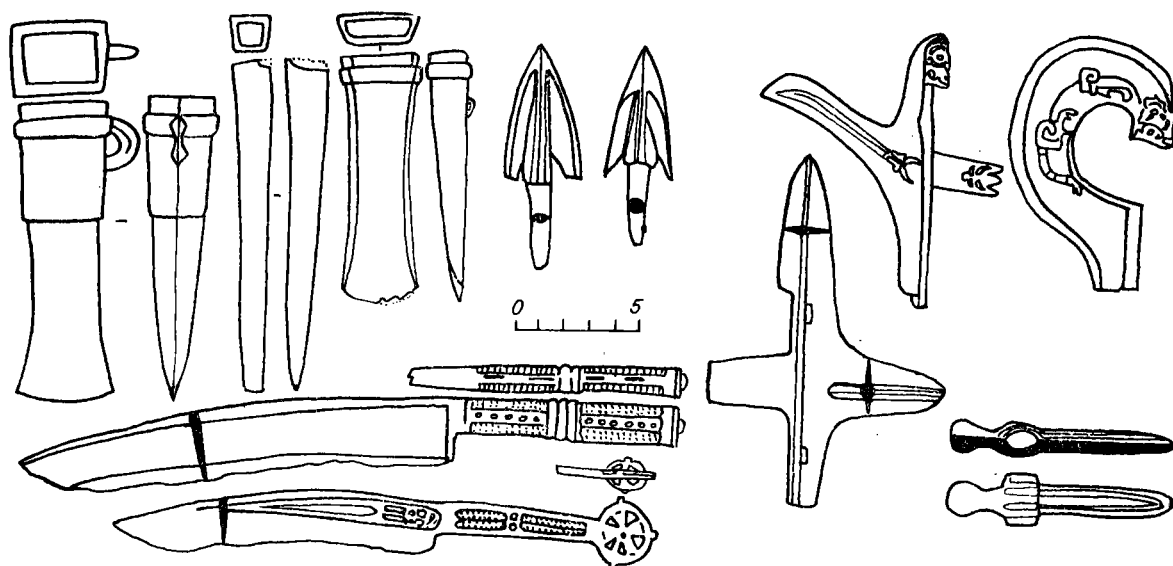

Рис. 21. Бронзовое оружие и орудия труда из Байцаопо.

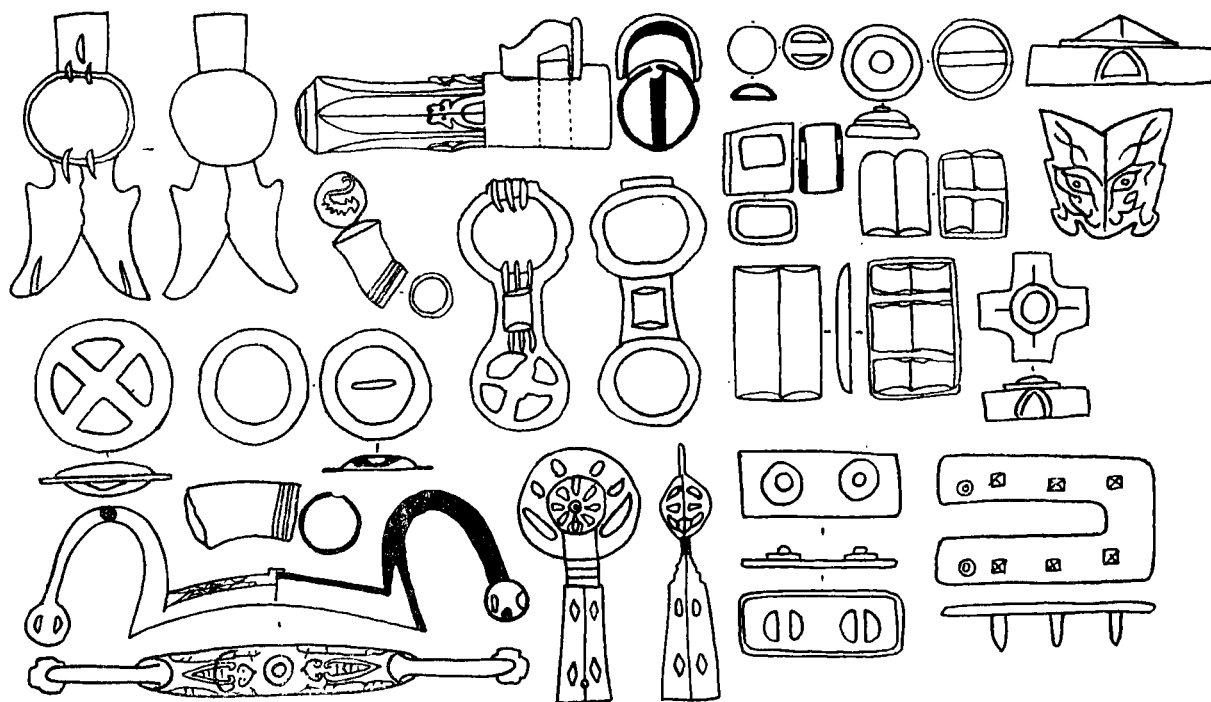

Рис. 22. Бронзовое колесничное снаряжение и сбруя, найденные в Байцаопо.

но такими уделами, предназначенными для прикрытия крайнего запада чжоуского государства от набегов степных племен. Интересно в связи с этим отметить, что хэский бо принадлежал к иньскому аристократическому роду Хэй. Очевидно, он был представителем тех «лучших из иньских служилых людей», которые в «Шицзине» восхвалялись за переход на службу к чжоуским ванам¹¹⁷. Этим, очевидно, объясняется немаловажная роль шанских традиций в изготовлении бронзовых сосудов и надписей на них. Однако изменение условий существования заставляло постепенно отказываться от старых традиций. Своеобразно проявился переходный характер раннего периода Западного Чжоу в одной из черт погребального обряда Байцаопо. В шанских могилах в центре дна располагалась срединная яма «яокэн», в которой помещали принесенную в жертву собаку, а довольно часто и че-

ловека¹¹⁸. Обычай устраивать «яокэны» сохранялся в Западном Чжоу еще сравнительно долго. Есть срединные ямы и в шести могилах Байцаопо (кроме М6 и М9), причем в М2 и М7 были найдены скелеты собак, но скелеты принесенных в жертву людей отсутствуют. Это связано, очевидно, с тем, что труд человека (в том числе и пленника-раба) начал в это время цениться достаточно высоко. Рабов стали использовать более «рационально», и количество человеческих жертвоприношений сразу же резко сократилось. Однако обычай требовал соблюдения ритуала, поэтому при похоронах хэского и луаньского бо в «яокэны» поместили фигурки пленников, вырезанные из нефрита (рис. 23)*.

* В том же уезде Лянтай в 1972 г. археологи обнаружили еще три западночжоуских памятника, правда, менее выразительных по сравнению с Байцаопо (пять могил

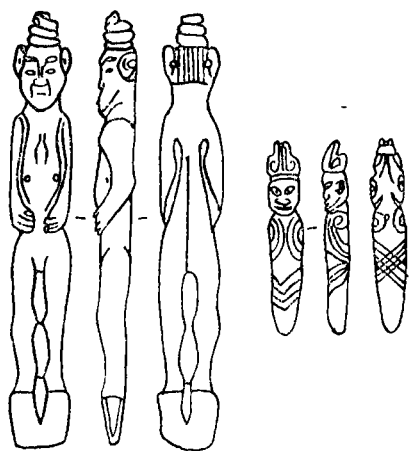

Рис. 23. Нефритовые фигурки из Байцаопо.

Люлихэ. При захоронении знати не во всех уделах Западного Чжоу отказывались от человеческих жертвоприношений*. Довольно большое сопогребение принесенных в жертву людей обнаружено при раскопках могильника в районе коммуны Люлихэ. Здесь находится большой по площади западночжоуский памятник, на территории которого располагаются несколько деревень юго-западной части Пекинского округа. Систематические раскопки начались здесь в 1972 г. В 1974 г. исследовались 29 могил и 3 чэ-ма кэна периода Западного Чжоу. Однако пока опубликован лишь материал семи могил и одного чэ-ма кэна¹¹⁹.

Все раскопанные могилы Люлихэ имели прямоугольную форму и были ориентированы по линии север — юг. Покойника помещали в деревянный гроб, который, в свою очередь, заключали в деревянный саркофаг. В могилах № 52 и 53 саркофагов оказалось даже два: внешний и внутренний. Главная же особенность погребального обряда заключается в том, что в шести могилах сопогребенны принесенные в жертву люди (в четырех могилах — по одному, в двух — по два человека). Сопогребенные размещались: 1) в пространстве между гробом и саркофагом; 2) с южной стороны уступа, сооруженного из земли по всему периметру

могилы; 3) на крышке гроба. Они, как правило, не имели сопровождающего инвентаря (если не считать нескольких бусин или раковин). Однако в могилах № 22 и 51 рядом со скелетами принесенных в жертву мальчиков (соответственно 13—14 и 12 лет) лежало бронзовое оружие. Возможно, при жизни подростки выполняли функции телохранителей при своих хозяевах, и эту же роль им предназначалось выполнять в загробном мире¹²⁰.

Из инвентаря, найденного в могилах, наибольший интерес представляют ритуальные бронзовые сосуды, которые позволяют точно определить возраст памятника. Датировка по бронзовым сосудам отработана веками и стала одной из наиболее сильных сторон китайской археологии. По форме, орнаментации и стилю надписей находки в Люлихэ соответствуют сосудам, датированным временем Чэн-вана¹²¹. Следовательно, могильник Люлихэ относится к тому же периоду. В надписи на бронзовом сосуде *цаунь* (M52: 11), как и на бронзовой бляшке из той же могилы, упоминается «яньский хоу»¹²². На сосуде «Цзинь-дин» из могилы № 253 помимо яньского хоу упоминается Тайбао — предок владетельного дома Янь¹²³. Общепринятая точка зрения сводится к тому, что Тайбао — это неоднократно упоминаемый в древних сочинениях сподвижник У-вана Чжао-гун Ши. После победы над иньцами он получил удел в области, расположенной к северо-востоку от чжоуского дома¹²⁴. Однако, получив обширные земли, Чжао-гун продолжал выполнять важные обязанности в чжоуской столице. Первым фактическим правителем удела был Чжи, получивший титул яньского хоу и являвшийся сыном¹²⁵ или даже внуком¹²⁶ Тайбао. Однако Чжи правил не раньше Чжао-вана. Значит, титул яньского хоу на бронзах из Люлихэ относился или к самому Чжи, или же к Чжао-бо, которого отдельные исследователи считают сыном Тайбао и отцом Чжи.

Янь — порубежное государство. Поэтому, очевидно, значительное место среди инвентаря могильника занимали снаряжение боевых колесниц и оружие (рис. 24). Судя по единственному опубликованному чэ-ма кэну, найденная в нем колесница сравнительно больших размеров. Ширина колеи у нее 2,44 м, диаметр колес с 24 спицами — 1,4 м, размер обода 7×7 см. Длина оси 3,08 м, диаметр 8 см, длина втулки 40 см¹²⁷. Дышло и кузов (ширина по оси 1,50 м) плохо сохранились. Однако удалось установить, что кузов прикрепляется к оси при помощи специальных клиньев «фу ту» (буквальный перевод: лежащий или спрятанный заяц)¹²⁸. Из оружия наибольший интерес представляют три кинжала (один — из могилы № 52, а два — из № 53). Два кинжала (M52: 58 и M53: 34) — простейшей формы, о которой говорилось выше. Интересно отметить, что вместе с кинжалом в могиле № 52 нашли также бронзовые накладки на ножны, сходные с аналогичной находкой из Байцаопо. Однако третий кинжал (M53: 40) существенно отличается от «типа Чжанцзяпо». К сожалению, он известен только по схематичному изображению и короткому, в две строчки, описанию. Насколько можно судить по рисунку, у клинка кинжала параллельные лезвия, длина его вместе с рукоятью составляет 31 см, «шипы» у перекрестья опущены книзу «в форме

в Яоцзяхэ, одна — в Дуншань и еще одна — в Силян). Найденный инвентарь типично западночжоуский по облику и датирован для первых двух захоронений временем правления Кан-вана, а для последнего — несколько более поздним периодом (У Цисян. Погребения обеих периодов Чжоу в уезде Линтай (пров. Ганьсу). — КГ, 1976, № 1 (на кит. яз.)). В том же году в уезде Цзинчуань была найдена еще одна могила, которую на основании единственной (кроме нескольких раковин) находки — бронзового сосуда *ли* — датировали раннечжоуской эпохой (Лю Юйлин. Бронзовый *ли* раннего Чжоу, найденный в уезде Цзинчуань (пров. Ганьсу). — ВУ, 1977, № 9 (на кит. яз.)). Всего за 1967—1973 гг. в уезде Линтай раскопано 15 западночжоуских могил, а в 1973 г. в уезде Пинлянь (материал не опубликован) — еще пять (Культурно-археологическая работа..., с. 144).

* По неполным подсчетам, для Западного Чжоу известно 17 могил, в которых сопогребены 25 принесенных в жертву человек. К этому следует добавить четыре чэ-ма кэна, в каждом из которых находилось по одному скелету воинов. Однако в целом количество сопогребенных сравнительно невелико — менее 4% от всех раскопанных могил (См.: Хуан Чжаньюэ. Сопогребения людей и человеческие жертвоприношения в нашей стране в древности. — КГ, 1974, № 3, с. 161 (на кит. яз.)).

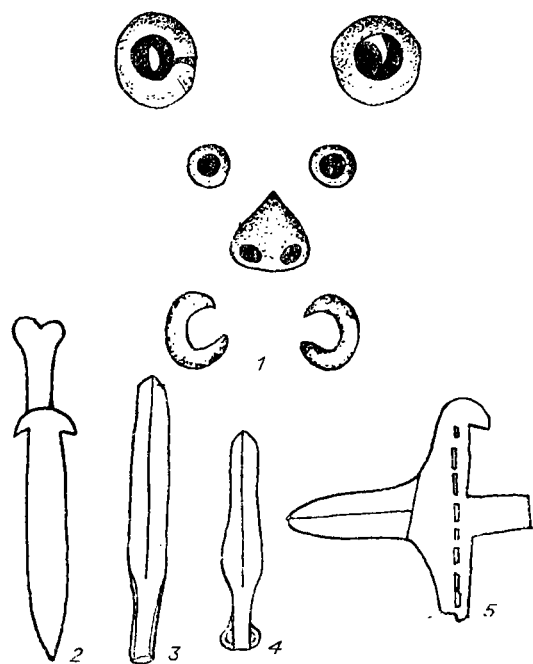

Рис. 24. Бронзовое оружие из Люлихэ.
1 — украшения щита, 2 — кинжал, 3, 4 — копья, 5 — цзи.

полумесяца» (рис. 24, 2). Последняя деталь дает основания говорить о возможности включить этот экземпляр в категорию кинжалов карасукского типа¹²⁹. Однако для более четкого определения необходима подробная публикация изделия.

Байфу*. Отнесение кинжала из Люлихэ (М53 : 40) к карасукской общности представляется тем более оправданным, что сравнительно недалеко, в Байфу, также обнаружены семь кинжалов несомненно карасукского облика. Могильник Байфу в уезде Чанпин недалеко от Пекина начали раскапывать в 1975 г. Опубликованы материалы трех могил, из которых наиболее богаты инвентарем — М2 и М3. По многочисленным аналогиям с изделиями Центральной равнины позднего периода Шан и раннего периода Западного Чжоу могилы датировали годами правления первых чжоуских вавов. Датировка по типологии бронзовых сосудов и орудий в целом не противоречит данным по радиоуглероду. В результате исследований, проведенных в лаборатории исторического факультета Пекинского университета (шифр анализа ВК 75052), установлена дата 3070 ± 90 лет до наших дней (1120 лет до н. э.)¹³⁰. Выполненный в лаборатории НИИ по охране культурных памятников (WB77-5) анализ куска деревянного гроба показал дату — 2895 ± 100 лет до наших дней (945 лет до н. э.)¹³¹. Учитывая географическое положение памятника и его значительное сходство с яньским могильником в Люлихэ, авторы публикации также отнесли могилу в Байфу к остаткам государства Янь.

Особый интерес среди находок представляет комплекс бронзового вооружения и снаряжения для колесниц и лошадей. Причем богатый набор этих предметов найден также в могиле М2, где захоронена женщина. Могилы таких женщин-вои-

тельниц — исключительно редкое явление для культур бронзового века Китая¹³². Всего в двух могилах найдено: 31 клевец *э*, девять экземпляров оружия типа *цзи*¹³³, семь кинжалов, три наколенника копья *мао*, один втульчатый и один танговый боевые топоры, ножевидная секира, длинный нож, два шлема, различные бляшки (рис. 25)¹³⁴. Клевцы демонстрируют большое разнообразие в типах: от простейших форм без бородки *ху* — до развитых, с длинной бородкой, вытянутым кверху бойком и несколькими отверстиями вдоль бортика. Экземпляр 2 : 31 можно отнести к клевцам лишь условно. Нижний край его резко вытянутого кверху бойка вместе с расположенной на одной прямой с ним бородкой *ху* образует лезвие (рис. 25, 9). Очевидно, он использовался не как клевец, а как секира, т. е. в качестве оружия рубящего, а не ударного действия. Значительный интерес представляет также находка втульчатого клевца (2 : 20) (рис. 25, 4). Ближайшая аналогия ему — бронзовый чекан, обнаруженный в верховьях р. Джиды в Забайкалье¹³⁵, а также находки из Томского могильника¹³⁶. К наиболее эффектным находкам относятся семь кинжалов карасукского облика. Два из них найдены в могиле М2, а пять — в М3. Один — с широким треугольным клинком с жилкой по центру и асимметрично изогнутой рукоятью — относится к первой группе ордосско-северокитайских кинжалов¹³⁷. Шесть других — ко второй группе, для которой характерны узкие кинжалы с жилкой или утолщением посредине, хорошо развитые «шпильки», превращающиеся у отдельных экземпляров в орнаментальную деталь или исчезающие вообще, а также грибовидные, зооморфные, иногда бубенчиковидные навершия (рис. 25, 17)¹³⁸. Подобные кинжалы не характерны для культуры древнекитайских государств и явно привнесены вместе со втульчатым клевцом и боевыми топорами извне, из районов северо-западных степей, где находился центр появления этих видов оружия. Судя по ситуации в Байфу, они довольно органично объединились с типично китайскими видами вооружения в рамках единого «смешанного» комплекса. Находка в одной могиле кинжалов двух разных групп позволяет установить их одновременность и датировать самым началом Западного Чжоу (конец XI — начало X в. до н. э.)¹³⁹.

Отдельные китайские археологи неверно истолковали столь раннюю дату комплекса. В частности, У Энь предложил считать эти кинжалы самостоятельным изобретением «малых народов» северных районов Китая, которые «под влиянием передовых культур Центральной равнины создали древнюю цивилизацию»¹⁴⁰. Вопрос о влиянии автор рассматривает односторонне: воздействие шло из Китая на север и запад. Тем самым делается попытка оторвать племена, населявшие в древности территорию современной Внутренней Монголии, Хэбэя, Западного Ляонина, от родственных им народов северо-западных степей и искусственно привязать их к древнекитайской культуре. Однако кинжалы карасукского облика, как и ряд других компонентов в составе северокитайских археологических комплексов, чаще всего встречаются, причем достаточно рано¹⁴¹, в степных районах Ордоса, Монголии, Сибири и

* Раздел о Байфу написан совместно с А. В. Варевым.

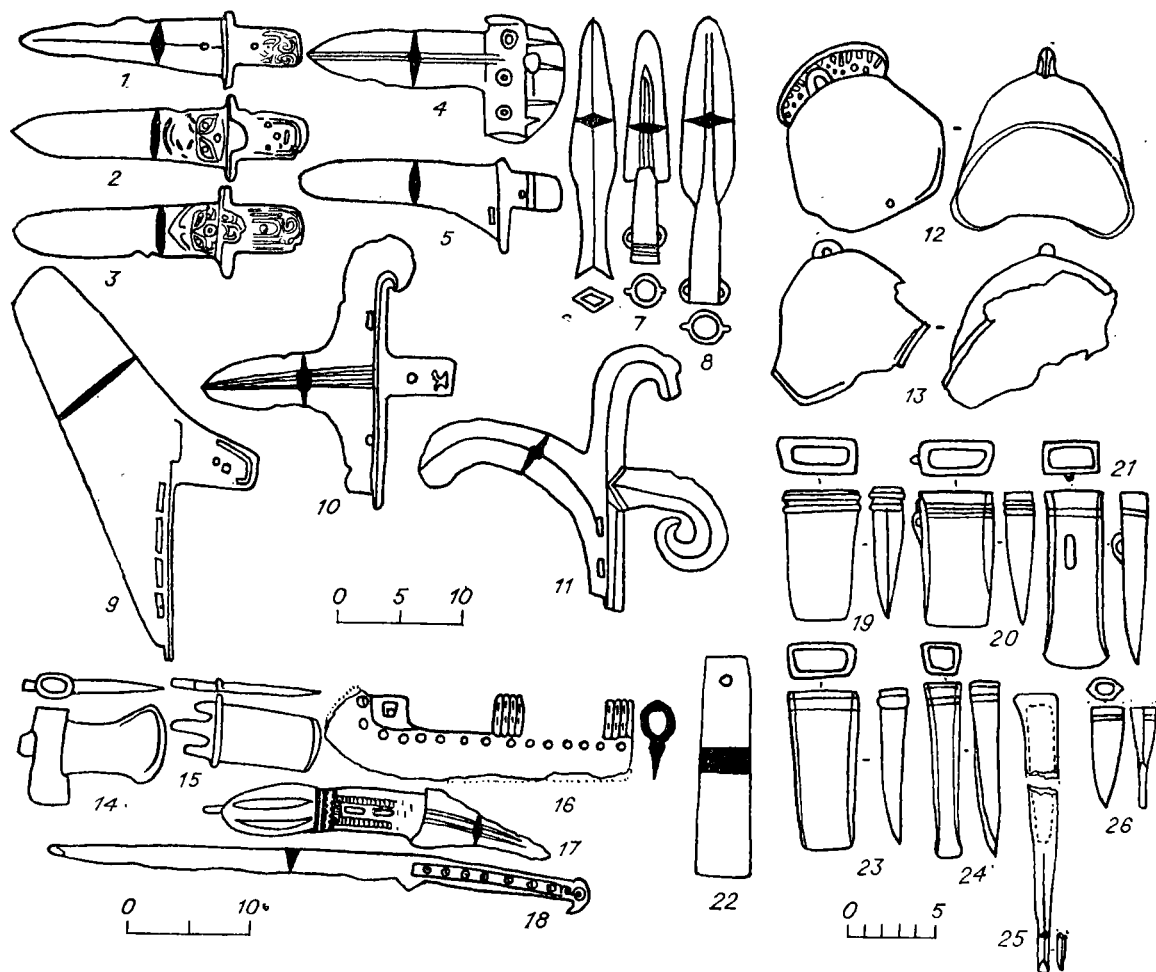

Рис. 25. Бронзовые изделия из Байфу.

далее на западе. Таким образом, Северный Китай того времени следует считать своеобразной контактной зоной, в которой шло взаимное проникновение и смешение различных культурных элементов.

«Смешанные» черты прослеживаются на предметах колесничного снаряжения и сбруи, большое количество которых найдено в могилах в Байфу

(рис. 26). Однако, поскольку эти находки расположены вперемешку с другим инвентарем, не может быть абсолютной уверенности в безусловной принадлежности всех полусферных бляшек, ремennых обоймочек и других изделий именно к колесничному снаряжению. Соответственно затруднена и реконструкция упряжи. Китайские археологи не определили, для оснащения скольких запряжек предназначен инвентарь. Реконструкцию можно попытаться произвести на основе наиболее характерных деталей конструкции колесниц и уздечных наборов. Так, в могиле МЗ найдено два наосника. Они представляют собой круглую глухую с одного конца полую трубку с двумя противоположными прямоугольными прорезами для чеки по бокам. Длина наосников 12,3 см, что характерно для западножюуских экземпляров, которые обычно несколько меньше иньских (средняя длина последних 15—16 см). Впрочем, встречаются и исключения — наосники из Байцаопо длиной 21,3 см¹⁴², что соответствует наиболее крупным иньским экземплярам¹⁴³. Это лишний раз подтверждает уже высказывавшийся тезис о длительном сохранении иньских элементов в культуре данного памятника. В Байфу обнаружены четыре чеки (по две в погребениях М2 и М3). Изделия из разных могил отличаются друг от друга деталями оформления, но по общей конструкции сходны. Выделяются две части чеки: головка и шпенек. Головка обычно украшена изображением звериной морды. Шпенек прямой, гладкий, с отверстием для фикса-

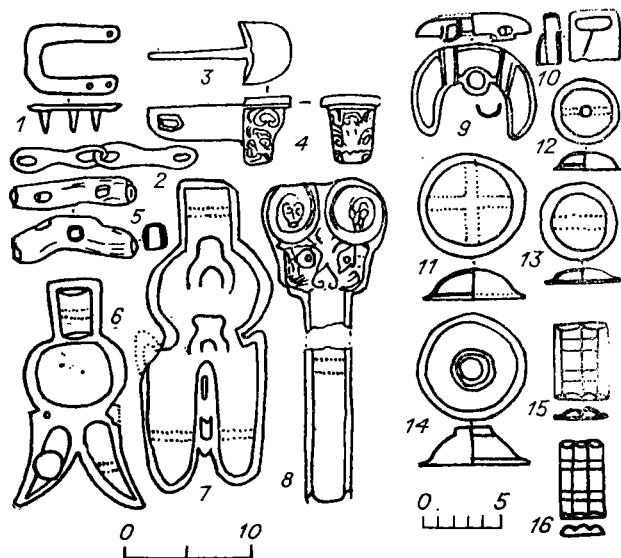

Рис. 26. Бронзовые предметы колесничного снаряжения и сбруи из Байфу.

ния чеки в прорези наосника. Общая длина изделий из М2 и М3 соответственно 11,5 и 10,5 см. Полностью металлическая чека — нововведение Западного Чжоу. В Инь эти важные детали, препятствующие соскакиванию колеса с оси, изготовлялись из дерева. Известны только бронзовые обкладки их головок¹⁴⁴. Материалы М2 показывают, что чека не обязательно применялась вместе с наосниками.

Бубенчиков *луань* найдено 12 экземпляров. Они подразделяются на три набора по четыре изделия в каждом. Внутри группы *луани* однотипны, но от набора к набору их размеры и оформление изменяются. В М2 было захоронено восемь *луаней* (два комплекта по четыре), в М3 — только четыре. Бронзовых псалиев в Байфу восемь экземпляров. Все они обнаружены в погребении М3. Псалии длиной 8,3 см, полудунной формы, с круглым отверстием в центре. Сверху и снизу от центрального отверстия с внутренней стороны псалия расположены идущие горизонтально полые скобы-обоймочки. Внутри них мог пропускаться раздвоенный нащечный ремень, а поверх, в обхват скоб, закреплялись широкие подбородочный и нащечный ремни. Таким образом, один элемент — скоба-обоймочка — сочетал две функции, которые в иньском бронзовом пластинчатом псалии раздельно несли полые ребра и нижняя петелька¹⁴⁵. Найдены в Байфу и четыре роговых псалия. Они находились в могиле М3. Псалии эти столбчатые, с тремя квадратными отверстиями в двух плоскостях, длиной 9—11 см (рис. 26, 5). Похожие образцы столбчатых роговых псалиев встречаются в плиточных могилах Забайкалья¹⁴⁶. Последний факт позволяет по-новому взглянуть как на проблему культурных взаимовлияний на раннем этапе Западного Чжоу, так и на датировку этого типа псалиев.

Бронзовых удил в Байфу три пары: две — в М2 и одна — в М3. По форме они одинаковы — двухчастные, с гладким грызлом и кольцами овальной формы, так называемого восьмерковидного типа (рис. 26, 2)¹⁴⁷. Их общая длина 13—14 см варьируется у разных экземпляров. Похожее изделие длиной 12,2 см найдено в одном из погребений крупного могильника в западном районе Иньской столицы, что может свидетельствовать или о появлении металлических удил еще в иньское время, или же о наличии западночжоуских захоронений раннего периода, вкрапленных в иньский памятник¹⁴⁸. Налобников найдено десять штук (рис. 26, 6, 7). Они подразделяются на два типа, слегка отличающихся друг от друга. К первому относятся шесть изделий (два из М2 и четыре из М3). Их общая высота 18 см. Налобников второго типа всего четыре, по два — в М2 и М3. Их высота 24,8 см. Обнаружено также четыре бронзовых усилителя под псалии, по два в М2 и М3 (рис. 26, 1). Они представляют собой бронзовую П-образную пластинку с шипами на обеих ветвях и небольшими отверстиями на концах. Подобные изделия найдены также в Байцаою и на ряде других западночжоуских памятников. В иньское время они не встречаются. Китайские археологи или вообще не могли определить их предназначение (в Байцаою), или считали украшением дышла колесницы (в Байфу). Способ применения таких пластин

впервые описан М. Литтауэр¹⁴⁹. Усилители одевались под псалии, шипами к щеке лошади, огибали своими ветвями сверху и снизу удила и через отверстия на концах этих ветвей закреплялись к раздвоенному нащечному ремню.

Сведения о взаимовстречаемости рассмотренных предметов в могилах целесообразно представить в виде таблицы:

Изделие	М2	М3
Наосники	—	2
Чека	2	2
Луани	8(4+4)	4
Псалии бронзовые	—	8
Псалии роговые	—	4
Удила	2	1
Усилители под псалии	2	2
Налобники	4(2+2)	6(4+2)

Можно заметить, что в каждом из погребений было захоронено снаряжение как минимум одной колесницы. В М3 положили шесть уздечных наборов: четыре с бронзовыми полудунными псалиями и налобниками первого типа и два с роговыми столбчатыми псалиями и налобниками второго типа. Между количеством предметов существует определенная корреляция. Значит ли это, что в чжоуское время существовала запряжка шестериком? Вряд ли, хотя полностью эту возможность исключить нельзя. Скорее всего, в находках представлено снаряжение для двух сменных запряжек одного экипажа: квадрига и бига. Сложнее интерпретировать уздечные наборы из М2. Там псалиев вообще не найдено, а удила только две пары, в то время как налобников четыре. Псалии могли быть аналогичными роговым столбчатым, но изготовленными из дерева и потому не сохранились. Удила предназначались только для одной пары лошадей. В настоящий момент трудно решить, были это коренные или пристяжные. Все же первый вариант реконструкции кажется более предпочтительным. Усилители, скорее всего, использовались по одному на лошадь. Заложенные под внешние псалии пристяжных, они препятствовали их попыткам тянуть в разные стороны. Таким же образом применялись и два усилителя из М3. Остается невыясненной разница в количестве *луаней* в двух погребениях. Ее можно объяснить различиями в рангах знатности погребенных. Восемь *луаней* упоминаются в песнях «Шицзина». В то же время при раскопках западночжоуских памятников чаще падают только по четыре бубенчика на повозке. Вероятно, свидетельство «Шицзина» относится к высшему слою чжоуской знати, к которому принадлежала и погребенная в М2.

Обобщая результаты краткого анализа сбруи и снаряжения колесниц, отметим, что иньско-чжоуская основа колесничного дела в Байфу также подвергалась определенным воздействиям извне. Причем следует отметить не только прямые заимствования, но и ряд более отдаленных, перспективных для дальнейшего исследования связей. Изучение найденных в Байфу бронз, а также некоторых других вещей подтверждает выводы советских востоковедов об особом положении Янь, которое, как и ряд других владений, хотя и входило в политическую систему древнекитайских государств, однако значительно отличалось от них

в этническом плане и вплоть до периода Чжаньго не включалось в сферу «хуася»¹⁵⁰. Древнекитайская культурная традиция явилась важным, по отнюдь не единственным компонентом в становлении культуры народов этого региона*.

Кацзо. Культурное влияние «хуася» на Северный Китай ограничивалось не только этническими факторами, но и различиями в природных и экономических условиях между этим регионом и Центральной равниной¹⁵¹. Одни из наиболее северных находок западночжоуского времени отмечены в уезде Кацзо, в юго-западной части пров. Ляонин. Здесь около д. Байдун в 1973 г. нашли один за другим два клада, каждый из которых состоял из шести вещей. Первый клад полностью составляли позднеиньские бронзы, во втором четыре бронзовых сосуда отнесены к самому началу Западного Чжоу¹⁵². Однако чжоуская принадлежность сосуда *лэй*, крышка которого увенчана изображением дракона, вызывает сомнение у авторов публикации. Они считают, что по стилю эта находка одновременно или несколько древнее, чем бронзовый *лэй* из Чжувацзе, датированный концом Шан — началом Чжоу¹⁵³. Но о принадлежности изделий именно к иньскому кругу писал еще Сюй Чжуншунь, который и объяснил их появление на территории Сычуани. Эти сосуды в качестве военных трофеев были принесены шускими войсками, которые участвовали в битве при Муе и получили свою долю при разделе иньской ритуальной утвари¹⁵⁴. Вещи, сходные с находками в Чжувацзе и, очевидно, имеющие то же происхождение, дважды (в начале 1976 и в феврале 1978 г.) находили вблизи Чэндун¹⁵⁵. Несомненно западночжоуским из второго клада в Байдун был лишь сосуд *гуй* на массивной подставке, поскольку подобная форма неизвестна в Инь¹⁵⁶. Следовательно, время образования всего клада можно определить ранним периодом Западного Чжоу.

В 1974 г. еще один клад из 22 бронзовых вещей был обнаружен около д. Шаньваньцзы, в 7 км от Байдун (рис. 27, 1). Его составляли как позднешанские, так и западночжоуские вещи. Большинство из них несло на себе следы долгого бытового употребления. Некоторые использовались после починки. Клад относится к начальному периоду Западного Чжоу, а входящие в его состав иньские вещи были захвачены чжоусцами в качестве трофеев¹⁵⁷. Другое объяснение наличия иньских вещей в западночжоуских кладах дают иероглифы на сосудах. На некоторых сосудах написаны названия шанских племен и родов — цзи, вэй, боц-

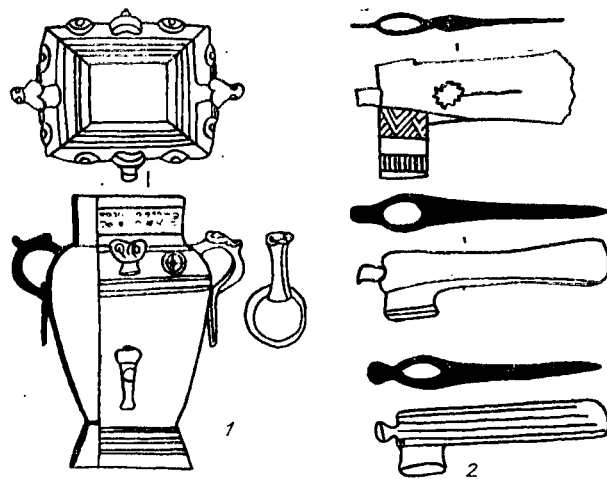

Рис. 27. Бронзовые сосуд из клада в Шаньваньцзы и топоры, найденные в окрестностях Шаньваньцзы.

зюй. Они же упоминаются на сосудах из могильника в Люлихэ. На основании этого выдвинуто предположение, что представители этих родов после поражения династии Шан-Инь изыскали покорность Чжоу и переселились на север, создав основу для образования и дальнейшего развития государства Янь¹⁵⁸. В доказательство того, что Западный Ляонин входил в пределы государства Янь, приводится также сосуд «Яньхоу-юй», найденный в 1955 г. в составе клада в Мачангоу в 4 км от Шаньваньцзунь¹⁵⁹. Однако такие утверждения представляются сомнительными. Описанные находки подтверждают наличие определенных контактов между северными племенами и древнекитайскими государствами. Но их явно недостаточно для доказательства главного — административной зависимости этого региона от Янь. Не случайно почти все, за единственным исключением*, находки в Кацзо представляют собой клады бронзовых изделий. Но клад — достаточно специфический памятник. Его образование связано, как правило, не с нормальным функционированием общества, а с появлением какой-то экстремальной ситуации. Очевидно, можно согласиться с мнением китайских археологов о том, что вдоль берегов р. Далинхэ осуществлялись контакты между центральнокитайской и северными культурами¹⁶⁰. Но в условиях существенных этнокультурных различий они не всегда были успешными. Говорить же о прочных связях на базе имеющихся материалов и вовсе не приходится. То же можно сказать о значении самой северной из известных ныне нахо-

* Из памятников более позднего времени на территории государства Янь необходимо отметить поселение Сяфапван в уезде Цысянь пров. Хэбэй, датированное заключительным периодом Западного Чжоу. Оно интересно тем, что там обнаружено пять полуземлянок (Тан Юньмин. Отчет о раскопках стоянки Сяфапван в уезде Цысянь. — КГСБ, 1975, № 4, с. 100—103 (на кит. яз.)). По своим основным характеристикам они гораздо ближе к неолитическим жилищам (см.: Ян Хунсюнь. Предварительное обсуждение вопросов развития жилищного строительства культуры яншао. — КГСБ, 1975, № 1 (на кит. яз.)), чем к постройкам в Фэпчунь и Чжаочэньцунь. Как известно, жилище наряду с этноразличительной имеет также социально-различительную функцию (Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. — СЭ, 1970, № 4, с. 117). В данном случае эти функции могли совпадать.

* Имеются в виду стоянка и небольшой могильник (девять захоронений) в Вэйинцзы. Они расположены в 70 км к югу от г. Чаоян. В двух могилах нашли бронзовые изделия, в том числе два плеча, имеющие аналогии в Байфу (Западночжоуские стоянка и могильник в Вэйинцзы уезд Чаоян (пров. Ляонин). — КГ, 1977, № 5 (на кит. яз.)). Анализ на радиоуглерод куска древесного угля со стоянки, проведенный в лаборатории НИИ по охране культурных памятников (шифр WB77-10), дал дату 2725 ± 100 лет до наших дней (775 лет до н. э.), а поправка по дендрохронологической шкале несколько удвинула дату — до 2820 ± 140 лет до наших дней. (Определение радиоуглеродных дат методом сцинтилляции жидкости. — ВУ, 1978, № 5, с. 72 (табл. 5) (на кит. яз.)). Очевидно, яньский памятник Вэйинцзы играл роль фактории или укрепленного лагеря для охраны путей торгового и культурного обмена.

док чжоуских бронз в пров. Гири. Здесь в 1974 г. в истоках р. Холинхэ (аймак Чжалуте) нашли два бронзовых сосуда *гуй* и *у* позднего периода Западного Чжоу. Однако на основании единичной находки не следует делать далеко идущий вывод о существовании прямых контактов и связей между северными народами и государствами Центральной равнины¹⁶¹.

*
* *

Обзор основных публикаций по археологии в китайских изданиях 70-х гг. позволяет сделать некоторые выводы. В целом можно констатировать высокий творческий потенциал китайской археологии. В течение последнего десятилетия были сделаны важнейшие открытия по всем периодам Западного Чжоу, что позволило ввести в научный оборот новые данные по культурному и социальному развитию чжоуского общества. Важным источником знаний по истории раннего Китая являются надписи на бронзовых сосудах. Они хорошо коррелируют с данными письменных источников, что еще раз подтверждает высокую надежность и точность сообщений древнекитайских исторических сочинений. На базе накопленных к настоящему моменту материалов по надписям на металле Тан Лань предложил даже вписать исправления в классические комментарии к древним книгам, поскольку благодаря археологии о далеком прошлом можно подчас сказать больше, чем знали ученые-историографы династии Хань¹⁶².

Материалы раскопок и публикаций 70-х гг. подтвердили правомерность выделения периода Западного Чжоу в качестве существенного этапа в развитии древнекитайской цивилизации. Основываясь на материалах археологии, можно установить значительное отличие памятников, датированных Западным Чжоу, от находок иньской эпохи и периода Восточного Чжоу. В ходе исследований последних лет выявлены богатые комплексы, точно датированные временем правления У-вана, Чэи-вана и Кан-вана, т. е. первыми десятилетиями чжоуского великодержавия. Среди найденного на этих памятниках инвентаря еще много вещей иньского облика. Возможно, это военные трофеи¹⁶³ или же свидетельство перехода части иньской аристократии на службу к чжоуским ваям. Но уже в самые ранние западночжоуские комплексы входит целый ряд вещей, которые никогда не встречались на памятниках иньского времени¹⁶⁴. К ним относятся кинжалы «типа Чжанцзяпо» и найденные вместе с ними фигурные бронзовые накладки на ножны. Можно упомянуть также кинжалы карасукового облика из чжоуских могильников близ Пекина. Специфически западночжоуским видом оружия, появившимся не позднее времени Чэн-вана, следует считать «цзи с крюком» (по терминологии Го Баоцзюня) — полифункциональное оружие, состоящее из широкого клевца *гэ* и ножевидного острья¹⁶⁵. Кроме того, стали изготавливаться псаии, удила, налобники, бубенцы новых видов, бронзовые сосуды новых типов. Практически внезапное появление большого набора своеобразных бронзовых изделий невозможно объяснить исходя из последовательного хода развития иньских традиций.

Археологическая «граница» между Западным и Восточным Чжоу намечена не столь резко, как между Чжоу и Шан-Инь. Это понятно — ведь здесь основой служат один и тот же этнос, а различия в таком случае накапливаются постепенно. Так, целый ряд ритуальных бронз, в частности сосуды *суй*, *и*, *лин*, появляются в поздний период Западного Чжоу, однако наибольшего распространения они достигают только в период Чуньцю¹⁶⁶. В средний период Западного Чжоу отмечены единичные находки одной из наиболее типичных вещей Чуньцю — клевцы *гэ* с острием в виде равнобедренного треугольника. Можно упомянуть также целый ряд других вещей, которые внезапно появляются на рубеже Западного и Восточного Чжоу. К ним относятся помимо отдельных форм бронзовых сосудов мечи «восточночжоуского» типа — с цилиндрической жилой или утолщением по центру клинка, со стержневидной рукоятью, дисковидным навершием или вообще без него. Не исключено, что такой вид оружия был заимствован древними китайцами извне.

Период Западного Чжоу выделяется также в плане социально-экономических аспектов. Археологические материалы позволяют наглядно фиксировать наметившийся в это время переход к развитому рабовладению. Он проявился, в частности, в практически полном исчезновении к началу периода Чуньцю (через значительное уменьшение на протяжении всего периода Западного Чжоу) человеческих жертвоприношений¹⁶⁷. Подобные факты позволяют определить время Западного Чжоу как особо важную стадию древнекитайской истории и не согласиться с мнением некоторых археологов КНР, которые объединяют Шан-Инь и ранний период династии Чжоу в один этап. К сожалению, пока еще нет ясности в важнейшей проблеме «додинастического» Чжоу. Концепции китайских археологов пока сводятся к простому фиксации очевидных положений о том, что основой формирования раннечжоуской культуры послужили неолитические, энеолитические и даже более поздние культуры верхнего и среднего течения Хуанхэ, испытывавшие при этом значительное влияние со стороны Инь. Доказательства при этом носят большей частью общелогический, а не конкретно-типологический характер. Для разрешения столь сложной проблемы необходимы, конечно, крупномасштабные полевые работы. Раскопки в Фэнчунь положили хорошее начало таким исследованиям.

Необходимо, наконец, отметить, что в инвентарий чжоусцев включена большая группа вещей, которая в принципе не сводима к двум вышеназванным компонентам. Прототипы чжоуских кинжалов, племени, бубенцов *луань*, «полулунных» и роговых трехдырчатых псаилов, восьмерковидных удил на территории иньско-чжоуских государств не известны. Чтобы объяснить их возникновение или проникновение в Чжоу необходимо более широко и смело обращаться к культурам соответствующего периода в истории сопредельных территорий, не отвергая при этом идей культурного обмена и заимствования важнейших достижений. Именно таков закон исторического прогресса. Ведь любой, даже самый сложный социум, может успешно развиваться лишь в условиях постоянно-

го обмена информацией, как правило, в овеществленной форме. Отклонение от этой нормы неизбежно ведет к отставанию и регрессу общества, вплоть до культурного и физического вырождения¹⁶⁸.

Анализируя эту актуальную проблему в связи с историей Западного Чжоу, следует обратить внимание на то, что даже в периоды своего наибольшего географического распространения чжоуская цивилизация на севере не проникала дальше Юго-Западного Ляонина, на западе — далее восточной части Ганьсу и практически не заходила в пределы южных провинций*. На рубежах Чжоу располагались обширные контактные зоны, где происходило столкновение, причем далеко не всегда мирное, и смешение различных культур и этносов. В зависимости от исторических условий подобное взаимодействие могло реализоваться в одном из вариантов «смешанной» культуры**. Так, если Чу в целом относилось к культуре «хуася», хотя и сохраняло значительную местную специфику, то Ба и Шу, также как и носители культуры верхнего слоя Сяцзяншань, хотя и восприняли ряд элементов из Центральной равнины, однако пол-

ностью сохранили свое своеобразие в культуре. Между ними располагаются такие государства, как У, Юэ и Янь, «варварские» по своему этническому и «полуварварские» по культурному облику, но непосредственно включенные в систему политических связей древнего Китая.

Процесс образования древнекитайского этноса и его культуры носил чрезвычайно сложный диалектический характер. Необходимо еще раз подчеркнуть, что формирование практически любого этноса проходило в условиях непрерывного взаимодействия различных культурных и этнических общностей, каждая из которых выступала не только в качестве объекта, но и субъекта этнических отношений. Непрерывность в истории развития Китая воспринимается как последовательное включение в каждый последующий этап культурно-этнического и социального развития результатов предшествующего периода в качестве одного из важных, может быть даже важнейших, но отнюдь не единственного компонента. Археология Западного Чжоу подтверждает это положение со всей очевидностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иногда под Восточным Чжоу подразумевается только период Лего (770—403 гг. до н. э.), а период Чжаньго (403—221 гг. до н. э.) выделяется в особый этап.

² См.: Алексеев В. М. Судьбы китайской археологии. — Изв. Российской Академии истории материальной культуры, 1924, т. III, № 3.

³ Cheng Te-k'un. Chou China. (Archaeology in China). Cambridge, 1963, v. 3.

⁴ Watson W. Archaeology in China. London, 1960; Idem. China before the Han Dynasty. New York, 1961; Idem. Ancient Chinese Bronzes. Rutland, 1962; Idem. Early Civilization in China. London, 1966; Idem. Cultural Frontier in Ancient East Asia. Edinburgh, 1971.

⁵ Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. 3-d ed. New Haven and London, 1977.

⁶ Вэньу каогу гушэцэ сяншипянь. 1949—1979 (Культурно-археологическая работа за 30 лет). Пекин, 1979 (на кит. яз.).

⁷ Шан-Чжоу каогу. Каогу чжань цзясюэ цанькаошу. (Археология Шан и Чжоу. Пособие для специализирующихся в изучении археологии). Пекин, 1979 (на кит. яз.).

⁸ Лу Му. Оценивая книгу «Шан-Чжоу каогу». — КГ, 1980, № 4, с. 384 (на кит. яз.).

⁹ Чжунго гу цингунци сюапи. (Собрание древних бронзовых изделий Китая). Пекин, 1976; Шаньси чуто шанчжоу цингунци. (Бронзовые орудия Шан и Чжоу, найденные в Шаньси). Пекин, т. 1, 1979; т. 2, 1980.

¹⁰ Цзоу Хэн. О предчжоуской культуре. — В кн.: Чжунго каогу сюэхуй: Ди ицы няньхуй лупьэньцзи. (Сборник докладов и статей [участников] Первого съезда археологических обществ Китая). Пекин, 1980, с. 153 (на кит. яз.).

¹¹ Археология Шан и Чжоу, с. 144.

¹² См.: Су Бици. Доуцзитай гоудунцю муцап. (Погребения в Доуцзитай, район к востоку от канала). — Шаньси каогу фацзюэ баогао, Пекин, 1948, вып. 1, № 1, с. 275 (на кит. яз.). Рецензия на это издание опубликована М. В. Воробьевым в СА, 1957, № 2.

* Имеется в виду массовое проникновение культуры и ее носителей. Отдельные элементы культуры Чжоу встречались на более обширной территории, однако из-за своей единичности не оказали существенного влияния на местные народы.

** «Смешанной», конечно, только по внешнему облику, так как происходило не механическое соединение, а органическое слияние различных компонентов, в результате чего возникла новая общность.

¹³ Дай Инсипь. Западночжоуские могилы в Хэцзяцунь, уезд Цинань (пров. Шаньси). — КГ, 1976, № 1, с. 38 (на кит. яз.).

¹⁴ Археология Шан и Чжоу, с. 145.

¹⁵ Сюй Ситай. Краткий отчет о разведке и пробных раскопках в уездах Чаньань и Хусянь (пров. Шаньси). — КГ, 1962, № 6, с. 307—309 (на кит. яз.).

¹⁶ Сюй Ситай. Исследование специфики раннечжоуской культуры и ее происхождения. — ВУ, 1979, № 10, (на кит. яз.).

¹⁷ Там же, с. 55.

¹⁸ Ван Шиминь. Археологические исследования в Китае в 1979 г. — КГ, 1980, № 2, с. 164 (на кит. яз.). Постановка вопроса о влиянии на становление чжоуской цивилизации неолитических и более поздних культур Западного Китая в общем весьма плодотворна, и в исследованиях в этом направлении китайские археологи в последние годы добились заметных успехов. См.: Ван Шиминь. Археологические исследования в Китае в 1980 г. — КГ, 1981, № 3, с. 247 (на кит. яз.).

¹⁹ Цит. по: Археология Шан и Чжоу, с. 181—185. Материалы впервые опубликованы в специальном выпуске № 17 журнала «Вэнь у» (1976) и в «Чжоуянь каогу цзяньсюнь» (1977, № 9). См. также: Краткий отчет о раскопках западночжоуских строений в Фэнчунь уезд Цинань (пров. Шаньси). — ВУ, 1979, № 10 (на кит. яз.).

²⁰ Археология Шан и Чжоу, с. 185.

²¹ Надписи на панцирях и костях периода начала Чжоу, найденные в Фэнчунь, уезд Цинань (пров. Шаньси). — ВУ, 1979, № 10 (на кит. яз.); Культурно-археологическая работа..., с. 126. См. также: Сюй Ситай, Лоу Цзыдун. Исследования истоков изображения гексаграмм в Западном Чжоу. — В кн.: Сборник докладов и статей..., с. 159—162 (на кит. яз.). Последняя работа содержит интересные соображения о способах гадания у чжоусцев, однако в ней использовано для анализа всего шесть панцирей.

²² Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»)/Пер. с кит. яз. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, т. 1. М., 1972, с. 181.

²³ Сосуд гуй с надписью о походе У-вана против Шан, найденный в уезде Линьтун (пров. Шаньси). — ВУ, 1977, № 8 (на кит. яз.).

²⁴ Приведена интерпретация Тан Ланя. — Тан Лань. Разъяснение надписи на самом раннем из западночжоуских бронз сосуда «Ли-гуй». — ВУ, 1977, № 8 (на кит. яз.). См. также: Юй Шэнью. Исследование надписи на сосуда «Ли-гуй». — ВУ, 1977, № 8 (на кит. яз.); Диекусуня по

поводу объяснения надписи на сосуде «Ли-гуй». — ВУ, 1978, № 6 (на кит. яз.); Чжан Чжэнлан. Интерпретация текста сосуда «Ли-гуй». — КГ, 1978, № 1 (на кит. яз.); Шан Чэнцао. О расписывке надписи на (сосуде) «Ли-гуй». — Чжуншань дасюэ сюэбао, Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бапэ, 1978, № 2 (на кит. яз.).

²⁵ Первый — это знаменитый сосуд «Дафэп-гуй», найденный еще в цинское время (годы правления Даогуан) в уезде Ципань (пров. Шэньси). — См.: Ду Найсун. Чжунго гудай цинтунци сюэцзынь. (Малый словарь древних бронзовых изделий Китая). Пекип, 1980, с. 25—26 (на кит. яз.).

²⁶ В интерпретации Тан Лапэ.

²⁷ Сыма Цинь. Исторические записки. с. 305 (коммент.).

²⁸ Западнотжоуские бронзовые изделия, найденные в Хэцзяцунь, уезд Ципань. — ВУ, 1972, № 6, с. 25 (на кит. яз.).

²⁹ В уездах Ципань, Лапэтянь и других местах найдены западнотжоуские бронзовые изделия. — ВУ, 1972, № 1, с. 74 (на кит. яз.).

³⁰ Западнотжоуские бронзовые изделия, найденные в Хэцзяцунь...

³¹ Дай Инсинь. Западнотжоуские могилы...

³² См.: Морохаси Тэцудзи. Дай кан-ва дэнтэн. (Большой китайско-японский словарь). Токио, 1968, с. 1094.

³³ Ло Сичжан, У Чжэньфэн, Шан Чжичжу. Краткий отчет об исследовании чжоуской могилы № 1 в Чжаоли-цунь, уезд Фуфэн (пров. Шэньси). — ВУ, 1976, № 6 (на кит. яз.).

³⁴ Ло Сичжан. Могильник раннего периода Западного Чжоу, найденный в большой производственной бригаде Байлун, уезд Фуфэн. — ВУ, 1978, № 2 (на кит. яз.).

³⁵ Ло Сичжан. Бронзовые изделия Шан и Чжоу, найденные в Мэйян, уезд Фуфэн. — ВУ, 1978, № 10 (на кит. яз.). В составе погребального инвентаря обнаружен бронзовый бокал *бэй* на высокой ножке, который не имеет аналогий среди шанско-чжоуских бронз и напоминает по форме керамические бокалы культуры шаньдунского лупшаня.

³⁶ Ло Сичжан. Шанско-чжоуские культурные остатки, найденные в районе водохранилища Байцзяо, уезд Фуфэн. — ВУ, 1977, № 12 (на кит. яз.).

³⁷ Ло Сичжан, У Чжэньфэн, Ло Чжунжу. Изделия западнотжоуского бо Чжуна, найденные в уезде Фуфэн (пров. Шэньси). — ВУ, 1976, № 6 (на кит. яз.).

³⁸ Тан Лань. Интерпретация и изучение надписей на трех изделиях бо Чжуна. — ВУ, 1976, № 6 (на кит. яз.).

³⁹ Чжоу Вэнь. Несколько вновь найденных бронзовых изделий периода Западного Чжоу. — ВУ, 1972, № 7 (на кит. яз.).

⁴⁰ Западнотжоуская могила № 19 в Цицзяцунь, уезд Фуфэн (пров. Шэньси). — ВУ, 1979, № 11 (на кит. яз.).

⁴¹ Материал опубликован в специальном выпуске № 17 журнала «Вэнь у» (1976, 31 июля). — Цит. по: Археология Шан и Чжоу, с. 185—187.

⁴² Шн Янь. Западнотжоуские бронзовые изделия, найденные в производственной бригаде Чжуанбай, уезд Фуфэн. — ВУ, 1972, № 6 (на кит. яз.).

⁴³ Ло Сичжан. Западнотжоуские бронзовые изделия, найденные в уезде Фуфэн. — ВУ, 1973, № 11, с. 78—79 (на кит. яз.).

⁴⁴ Ло Сичжан. Западнотжоуские бронзовые изделия, найденные в Бэйцiao, уезд Фуфэн (пров. Шэньси). — ВУ, 1974, № 11 (на кит. яз.).

⁴⁵ У Чжэньфэн, Ло Чжунжу. Западнотжоуские бронзовые изделия, найденные в Цицзяцунь, уезд Фуфэн (пров. Шэньси). — ВУ, 1975, № 8 (на кит. яз.).

⁴⁶ Пан Хуайцин, У Чжэньфэн, Ло Чжунжу. Шан Чжичжу. Краткий отчет о раскопках ямы-кладовой с западнотжоускими бронзовыми изделиями в Дунцзяцунь, уезд Ципань (пров. Шэньси). — ВУ, 1976, № 5 (на кит. яз.).

⁴⁷ Краткий отчет о раскопках клада бронзовых изделий № 1 в большой производственной бригаде Чжуанбай, уезд Фуфэн (пров. Шэньси). — ВУ, 1978, № 3 (на кит. яз.).

⁴⁸ Клад бронзовых вещей в Юньтан и Чжуанбай (клад № 2) в уезде Фуфэн (пров. Шэньси). — ВУ, 1978, № 11 (на кит. яз.).

⁴⁹ Ло Сичжан. Сосуд «Ху-гуй» западнотжоуского Ляна, найденный в уезде Фуфэн (пров. Шэньси). — ВУ, 1979, № 4 (на кит. яз.).

⁵⁰ Чэнь Цюаньфан, Ли Дичэнь, Цзюй Ваньцан. Краткий отчет о кладе бронзовых изделий периода Западного

Чжоу из Фэнчунь, уезд Ципань (пров. Шэньси). — ВУ, 1979, № 11 (на кит. яз.).

⁵¹ Сыма Цинь. Исторические записки, с. 203.

⁵² См.: Тан Лань. Немного об основном значении клада бронзовых изделий клана вэйского историографа периода Западного Чжоу. — ВУ, 1978, № 3 (на кит. яз.); Цю Сигуй. Толкование надписи «Шипань-пань». — Там же (на кит. яз.); Ли Чжунцао. Предварительная интерпретация надписи на сосуде *пань* историографа Цяна. — Там же (на кит. яз.); Ли Сюэцин. О сосуде *пань* историка Цяна и его значении. — КГСБ, 1978, № 2 (на кит. яз.); Сюй Чжуншу. Истолкование надписи на западнотжоуском сосуде «Цянь-пань». — Там же (на кит. яз.); Лю Ци. Бронзовые изделия клана Вэй и датировка западнотжоуских бронзовых изделий. — КГ, 1978, № 5 (на кит. яз.).

⁵³ Линь Гапэцянь. Некоторые новые знания, связанные с земельными владениями Западного Чжоу. — ВУ, 1976, № 5 (на кит. яз.); Чэн У. Одна важная надпись по истории права. — Там же (на кит. яз.); Тан Лань. Комментарий и интерпретация надписей на главных бронзовых изделиях Западного Чжоу, найденных в Дунцзяцунь, уезд Ципань (пров. Шэньси). — Там же (на кит. яз.); Тан Лань. Использовать надписи на бронзовых изделиях для изучения истории Западного Чжоу. — ВУ, 1976, № 6 (на кит. яз.); Шан Чжан. Исследование некоторых проблем сосуда «Чжэнь-и», найденного в Ципане. — Там же (на кит. яз.); Чжоу Ай. Падение и рост кланов цзюйского бо и Цю Вэя — упадок чжоуских ритуалов. — Там же (на кит. яз.).

⁵⁴ Археология Шан и Чжоу, с. 177.

⁵⁵ Западнотжоуские могилы в Чжунаньгоу и в других местах близ Баоцзи. — КГ, 1978, № 5 (на кит. яз.).

⁵⁶ Сведения об этом содержатся в древнекитайских сочинениях по ритуалу «И-ли», «Ли-цзи», «Чжоу-ли». — См.: Археология Шан и Чжоу, с. 203—204.

⁵⁷ Археология Шан и Чжоу, с. 229—230.

⁵⁸ Ван Гуаньюн, Цао Минтань. Бронзовые зеркала и другие вещи раннего периода Западного Чжоу, найденные в районе Баоцзи и в уезде Фэнсян. — ВУ, 1979, № 12 (на кит. яз.).

⁵⁹ Варенов А. В. Некоторые проблемы археологических исследований эпохи Инь в Китае. — В кн.: XII научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 2. (Тезисы и доклады). М., 1981, с. 24—25.

⁶⁰ Ван Гуаньюн. Могильник раннего периода Западного Чжоу, найденный в производственной бригаде Юйцзянь близ города Баоцзи (пров. Шэньси). — ВУ, 1975, № 3 (на кит. яз.).

⁶¹ Тянь Сюэсянь, Чжан Чжэньхуа. Несколько западнотжоуских изделий, найденных с начала культурной революции в уезде Чаньту (пров. Шэньси). — ВУ, 1975, № 5 (на кит. яз.).

⁶² Го Можо. Об исследовании надписи большого сосуда *дин* из уезда Мэйсянь. — ВУ, 1972, № 7 (на кит. яз.); Ши Янь. Большой *дин* из Янцзяцунь уезд Мэйсянь. — Там же (на кит. яз.).

⁶³ В уездах Ципань, Ланьтянь и в других местах найдены западнотжоуские бронзовые изделия. — ВУ, 1972, № 1 (на кит. яз.); Чэнь Баикуай. Небольшое исследование сосуда «Юп-юй». — Там же (на кит. яз.); Тан Лань. Разъяснение надписи на сосуде «Юп-юй». — Там же (на кит. яз.).

⁶⁴ Лю Хэсинь. Одна вещь западнотжоуского вана, найденная в уезде Чжоучжи (пров. Шэньси). — ВУ, 1975, № 7 (на кит. яз.). Речь идет о бронзовом сосуде *гуй*, изготовленном одним из чжоуских ванов. Рядом с сосудом прослежено могильное пятно, в пределах которого находились кости. По предположению Лю Хэсиня, на месте находки находится могила вана. Дальнейшее исследование этого пункта пока не проводилось.

⁶⁵ Жэнь Сун, Фань Вэйцзю. Записки о вновь найденном колоколе «чжун» инского хоу в уезде Ланьтянь (пров. Шэньси). — ВУ, 1975, № 10 (на кит. яз.). На колоколе имеется надпись о пожаловании Гун-ваном инскому хоу оружия и лошадей.

⁶⁶ Шан Чжичжу, Фань Вэйцзю, У Цзылинь. Сосуд «Ху-шун-дин», найденный в уезде Ланьтянь (пров. Шэньси). — ВУ, 1976, № 1 (на кит. яз.).

⁶⁷ У Чжэньфэн, Чжу Цзюань, Шан Чжичжу. Бронзовые изделия Западного Чжоу, найденные в уездах Юншоу и Ланьтянь (пров. Шэньси). — КГ, 1979, № 2 (на кит. яз.).

- ⁶⁸ Краткий отчет о раскопках западночжоуских могил в Жудзьяжуан близ Баодзи (пров. Шэньси).— ВУ, 1976, № 4; Археологии Шан и Чжоу, с. 207—209 (на кит. яз.).
- ⁶⁹ В зависимости от интерпретации начертания его имя может читаться «Цянь» или «Юй».— См.: Собрание древних бронзовых изделий..., раздел «Средний и поздний периоды Западного Чжоу».
- ⁷⁰ Предварительное исследование раннечжоуской столицы Ции.— ВУ, 1979, № 10 (на кит. яз.).
- ⁷¹ Сыма Цянь. Исторические записки, с. 183.
- ⁷² Ма Чжэнлинь. Фэнхао — Чанъань — Сиань. Сиань, 1978, с. 11—14 (на кит. яз.).
- ⁷³ Бао Цюань. Остатки западночжоуских столиц Фэн и Хао.— ВУ, 1977, № 9 (на кит. яз.).
- ⁷⁴ Ван Бохун, Чжун Шаолин, Чжан Чаншоу. Краткий отчет о раскопках в районе Фэнси, уезд Чанъань (пров. Шэньси) в 1955—1957 гг.— КГ, 1959, № 10 (на кит. яз.); Фэнси фадзюэ баогао. (Отчет о раскопках в Фэнси).— Чжунго тянье каогу баогаоцзи, Пекин, вып. IV, № 12 (на кит. яз.); Чанъань Чжанцзяпо сичжоу тунци цюань. (Западночжоуские бронзовые изделия из Чжанцзяпо, уезд Чанъань). Пекин, 1965 (на кит. яз.).
- ⁷⁵ Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в Синьванпунь и Маванпунь, уезд Чанъань (пров. Шэньси).— КГ, 1974, № 1 (на кит. яз.).
- ⁷⁶ Хэй Гуан, Чжу Цзюань. Сосуд юй, найденный в Фэнси, уезд Чанъань (пров. Шэньси).— КГ, 1977, № 1 (на кит. яз.).
- ⁷⁷ Раскопки западночжоуского могильника в Чжанцзяпо, уезд Чанъань в 1967 г.— КГСБ, 1980, № 4 (на кит. яз.).
- ⁷⁸ Сыма Цянь. Исторические записки, с. 190—191.
- ⁷⁹ Записки об исследовании западночжоуской могилы в Бэйяоцунь, близ Лояна.— КГ, 1972, № 2 (на кит. яз.).
- ⁸⁰ Исследование пяти западночжоуских могил в Папцзяоу близ Лояна.— ВУ, 1972, № 10 (на кит. яз.).
- ⁸¹ Там же, с. 27.
- ⁸² Культурно-археологическая работа, с. 277.
- ⁸³ Пробные раскопки стоянки Сяванган, уезд Чжэчуань (пров. Хэнань).— ВУ, 1972, № 10 (на кит. яз.).
- ⁸⁴ Чжэнь Цзесян. Краткий отчет о раскопках западночжоуской могилы в уезде Сянсянь (пров. Хэнань).— ВУ, 1977, № 8 (на кит. яз.).
- ⁸⁵ Тан Юньмин. Западночжоуская стоянка и могильник в Сичжанпунь, уезд Юаньши (пров. Хэбэй).— КГ, 1979, № 1 (на кит. яз.); Ли Сюэцин, Тан Юньмин. Бронзовые орудия из уезда Юньши и западночжоуское государство Син.— Там же (на кит. яз.).
- ⁸⁶ Раскопки стоянок Дунчжуанпунь и Сивапунь, уезд Жуйчэп (пров. Шэньси).— КГСБ, 1973, № 1 (на кит. яз.); Ван Цзиньсянь. Западночжоуские бронзовые изделия, найденные в уезде Чанцзы (пров. Шаньси).— ВУ, 1979, № 9 (на кит. яз.).
- ⁸⁷ Сюй Чжуншу. Истолкование надписи..., с. 139—141.
- ⁸⁸ См.: Сыма Цянь. Исторические записки, с. 190—191.
- ⁸⁹ Краткий отчет о разведках и пробных раскопках памятника Сиань, уезд Цзянь.— ВУ, 1977, № 4 (на кит. яз.).
- ⁹⁰ Ван Шуин, Ян Сюань. Бронзовые изделия западночжоуского государства Тан, найденные в уезде Тэпсянь (пров. Шаньдун).— ВУ, 1979, № 4 (на кит. яз.).
- ⁹¹ Пи Вэньгао. Обзор бронзовых орудий Шан и Чжоу, найденных в последние годы в пров. Шаньдун.— ВУ, 1972, № 5, с. 5—8 (на кит. яз.).
- ⁹² Там же, с. 8—11.
- ⁹³ Инь Дифэй. Отчет о раскопках западночжоуского могильника в Туньцзи (пров. Аньхой).— КГСБ, 1959, № 4 (на кит. яз.); Археология Шан и Чжоу, с. 159—161.
- ⁹⁴ Нин Цзе. Западночжоуские могилы в сапу Фупань, в уезде Цзюйжэнь (пров. Цзянсу).— КГ, 1977, № 5 (на кит. яз.).
- ⁹⁵ Древняя стоянка Цзяочжуан, уезд Дунсянь (пров. Цзянсу).— ВУ, 1975, № 8 (на кит. яз.). Исследование экспертами найденного в Цзяочжуан зерна позволило определить его сорт — *Oriza sativa* subsp. *Keng Ting*.
- ⁹⁶ Бронзовые изделия позднего периода Западного Чжоу, найденные в Фэйси и Хэфэй.— ВУ, 1972, № 11 (на кит. яз.).
- ⁹⁷ Два бронзовых изделия в уезде Чансин (пров. Чжэцзян).— ВУ, 1973, № 1 (на кит. яз.); Бронзовый *дин* периода Западного Чжоу, найденный в уезде Чансин (пров. Чжэцзян).— Там же, 1977, № 9 (на кит. яз.); Ся Синьянь. Пять бронзовых изделий эпохи Шан-Чжоу, найденных в уезде Чансин (пров. Чжэцзян).— Там же (на кит. яз.).
- ⁹⁸ Нань По. Знакомство с бронзовым колоколом *нао*.— ВУ, 1975, № 8 (на кит. яз.).
- ⁹⁹ Лян Цзинцзинь. Бронзовые изделия, найденные в Гуанси.— ВУ, 1978, № 10 (на кит. яз.).
- ¹⁰⁰ Чжуан Цзиньцин, Линь Хуадун. Бронзовые изделия, найденные в Даип, уезд Наньань (пров. Фуцзянь).— КГ, 1977, № 3 (на кит. яз.); Люй Жунфан. О некоторых точках зрения по поводу бронзовых изделий, найденных в Даип, уезд Наньань (пров. Фуцзянь).— Там же, 1978, № 5 (на кит. яз.).
- ¹⁰¹ Юй Юэжэнь. Бронзовые изделия, найденные в уезде Наньань (пров. Фуцзянь), и фуцзяньская культура бронзового века.— КГ, 1978, № 5 (на кит. яз.).
- ¹⁰² Вэй Хуайхэн, У Дэсюй. Западночжоуская могила в Байпао, уезд Линтай.— ВУ, 1972, № 12 (на кит. яз.).
- ¹⁰³ Чу Шибинь. Западночжоуские могилы в Байдао, уезд Линтай (пров. Ганьсу).— КГСБ, 1977, № 2 (на кит. яз.); см. также: Комиссаров С. А. Новые археологические данные о раннечжоуском Китае.— В кн.: XII научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 4. (Тезисы и доклады). М., 1981.
- ¹⁰⁴ См.: Комиссаров С. А. Чжоуские колесницы.— Изв. СО АН СССР, 1980, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1.
- ¹⁰⁵ Могилы МЗ—М8 относятся, очевидно, к более позднему периоду правления Му-вана. Они сильно разграблены.
- ¹⁰⁶ Ян Баочэн, Ян Сичжан. Отчет о раскопках могильника западного района иньской столицы в 1969—1977 гг.— КГСБ, 1979, № 1. с. 91 (на кит. яз.).
- ¹⁰⁷ Тан Цзиньюй, Ван Шоучжи, Го Чанцзян. Краткий отчет об исследовании бронзовых орудий периода Шан-Инь, найденных в уезде Чэнгу (пров. Шэньси).— КГ, 1980, № 3, с. 215 (на кит. яз.).
- ¹⁰⁸ Фан Ханьцзи. По поводу подлинности *гэ* чуского гудя Хао, а также об оружии периода Ба-Шу в Сычуани.— ВУ, 1961, № 11 (на кит. яз.).
- ¹⁰⁹ См.: ВУ, 1963, № 9, с. 61 (на кит. яз.).
- ¹¹⁰ Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972, с. 206—207.
- ¹¹¹ Тун Эньчжэнь. Исследования бронзовых *гэ* юго-западных районов нашей страны.— КГСБ, № 4, с. 454—455 (на кит. яз.). Характерно, что для сравнения автор использует именно клеймы Байдао.
- ¹¹² Археология Шан и Чжоу, с. 170—171. По месту первой находки предлагается называть их кипжалы типа Чжанцзяпо.
- ¹¹³ Ян Хун. Чжунго гудай бинци луньцунь. (Сборник работ по древнему оружию Китая). Пекин, 1980, с. 79—93 (на кит. яз.).
- ¹¹⁴ Варенов А. В. О предназначении «моделей ярма».— В кн.: Студент и научно-технический прогресс. История. (Материалы XIX Всесоюзной научной студенческой конференции). Новосибирск, 1981; Он же. О функциональном предназначении «моделей ярма».— В кн.: Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984.
- ¹¹⁵ Ду Найсун. Малый словарь..., с. 68.
- ¹¹⁶ Сведения об этом содержатся в надписях на сосудах «Даюй-дин» и «Сяюй-дин».
- ¹¹⁷ См.: Шицзинь/Пер. с кит. яз. и коммент. А. А. Штукина. М., 1957, с. 330.
- ¹¹⁸ Кучера С. Китайская археология. 1965—1974 гг. Палеолит — эпоха Инь. М., 1977, с. 172.
- ¹¹⁹ Жертвенное сопогребение рабов периода Западного Чжоу, найденное вблизи Пекина.— КГ, 1974, № 5 (на кит. яз.). Ныне известно уже около 200 могил и десять *чэ-ма* *кэнов*, из которых раскопано 60 могил и пять *чэ-ма* *кэнов*. Материалы представлены в публикациях скудно. См.: Культурно-археологическая работа..., с. 3—4.
- ¹²⁰ Археология Шан и Чжоу, с. 217.
- ¹²¹ Янь Вань предлагает более подробную датировку: могилы № 50 и 54 — время Чэн-вана, могила № 52 — время Кан-вана, а могила № 53 — возможно, рубеж правлений Кан-вана и Чжао-вана (Янь Вань. Бронзовые изделия, найденные в районе Пекина и в Ляонине, и государство Янь периода начала Чжоу.— КГ, 1975, № 5, с. 275 (на кит. яз.)).
- ¹²² Жертвенное сопогребение..., с. 314—315.
- ¹²³ Фэн Чжэнь. Об одном экземпляре бронзового оружия рода Тайбао начального периода Западного Чжоу.— ВУ, 1977, № 6, с. 53 (на кит. яз.). Упоминание о яньском

хоу встречено также на пескольных бронзовых сосудах из могилы № 251. (Культурно-археологическая работа..., с. 4).

¹²⁴ Хигути Такаюсу считает, что Тай-бао первоначально получил удел на территории Шаньдун, и только яньский хоу Чжи перенес столицу в район современного Хэбэя. (Takayasu Higuchi. Newly discovered Western Chou Bronzes.— Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Cultures (The Tōhō gakkai), 1962, N 3, p. 33—34). Сохранившиеся в надписях на бронзе шанские племенные названия, возможно, свидетельствуют о том, что ряд шанских поколений был передан под контроль яньского хоу (см.: Си Цзинь. Новые успехи археологических работ нашей страны со времени великой культурной революции, ч. 1.— Тяньцзинь шихуань сюэбао, 1975, № 6).

¹²⁵ Янь Вань. Бронзовые изделия..., с. 278.

¹²⁶ Фэн Чжэнь. Об одном экземпляре..., с. 53—54.

¹²⁷ Ср.: Комиссаров С. А. Чжоуские колесницы, табл. на с. 158—159.

¹²⁸ Кучера С. Китайская археология, с. 173. Подробнее о *фу ту* см.: Чжан Чаншюу. По поводу *фу ту* и *хуа му*.— КГ, 1980, № 4 (на кит. яз.).

¹²⁹ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976.

¹³⁰ Доклад о первых работах по определению радиоуглеродных дат методом спинциляции жидкости.— ВУ, 1976, № 12, с. 83 (табл. 3) (на кит. яз.). Несколько более ранняя дата в целом не противоречит предложенному отнесению памятника к началу Западного Чжоу, поскольку использование стандартного отклонения обеспечивает возможность совпадения радиоуглеродной и исторической хронологии (см.: Кучера С. Китайская археология, с. 146).

¹³¹ Определение радиоуглеродных дат методом спинциляции жидкости.— ВУ, 1978, № 5, с. 72 (на кит. яз.). Поправка по дендрохронологической шкале удвояет дату до 3035 ± 130 лет до наших дней. К сожалению, не указано, из каких могил были взяты пробы на анализ. Быть может, разница в датах по радиоуглероду отражает действительное различие в возрасте. Во всяком случае, инвентарь могил несколько различается между собой, и не исключено, что это объясняется хронологическими причинами.

¹³² Наиболее известный пример — могила иньской Фу Хао (см.: Чжэн Чжэньсян, Чэнь Чжиди. Раскопки могилы № 5 в иньской столице в Аньяне.— КГСБ, 1977, № 2 (на кит. яз.); Кучера С. Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь (по материалам, найденным в могиле Фу Хао).— В кн.: X научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 1. (Тезисы и доклады). М., 1979; Варенов А. В. Некоторые проблемы археологических исследований...).

¹³³ О *цзи* см.: Комиссаров С. А. Чжоуские клевцы.— Изв. СО АН СССР, 1981, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 109—110.

¹³⁴ Важные достижения археологии в районе Пекина. Новые замечания о западночжоуских могилах с деревянными гробами в Байфу, уезд Чанпин.— КГ, 1976, № 4, с. 250—254 (на кит. яз.).

¹³⁵ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 51, табл. XXI, 1.

¹³⁶ Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 1952, № 24, с. 35—37, рис. 21, 3.

¹³⁷ См.: Варенов А. В. О функциональном предназначении..., с. 48 (рис. 16).

¹³⁸ Типология разработана Н. Л. Членовой в работе «Карасукские кинжалы», с. 56—64.

¹³⁹ Варенов А. В. О датировании сибирских древностей по хронологической шкале Восточной Азии.— В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем, вып. 3. (Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции). Новосибирск, 1981; Комиссаров С. А. Карасукские кинжалы Сибири и их северокитайские параллели.— Там же.

¹⁴⁰ У Энй. О бронзовых кинжалах Севера нашей страны.— КГ, 1978, № 5 (на кит. яз.).

¹⁴¹ Наиболее ранние экземпляры датированы XI в. до н. э. (Членова Н. Л. Карасукские кинжалы, с. 10—18).

¹⁴² Чу Шибинь. Западночжоуские могилы..., с. 116.

¹⁴³ Karlböck O. Notes on Some Chinese Wheel Axle Caps.— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, 1967, N 39, p. 54.

¹⁴⁴ Два чэ-ма кэна из Сюминьтунь на (территории) иньской столицы в Аньяне.— КГ, 1977, № 1, с. 70 (на кит. яз.).

¹⁴⁵ Варенов А. В. Иньские колесницы.— Изв. СО АН СССР, 1980, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 168.

¹⁴⁶ Диков Н. Н. Бронзовый век..., с. 39, табл. X, 23.

¹⁴⁷ Варенов А. В. Иньские колесницы, с. 168.

¹⁴⁸ Ян Баочэн, Ян Сичжан. Отчет о раскопках могильника..., с. 96.

¹⁴⁹ Littauer M. A. Bits and Pieces.— Antiquity, 1969, v. XLIII, N 172, p. 290—291.

¹⁵⁰ Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. П. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978, с. 279—283.

¹⁵¹ Деоник Д. В. Восточная Азия (Китай).— В кн.: Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978, с. 94.

¹⁵² Бронзовые изделия периода Инь-Чжоу, обнаруженные в д. Байдун, уезд Кацзо (пров. Ляонин).— КГ, 1974, № 6 (на кит. яз.); Кучера С. Китайская археология, с. 141—142.

¹⁵³ Ван Цзяю. Записки о бронзовых изделиях, найденных в Чжуванцэ, уезд Пэнсянь (пров. Сычуань).— ВУ, 1961, № 11, с. 28—30 (на кит. яз.).

¹⁵⁴ Сюй Чжуншунь. Два бронзовых сосуда чжи иньского времени, найденные в Мэйяньчжэнь, уезд Пэнсянь (пров. Сычуань).— ВУ, 1962, № 6 (на кит. яз.).

¹⁵⁵ Культурно-археологическая работа..., с. 351.

¹⁵⁶ Жун Гэн, Чжан Вэйчи. Инь-Чжоу цинтунци тунлунь. (Введение в изучение иньских и чжоуских бронзовых изделий).— Каогусюэ чжуаньшань, Пекин, 1958, вып. II, № 2, с. 35—37 (на кит. яз.); Ду Найсуи. Малый словарь..., с. 24—26.

¹⁵⁷ Бронзовые изделия эпохи Инь-Чжоу, найденные в Шаньваньцзы, уезд Кацзо (пров. Ляонин).— ВУ, 1977, № 12 (на кит. яз.).

¹⁵⁸ Культурно-археологическая работа..., с. 89—90.

¹⁵⁹ Ли Тизянь. Древние бронзовые изделия, найденные в д. Хайдаоинцзы, уезд Линсянь (пров. Жэхэ).— ВУЦ, 1955, № 8 (на кит. яз.).

¹⁶⁰ Археология Шан и Чжоу, с. 157.

¹⁶¹ Культурно-археологическая работа..., с. 104.

¹⁶² Тан Лань. Использовать надписи на бронзовых изделиях для изучения истории Западного Чжоу.— ВУ, 1976, № 6, с. 34—35 (на кит. яз.).

¹⁶³ Результаты «Фэнь Инь чжи цун» (Распределения иньской утвари).— См. Сыма Цянь. Исторические записки, с. 188. Иногда новые владельцы затирали шанскую надпись, а затем наносили свою (как на сосуде «Бо-гуй»); иногда вырезали новую надпись, не обращая внимания на прежнюю (на сосуде «Э-дин»). (Несколько вновь найденных бронзовых изделий Западного Чжоу.— ВУ, 1972, № 7, с. 9—10 (на кит. яз.)).

¹⁶⁴ В «Шан-Чжоу каогу» (с. 141—159) это различие показано недостаточно.

¹⁶⁵ Фэн Чжэнь. Об одном экземпляре..., с. 50—52.

¹⁶⁶ Ду Найсуи. Малый словарь..., с. 29, 47, 50. Появляются также новые типы сосудов — *дуй, цзянь*. (Там же, с. 30, 48; Археология Шан и Чжоу, с. 153—154).

¹⁶⁷ См.: Хуан Чжаньюэ. Сопогребения людей..., с. 160—161. Возобновление человеческих жертвоприношений в период «сражающихся царств» связано, возможно, с ведением непрерывных военных действий.

¹⁶⁸ Подробнее см.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976, с. 13—18.

СНАРЯЖЕНИЕ И ОДЕЖДА ВОИНОВ ЭПОХИ ХАНЬ

(по материалам глиняных скульптур Янцзявань)

В 1965 г. у д. Янцзявань неподалеку от г. Сяньян (пров. Шэньси) были сделаны интересные находки глиняных фигурок воинов и всадников, относящиеся к периоду Западная Хань. Всего в этом районе по подсчетам китайских археологов обнаружено около 70 захоронений, датированных различным временем. В ходе археологических работ основное внимание было сосредоточено на двух гробницах — № 4 и 5. Эти захоронения расположены рядом, в 26 м друг от друга, в направлении север — юг, причем гробница № 4 находится южнее. Примерно в 76 м на юг от нее обнаружено 11 ям, в которых были найдены глиняные фигурки конников, пеших воинов, модели колесниц¹. Эти ямы располагались двумя почти параллельными «колоннами» с севера на юг общей шириной около 20 м и длиной примерно 50 м. Каждая из «колонн» состояла из пяти хранилищ с фигурками всадников и пехотинцев (три — с конниками, два — с пешими воинами). Между ними, ближе к западной «колонне», найден чэ-ма кэн (рис. 1).

Каждую «колонну» можно разделить на две группы — северную и южную. Первую составляют два хранилища с фигурками всадников, а вторую — одно хранилище со скульптурами конни-

ков и два — с пехотинцами. К южной группе западной «колонны» и примыкает чэ-ма кэн. Вполне допустимо, что порядок расположения фигур конников и отрядов пехотинцев отражает принципы построения почетного караула при погребении высокопоставленных чинов или же реальные боевые порядки, применявшиеся в сражениях в начальный период Западной Хань. Это наглядно демонстрирует значительно возросший удельный вес кавалерийских формирований в ханскую эпоху. В это время структура армии Китая претерпевает значительные изменения. Колесничные подразделения, являвшиеся основным элементом боевых отрядов в предшествующие периоды, утрачивают свое бывшее значение. Главная роль отводится подвижной, маневренной кавалерии. В ханское время отряды конников были уже вполне самостоятельным элементом китайской армии. На китайской равнине всадники появляются примерно в конце Чуньцю — начале Чжаньго в результате участвовавших контактов с кочевыми и полукочевыми племенами лесостепной зоны Евразии, которые принесли с собой богатый опыт и знания в области коневодства, использования лошадей в военном деле. Превосходство кавалерийских подразделений над менее маневренными колесницами предопределило значительные изменения структуры китайской армии, а также тактики военных действий. Примечательно, что в знаменитом «Трактате о военном искусстве» Сунь-цзы², относящемся к периоду Чуньцю, вопросы, связанные с действиями в бою кавалерии, не получили сколько-нибудь детального рассмотрения. Но в сочинении не менее известного древнекитайского стратега У-цзы «Об искусстве ведения боя», датированном периодом Чжаньго, эти проблемы рассматриваются специально. У-цзы дает советы, как правильно ухаживать за боевым конем: «Во время длительного похода всадникам требуется много раз спешиваться: пусть лучше люди устанут, но не давайте переутомляться лошадям»³.

Столь пристальное внимание к лошадям объяснялось не только возросшим их значением для военного дела, но и недостаточной численностью конского поголовья. По сообщениям «Хань шу», в начале ханской эпохи коней было так мало, что «даже Сын Неба (император. — С.К.) не имел квадриги чистокровных лошадей, а высшие военные и гражданские чины ездили в повозках, запряженных быками»⁴.

Возросшая потребность в лошадях вынуждала ханских правителей проводить политику всемерного поощрения коневодства, предусматривавшую освобождение от ряда повинностей или снижение налога тем, кто занимался выращиванием боевых лошадей. Отбор в конные отряды был строгим: у кандидатов проверялось умение обращаться с боевым конем и ухаживать за ним, а также владеть оружием в седле. Развитие коневодства по-

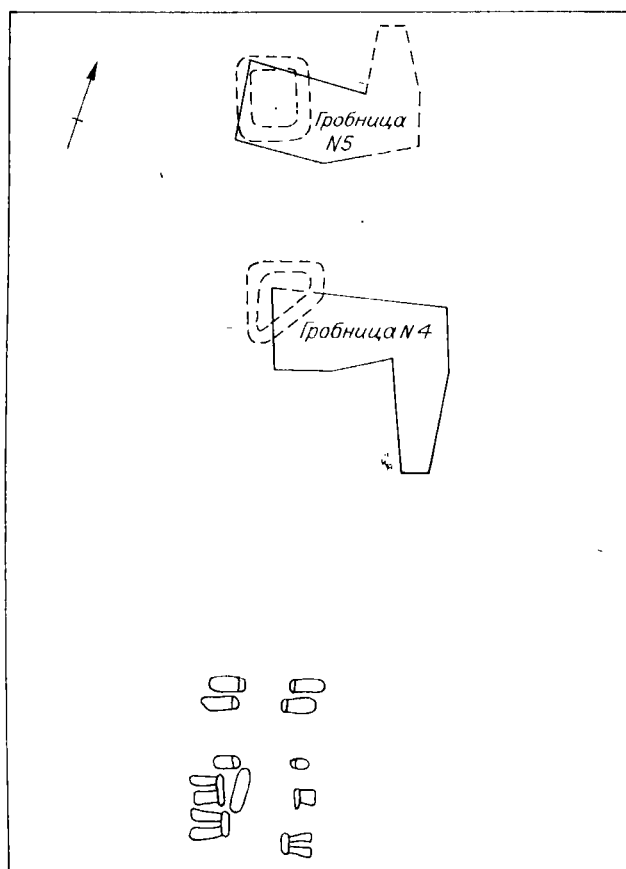

Рис. 1. Схема расположения гробниц № 4 и 5 и хранилищ с фигурками конников и пехотинцев.

звобило уже в середине II в. до н. э. значительно увеличить конское поголовье в стране. В письменных источниках, относящихся к тому периоду, имеются упоминания о сотысячных кавалерийских отрядах.

Судя по фигуркам лошадей из Янцзявань, селективная работа при выращивании боевых коней в ханьскую эпоху проводилась достаточно успешно. Скульптуры запечатлели лошадей с довольно высокой холкой, длинной шеей, поджарым туловом, сильной, хорошо развитой грудью, что вполне отвечало требованиям, предъявляемым к боевым коням. Весьма разнообразной была конская сбруя, в состав которой входили: удила, узда, поводья, чересседельник, подпруга, подъяремник, шлея, седло, чепрак. Стремена и подковы для ханьского времени не отмечены.

Примечательно, что в китайской армии были конные отряды, полностью укомплектованные выходцами из кочевых племен. Как сообщается в письменных источниках, существовал специальный термин «лоуфан», которым именовали таких перебежчиков. Причем численность их была довольно значительной, в отдельные периоды она достигала нескольких тысяч. Использование конных подразделений повлияло на тактику боевых действий. В ханьское время боевой порядок войск был примерно таким: в центре фронта находилось некоторое количество боевых экипажей, на флангах размещались пехотинцы. Кавалерия состав-

ляла как бы вторую линию нападения и в случае необходимости могла оказать поддержку, нанеся неожиданные для противника удары. К тому же подвижность конных отрядов позволяла довольно быстро менять боевое построение. Именно с помощью кавалерийских формирований видный ханьский царедворец тайвэй Чжоу Яфу во время умиротворения «смуты семи князей» при императоре Цзинди (середина II в. до н. э.) нанес поражение мятежникам.

Раскопки в Янцзявань дали богатый материал: 583 фигурки конников и 1965 скульптур пеших воинов. В шести хранилищах-ямах находились всадники, в остальных — модели повозок, колесниц и статуэтки пехотинцев⁵. Десять ям — земляные, одна облицована внутри кирпичом. Располагались они почти симметрично. Размеры ям различны: одни — около 5 м в длину и более 2 м в ширину (как правило, в них установлены фигурки пехотинцев), другие — 2,6 м в длину, 0,98 м в ширину, глубина их не превышает 1 м. Сооружались эти хранилища следующим образом: сначала выкапывалась прямоугольная яма, затем в одной из боковых стен пробивалось по одной-две ниши для статуэток всадников или пехотинцев (рис. 2, 1, 3; 3). Количество скульптур в хранилищах было неодинаковым: в некоторых — фигурки всадников расположены в четыре ряда примерно по десять в каждом (рис. 3), в других — в 11 рядов по 11 фигурок в каждом (рис. 4). Максимальное число конных статуэток, обнаруженных в одной яме, достигает 121, а минимальное — 47. Количество фигурок пехотинцев в хранилищах разное: в одних — более 300, в других — около 100.

Размеры фигурок всадников одинаковы, а лошадок — различны. Среди последних отмечены статуэтки высотой 68 см (рис. 5, 2). Они окрашены в черный, белый и красный цвета. Чепрак, узда, другие части сбруи покрыты богатым растительным орнаментом. Встречаются также фигурки лошадок высотой 50 см, окрашенные в более светлые тона, в остальном они полностью идентичны более крупным скульптуркам (рис. 5, 1). Фигурки всадников выполнены с использованием зеленой, красной, белой и коричневой красок;

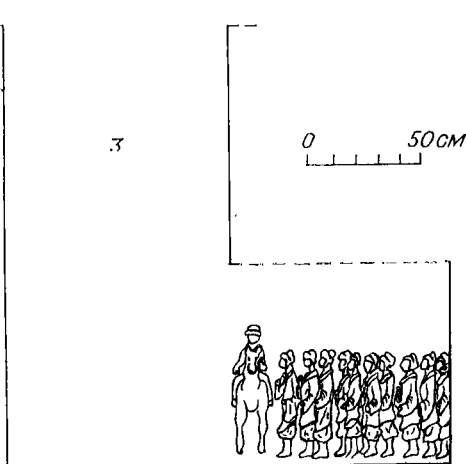
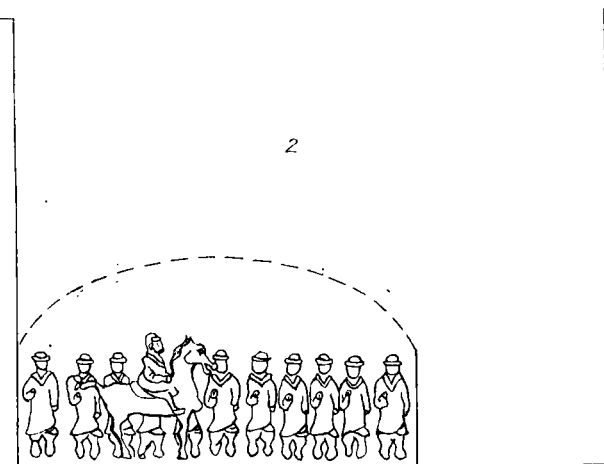
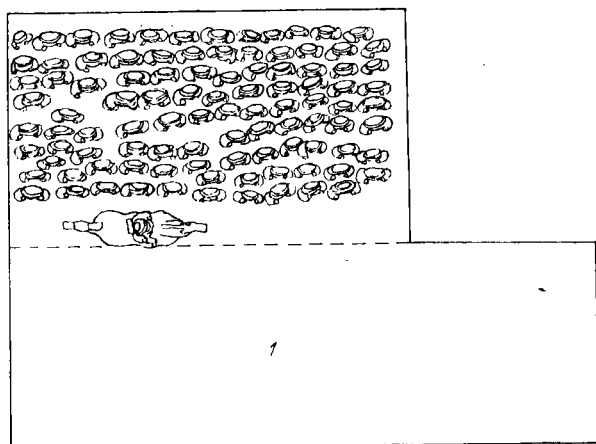

Рис. 2. Расположение фигурок пеших воинов.
1 — вид сверху, 2 — вид спереди, 3 — вид сбоку.

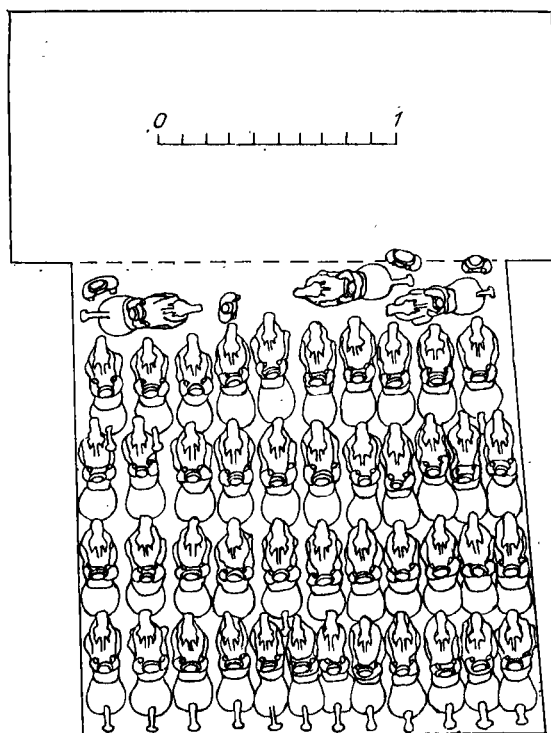

Рис. 3. Расположение фигурок всадников в малом хранилище (вид сверху).

защитный доспех окрашен черным цветом, причем пластинки панциря и их соединения выделены с помощью белой и красной красок⁶.

Обращает внимание тщательная и детальная проработка изображений. Позы людей естественны и живы. Возможно, в сравнении с глиняными скульптурами из мавзолея Цинь Шихуана погребальная пластика из Янцзявань кажется более статичной, лишенной индивидуальных характеристик. Однако было бы необоснованным отрицать ее экспрессивность и внутренний динамизм. Особенно ярко эти качества проявляются в фигурках запечатленных в различных позах лошадей. Некоторые изображены статично, другие — с задранной вверх головой, с оскаленными зубами. Успешно использованы и возможности цветового решения: сочетание тревожного красного цвета халата всадника с черным цветом лошади создает ощущение напряженности, которое усиливается контрастом белого (кант и чепрак) на темном фоне. Фигурки всадников, однако, лишены этой выразительности, позы их довольно однообразны: согнутые в локтях руки с кулаками на уровне груди как бы удерживают поводья и оружие. Одна часть всадников облачена в доспехи черного цвета, другая — в красные халаты с правым запахом. Фигурки всадников и лошадиные хвосты изготавливались отдельно, а затем соединялись с корпусов лошади.

Статуэтки пеших воинов также отличаются по размерам: некоторые из них достигают в высоту 48,5 см, другие — 44,5 см. Большая часть фигур изображает человека с поднятой до уровня ключицы правой рукой со сжатыми в кулак пальцами, левая рука, также с кулаком, опущена вдоль тела. В кулаках имеются сквозные отверстия, причем в некоторых обнаружены остатки железных прутиков. Статуэтки раскрашены зеленой,

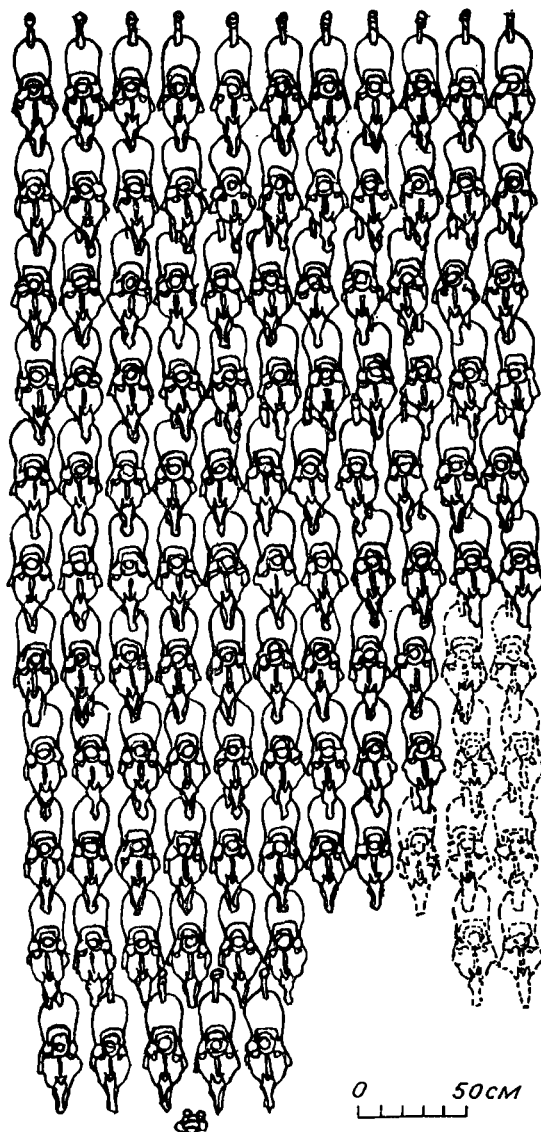

Рис. 4. Расположение фигурок всадников в большом хранилище (вид сверху).

коричневой, красной, белой и черной красками. Доспехи выполнены в черном цвете. И это неслучайно. Согласно свидетельствам письменных источников, в ханьское время существовал специальный термин *сюань цзя* (черные доспехи), которым обозначали панцири, выполненные из железных пластин почти черного цвета (во всяком случае, более темного, чем бронзовые). Поэтому вполне допустимо предположить, что подобной окраской защитных доспехов пытались передать их исходный материал. Следует отметить, что цвету в Янцзявань вообще придавалось большое значение и разнообразием цветовой гаммы погребальная пластика из Шэньси выгодно отличается от монохроматических скульптур мавзолея Цинь Шихуана.

По подсчетам Ян Хуна, около 40% всех найденных в Янцзявань фигурок облачено в панцири различного покроя, причем все они «железные»⁷. Это вполне согласуется с данными о значительном распространении железных изделий в ханьском Китае. Железо впервые отмечено в данном регионе примерно в чжоуское время. Уже в период Чжаньго известны панцири и племени, изготовлен-

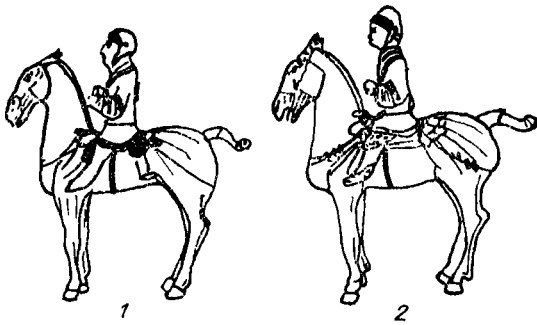

Рис. 5. Фигурки всадников из Янцзявань.

ные из железных пластин⁸, хотя тогда они еще не получили достаточного распространения. В Хань техника железоделательного производства получает значительное развитие, становится более совершенной⁹. Разнообразием отличался и ассортимент железных изделий. Развитию железоделательных промыслов способствовала и политика ханьского государства, объявившего изготовление железа своей монополией. Специальные департаменты — так называемые *те гуань* — осуществляли контроль за добычей и переработкой железной руды в стране¹⁰.

Использование железных пластин для изготовления доспехов значительно повысило их защитные свойства, поэтому постепенно они начинают вытеснять аналогичные изделия из бронзы и кожи, которые, однако, еще достаточно длительное время входили в состав военного снаряжения китайских воинов. Пандири, представленные в Янцзявань, можно разделить на три основных типа защитного вооружения. Пластинчатые пандири наиболее простой конструкции составляют первую группу (рис. 6, 2). Они представляют собой доспех, предохранявший в основном грудь, живот и спину. Передок и спинка соединялись по бокам, верхние ремни крепились на плечах. Передок состоял из трех (реже четырех) ярусов пластин прямоугольной формы. Два верхних яруса были образованы одинаковыми по размерам пластинами, число которых в каждом из ярусов было различным: в верхнем — пять-шесть, в нижнем — восемь-десять пластин. Нижний ярус состоял из восьми-десяти пластин прямоугольной формы (в длину они примерно вдвое превосходили пластины верхних ярусов). Покрой спинки и передка идентичен.

Доспехи второго типа имели более сложную конструкцию — они предохраняли также и плечи. Пандири этого типа по внешнему виду весьма напоминают доспехи, в которые были облачены воины «глиняной армии» императора Цин Шихуана. Эти доспехи напоминают безрукавку, доходившую до бедер, с вырезами по бокам внизу для обеспечения свободы движения ног. Она сочетается с оплечьями, прикрывающими верхнюю треть рук. Это также пластинчатые доспехи, но в их конструкции использованы пластины несколько меньших размеров, чем в доспехах первого типа. Передняя часть обычно состояла из четырех (реже пяти) ярусов пластин. Три верхних яруса жестко соединялись между собой, снаружи попеременно они дополнительно обвязывались веревочками. Нижний ярус, напоминающий по форме равнобедренную трапецию с широким основанием вверху, крепился подвижно, как и оплечья, состоявшие из трех рядов по пять-шесть пластин в каждом.

Третий тип доспехов представлен комбинированным пандиром: чешуйчатая рубашка-безрукавка, образованная из округлых, лепесткообразных пластинок, которые соединены таким образом, что спрямленный верхний край нижнего яруса перекрывается верхним ярусом. Этим достигалось усиление защитного слоя при сохранении гибкости доспеха. Нижняя часть, защищавшая бедра, образована из более крупных пластин почти квадратной формы, которые крепились подвижно, но не перекрывали друг друга. Для усиления с наружной стороны через отверстия в пластинах пропущены ряды вертикальных параллельных «косичек» из кожаных шнурков или конопляных веревочек. Аналогично крепилось и пластинчатое оплечье, состоявшее из четырех ярусов пластин по шесть-семь в каждом. Как правило, имелось только одно левое оплечье.

Часть фигурок была облачена, помимо доспехов, в халаты. У некоторых воинов на спине изображены колчаны для стрел (рис. 6, 1). У многих в левой руке щиты довольно больших размеров, которые по форме напоминают суженный в нижней части прямоугольник с фигурными вырезами по периметру. В Янцзявань не были обнаружены изображения шлемов, хотя этот элемент защитного вооружения известен по археологическим находкам и в Чжаньго, и в более ранние периоды. Кроме фигурок воинов были также

Рис. 6. Фигурки пеших воинов.

1 — воины в халатах с колчанами для стрел на спине, 2 — воины, облаченные в панцири первого типа, 3 — воины в одежде пешехотинца.

Рис. 7. Головные уборы воинов из Яндзявань.

1 — шапочки-ушанки с орнаментом в виде сердечка, 2 — шапочки-ушанки со стеганым козырьком, 3 — ленты-платки.

найдепы скульптурки танцоров и музыкантов.

Все фигуры изображены в головных уборах, которые можно разделить на два типа: 1) своеобразные шапочки-ушанки, закрывающие полностью уши и часть щеки. Завязывались они на подбородке (рис. 7, 2). Некоторые ушанки имеют «стеганный» козырек из нескольких валиков, прикрывающий височные и лобную части. Ушанки украшены орнаментом в виде сердечка над висками, в центре лобной части и на затылке (рис. 7, 1); 2) уборы, напоминающие головные платки (рис. 7, 3). Обхватывая паподобие ленты лоб и виски, они прикрывали волосы, забранные в пучок на затылке. Эти головные уборы краснокоричневого и черного цветов покрыты геометрическим узором. Фигурки с подобными «лентами-платками» облачены в халаты красного цвета с белым поясом. На левом плече завязана широкая черная лента, которая наискось пересекает грудь и спину. С ленты свисают белые полосы.

Основная часть фигурок изображена в башмаках, напоминающих плетенную из соломы обувь. Некоторые статуэтки запечатлели людей в сапогах с коротким голенищем, с заостренными и слегка загнутыми вверх носками. На ногах одного из воинов (возможно, командир) сапоги с высоким голенищем, украшенные сплошь разноцветным растительным узором. Все одеяние этого воина отличается некоторой торжественностью. На нем комбинированный панцирь с одним, левым, плечем. Правая рука поднята прямо вверх, пальцы, за исключением указательного, сжаты в кулак. Левая рука опущена и слегка отставлена в сторону. Высота фигурки 48,5 см.

Фигурки всадников и воинов были обнаружены в 11 хранилищах-ямах южнее могильного холма гробницы № 4, который имеет следующие размеры: высота сохранившейся части — 24 м, длина — 20, ширина — 15. Холм сильно осел, по предположениям китайских археологов, его нынешние линейные размеры составляют около четверти первоначальных. Юго-восточная оконечность холма сильно повреждена, и его конфигурация напоминает прямоугольную трапецию (см. рис. 1). Холм насыпан непосредственно над могильной камерой. Коридор гробницы расположен перпендикулярно могильной и центральной камерам. Общая протяженность коридора и обеих камер составляет около 100 м: коридор — 44 м (север — юг), камеры — примерно 50 м (запад — восток) (рис. 8). Ширина коридора у входа в гробницу — 6 м, самое широкое место гробницы 23 м. От входа коридор ведет на север с постепенным уклоном в 18,5°, затем также под уклоном поворачивает на запад и через центральную камеру ведет к могильной. Место изгиба представляет собой прямоугольную площадку размерами 6,8—7,35 × 6,5—7,6 м. Стены гробницы имеют верти-

кальные желоба, расположенные симметрично по обеим сторонам. На восточной стене расположено восемь пар желобов, на западной — семь пар. Расстояние между парами составляет примерно 5 м, глубина желобов — 0,5—1 м, высота — 9—10, ширина — 0,5—0,7 м. В верхней части вертикальные желоба пересекаются с горизонтально идущими желобами, которые имеют почти аналогичные линейные размеры. В некоторых желобах обнаружены остатки древесной золы, а в одном сохранился кусочек сапалового дерева. Возможно, эти желоба использовались для установки опорных балок. Подобные конструкции весьма напоминают перекрытия, характерные для построек Западной Хань¹¹. На стенах гробницы имеются также горизонтальные «ступени» шириной 0,5—0,7 м, идущие параллельными уступами сверху вниз. Расстояние между ними (т. е. фактически высота «ступеней») — около 3—3,5 м. Южная часть могильного коридора имеет четыре ряда подобных «ступеней», а западная — шесть рядов.

При раскопках гробницы в довольно толстом слое древесной золы найдено четыре железных кольца, возможно являвшихся принадлежностью саркофага. В южной части гробницы обнаружено более 200 нефритовых пластинок различной конфигурации, обломок железного меча длиной 9 см, несколько бронзовых пластин, половинка яшмового би (украшение в виде круга с отверстием посередине) и прочие предметы. Нефритовые пластинки имеются и в других частях гробницы: в грабительском лазе, на всей площади могильной

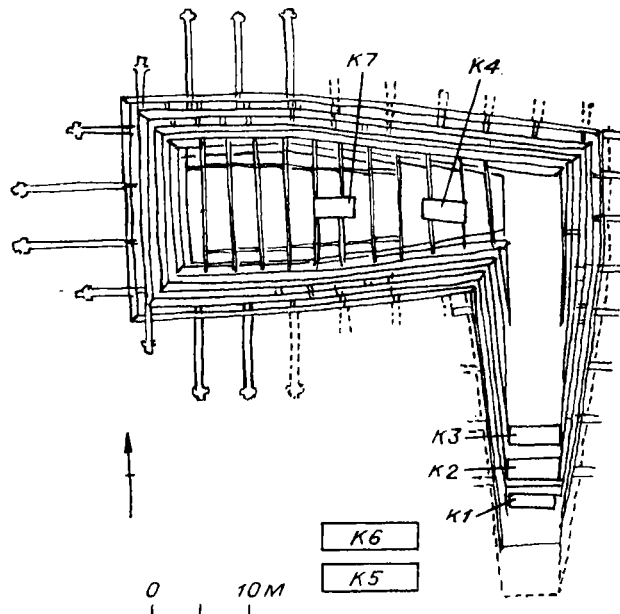

Рис. 8. План гробницы № 4 и расположение ям с погребальной утварью.

камеры. Наличие отверстий, просверленных в пластинках из нефрита, наводит на мысль, что, возможно, они были использованы для изготовления особо торжественного и почетного погребального одеяния, о котором упоминается в «Хань шу», — «нефритовая одежда, шитая золотыми нитями». Подобное «нефритовое одеяние» было найдено в могиле Лю Шэна в Маньчэне (примерно в 140 км к юго-западу от Пекина)¹² и до сих пор является уникальной находкой. В конце 50-х гг. неподалеку от Маньчэна при раскопках гробницы, приписываемой Лю Яню, обнаружено более 5 тыс. нефритовых пластинок в рассыпанном состоянии, поэтому восстановить первоначальный облик тогда не удалось, и только раскопки могилы Лю Шэна (там же, в Маньчэне) дали возможность ознакомиться с великолепно сохранившимся «нефритовым одеянием, шитым золотыми нитками». В Инцзявань это одеяние также было разрушено грабителями и не сохранилось. Найденные пластинки имеют разнообразную конфигурацию: треугольную, ромбовидную, прямоугольную и пр. Изготовлены они из нефрита очень высокого качества, по окраске различаются — имеются белые, зеленоватые, оловянные пластинки. В отверстиях одной из них сохранился фрагмент серебряной нити. Возможно, это одеяние было шито серебряными нитями.

Археологические раскопки 1970 г. выявили на площади гробницы № 4 семь ям, получивших индексацию от К1 до К7. Если 11 ям-хранилищ, обнаруженных в 1965 г., располагались вне гробницы, то новые находки в основном находились внутри ее — К1, К2 и К3 в начале могильного коридора; в месте поворота коридора на запад — К4, в центре «западной» части — К7; за пределами гробницы, примерно в 20 м к западу от входа в коридор — К5 и К6 (см. рис. 8). Ямы К1, К2, К5 и К6 выложены изнутри кирпичами, а стены остальных — деревянными брусками. В этих семи ямах обнаружены различные предметы: ритуальная утварь, модели повозок, сосуды из керамики и бронзы, фигурки лошадей, возниц и пр. Длина К7 около 7 м, ширина — 1,5 м. Стенки выложены сандаловым деревом. В яме найдены две лаковые раскрашенные модели повозок, под которыми лежали кости собаки, три лаковые шкатулки, однако их содержимое было похищено грабителями еще в древности. У западной стенки лежало блюдо с бараньими костями. Очевидно, эта яма предназначалась для хранения ритуальной утвари¹³. Предметы повседневного обихода помещались в трех ямах — К1, К2 и К3, расположенных параллельно друг другу, первая из них сильно разрушена более поздней могилкой ханьского времени. Поэтому ее содержимое значительно пострадало. Относительно неплохо сохранилась яма К2. Ее размеры 2,5 × 5 × 1,8 м. Дно и стены ямы выложены кирпичом различной окраски, поверхность покрыта геометрическим узором. Внутри найдены были пять сосудов *доу*, три блюда *пань*, прочая кухонная утварь. Аналогичные размеры имеет яма К3, однако ее стены сделаны из деревянных брусков, а пол выложен цветным узорчатым кирпичом. Крыша ямы состоит из 17 сандаловых брусков размером 24 × 28 см.

Хранилища К4, К5 и К6 являются чэ-ма кэнами.

Первое из них полностью выполнено из сандалового дерева, его размеры длина 4,7 м, ширина 2,5 м. В нем стояли две модели экипажей, запряжка обоих — тройка, что не характерно для ханьского времени. Одна из моделей относительно небольших размеров, невелика и фигурка лошади, голова которой убрана бронзовыми украшениями. Вторая повозка крупнее, диаметр колес экипажа около 80 см. Сзади повозок стоят две искусно раскрашенные фигурки людей, на поясе которых укреплены так называемые *бао цзянь* (драгоценные мечи). Руки со сжатыми в кулак пальцами находятся на уровне груди. Лошадки окрашены в красный цвет, их тела богато инкрустированы бронзовыми бляшками полусферической формы и украшены кисточкообразными узорами. В ряде описаний убранства лошадей в ханьское время говорится об украшениях-кисточках, которые делались из хвостов тибетского яка и высоко цепились. Обращает на себя внимание, что у одной из фигурок лошадей голова отделена от тулова.

Интересные находки дали два других чэ-ма кэна — К5 и К6, расположенные вне могилы. Стенки их выложены цветным узорчатым кирпичом, внутри, вплотную к стенам, установлен ящик из сандалового дерева. На крышке ящика лежал слой кирпичей, покрытый утрамбованной землей. Длина К5 9,7 м, ширина 1,85, глубина 1,4 м. В нем находилось пять моделей повозок, запряженных лошадьми. К сожалению, они сильно пострадали, поскольку прогнившая крыша не выдержала веса кирпичей и рухнула. Лучшей сохранностью отмечается повозка № 1: экипаж с дышлом, запряжка — квадрига. И то и другое более привычно для предшествующих периодов, но не для ханьского времени¹⁴. Предполагаемая первоначальная длина дышла — около 1 м, передний конец его был окрашен в красный цвет, остальная часть — в коричневый. Сохранилась перекладина *хэн* красного цвета. Длина ее 43 см. Средняя часть *хэн* имеет утолщение. Длина оси около 1 м, диаметр колес — 2,5 см, концы окрашены в красный цвет, а сама ось — в коричневый. Диаметр колес экипажа — 65 см, в каждом колесе по 24 спицы. Кузов экипажа сделан из досок, расписанных растительным орнаментом и покрытых лаком. В передней части кузова укреплен поперечный поручень длиной 76 и шириной 7 см. Высота вертикальных стоек на передке экипажа примерно 15 см, а с боков и на задней площадке — 25 см. Кузов прямоугольной формы (40 × 76 см) крепился длинной стороной параллельно осевой линии. Сзади, с правой стороны, в ограждении кузова имеется проход для посадки. Всего в этом чэ-ма кэне было найдено 187 предметов, относящихся к конской сбуре, военному снаряжению и декоративным деталям повозки.

По сравнению с К5 чэ-ма кэп К6 несколько больших размеров: длина 9,5 м, ширина 3,6, глубина 1,3—1,55 м. Здесь было найдено восемь моделей экипажей, установленных в два ряда. Каждый ряд делился на две группы по два экипажа в каждой. Модели различаются между собой по конструкции и способам запряжки: четыре экипажа имеют зонт *хуа-гай*, у четырех экипажей запряжка — квадрига, у двух — бига. Наиболее распространенный, легкий, прогулочный, экипаж хань-

ского времени запечатлен в модели № 8. Он имеет зонт *хуа-гай*, нижний конец древка которого украшен бронзовыми кисточками, диаметр древка — 3 см. Оглобли с изогнутыми вверх передними концами окрашены в коричневый цвет. Длина их 110 см. Передние концы в сечении круглые, а в месте крепления к кузову несколько сплюснуты. Сохранилась перекладина *хэн* длиной 70 см. Средняя ее часть, красного цвета, имеет утолщение. Ось экипажа в длину достигает 1 м, ее диаметр — 3 см, покрыта красной краской. Диаметр колес — 65 см, в каждом колесе по 20 спиц, крепившихся в довольно длинной (14 см) втулке, окрашенной в красно-коричневый цвет. Втулка выполнена в форме бамбукового колена. В кузове экипажа находится фигурка человека, облаченного в белый халат, в руках у него «драгоценный меч». Повозку сопровождают два воина, вооруженные клевцами *цзи* и арбалетами. Корпус повозки расписан растительным орнаментом и покрыт лаком. Кузов прямоугольной формы (30 × 70 см) крепился длинной стороной параллельно осевой линии. Ограждение выполнено из досок, в нем имеется сзади посадочный проход шириной 44 см. Высота вертикальных стоек на передке 25 см, боковых и задних — 30 см. Поперечный поручень довольно высокий — 70 см, ширина — 10 см. На боковых ограждениях над ободом колеса крепились своеобразные «перила» длиной 36 см и шириной 10 см. На левой стороне, снаружи, находился колчан с пятью накопечниками длиной 3,5 см, диаметр втулки 0,5 см. На то, что это модель боевого экипажа, указывает и наличие воинов, и военное снаряжение, и некоторые конструктивные особенности — довольно высокий поперечный поручень, приспособленный для езды стоя. находка этой модели свидетельствует о том, что в ханьское время колесницы продолжали паходить применение в воинских действиях. Процесс их замены на конные формирования был постепенным, потребовавшим довольно длительного периода. Всего в этом чэ-ма кэне было найдено 467 предметов из бронзы, кости, железа и пр.

В 26 м к северу от гробницы № 4 находится могила № 5, которая также была ограблена в древности. Площадь подошвы могильного холма составляет около 400 м² (см. рис 1; 9, 1). Раскопки этой могилы проведены не полностью. Вскрыта могильная камера, в которой обнаружены гроб и саркофаг. Уклон стен раскопа довольно велик — 55°, глубина от поверхности до дна могильной камеры — 17,25 м (рис. 9, 2). Саркофаг сделан из сандалового дерева, на его крышке обнаружены два слоя лакированной кожи: верхний — черный, нижний — красный. На поверхности верхнего слоя найдены остатки тканой материи с росписью, возможно, что это — аналог знаменитого маваньдуйского «стяга».

Следует отметить, что эта гробница отличается обилием паходок изделий из нефрита. Обнаружены украшения *хуан*, несколько поврежденных *би*, большое количество нефритовых пластинок, возможно, входивших в состав погребального одеяния. Не исключено, что грабителями была разрушена «нефритовая одежда», аналогичная маньчжунской находке (как и в гробнице № 4). В этой гробнице найдено было значительное количество

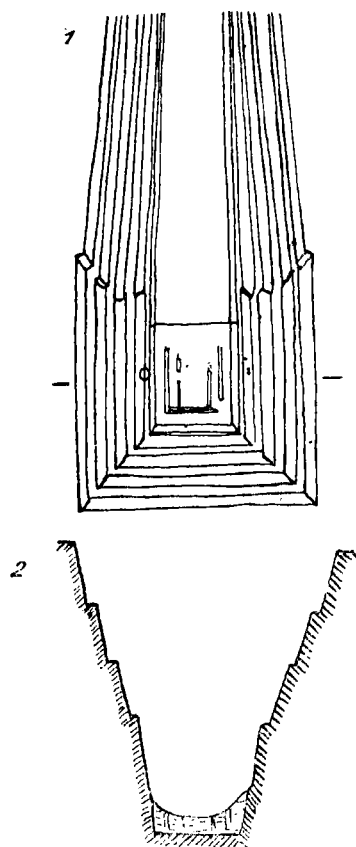

Рис. 9. План (1) и разрез раскопа (2) могильной камеры гробницы № 5.

монет *сычжу баньян*, что позволило датировать ее пачальным периодом Западной Хань.

Обе эти гробницы обнаружены в 4 км к востоку от погребения ханьского императора Гао-цзу (206—195 гг. до н. э.). Примерно на таком же расстоянии восточнее их расположено захоронение другого ханьского императора — Цзинди (156—141 гг. до н. э.). Возможно, подобное местонахождение гробниц № 4 и 5 неслучайно и объясняется высоким положением, которое занимали при жизни захороненные в них вельможи. Предполагают, что ими могли быть Чжоу Бо и Чжоу Яфу — отец и сын¹⁵. Отец — Чжоу Бо — был одним из крупнейших сановников при Гао-цзу, служил и при последующих императорах, одно время возглавлял военное ведомство. Чжоу Яфу также занимал высокие посты при дворе ханьских императоров: в правлении Цзинди он, как и его отец, стоял во главе военного ведомства, был первым советником императора. Умер Чжоу Яфу в 143 г. до н. э.¹⁶ В «Ханьшу», в частности, упоминается, что в его могиле было захоронено более 500 доспехов и щитов. Это сообщение вызывает определенные аналогии с находками в Янцзявань. Разумеется, этого недостаточно, чтобы утверждать о принадлежности двух гробниц этим ханьским сановникам (хотя местность, где обнаружены могилы № 4 и 5, в древности входила в состав родового владения Чжоу), но, во всяком случае, данные письменного источника о существовании в Хань обычая захоронения военного снаряжения с покойным подтверждаются археологическими находками.

Раскопки этих двух гробниц предоставили об-

ширный материал для изучения духовной и материальной культуры древнего Китая, дающий возможность значительно расширить современные представления о религиозных и мифологических верованиях того периода, о принципах построения

боевых порядков и позволяющий с достаточной определенностью судить о конструктивных особенностях военного снаряжения. Находки в Янцзявань наглядно показали ценность погребальной пластики для исследования отмеченных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хэ Ханьнань. Большая группа расписных глиняных фигур периода Западная Хань, обнаруженная в Янцзявань близ г. Сяньян (пров. Шэньси).— ВУ, 1966, № 3, с. 1—5 (на кит. яз.).

² Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве/Пер. и исследование Н. И. Коврада. М.—Л., 1950.

³ У-цзы. Об искусстве ведения войны/Пер. и примеч. подполковника Е. И. Сидоренко. М., 1957, с. 29.

⁴ Чжан Ли, Чжоу Шицзюй. О глиняных фигурках всадников и воинов из ханьской могилы в Янцзявань.— ВУ, 1977, № 10, с. 23 (на кит. яз.).

⁵ Хэ Ханьнань. Большая группа..., с. 1.

⁶ См. фронтиспис журнала «Вэнь», 1966, № 3.

⁷ Ян Хун. Чжунго гу бинци лушунь. (Сборник статей о древнекитайском вооружении). Пекин, 1980, с. 19 (на кит. яз.).

⁸ Доклад об изучении и опыте работ в уезде Исянь (пров. Хэбэй).— КГСБ, 1965, № 1 (на кит. яз.); Ян Хун. Сборник статей..., с. 12—14.

⁹ Техника выплавки железа и стали в Хань в период Хань.— КГСБ, 1978, № 1, с. 1—13; Ван Кай. Стальной меч из Сюйчжоу (пров. Цзянсу), относящийся ко 2-му году правления Цзянь-чу периода Восточной Хань.— КГ, 1962, № 2 (на кит. яз.); Гао Линьшэн. К вопросу о выплавке железа в ранние периоды истории Китая.—

Там же (на кит. яз.); Ван Чжуншу. Краткий очерк материальной культуры эпохи Хань.— КГТС, 1956, № 1 (на кит. яз.); Техника выплавки железа в эпохи Цинь и Хань и борьба конфуцианцев и легистов.— КГ, 1974, № 4 и др. (на кит. яз.).

¹⁰ Синь Чжунго ды каогу шухо. (Успехи археологии нового Китая). Пекин, 1961, с. 78—79 (на кит. яз.); Ван Чжуншу. Краткий очерк..., с. 62 (на кит. яз.).

¹¹ Ши Гуанбань, Ма Цзяньси и др. Краткий отчет о раскопках ханьской гробницы в Янцзявань близ г. Сяньян.— ВУ, 1977, № 10, с. 11 (на кит. яз.).

¹² Маньчэн Хань му фацзюэ баогао. (Отчет о раскопках гробниц ханьской эпохи в Маньчэне). т. 1. Пекин, 1980, с. 344—357 (на кит. яз.).

¹³ Ши Гуанбань, Ма Цзяньси и др. Краткий отчет..., с. 13.

¹⁴ См.: Кожанов С. Т. Колесный транспорт эпохи Хань.— В кн.: Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984.

¹⁵ Биография Чжоу Бо помещена в «Хань шу», цз. 40, с. 460, а жизнеописание Чжоу Яфу — в «Ши цзи», цз. 57, с. 174 и в «Хань шу», цз. 40, с. 461 (пумерации страниц дана по кайминскому изданию «Эрши у ши»).

¹⁶ Хань шу, цз. 40, с. 461.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВУ	— «Вэнь у», ж.
ВУЦЦ	— «Вэнь у данькао цзыляо», ж.
КГ	— «Каогу», ж.
КГСБ	— «Каогу сюэбао», ж.
КГТС	— «Каогу тунсюнь», ж.
МИА	— Материалы Института археологии АН СССР
СА	— «Советская археология», ж.
СЭ	— «Советская этнография», ж.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
В. Е. Ларичев. Новые материалы по нижнему палеолиту Китая	10
Чжан Яцин. Неолитическая керамика бассейна среднего течения Янцзы	41
В. В. Евсюков. Космогония китайского неолита по изображениям на керамике культуры яншао	56
С. А. Комиссаров. Археология Западного Чжоу — 1027—770 гг. до н. э. (по материалам исследований 70-х гг.)	86
С. Т. Кожанов. Снаряжение и одежда воинов эпохи Хань (по материалам глиняных скульптур Янцзявань)	112
Список сокращений	119

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ. ПАЛЕОЛИТ, НЕОЛИТ И ЭПОХА МЕТАЛЛА

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства Н. М. Анджиевская
Художественный редактор Е. Ф. Гришин
Технический редактор Л. П. Минеева
Корректоры Л. Л. Михайлова, Г. Д. Смоляк

ИБ № 23802

Сдано в набор 18.04.84. Подписано к печати 10.12.84. МН-01059. Формат 60×84¹/₈. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14. Усл. кр.-отт. 14,9. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 2100 экз. Заказ № 162. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

Цена 1 р. 80 к.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
320093 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 **Казань**, ул. Достоевского, 53;
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2;
252142 **Киев**, проспект Вернадского, 79;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск**, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 **Красноярск**, проспект Мира, 84;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 **Ленинград**, Литейный проспект, 57;
199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
196034 **Ленинград**, В/О, 9 линия, 16;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 19а;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142284 **Протвино**, Московской обл., «Академкнига»;
142292 **Пушино**, Московской обл., МР, «В», 1;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;
720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

